
*Мы на земле,
где вы живете...*

ЗЕМЛЯКИ

*Нижегородский альманах
Выпуск тридцать шестой (№ 1, 2024)*

«КНИГИ»
Нижний Новгород
2024

УДК 821.161.1(082)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

353

Главный редактор *О.А. Рябов*

Шеф-редактор *А.И. Иудин*

Составители *А.И. Иудин, О.А. Рябов*

Общественная редколлегия:

*В.Н. Безденежных, Н.А. Бенедиктов, С.А. Горин,
Е.Н. Крюкова, З. Прилепин, В.И. Седов, Г.В. Щеглов,
Е.Р. Эрастов*

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя: 603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги». Тел. (831) 412-16-04

E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

353 Земляки. Нижегородский альманах. Выпуск тридцать шестой
(№ 1, 2024). Составители: А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний
Новгород: издательство «Книги», 2024. – 480 с.

В очередном выпуске альманаха наряду с новыми работами известных
писателей представлены тексты молодых авторов России и зарубежья.

На страницах сборника читатель также найдет материалы, связанные
с наследием известных литераторов прошлого, мемуары, путевые заметки,
ироническую поэзию и прозу, а также произведения для семейного
чтения.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижего-
родской области.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246

© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2024

© Издательство «Книги», 2024

ISBN 978-5-94706-281-6

СОДЕРЖАНИЕ

Нижегородский почерк

Владимир РОМАНОВ	
ПОПУТЧИЦА	6
Андрей ГОРЬКОВЧАНИН	
ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК	18
Андрей ЗЮЗИН	
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ	23
Светлана ГОРЕВА	
РОДНАЯ КРОВЬ	48
ИНОХОДЕЦ	62
Протоиерей Михаил РЕЗИН	
В ЗЕЛЕНЕЮЩЕМ МАЕ	65
Антон ЛУКИН	
ДЕД САША	70
Марина КРЫЛАТОВА	
БАБА ВЕРА	78
БАБУШКИНА МОЛИТВА	80
Павел КЛИМЕШОВ	
ТЕНЬ НАДЕЖДЫ	82
Марина ГОРЕВА	
ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ У ДОМА № 45	89
ПОЕЗДКА ЗА СЧАСТЬЕМ	98
Владимир ЛЕБЕДЕВ	
НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ	106

Лирический портрет

Диана КАН	
А, СОБСТВЕННО, НАМ И ОТВЕТА НЕ НАДО...	118
Николай СИМОНОВ	
ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ (1969–1971)	124
Валерия САЛТАНОВА	
...И СЛОВОМ СТАЛА, И СЛЕЗОЙ	130
Борис СЕЛЕЗНЁВ	
НЕБО, ДОРОГА... ХРИСТОС...	135

Из свежей прозы

Эвелина АЗАЕВА	
ПЫЛЕСОС	139
ВСЕМ ДОЛЖЕН	151
Владимир КУЗИН	
ЗАБЫВАНИЕ ВЕТРА	167
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	171
Игорь МАЛЫШЕВ	
В ПУТИ.	176
Дмитрий ОВЧИННИКОВ	
БЛАГОЕ ДЕЛО	185

Роман РАЗЖИВИН	
А ЧТО БЫ ТЫ ВЫБРАЛ?	195
Елена ДАНЧЕНКО	
ДВА ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЯ	207
Андрей ПУЧКОВ	
РАНЕТКИ	217
Степан РАТНИКОВ	
В ПУЧИНЕ СОМНЕНИЙ	226
Елена АЛЬМАЛИБРЕ	
ГОРЬКОЕ МОЛОКО	236
Сергей ЗЕЛЬДИН	
РАЗГОВОРЫ У НОЧНОГО КИОСКА	239
Илья ЧЕСНОКОВ	
ЗАЙКАНИЕ	242

Лирический портрет

Евгений КУХТИН	
ИЗБЕГАЯ ВСЕМИРНОГО ТЛЕНЬЯ...	252
Александр ЛОШКАРЕВ	
ЭТО ВЕЧНОСТЬ СТОИТ НАД РОССИЕЙ...	255
Валентина КОРОСТЕЛЁВА	
НЕТ, ВРЕМЯ ПАМЯТИ НЕ ВЫШЛО!..	260

Из будущих книг

Владимир СЕДОВ	
«РУССКИЙ КЛУБ». Фрагмент романа.	263
Виктор КАРПЕНКО	
МИШКА И ЕГО ДРУЗЬЯ. Фрагмент повести	280

Стихи по кругу

Элина ЧЕРНЕВА	290
Олеся РЬЯНОВА	291
Александра КОРЖОВА	292
Виктория БЕЛЯЕВА	292
Алена БАИКИНА	293
Галина МИРОНОВА	294
Петр РОДИН	296
Ксения КРУТИНА	297
Екатерина МОТЫЖЕНКОВА	299
Ксения МОТЫЖЕНКОВА	299

Публицистика

Владимир КРУПИН	
РУССКИЙ СТИЛЬ	300
Павел ПУШКАРЁВ	
ВОДА ПОМНИТ ВСЁ... По следам творческой поездки на озеро Светлояр	304

Вехи памяти

Валерия БЕЛОНОГОВА	
«СТАРЦА ВЕЛИКОГО ТЕНЬ ЧУЮ СМУЩЕННОЙ ДУШОЙ»:	308
Филологический урок для археологов и поэтов	
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА	
«СКОРО, СКОРО УДОСТОЕН	317
БУДЕШЬ ЦАРСТВИЯ НЕБЕС...»	
Юрий ДЕМИН	
«ТАМ ВЕТРУ В ДАР, НА ТЕМНУ ЕЛЬ	324
ПОВЕСИЛ ЗВОНКУЮ СВИРЕЛЬ...»	
Людмила КАЛИНИНА	
КАЗАРИНОВСКОЕ ЧУДО.	342
Вениамин ХАНОВ	
ОН УЧИЛ ОТДЕЛЯТЬ ЗЕРНА ОТ ПЛЕВЕЛ	347

Далекое — близкое

Людмила ТОБОЛЬСКАЯ	
ДЕТСТВО	369
Александр ЛУШИН	
НИЖЕГОРОДСКИЙ МОНМАРТР	378
Алексей ФУНТ	
ПЕСЧАНЫЕ КАРЬЕРЫ	380
Павел ТИХОНОВ	
РУССКИЕ В ВЕНЕЦИИ	384

Русский смех

Алексей НАУМОВ	
СТЕПАНЫЧ	388
Олег ЗАХАРОВ	
ПАРОДИИ	409
<i>ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ</i>	
Андрей НОВИКОВ	413
Андрей ДЕМЕНЮК	415
Эдуард КУЗНЕЦОВ	
КЛАССИКИ НА КОНЧИКЕ ПЕРА	419

Семейное чтение

Светлана ГОРЕВА	
WHO IS MISTER PUSHKIN?	437
ВОПРЕКИ СУЕВЕРИЯМ	440
Марина СОЛОВЬЕВА	
ЧЕМПИОН.	452
Александр АНГЕЛ	
МИНИАТЮРЫ	473

Нижегородский почерк

Владимир РОМАНОВ

Арзамас

ПОПУТЧИЦА

1

Легкая, гибкая, стройная, она быстро прошла по вагону, уступая дорогу встречным пассажирам. Через правое плечо висела спортивная сумка, отчего спина ее несколько изогнулась. Посмотрев по сторонам, она нашла свое место, присела на сиденье, обтянутое синим дерматином, задвинула ногой сумку под себя, поздоровалась со мной, назвалась Леной и снова заторопилась к выходу. Оторвавшись от журнала, я посмотрел на нее поверх очков, проводил взглядом. Выходя вместе со всеми из вагона, я почувствовал, как ноги мои затекли от долгого сидения. День близился к завершению, жара наконец отступала. От бетона платформы чувствовалось тепло, как от остывающей сковороды. Высокие тополя от легкого дуновения ветра покачивались; листва на них тревожно вздрагивала. «К перемене погоды, – подумал я, – к смене настроения».

Прогуливаясь туда-сюда, я снова увидел Лену. Сидя на скамейке, она ела мороженое и разговаривала по телефону, покачивая ногой, как ребенок. На соседний путь прибыл второй поезд, который двигался в обратном направлении – с юга. Между двумя поездами стало шумно, многолюд-

но, из динамика заиграла музыка. Остановка в двадцать минут оказалась большим подарком для притомившихся без движения пассажиров. Люди с загорелыми и бледными лицами перемешались в общей толпе, словно в резервацию к индейцам приехали европейцы. При ходьбе ноги наконец-то стали слушаться. Я почувствовал, как по ним побежала кровь наверх, к позвоночнику. Дышалось легко – полной грудью.

Незаметно толпа стала редеть, а потом и вовсе растворилась, еще до того, как приятным женским голосом было объявлено о посадке. Зашипев белым паром, поезд плавно тронулся. Я остался стоять в тамбуре, наблюдая, как красный диск солнца завалился за край высокой насыпи щебенки, потом выскочил с другой стороны и бежал за мной следом, попеременно прячась за деревьями и домами. Через стекло двери было хорошо видно Лену: она сидела ко мне спиной. На макушке ее головы волосы были прихвачены резинкой. Они наполовину закрывали узкую спину, и оттого, что ее локти упирались в стол, плечи остро приподнимались, а сквозь красного цвета майку выступали лопатки. Она листала мой журнал. Когда я подошел и сел напротив, она, улыбнувшись, отложила журнал в сторону. Ее большие ясные глаза почти не моргали, тонкие губы неуловимо подергивались, все движения были плавными и неторопливыми. При поворотах головы волосы вспархивали вдоль плеч легкой метелкой. Каблуки на туфлях значительно удлиняли ноги, которые она не знала, куда деть.

Мы сидели молча и смотрели в окно, за ним сквозь наступающие сумерки уходящего дня мелькали унылые пейзажи с небольшими деревнями, болотами, полуживыми деревьями, изнемогающими от зноя.

– Может быть, чаю? – спросил я, чтобы начать диалог.

– Да, хорошо бы! Пойду сначала переоденусь.

В тапочках Лена оказалась значительно ниже ростом. Когда она убирала рукой с бровей челку, открывались ее большие глаза; они казались карими или зелеными – трудно было понять при тусклом освещении, но мимика лица не менялась при разговоре или когда приходилось молчать. Девушка была ровесницей или немногим старше

моей дочери Вероники. У них было много общего: возраст, фигура, манера общаться. Они даже сидят одинаково: выгнувшись в пояснице, скрестив ноги на коленях, нервно покачивая стопой. Предполагаю, что о многих вещах и думают примерно одинаково. Я всегда был в замешательстве от ответов дочери на мои вопросы. Новое поколение, новый взгляд на мир. Что у нее в голове – трудно понять.

Мы пили чай.

– Вы очень похожи на моего отца, – сказала Лена, – только он выше ростом и волос на голове больше.

– Ничего удивительного нет, мы все на кого-то похожи, – засмутился я и почувствовал, что краснею. – Давайте знакомиться – Николай Сергеевич!

– Лена! – ответила она. – Да вы уже знаете.

При пожатии я почувствовал тепло ее ладони, мягкость и бархатистость кожи.

– Лена, я, пожалуй, выпью коньячку, если вы не возражаете?

Я достал бутылку из глубины большой сумки. Спиртные напитки действовали на меня определенным образом: после принятия коих прояснялся ум и хотелось говорить.

– Куда вы едете, Леночка, зачем? Вы уж простите меня за навязчивость. Интересно.

– Я еду в Ростов. Там служит парень, с которым мы плохо расстались. Вот еду, не зная зачем, что буду говорить – не знаю.

– Мне кажется, вам нужно воспользоваться услугами связи, или, как там у вас говорят, – интернетом?

– Он трубку не берет. Я в замешательстве. Может случиться такое, что я потопчусь около ворот, потом поеду обратно.

– Не паникуйте раньше времени. Потом, опять же ваше присутствие лично многое меняет. Это – не нажать кнопку телефона, тут другое – нужно вложиться, затратить силы душевные и физические. Понимаете?

Лена машинально кивнула головой, хотя при этом сосредоточенно думала о своем. Глядя на нее, я опять мысленно перекинулся на Веронику. За последнее время она повзрела, незаметно, вдруг, выросла, жесты и поведение

стали другими. Тайны, которыми делилась три года назад, теперь держит при себе. Все чаще можно было поймать грустную улыбку на её лице и отстраненный блуждающий взгляд, направленный вдаль. Особенно последний год выделялся загадочным молчанием. В эти моменты я терялся, не зная, о чем говорить, как себя вести. Ее недавняя болезнь гриппом, с тяжелым осложнением и продолжительным лечением в больнице, так напугала нас с женой, что заставили вновь пережить те приступы необъятной любви к ней, немного подзабытые в суматохе дней.

– И что же, – вновь заговорил я, – он недавно, должно быть, служит?

– Около трех месяцев. – Лена достала из сумочки влажную салфетку, протерла ею свое лицо и шею; кожа на щеках покрылась капельками, словно утренней росой. – Вы, наверное, тоже служили?

– Да, служил под Питером, он еще тогда Ленинградом назывался. Как будто вчера все было. Был и я когда-то молодым и красивым: мечтал, строил планы, много чего вынашивал в голове, откладывал на потом. Между тем время бежит, моя голова лысая стала, дочь выросла. – Я еще налил коньяку и выпил. – Да нет, ты не думай: все хорошо, только какое-то томление в душе.

– Жалеете о чем-то?

– Ошибок много сделал.

– Их нужно забыть и жить дальше.

– Я бы рад, но они часто спать не дают. Царапают душу, царапают острыми когтями.

– Тогда вам нужно сходить на исповедь к батюшке – освободиться. – Она посмотрела на меня своими ясными, не моргающими глазами и совсем просто, по-девичьи наивно, сказала. – Можете мне все рассказать, я выслушаю.

От ее предложения я растерялся. Чего давно боялся, опять накрыло меня. Думал, пройдет время – все затуманится, потихонечку сотрется. Оно так и было, но только на время. Возвращалось все в тот момент, когда было хорошо на душе и на сердце. Ни с того ни с сего вдруг опять набегит, перед глазами встанет так ясно, как будто вчера все было: мороз, зима, позорное бегство. «Может быть, сегодня

все рассказать этой доверчивой девчонке? Да, сегодня или никогда. Что это я так волнуюсь, как перед экзаменом? Подбородок дрожит. Расскажу, а с завтрашнего дня никогда ее не увижу. Да, сегодня или никогда».

Посидели немного молча. За окном совсем потемнело, мелькали одни силуэты деревьев, и лишь редкие тусклые фонари, словно невзначай, проливали свой свет на старые дома, шлагбаумы переездов, забытые полустанки.

– Расскажите, что-нибудь из службы в армии. У вас были какие истории? – спросила Лена. – Я же вижу, вам хочется поговорить.

– Что? Ах да, армия! Конечно, конечно... У каждого что-то бывает. У меня тоже.

2

– Так вот, служил я, как ты знаешь, под Ленинградом. Места там, я тебе сразу скажу, сыроватые, с влажными ветрами и постоянным морозящим дождем. Но та зима выдалась морозная, и снег под ногами приятно хрустел. Подняли нас по тревоге ночью в два часа. Стоим на плацу, уставившись на нашего генерала.

– Сыны мои! – сказал он. – Потерялся мальчик десяти лет, Витя Берестов, его видели последний раз вечером в лесу на горке. Его нужно непременно найти живым, слышите – живым! Не будем терять время. С богом!

Окончательно проснувшись, солдаты направились в темноту леса. Проваливаясь лыжами на рыхлом снегу, они шли медленно, задыхаясь от движения. Их одиночные фонари запестрели между деревьев. Имея хорошую лыжную подготовку и зная местный лес, я укатил вперед по лыжне. Весь лес был в темно-синих красках. На открытых местах снег, переливаясь, искрился, заставляя меня каждый раз вздрагивать от бегущих за мной серых теней деревьев. Полная луна, словно яркий фонарь, освещала путь. Если я скажу, что мне было все нипочем и не было страха, то это будет неправдой – конечно, он был. Но стоило немного пообвыкнуть в лесу, как страх исчез. Было одно желание – найти Витьку; оно заставляло бежать вперед, не жалея сил.

И что вы думаете, Леночка, – я его нашел. Он лежал под елкой. Над ним висела огромная мохнатая ветка, которая с трудом удерживала охапку белого снега. Под его головой лежали лыжи, ноги были подтянуты к животу, руки засунуты в карманы куртки. Что можно сказать про эти минуты? Ничего. Этот отрезок времени словно вылетел из моей головы. Очнулся я идущим по колено в снегу, без лыж. Витька был у меня на руках. Шел, вероятно, долго, неизвестно куда, не совсем понимая, где я, что делаю. Когда усталость достигла критической точки, услышал лай собаки. Это был Грэй. Она была любимым существом всей нашей части. Чуть позже послышались голоса солдат.

На этом месте я надолго замолчал, вглядываясь в темноту за окном. Знакомое чувство тревоги подкрадывалось издалека и проникало куда-то внутрь груди и начинало ее сжимать: воздуха не хватало. Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, я глубоко вздохнул, затем провел рукой по груди в области сердца. Сделал это осторожно, чтобы не заметила девушка.

– Что это вы замолчали? Рассказывайте дальше.

Голос Лены заставил меня вздрогнуть и оторваться от своих дум.

– Дальше мы будем спать. У вас глаза слипаются: поздно уже.

– И все же? – не унималась она.

– Мне оставалось служить девять месяцев. За это время ничего не произошло. Витька Берестов пролежал в госпитале с обморожением – все обошлось.

– Хорошо, что жив остался, – она посмотрела на меня таким взглядом, в котором читалось что-то одновременно между уважением и восхищением. – Надо же, какой случай! Такое бывает только в кино.

Утомленные от жары, пассажиры спали. Пожелав другу спокойной ночи, мы тоже легли. На меня нахлынули воспоминания давно минувших дней. В который раз, возвращаясь мыслями туда, я переживаю свое малодушие и трусость; мне до сих пор стыдно перед самим собой.

На самом деле все было иначе – Витька замерз. Я это почувствовал сразу, как только дотронулся до него рукой.

Страх перед мертвым мальчишкой, одиночеством в лесу так подействовали на меня, что, прежде чем взять его на руки, я долго сидел рядом. Нес его долго, или просто так казалось: падал, вставал, снова шел. Через определенное время стал осознавать, что силы на исходе, измотан до предела, думаю об отдыхе, о ноге, которую подвернул, о том, что сбился с пути, иду неизвестно куда и удастся ли выбраться. Мысли сводили с ума, создавали панику. Наконец я упал в снег от усталости. Витька лежал рядом. Может, это была совсем не усталость, а мое малодушие – кто ж теперь знает? Лежа на спине, я хорошо видел луну: она застыла между деревьями и заглядывала в лицо: круглая как шар, холодная как снег, безмолвная как пустыня. Единственное желание жило во мне – лежать и не двигаться.

Возможно, я бы тоже замерз. Холод уже сковывал руки и ноги, пробирался внутрь тела. И вот перед тем, как мои глаза были готовы сомкнуться и погрузиться в сон, вдруг услышал что-то похожее на хруст веток и шум падающего снега. Приподняв голову, я увидел три точки движущиеся в мою сторону. Когда они оказались на открытом месте, стало видно, как три волка продвигались прыжками, проваливаясь в рыхлом снегу. По мере их приближения все четче доносилось резкое дыхание, а глазам стали доступны их устрашающие очертания. Похоже, что волки были молодыми и сильными: их раскрытые пасти обнажали белые клыки, под темной шерстью выступали сильные мышцы. Только потом я догадался, что волки бежали от вспышек ракетниц и криков солдат. Они промчались мимо совсем рядом, повергнув меня в шоковое состояние. Едва оправившись, я увидел четвертого волка. Он сильно отстал. У него не было той силы в прыжках, но он старался из последних сил. Бежал не от опасности, которая была за спиной, а чтобы не отстать – одному без стаи не выжить. Старость приходит ко всем. У них все как у людей, только выражено более жестоко и безнадежно.

Когда звери скрылись, я ждал еще чего-то неожиданного, но, кроме тишины и скрипа деревьев, ничего не услышал. В эти мгновения зародилась мысль, о которой жалею

всю оставшуюся жизнь. Тогда она казалась правильной, и, оправдывая себя в безвыходности положения, я пошел на сделку с совестью: «Оставлю его здесь одного. Он мертв – ему все равно, а мне нужно жить. Об этом никто не узнает». До чего же я был наивен и глуп. В моем воспаленном мозгу не нашлось места для мысли, правильной мысли, были только хаос и паника.

Прислонив мальчишку спиной к сосне, я стал уходить. Пройдя несколько метров, не выдержал и обернулся: он сидел на холодном снегу, с опущенной головой, закрытыми глазами. Лучше бы не оборачивался. Именно таким он приходит ко мне во сне. Одному было легче идти. Где-то под утро набрел на следы лошади и полозьев саней. Вскоре показался деревянный сруб одинокого дома: запахло навозом, залаяла собака.

Постучался в замерзшее стекло. В окно увидел бородатое лицо, освещенное свечкой.

– Кого еще черти принесли? – отозвались из глубины помещения недовольным заспанным голосом.

Послышались шаркающие шаги, скрипнула дверь. Едва переступив порог, я увидел свое отражение в небольшом зеркале: лицо покрылось слоем инея, солдатская шапка, завязанная ниже подбородка, была белая от снега, ресницы покрылись ледяной коркой.

Пока хозяин суетился с чайником, я, не раздеваясь, мгновенно уснул. Проснулся во второй половине дня от дыхания собаки и запаха горячих щей. Под моей головой лежала подушка, поверх тела был брошен овчинный полушубок. Я с жадностью набросился на еду, предложенную хозяином. После чего он начал задавать вопросы, отвечая на которые, я впервые пошел по ложному пути и ужаснулся от этого. Моя ложь выглядела убедительно.

К вечеру мы поехали в часть. Сидя на охапке сена в широких санях, я слушал понукание лошади и исполнение бесконечной песни, у которой не было ни начала, ни конца. Его борода при этом вздрагивала, глаза весело смотрели вперед. Я же замкнулся от мрачных дум, которые постепенно переросли в тревожное чувство. Оно мне было незнакомым. Только потом пришло осознание того, что таким

образом во мне пробудилась совесть. Собака бежала следом. Мне же хотелось выть.

Витьку нашли на том самом месте, где я его оставил. Несли на руках до самого дома, меняясь между собой для отдыха. Это я узнал, как только пересек границу воинской части. У сослуживцев не было и тени сомнения в моем поведении при поисках мальчика. Все были рады, что я нашелся. Мне же пришлось объясняться, сначала перед командирами, потом перед друзьями. Во второй попытке излагать свою выдуманную историю было так же трудно, как в первый раз – были еще свежи воспоминания. Потом приходилось возвращаться к этому событию снова и снова. Я уже и сам стал верить в то, о чем говорил. Ложь перемешалась с правдой – так было проще жить. Оттого что в поисках Витьки участвовали все военные и преподаватели школы, траур был тоже общим – один на всех. Это чувствовалось во всем: в напряжении лиц, тихих разговорах.

На третий день мальчика хоронила вся часть и школа. Чтобы проститься с ним, к школе выстроилась длинная очередь, уходящая за угол продуктового магазина. Я был вместе со всеми в прощальной колонне. Едва перешагнув порог учебного заведения, увидел маленький гроб на деревянных табуретах в просторном коридоре недалеко от двери. Майор Берестов стоял неподвижно с каменным лицом, руки по швам. Его жена истерично рыдала, падая на руки двум мужчинам в черных костюмах. Мне стало плохо: голова закружилась, перед глазами поплыло. Я почувствовал, как меня поддержали, когда я падал, отвели в казарму.

Придя из армии, хотел рассказать жене и покаяться, но упустил время. Потом это было сделать все трудней. Выросла дочь, а я – все молчу.

3

Вот уже светает, а я не сплю, переживая заново события армейской службы. Чтобы немного успокоить разыгравшиеся нервы, пошел в конец вагона, заперся в туалете, умылся холодной водой, а стоя перед зеркалом, долго

всматривался в свои морщины на лбу и складках около губ. Мое отражение вызывало отвращение, отчего, искривив свое лицо в ужасной гримасе, я плюнул в него и зашелся истеричным смехом. Слюна некрасиво сползала вниз по стеклу зеркала; подбородок и плечи судорожно дрожали; смех становился неуправляемым.

После стука в дверь мое тело вздрогнуло, истерика прекратилась, руки стали быстро вытирать насухо зеркало туалетной бумагой. Эмоции, которые подхлестнули нервную систему, неожиданно улеглись. Я повернул защелку замка. Передо мной стоял тучный мужчина с заспанным лицом и нетерпеливо переминался на месте. Просочившись между ним и дверью, я быстрым шагом прошел по вагону, с нетерпением достал бутылку и одним приемом допил оставшийся коньяк. Стоя в тамбуре, всматривался в пробивающиеся лучи восходящего солнца. Стук колес был неприятным: он тяжелой кувалдой ударял по голове. Уставший от тяжелых мыслей и бессонной ночи, вернулся назад, обреченно поднялся на свою полку.

– Вы проснулись? – спросила Лена. – Спускайтесь чай пить.

Я лежал с открытыми глазами. Пассажиры в привычной утренней суете шаркали тапками по вагону с полотенцами на плечах, пакетами и стаканами в руках. Лена, всматриваясь в зеркальце и смешно выпятив губы, красила их помадой.

– Вы не спали всю ночь? – продолжила она свой допрос.

– А что, заметно?

– У вас глаза красные. Мне тоже плохо спалось. – Лена стала укладывать свои вещи в сумку. – Кажется, я напрасно сюда приехала. Что я ему скажу?

– А вы ничего не говорите, он сам все скажет.

– Что-то мне страшно!

Поезд стал притормаживать. Я опять разволновался: «Она сейчас уйдет, и все. Что же я молчу?»

– Леночка!

– Что?

Она почувствовала мою скованность. Наверное, выражение моего лица было не совсем адекватным, а тело

застыло, как камень. Ее взгляд был открыт и доверчив, он говорил: «Ну что же вы молчите?»

– Твой Ростов!

– Да, Ростов! Мне пора выходить.

Я взял ее сумку и пошел на выход. Мы стояли на мокрой платформе, глядя друг на друга. Оказывается, ночью прошел дождь. Голуби пили воду из луж, носильщики обходили их стороной.

– Мне кажется, – сказала Лена, – вы что-то хотите сказать, но не можете решиться. Говорите – я слушаю!

Во мне в который раз возникла внутренняя борьба с самим собой. Эта борьба была на короткое время.

– Вам показалось, Леночка! – Я снова пошел по ложному пути. Далеко, в подсознании, было все решено, от этого стало легче. Это происходило много раз раньше, произошло и сейчас. Мой голос стал твердым, появилась улыбка на лице. – Да не переживайте вы так – все будет хорошо!

– Надеюсь, – она поцеловала меня в щеку, потом, засмеявшись, достала из сумки влажную салфетку и вытерла помаду, оставленную после своих губ. – Мне с вами было хорошо. Вы классный дядька! Ну, я пойду?

– Ага!

Стуча каблуками по бетону, она уходила в сторону вокзала; оглянулась два раза через левое плечо.

– Не оглядывайтесь, Лена, – только вперед!

Она подняла вверх руку.

4

После бессонной ночи глаза закрывались. Я снова забрался наверх и мгновенно уснул. Встал неожиданно, быстро, как по команде. На лице выступил пот, сердце зашлось частым биением. Минутой ранее приснился сон. Он стоял в памяти до малейших подробностей: лес, зима, снег, оглушительное безмолвие. Я даже почувствовал всей кожей мороз и усталость. Но не это было главным, а глаза. Витькины глаза смотрели на меня в упор. Они сверлили меня насквозь, достали до самого сердца. Когда уходил от него, чувствовал взгляд спиной; я чувствовал его сейчас,

когда проснулся. Я не мог лежать: спустился вниз, прошелся по вагону, налил воды из титана, вернулся назад, сел. Место Лены заняла другая пассажирка – женщина пенсионного возраста с пышными кружевами на платье. Она смотрела на меня и ждала, когда я допью воду из стакана, чтобы затем поздороваться. Но я заговорил первым:

– Какая это деревня?

В моем голосе была уверенность в том, что она была обязана знать ту деревню с небольшим храмом, которая показалась за высокими соснами.

– Так... Березовка, стало быть. А вам пошто, мил человек?

– А батюшка при храме имеется?

– Отец Андрей!

– А служба сегодня будет?

– Как не быть. Суббота. Вечерняя не за горами.

Она смотрела, как я лихорадочно стал совать свои вещи в сумку и, не попрощавшись, побежал в конец вагона.

Стоя в тамбуре, нетерпеливо поглядывал на часы, словно от этого поезд быстрее остановится. Мои мысли были уже там, в Березовке.

Андрей ГОРЬКОВЧАНИН

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Подняв дорожную сумку, Владимир огляделся. Ну, вот и всё. Десять лет совместной жизни подошли к своему логическому завершению. Пылкая страсть, объединившая их, истоцилась, высохла, оставив неприятное послевкусие в виде холодного равнодушия. Долгое время присматривались друг к другу, притирались, пытаясь найти в чувствах хотя бы малую зацепку, как-то оправдывающую их союз. Увы!

Он присел на краешек дивана.

Мебельный гарнитур вытянулся вдоль стены. Книги. Полки. Ковер. Картины, когда-то прежде им написанные.

Вчера они с женой все обговорили: он бросает свою дамочку и живёт как все – дома, она же простит и забудет, или собирай вещи и ищи себе покой и уют в другом месте.

Рисунок в рамочке – её портрет. Он нарисовал его сразу после свадьбы. В том году он окончил «Муху». Десять лет прошло. Будто только вчера вглядывался в её раскосые глаза, измеряя пропорции по-студенчески на карандаш, а она так задорно смеялась, закидывая голову всякий раз, когда он начинал внимательнее изучать её лицо. А эти ямочки на щеках, такие близкие и родные. Ямочки на щеках... Куда всё ушло?

Вещи собраны. Да какие там вещи. Костюм с рубашкой, свитер, джинсы. Бритвенный прибор и помазок.

Сколько уже этому помазку, а всё как новый, другие давно бы облезли, а этот держится. Когда он его купил? Ах, да! В тот самый день, когда увидав жену с другим мужчиной; всё вышло совершенно случайно, он спрятался от неожиданности в какой-то стеклянный ларёк и, стоя

там, выглядывал сквозь витрину. Вот и купил помазок для бритья, чтобы не показаться продавцу странным.

Ревновал, чему сам удивлялся. Следил, но с женой держал себя будто ничего не произошло, по-прежнему сохранял, как ему казалось, полное спокойствие, до тех пор пока не встретил Маргу.

Он обратил внимание на женщину, которая, прячась за машинами и театральными тумбами, вытягивая шею, напряженно вглядывалась куда-то в толпу. Она явно кого-то выслеживала. Смотреть со стороны было смешно, и ради любопытства стал за ней наблюдать.

Неужели и он выглядит так же нелепо и комично, когда следит за своей женой. Чем не водевиль! Этот вывод его немного отрезвил и заставил отвлечься от постоянно жужжащих в мозгу мыслей.

С видом заговорщика направился к незнакомке и предложил свою помощь. Та, испуганно подняв руку, шарахнулась в сторону, но, мгновенно поняв и оценив ситуацию, кокетливо поправила причёску и, чуть улыбнувшись, взяла его под руку.

Уже после, вечером сидя в кафе, они поведали друг другу свои печали. Пред незнакомым человеком легче раскрыть душу, выговориться, даже можно приукрасить свою историю, а там, глядишь, тебя и пожалеют. Так и получилось.

Она была не замужем, а кандидат, которого она себе пророчила в мужья, был мужчина любвеобильный и имел сразу несколько женщин.

Обменялись телефонами. Встретились раз, другой и не заметили, как вместе с потребностью общения появилась и симпатия. С этим он как-то старался бороться, не придавая встречам серьёзного значения. Думал, что это так, лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт; простое заполнение пустоты, образовавшейся от измены жены. Но дни, в которые они не встречались, становились похожими на осеннюю отжившую листву, сорванную ветром и без сожаления унесённую куда-то вдаль. Они тянулись нескончаемой нитью ожидания новых встреч.

Неожиданно женой в свободное время стала проводить дома, занимаясь текущими делами, и не сразу обратила внимание

на изменившееся состояние мужа. А он, в свою очередь, окрыленный нахлынувшими чувствами, к сожалению, не заметил в жене перемен. Домашнее общение оставалось на уровне бытовых соприкосновений. Никто ни к кому не лез в душу, обходились общими фразами. Без претензий исполняли супружеские обязанности, однако семейное ложе было холодным. Любовь, что согревала его ночами, покинула их сердца.

Со стороны могло казаться, что это была обыкновенная семья. Некоторые из знакомых даже завидовали: никогда не ругаются, не скандалят, живут в достатке. Вот только детей у них нет. В молодые годы любовный азарт кружил головы, они были легкомысленны и беспечны, отчего и творили многие глупости, о которых приходится сожалеть после. Тогда не было ни желания, ни должного опыта хотя бы на шаг заглянуть вперед. На полудюжину аборт организм ответил бесплодием. Она почувствовала себя неполноценной и всю ответственность за свершившееся возложила на мужа. Это проскальзывало в резкости её разговора, безразличном холодном взгляде. Тогда и появился первый ледок на их отношениях. Он вначале ничего не замечал, а если честно, то просто не хотел об этом задумываться. Со временем охладел сам. Ушёл былой пыл. Обычные семейные будни, тянущие серую пряжу бытия, заменили у них былой фейерверк жизненных событий. Так и капали по капле дни их жизни, один похожий на другой. Вот тогда судьба и свела его с Мартой.

Встреча с ней оказалась лучшим лекарством от его болезни. Вскоре, прельщённый соблазнительной доступностью, он оказался в плену своих чувств и нахлынувших, словно шквал, эмоций. Своей измены в этом не видел. Он лишь поступал так, как поступили с ним. За что себя корить!

Трещина в семейной жизни расширилась настолько, что поглотила все прожитые вместе годы, все когда-то бывшие счастливые дни, наполненные до восторженного самоотречения нежной любовью и обожанием. Все это исчезло в пропасти равнодушия, недосказанности, недопонимания, разделившей их.

Вчера они впервые за последние годы решились серьёзно поговорить. Каждый шел к этому разговору своей дорогой и надеялся, что от этого станет легче.

Как он в этом ошибался!

Владимир поднял сумку и вышел в прихожую. Отпер входную дверь, и рука уже поднялась выключить свет, как из комнаты послышался звук телефона. Владимир ожидающе замер. Телефон звенел не смолкая, настойчиво требуя к себе внимания.

Стоит ли возвращаться, промелькнула запоздавшая мысль, когда он шагнул обратно в комнату.

Аппарат стоял на журнальном столике, непрерывно издавая звуки, определитель высвечивал незнакомый номер. Ещё помедлив какое-то мгновение в ожидании, что звонки прекратятся, – снял трубку. Послышался торопливый женский голос.

– Квартира Запольских?

– Да. Что вам нужно?

– Вас беспокоят из больницы № *. Здесь проживает Илга Запольских, тридцати двух лет. Нам по паспортным данным в адресном столе сообщили ваш номер телефона.

Телефонная трубка словно налилась свинцом и потянула руку в низ.

– Алло, вы слышите? Не волнуйтесь, она жива, лежит здесь, в реанимации. Сегодня вы ещё успеете навестить. Она без сознания, но вас пропустят, надо опознать. Всякое бывает, может, с паспортом ошибочка вышла. Больница находится по адресу...

Послышались длинные гудки. Они доносились откуда-то издалека, из темноты из небытия. В них слышался молящий о помощи жалобный голос того, что сохранилось ещё глубоко в сердце. Ещё хилое, неопределённое, на неокрепших ногах, оно оттаяло и пробиралось к сознанию голосом протяжных гудков.

Закрыв дверь на ключ, не стал дожидаться лифта, а торопливо сбежал вниз. Через минуту он уже ловил такси.

В палату он вошел вместе с дежурным врачом.

– ...можно сказать, чудом осталась жива после аварии, что произошла утром, да вы в новостях, возможно, видели перевёрнутый автобус. Небольшие повреждения мягких тканей головы, лица, но тяжелая травма позвоночника,

это может приковать к постели на долгие годы. Всё зависит от правильного подхода к лечению и должного ухода. Перелома позвонков нет, что даёт право надеяться на лучшее. В этом очень важен психологический момент, с вашей стороны душевная поддержка, если можно так сказать, до самоотречения. С нашей стороны сделаем всё что возможно, но повторюсь – одного медикаментозного лечения мало.

В изголовье стояла капельница, по которой падающие капли молча скользили вниз. Лицо в обрамлении марлевой повязки мраморно бело, веки закрыты и недвижимы. Открытая рука на простыне прозрачна настолько, что сквозь кожу видны голубые нити жизни, в которые капля за каплей вливается эликсир. Вдруг веки на запавших глазах дрогнули – раз, другой – и открылись. Её раскосые глаза взглянули на него. Взглянули осознанно, и слеза, скользнув по щеке, скрылась под бинты. Бледные губы вытянулись и, на выдохе она вытолкнула слово – «Вот».

Он не сдержался и хотел прикоснуться к её руке, но врач, поймав его за локоть, удержал и вывел в коридор.

– Дня через два-три с ней можно будет общаться. В данную минуту это не стоит делать.

Только к полуночи добрался Владимир домой, он и не заметил, как всю дорогу прошел пешком. В потёмках пройдя в комнату, споткнулся о приготовленную дорожную сумку. Она напомнила ему о произошедшем накануне разговоре и его решении. Решительно расстегнув молнию, стал вынимать уложенные вещи и складывать их обратно в шкаф.

Помазок – повертев его в руках, распахнул окно и с силой швырнул в темноту улицы. Немного успокоившись, набрал в телефоне номер и с минуту слушал длинные гудки ожидания. На другом конце провода послышался довольный заспанный голос.

– Слушаю...

Владимир ответил:

– Это я. Прости, но мы больше не увидимся ... Не спрашивай почему, просто по-другому и быть не должно!

Андрей ЗЮЗИН

Балахна

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ

*О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной...*

К. Н. Батюшков

Что и говорить: человеческая память – тонкая штука. Пожалуй, каждый может, если по-настоящему захочет, вспомнить хотя бы один случай из личного жизненного опыта, когда сохранившиеся в мозговых извилинах образы былого оказывались ненадежным материалом. Доказательством этой ненадежности служат факты сравнения воспоминаний по крайней мере двух людей – свидетелей одного и того же события. Поразительно, но порой рассказы нескольких человек о совместно пережитом расходятся не просто в незначительных деталях, но противоречат друг другу даже в самой логической последовательности происходившего.

А еще есть то, что называют воспоминаниями о воспоминаниях. Такое было, наверное, в жизни каждого разумного человека, хоть немного способного к рефлексии, к самонаблюдению. Именно: образы далекого минувшего настолько смутные, что невозможно определить – то ли всплывшее в памяти событие было на самом деле, то ли это всего-навсего полузабытый сюжет красочного сновидения, не содержавшего никаких фантастических деталей, которые позволили бы однозначно сказать: это сон.

Заглянув в мои дневниковые записи, можно убедиться, что лишь к весне девяносто третьего что-то, сначала

неопределенное, но постепенно обретающее более-менее отчетливые черты реальности, стало проявляться в моей памяти. Неудивительно, что первые проблески показались мне тогда просто обрывками каких-то давних сновидений – ведь прошло не меньше двадцати лет.

Но день за днем в моем сознании, как мозаика, стала складываться довольно логичная и четкая картина событий, связанных с обнаруженным мной загадочным подземельем. Настолько правдоподобная, что уже можно было все это изложить не в виде кратких дневниковых записей, а подробнее.

И это не все: ведь случаются и еще более удивительные причуды памяти – можно подумать, наверное, что это уже граница с болезненными состояниями. Речь о своеобразном расщеплении воспоминаний, будто пережитое когда-то реализовывалось в *нескольких* вариантах. Разумеется, вовсе не обязательно рассуждать здесь о шизофрении. Просто нет смысла, поскольку, как известно, подобные эффекты проявляются в состояниях между явью и сном, когда строгая привычная логика необычным, неконтролируемым образом искажается до неузнаваемости, сохраняя при этом ощущение правильности, допустимости. И никакого раздвоения внутреннего «я» не происходит: по крайней мере субъективно все выглядит в норме. За исключением, конечно, самого факта наличия противоречия в трактовке событий, отложившихся в памяти.

Например, я хорошо помню, что в первые несколько месяцев после ухода моих дорогих родителей в иной мир мне снились сны, в которых отчетливо проявлялось именно такое свойство. Обычная (дневная) логика давала твердое знание, что мамы и папы *уже нет*, но в то же время в мире сновидения присутствовала и прямая противоположность этого: они *живы*, и общение с ними возможно, хотя и в некотором ограниченном виде. Ночное спящее сознание вполне справлялось с такой двойственностью – это не казалось вопиющим противоречием, а, наоборот, представлялось вполне обыденным состоянием.

Такой факт одновременного существования-несуществования напоминает мне странности теории квантовой механики: в этой дисциплине есть понятие суперпозиции

различных состояний системы как одновременного ее пребывания во взаимоисключающих вариантах (пресловутый «кот Шрёдингера», который и жив, и мертв).

Во снах того печального периода времени я встречался с родителями, и невозможное вполне было возможным: повторяю, что в одном уголке сознания пульсировала мысль-знание, что любимые мои уже умерли, но этому отчетливому факту вовсе не мешали столь же отчетливые сновидческие сцены, в которых мама и папа разговаривают со мной, жалуются на что-то, чему-то радуются. Они были живы, но каким-то *особым* образом.

Такие сны мне были дороги, и вечером, ложась спать, я молил судьбу, чтобы снова и снова увидеть родителей...

Вернусь к рассуждениям о *вариативности* воспоминаний. Что-то этакое я встречал в фантастических литературных произведениях, когда некий персонаж, будучи в здравом уме, вдруг отчетливо осознавал, что в его памяти живут яркие картины взаимоисключающих событий.

Итак, в уже упомянутом девяносто третьем проявились первые образы то ли когда-то пережитого мной, то ли тех самых воспоминаний о воспоминаниях, которые, может быть, вовсе не являются таковыми. В моих дневниковых записях появились две заметки о мифическом подземелье. Позже на плоском фоне неопределенной размытости визуальных картинок на поверхность сознания стали медленно, но верно всплывать более выпуклые образы, постепенно выстраивающиеся в логически стройную систему.

А несколько лет тому назад работа мозгового аппарата памяти привела меня к своеобразной точке ветвления. Разумеется, это стало неожиданностью для меня – иначе эти строки никогда не появились бы.

Поначалу я принял появление *первого* варианта воспоминаний просто как продолжение событий, застывших на объемной картине былого в некотором статичном положении. Это было как возобновление приостановленного показа длинного сериала. Но приблизительно два или три года спустя однажды утром, пытаясь перебрать в памяти уплывающие образы сновидений минувшей ночи, я почувствовал неладное. Что-то стало размываться в устоявшейся картине

памяти. Гораздо позже я понял, что начался невероятный процесс замены одного варианта развития событий другим.

Проявление новых деталей, новой трактовки былого начинается, как я заметил, ранним утром, когда сон уже мерцающий и сознание то погружается в сладкую дрему сновидений, то выныривает на светлую поверхность реальности.

Пока что не могу привыкнуть: имеющийся набор моих воспоминаний (псевдовоспоминаний?), конечно, раздражает меня своей алогичностью: как такое может быть? Ведь я же не болен, никакие навязчивые идеи не овладели моим сознанием, я еще не впал в старческую дряхлость, мой мыслительный аппарат еще вполне годен для обычной интеллектуальной работы – хотя бы для того, чтобы более-менее связно излагать мысли и рассуждения.

Тем не менее, год за годом все это продолжает пробиваться на поверхность – причем очередной вариант развития давнишних событий проявляется постепенно, все более раскрываясь в мелких деталях. Когда он почти полностью оформляется в своей канве, застывает, где-то на границе восприятия начинает тускло брезжить другой, последующий, *альтернативный* вариант. Со временем он набирает силу и заслоняет собой прежний, но не полностью.

Этот процесс можно описать и по-другому, вот так: сначала сквозь «действующий» вариант начинают просматриваться робкие линии альтернативы, потом они все более и более обретают контраст, яркость и насыщенность. И, наконец, оба эти слоя меняются местами: на переднем плане оказывается новая картина, сквозь прозрачность которой видна прежняя. Старое вроде бы все дальше уходит в глубину бесконечной перспективы, но память не позволяет прежним вариантам полностью исчезнуть, раствориться: они занимают свое прочное и законное место в пространстве ума.

Разумеется, слои памяти отчасти словно бы накладываются друг на друга. Иными словами, различные ветки, исходящие из некой критической точки, начинают слегка *соприкасаться*, словно желают перепутаться. Интерференция – лучший термин для тех, кто помнит (хотя бы из курса школьной физики), что это за явление. И все же – как бы ни пересекались чувственные образы из различных

вариантов – я пока еще способен четко разделить разные последовательности. И это удивительно – словно я читаю некий роман, в конце которого автор предлагает читателю принципиально различающиеся финалы. (Что-то подобное было у Стругацких в одной из фантастических повестей.)

Итак, ныне, почти два десятилетия спустя после первых выбросов памяти (и, следовательно, более чем через сорок лет после *неких* – то ли бывших, то ли нет – невероятных событий в моей жизни) я уже располагаю не однозначной линейной цепочкой, а расщепившимся на несколько продолжений пучком.

Вполне допускаю, что процесс ветвления еще не прекратился. Как знать, сколько их там еще – этих неведомых вариантов – за горизонтом осознаваемого?

Прежде чем продолжить рассказ, уточню, что на новую квартиру (со всеми удобствами, в панельном доме) мы переехали во второй половине семидесятых (я еще учился в университете). Таким образом, после переезда в моей памяти оказались стертыми (как оказалось, не навсегда) все воспоминания о подземелье. И начали проявляться, как уже было сказано, в начале девяносто третьего.

А во второй половине девяностых я, по крайней мере однажды, заходил во двор нашего бывшего дома – с ностальгическим любопытством и с некоторой опаской. Заборчик вроде бы еще был, но никакого сарайчика за ним *уже не было*. Место было ровным, заросшим чахлой травой. А был ли вообще тут когда-то наш сарай с тем самым неглубоким сырым погребом? – подумалось мне.

* * *

Мне трудно предположить, будут ли кому-нибудь интересны технические детали. Например, на банальный вопрос о возможных причинах отсутствия грунтовых вод, капель влаги на потолке, плесени на стенах, каких-нибудь насекомых (например, пауков или другой подземной живности) и вообще о наличии сырости *только* в виде густого, словно сироп, воздуха и соответствующих запахов я не могу дать вразумительного ответа. Тогда, в те далекие

дни, это меня мало интересовало. Ничего не могу сказать и о предполагаемом устройстве электрической автоматики подземелья – а ведь там было электричество в виде нескольких тусклых потолочных ламп. Откуда, из какого источника поступала энергия? Никаких звуков, сопровождающих работу скрытой энергетической установки, не было: там всегда властвовала полная тишина.

Подобных частных вопросов можно сформулировать целый список, но ведь главное вовсе не в этом. Главное заключено в видимом отсутствии смысла, то есть в непонятности назначения этого неведом кем и когда устроенного обширного подземелья: тут и тоннель с довольно высоким потолком, с рельсами узкоколейки, и труба, спускающаяся ниже уровня тоннеля и являющаяся, по сути, вертикальным колодцем, и обнаруженная там оптическая иллюзия длинного коридора со множеством дверей – и всего лишь единственной *настоящей* дверью в особое помещение.

Замечу, что эта оптическая «обманка» по-настоящему сработала всего один раз – именно тогда, когда я впервые отважился спуститься по той самой широкой трубе, к стенке которой были прикреплены металлические проржавевшие, но прочные скобы. В тот первый раз неяркость освещения и волнение (это главное) помешали мне правильно воспринять геометрию коридора, стенки которого, как оказалось, были грубо и неровно выложены кирпичом...

Итак, есть ли смысл начинать мой рассказ с самого начала? Ведь я уже кратко, но вполне определенно упомянул о том старом сарайчике с сырым неглубоким погребком, в заплесневелой стене которого я случайно и обнаружил *тот самый* люк, а точнее дверцу. Тьма, затхлость и сырость наклонного коридорчика (так я назвал подземный ход за дверцей), конечно, настораживали, пугали. Чтобы преодолеть естественный страх этого узкого коридорчика и всего остального загадочного подземелья, мне понадобилось не меньше двух десятков попыток. Я, конечно, их не подсчитывал, но в памяти отпечатались сновидения той поры. Они были тревожными и манящими. Почти каждую ночь они приходили ко мне, и сюжет их был неуловимым образом схожим. Это было *проникновение* – пожалуй, это

самое точное слово, поскольку в каждом из этих снов от меня повелительно требовалось попасть куда-то туда, где я еще не был. Само преодоление возникающих на пути к цели разнообразных препятствий и было сюжетом снов. Вроде бы никогда, ни в одном из тех сновидений я не увидел ни одного образа, отчетливо схожего с *реальным* подземельем, то есть с нашим сарайчиком, с погребом, с дверцей, с узким проходом, с лазом-амбразурой в кирпичной кладке и со всем остальным. Были только смутные намеки, но *идея* проникновения – как некая логическая конструкция, как повторяющаяся, будто извне привнесенная, навязываемая мысль, – проявлялась в каждом сне. Это было как зов, призыв преодолеть страх и добраться до далекой неведомой цели, притягивающей своей таинственной новизной.

В реальности же была попытка за попыткой. И каждый раз мне удавалось продвинуться хотя бы на несколько шагов дальше. Неизведанное таинственное *нечто* манило: почти детское любопытство (а мне в ту пору было уже шестнадцать) медленно, но верно пересиливало страх. Я брал с собой короткую, но увесистую палку, старый электрический фонарик с толстой линзой на его прямоугольном корпусе и снова и снова лез в погреб. После нескольких проникновений я уже не так боялся неизведанности, осмелел, и палка, как хоть какое-то оружие самообороны, мне уже никогда не понадобилась.

Обычно пацаны спешат поделиться с приятелями своими тайнами, рассказать о том необыкновенном, с чем случайно столкнулись. И я был такой же, как все, – но только не в этом случае. Как ни странно, тут мной овладевало чувство собственника. Конечно, тогда я не мог проанализировать свое состояние, как это умеет делать тренированная психика зрелого человека. Попросту я был убежден, что Расскажи я кому бы то ни было о моей тайне, то сразу же, немедленно, в мгновение ока все исчезнет – и само таинственное подземелье, и ход к нему, да и сама дверца в стенке погреба, а может быть, даже и сам погреб в нашем сарайчике рухнет, – например, размытый просочившейся откуда-то водой. И тогда это сокровище, неизвестно кем и когда созданное, будет для меня безвозвратно потеряно.

И вот однажды, спустя несколько дней после моего первого проникновения в *ту комнату* (за той самой *единственной* дверью с табличкой «А833-17»), я отважился покопаться в странных пыльных бумагах, найденных в выдвижных ящиках столов. Напомню, что сама комната была неприятным помещением – словно заколдованным темными силами, хотя, отмечу, ничего очень уж таинственного не было ни в ее глухих стенах, ни в нескольких крашеных деревянных столах, расположенных по углам, ни в двух потолочных светильниках. Но находиться тут достаточно долго было невыносимо: неприятное ощущение, что кто-то ежесекундно внимательно наблюдает за тобой, за малейшим твоим движением, было просто непреодолимым. Именно поэтому до тщательного осмотра ящиков столов дело дошло не сразу.

Было что-то таинственно-притягательное в этих немногочисленных обрывках, в этих записях на вроде бы обычной (хотя и пожелтевшей) бумаге, сделанных неведомой рукой то ли тушью, то ли специфического цвета пастой. Это были рукописные тексты. Использовалась, как я не сразу, но все же сообразил, латиница, но, конечно же, мне тогда и в ум не пришло взять хотя бы несколько листков с собой или не полениться переписать отдельные строки для того, чтобы там, *наверху* (в обычной жизни) показать кому-нибудь эти «письмена» с целью распознать язык, на котором они изложены. Да и был ли это какой-то язык? Может быть, это было просто шифром?

Стоит также напомнить, что мое суеверие, связанное с подземельем, проявлялось также в отчетливом представлении, что наверх отсюда ничего брать нельзя. Это суеверие носило, как мне кажется, и примесь страха: мне казалось, что существует некий реальный *запрет*, который просто немислимо нарушить.

На трех листках кроме текста оказались и какие-то чертежи. Поначалу, рассматривая эти замысловатые рисунки, я даже и не пытался что-то понять, но в какой-то момент случилось непредсказуемое «вдруг», и я остро почувствовал особую их значимость.

Мое внимание сосредоточилось на одном из листков. Он был слегка помят, края его были надорваны, а рисунок,

состоящий из неровных линий, небрежных стрелок, пометок и практически неразборчивых букв (пояснительных надписей?), выглядел как схема, предназначенная вовсе не для того, кто набросал этот план. Другими словами, это не было похоже на какую-то шпаргалку, памятку для самого автора. Это был рисунок для передачи кому-то другому, причем мне почудилось, что делался этот рисунок в спешке – но не в условиях, когда все решают секунды (как в примитивном кинобоевике), а просто в нервном цейтноте неопределенности, когда нечто неожиданное может наступить в ближайшие несколько часов.

Почему именно этот лист меня так заинтересовал? А потому, что почти сразу я почувствовал что-то странно знакомое в этих линиях, словно однажды виденное – то ли наяву, то ли во сне. Так бывает, когда пытаешься припомнить что-то полузабытое. И это *что-то* никак не дается, ускользает как раз в тот момент, когда, кажется, уже ухватил за хвост важную деталь, образ.

Мучительное течение мыслей, вращающихся вокруг неощутимого, невидимого, неосязаемого центра, притягивающего неопределенные, смутные образы, которые и образами-то нельзя назвать: скорее это какие-то логические связки, обрывки или разрозненные фрагменты цепочек рассуждений, опутывающие мерцающее сознание, – вот что владело мной.

Наверное, это трудно описываемое состояние странного временного умопомрачения или медитации длилось никак не меньше минуты, хотя как раз именно в таком режиме работы мозга, в таких необычных условиях восприятия ни о каком чувстве времени и о самоконтроле говорить не приходится.

Во мне очутились как будто два «я». Одно было всецело погружено в ощущения, порожденные рассматриванием этого рисунка, и оно – это первое «я» – было разбухшим, рыхлым, как тяжелое кучевое облако, заполнившим всю область внимания, подменив собой обычное, отчетливое дневное «я», такое ясное и привычное. А второе «я» и было, наверное, маленьким кусочком того уютного знакомого «я» – кусочком, сохранившемся на краю огромного

поля блуждающих мыслей и неконтролируемого потока ощущений, едва ли доступных трезвой оценке.

Страх точно не было – явным было какое-то оцепенение, но не столько и не только тела, но и психики. Случилось ее необъяснимое переключение в другой режим, когда одно невообразимо мощное чувство овладело всей моей сущностью, всем телом, заставив замереть, не двигаться, не шевелиться.

Вспоминается, как что-то схожее со мной приключилось в далеком детстве. Мне было лет десять-одиннадцать. Я был любознательным мальчиком, мне нравилась романтика звездного неба – с точки зрения астрономии. Как-то я выпросил у мамы сколько-то там копеек (учебники были дешевы) и купил в книжном магазине «Астрономию» Воронцова-Вельяминова. Мне нравилось листать этот учебник для десятого класса. Разумеется, в алгебраических формулах я ничего не понимал, но рисунки, диаграммы и схемы меня просто завораживали. И вот однажды я открыл учебник на странице с рисунком, на котором были приведены сравнительные размеры планет. Планеты земной группы были просто маленькими кружочками (окружностями), а планеты-гиганты были прорисованы (с изображением некоторых характерных деталей). Так получилось, что в тот момент я остался в комнате (а может, и во всей коммунальной квартире) один. Я стоял, держа книгу в руках, и мой взгляд был устремлен на этот рисунок. Неожиданно, как толчок, я отчетливо почувствовал тишину, окружившую меня. Почти в одно мгновение, как какой-то неудержимый вал, на меня накатила необъяснимый страх. Он прошелся по мне снизу вверх – от пяток до макушки головы. Я не мог оторвать глаз от рисунка, не мог пошевелиться – ужасный ступор сковал мышцы. Хотя я догадывался, что усилием воли могу попытаться переменить позу, сдвинуться с места, но что-то предостерегало меня от любого действия, движения, будто само это действие будет иметь страшные и непредсказуемые последствия. Я словно замер на краю бездны. Это окаменение и овладевший мной иррациональный ужас по мере того, как я пытался сообразить, что же такое со мной происходит, все

больше усиливались. Вязкая масса поглотила меня целиком, и длилось это необъяснимое психическое состояние, наверное, никак не меньше минуты.

Спасение пришло в виде постороннего звука: вроде бы кто-то вошел в квартиру или же соседка вышла из своей комнаты в коридор. Этот простой обыденный звук всего за секунду вытащил меня на поверхность: я физически почувствовал, как разомкнулись цепи страха, оцепенение спало, и я сделал глубокий освобождающий вздох...

В далеком детстве такое состояние я пережил всего один раз.

...И вот мое всплытие на поверхность после недолгого погружения в неведомую, неконтролируемую медитацию при рассматривании этого схематичного рисунка на загадочном листке случилось одновременно с отчетливой и мгновенной, как озарение, догадкой. Это фрагмент плана подземелья! Довольно неуклюже, грубовато изображенные параллельные линии сбоку – это уходящая в неведомую даль узкоколейка, причем как раз в ту *запрещенную* («невозможную») сторону, что надежно заперта убийственным ультразвуком, проникающим в уши и в мозг, как только пытаешься сделать несколько шагов по тоннелю.

Что мог означать кружок, помеченный стрелкой, рядом с которой расположилась неразборчивая надпись? Только осмотр на месте мог бы дать ответ на вопрос.

Моя решимость приняла силу приказа. Я сразу же вышел из *той комнаты*, плотно закрыв дверь, и направился туда, куда и *должен* был идти. Уже привычным движением схватился за ржавые поручни внутри трубы и поднялся в тоннель.

Вот он – уходящий в таинственную и пугающую черноту в том самом направлении (направо, когда проникаешь в тоннель через амбразуру в кирпичной кладке коридорчика). Тусклый свет автоматически включившегося потолочного светильника и слабый луч моего фонарика, конечно же, не могут рассеять многометровую толщу мрака.

Рисунок-план у меня в руках. Я прохожу место проема и пытаюсь стерпеть нарастающую боль неслышного ультразвука в ушах. Вот точка, дальше которой мне

не продвинуться. И вот левая стенка тоннеля, куда я направляю пучок желтоватого электрического света.

Да, что-то там, на неровной поверхности стены все-таки просматривается. Может, это какой-то смутно различимый знак, символ, а может, просто игра теней. Что же дальше? Что мне делать?

Почти инстинктивно протягиваю руку к стене, к тому самому месту, где словно бы нарисован какой-то овал. Прикасаюсь к шершавой поверхности. И тут происходит то, чего я никак не мог ожидать: ультразвук, а с ним и боль в ушах исчезают! Снова прикасаюсь к овалу – неслышимый свист восстанавливается. Выключатель! Или переключатель!

Теперь, устранив этот невидимый ультразвуковой барьер для продвижения в правую сторону таинственного тоннеля с ржавыми рельсами, я делаю несколько десятков робких шагов по полусгнившим шпалам. И тут свет потолочного светильника позади меня и лампочка моего фонарика меркнут. Останавливаюсь, испугавшись полной темноты. После затянувшейся паузы полной растерянности я, наконец, догадываюсь повернуть назад и сделать осторожные и спасительные несколько шагов. Потолочный светильник снова загорается желтоватым светом, который после кромешной тьмы покажется ярким. Но нить маленькой лампочки моего фонарика, как потом выяснится, окажется оборванной.

У меня хватает соображения оставить листок со схемой прямо здесь, у рельса, недалеко от амбразуры, ведущей в обычный мир.

* * *

Лампочку в фонарике я заменил. И через несколько дней, собравшись с духом, – снова в *мое* подземелье. Брошенную мной схему я отнес в помещение, спустившись по трубе. Так спокойнее – пусть все будет на своем месте. Теперь я уже не мог ошибиться и знал, как отключать ультразвук.

Продвижение в правую ветку тоннеля шло медленно, поскольку потолочных светильников уже не было. Мне приходилось полагаться только на тусклый луч фонари-

ка, проникавший всего на два-три метра. Конечно, было страшно. Шорох собственных шагов настораживал меня, я часто останавливался, замирал и прислушивался к безмолвию стен, потолка и рельсов. Разумеется, ни звука.

Тоннель представлялся мне бесконечным, но уже через несколько десятков метров, с трудом мной преодоленных, я почувствовал небольшой уклон вниз. Это и насторожило меня, и в то же время вселило какие-то надежды относительно того, что тоннель все-таки чем-то закончится. Прimitивный сковывающий страх немного уменьшился, но осталась напряженность неизвестности – как невидимая во тьме натянутая стальная струна.

Образ струны всплыл тут неслучайно. Далеким детским воспоминанием был рассказ одного из моих друзей-приятелей о варварском развлечении каких-то хулиганистых подростков. Якобы в самом узком месте одной не самой оживленной (почти пустынной) улицы поселка, поперек движения, в уже сгустившихся летних сумерках это хулиганье умудрялось натянуть тонкую прочную леску или даже стальную проволоку. В темноте ее почти не видно – уличные фонари были неяркие (не то что нынче). Пешеход еще смог бы хоть как-то среагировать на возникшую на уровне лица струну, а вот велосипедист, не спеша катящийся в сумерках домой, вряд ли. Страшный порез лица или – что еще ужаснее – горла. Тяжелейшая травма, которая могла стать и роковой.

Возможно, такой рассказ был просто выдумкой приятеля, но ощущение скрытого во тьме ужасного предмета, натянутого поперек движения на уровне лица, преследовало меня. Еще и поэтому я медленно продвигался вперед по тоннелю, не очень-то поглядывая вниз. По этой причине, наверное, я не сразу и заметил, что под ногами у меня сырость. Образ ужасной струны был тут же забыт.

Попросту говоря, сосредоточившись на невидимой угрозе, я не сразу уловил изменение запаха: все тот же влажный подземный воздух, но уже с какими-то новыми примесями – что-то, напоминающее иссиня-черный пахучий состав, которым пропитывали деревянные шпалы (он назывался креозот). И совсем скоро – маслянистая пленка воды

на поверхности грунта между рельсами. По мере моих шагов уровень жидкости становился выше. И вот уже я понял, что дальше мне придется идти, погружая мои неказистые кеды в мутную застойную воду. Попытался идти, балансируя на узком рельсе. Не очень-то далеко так уйдешь!

Как ни странно, это стало некоторым облегчением: появилась причина, по которой я *имел право* прекратить дальнейшее продвижение. Словно снял с плеч не очень тяжелый, но все-таки давящий груз. Так я вернулся к началу моего путешествия.

Позже, анализируя свои воспоминания, я сумел прикинуть (конечно же, очень грубо) длину моего пути по тоннелю – метров сто, не меньше.

Но, как известно, тайна и страшит, и манит. Большие отцовские резиновые сапоги – вот, что пришло мне в голову. Они стояли тут же в сарайчике среди всякой рухляди. И были, конечно, отнюдь не новыми, но целыми, без видимых повреждений, – на них можно было положиться.

Если мне не изменяет память, на следующий же день я пошел в наш палисадник, в сарайчик. Сапоги были немножко великоваты, но вселили в душу новые надежды.

На этот раз я продвинулся значительно дальше и уже не думал ни о каких препятствиях на уровне лица: я внимательно смотрел, куда ступаю. Уровень воды поднялся сначала до щиколоток, потом выше. Вот и рельсы скрылись под мутной маслянистой пленкой – я двигался еще медленнее, ориентируясь на стены.

Двойственность моего душевного состояния отчетливо ощущалась мной тогда. С одной стороны, мне представлялось, что вот-вот я достигну участка тоннеля с наибольшим понижением и, преодолев его, выйду на сухое продолжение узкоколейки. С другой стороны, как ноющая зубная боль, сверлило неотвязное и холодное предчувствие, что тоннель будет продолжать наклонно уходить вниз все дальше и дальше, и скоро его пространство скроется в толще воды.

Я медленно ворочал ногами, уже не останавливаясь и особо не прислушиваясь к булькающим звукам рассекаемой сапогами мутной воды. И с каждым шагом обреченность моего путешествия становилась все более явной: да,

уровень становился все выше. Вот уже я стал с опаской переставлять ноги, а на очередном шагу вовремя почувствовал, что следующее мое движение может привести к зачерпыванию. Так едва и не случилось: выдвигая правую ногу вперед, словно шестым чувством я уловил провал.

Глубоко. Мне не пройти. И тут я пожалел, что у меня нет мощного фонарика, поскольку мне почудилось, что я совсем недалеко от какого-то препятствия, завершающего длинный тоннельный ход. Почему-то вспомнилось, что у мамы на прежней работе (когда-то давно она работала весовщицей на нашей железнодорожной станции) был довольно громоздкий и тяжелый специальный фонарь: весовщик работал по сменам, вагоны прибывали на станцию и в ночное время – мощный фонарь был незаменим.

Я пытался всмотреться в густую тьму, хотя и понимал, что ничего уже не смогу предпринять. Не лезть же напролом в грязноватую муть!

Возвращаясь, я оглянулся в темноту подземелья всего один или два раза, словно надеясь на что-то.

...Вспомнилось, что поверхность резиновых сапог, когда они подсохли, оказалась покрытой радужной пленкой. И ничего, кроме этой пленки и некоторого разочарования, в памяти моей тогда больше не отложилось.

Вроде бы через несколько дней все случившееся представилось мне строго закономерным, почти неизбежным: разве могло быть что-то иначе? Разве мог тоннель уходить в густую темную бесконечность, понижаясь и оставаясь при этом сухим? Конечно, нет. И все же где-то в укромном уголке сознания пряталось неудовлетворенное чувство, чувство неудачи, поражения.

Как мне вспоминается, приблизительно через три или четыре года (тогда я не делал никаких дополнительных записей о событиях в подземелье) внутренний зрительный образ робкого лучика фонарика, едва рассекающего тьму подземелья, породил во мне, в моей памяти *альтернативу*. Черточки этого варианта в виде смутных ощущений (почти без каких-либо картинок – просто в виде мысленной конструкции) стали проявляться, когда я снова и снова

будил в себе мысли о пережитом и оказывался под впечатлением той самой подземной воды, которая стала неодолимым препятствием. Таким образом, первый вариант в виде кажущейся поначалу прочной и единственно возможной последовательности событий стал неумолимо подтачиваться жучком-короедом совершенно другой реальности, поданной мне в новых странных воспоминаниях.

А в них – мои несколько десятков метров по тоннелю в том же самом направлении. Я направляю фонарик под ноги, следя за тем, чтобы не споткнуться о шпалы – здесь они стали немного подниматься над поверхностью грунта. Так и иду – довольно смело, бодрясь, как мне казалось, хотя и будучи настороже. Через каждые очередные пятнадцатый шагов, все-таки останавливаюсь: страшновато – как ни крути. Хоть это и *мое* подземелье, но все же...

И вот, начав движение после такой паузы, случайно бросаю слабенький луч моего фонарика не вниз, под ноги, а вперед, во тьму. Неяркая вспышка света впереди! Кто-то просигналил мне из кромешной черноты – *ты тут не один!* Почти мгновенно выключаю фонарик, и его щелчок кажется мне раскатом грома.

Я цепенею – вот что такое настоящий страх! Почти не дышу, замерев. Слышу, чувствую, как сердце бешено заколотилось в груди, а в голову ударила горячая волна. В какое-то мгновение перед мысленным взором пронеслись картинки фантастического развития событий – я даже не успеваю их осмыслить. Боюсь дышать – и боюсь задохнуться, поскольку дыхание перехватило так, что судорога прошла по телу. Секунда за секундой – так проходит какое-то время, длительность которого мне, конечно же, не удалось оценить даже после всех этих событий.

Мысли и образы стремительно мчатся в мозгу, но мало-помалу они замедляются, и, вслушиваясь в звенящую тишину подземелья, исподволь, постепенно я прихожу в себя. Побороть паралич страха – вот что мне требовалось в те мгновения, и как только я отчетливо понял это, дыхание мое стало приходить в норму.

Что-то пугающе знакомое почудилось мне в только что пережитом состоянии. Словно однажды я уже в каких-то

обстоятельствах ощутил такой всепоглощающий ураганный вал мгновенно наступающего ужаса от того, что увидел перед собой. Во тьме подземелья я почувствовал, что в этой моей мысли может быть что-то спасительное, объясняющее произошедшее здесь и сейчас. Робко, с опаской я ухватился за эту мысль, пытаясь осторожно найти в воспоминаниях какой-то удивительный аналог.

Картинки давно минувших дней детства. Мои друзья-пацаны, наши игры в исследователей-следопытов...

Накатило! В мелькающей, постепенно ускоряющейся ленте нахлынувших кадров что-то почудилось мне, и краешком разгоряченного ошарашенного сознания я зацепил что-то важное! Сюда-сюда! В этом направлении! Еще и еще! И...

Вот оно! Старый Дом культуры. Обшарпанная стена строения – это технические задворки сооружения. Тут редко кто бывает. Стена не сплошная – внизу, в метре от поверхности грунта, две или три словно бы неглубокие ниши, которые на самом деле оказываются узкими вертикальными лазами в полуподвальное помещение. Я отваживаюсь первым разведать один из этих лазов. Пачкаясь о штукатурку, с трудом протискиваюсь в щель – только худенький десятилетний пацан смог бы просочиться через этот вентиляционный ход.

Дотягиваюсь ногами до каменного пола. Помещение сумрачно, но все же довольно хорошо освещено – лучи утреннего солнца все-таки проникают сюда, хотя и не напрямую. За две минуты мои глаза вполне привыкают к полутьме. Осторожно ступая, осматриваюсь. Недалеко в полу вижу какой-то круглый люк. Неужели подземный ход? Подхожу ближе, слегка наклоняюсь, берусь за край металлического диска и резким движением вверх и в сторону поднимаю его. Из вертикального колодца на меня смотрит чье-то лицо – оно совсем недалеко и напряженно всматривается в меня.

Паралич. Не могу ни закрыть люк, ни даже пошевелиться. Проходит, наверное, секунда или две, показавшиеся мне вечностью. Я не в силах отвести взгляд от страшного лица – и тут на меня словно обрушивается струя холодной

воды: замечаю, что это мое отражение. Темная недвижимая вода заполняет колодец под люком до самого краешка, до кромки – вровень с уровнем пола. Ее поверхность образовала почти идеальное зеркало, которое не было потревожено даже моим резким подъемом крышки.

О, какое необыкновенное облегчение испытал я тогда – после невероятного шквала страха! И как легко мне было потом вспоминать об этом приключении!..

Вот что вспомнилось мне здесь, в тоннеле. Теперь, после этой киноленты с кадрами из далекого детства, мне было не так уж трудно взять себя в руки. Я сделал два-три глубоких вдоха, направил фонарик вперед и, собрав волю в кулак, нажал на выключатель.

Лишь на какое-то практически неуловимое мгновение в сознании мелькнула тень пережитого мной недавнего ужаса. И сразу же, поведив лучом влево-вправо, я возликовал: так и есть! Впереди какая-то отражающая поверхность!

Мои шаги вперед все же были осторожными, но теперь любопытство перекрывало все и вся. До отражающей преграды оказалось не такое уж большое расстояние – всего-то с два десятка метров. Тоннель искривлялся – вот почему невозможно было заметить отраженный луч фонарика сразу, в начале моего пути, когда я выключал убийственный ультразвук.

Сплошная, слегка шероховатая полуматовая металлическая поверхность. Прочная, наверняка толстая – не прогибается под нажимом. Наверное, какая-нибудь сталь вроде нержавеющей или какое-то покрытие – следов ржавчины почти нет. Края этой слегка, как мне показалось, выпуклой металлической плиты погружены в стенки, в потолок тоннеля, в грунт. Постукиваю по металлу. Звук приглушенный – не похоже на стенку, за которой пустота.

А рельсов-то тут нет! Они аккуратно обрываются за несколько шагов до этого зеркала.

С минуту я осматривал это неожиданное препятствие. Потом, выключив фонарик и предполагая, что мои глаза привыкли к темноте, надеялся, что сумею что-то обнаружить, какую-нибудь дырочку или что-то этакое. Нет, конечно. Полная тишина и темнота.

Мой путь назад был недолог. И я сумел уловить искривление тоннеля, заметив тот момент, когда отраженный луч уже не возвращался в мои глаза.

Почти невероятно, но сейчас мне порой кажется, что *третий вариант* стал медленно, но неотвратимо выкристаллизоваться в причудливых извилинах моей памяти именно тогда, когда я прикоснулся к металлу зеркального препятствия. На миг мне показалось, что под рукой вовсе не металл, а шершавая неровность каменной глыбы. Конечно же, новый вариант стал проявляться как обычно – в утренних снах, спустя немалый период времени после утверждения предыдущего.

...Да, я медленно брел вперед по тоннелю, уже поняв, что его ход вовсе не прямолинеен, а загибается влево. Это знание о криволинейности узкоколейки пришло, как мне показалось, исподволь, как интуитивная загадка, поскольку искривленность моей траектории была почти незаметна. Но уверенность моя была неоспоримой. Возможно, это просто-напросто та самая интерференция, пересечение, взаимопроникновение вариантов, то есть работа памяти, а не деталь конкретного воспоминания. Прежний вариант повлиял на следующий.

Конечно, чем дальше я удалялся от исходной точки, тем тяжелее мне давались шаги. Тревожно, страшновато, поскольку, как мне показалось, я уже прошагал никак не меньше двух сотен метров. Хотя, отмечу при этом, ничего не менялось ни в цвете, ни в фактуре поверхности стен и потока. И ржавые рельсы все так же монотонно и *без всякого уклона* уходили во тьму, и в самом воздухе не прибавлялось никакого нового запаха.

Поминутно останавливаясь и прислушиваясь, я не мог уловить ни единого звука.

И вот, когда моя тревожность стала заметно нарастать и уже приближался постепенно сковывающий шаги страх *удаленности*, слабый луч моего фонарика выхватил впереди что-то выступающее из тьмы. Я замедлил шаги, с опаской приближаясь к неизвестности.

Глыба, скала. Она полностью перегородила ход. И рельсы тут были искорежены, видны древесные остатки вывороченных шпал.

Все это я *уже* видел ранее! Если после коридорчика из погребца добраться до амбразуры, выходящей в тоннель, и повернуть не направо (в *запрещенном* направлении – со сторожевым псом в виде убийственно давящего ультразвука), а налево, то, напомним, всего через несколько метров можно заметить бесформенную глыбу огромного камня, полностью перекрывающую ход. Тут будут и покореженные рельсы, а слева в стене – лаз-проход в ту самую вертикальную трубу, ведущую в итоге к «А833-17»...

Догадка немедленно озарила меня: тоннель – это кольцо! И сейчас, стоя здесь, у этой глыбы, я на самом деле не так уж и далеко от вертикальной шахты, то есть от трубы со скобами. Она тут – за этим толстым каменным препятствием.

Почему-то мне вспомнился советский научно-популярный фильм с кадрами об устройстве серпуховского синхрофазотрона: они отчетливо показывали устройство просторного подземного кольцевого тоннеля, в котором располагалась главная труба – собственно гигантская (по длине, но совсем небольшая в поперечнике) тороидальная камера, в которой ускорялись протоны...

И удовлетворение (как от разгадки трудного ребуса), и какая-то горечь (что-то интересное и захватывающее, увы, уже позади) смешались тогда в моей душе. Я еще надеялся обнаружить какую-нибудь щель вблизи соприкосновения глыбы и грунта – там, где рельсы были искорежены. Но нет.

Возвращение к начальной точке кольцевого пути почти начисто стерлось в памяти.

Теперь о последнем (на данный момент времени) зафиксированном в моей памяти варианте. Зацепкой, логическим мостиком, властно заявившем о себе однажды хмурым осенним утром выходного дня, стали, как ни странно, картинки из детского фильма о неуловимых мстителях.

...Рельсы закончились приблизительно через три десятка шагов. Дальше их не было, но шпалы, как и прежде, тянулись в темноту, вместе со стенами обозначая направление пути. Автоматика подземелья уже отключила по-

толочный светильник позади меня. Присев на корточки и посветив фонариком, я сумел заметить на подгнивающем дереве шпал следы от металла. Это означало, что когда-то рельсы здесь все-таки были. А разве могло быть иначе?

Конечно же, этот обрыв насторожил меня, но не остановил. Мои шаги стали осторожнее, и все чаще я переводил луч фонарика из нижнего положения (с грунта) в горизонтальное направление – в уходящую тьму тоннеля.

Так, медленно продвигаясь, я прошел, пожалуй, около нескольких десятков метров, где меня ждала следующая неожиданность: в свете фонарика снова заявили о себе красновато-рыжими полосами ржавые рельсы узкоколейки. А рядом, у самих стенок тоннеля оказался сложенным неровным штабелем металл тех самых *отсутствующих* рельсов и сваленные кучками костыли – так я называл толстые железные клинья, с помощью которых рельсы закрепляются на шпалах. Пройдя дальше, я заметил еще два таких штабеля.

Вывод однозначен: часть узкоколейки была более-менее аккуратно разобрана. А вот с какой целью это когда-то и кем-то было сделано, я почти наверняка догадался чуть позже – всего через полминуты ходьбы.

Неопределенный силуэт, очертания чего-то стоящего прямо посередине пути заставили меня остановиться. Я прислушался к тишине, а потом, преодолевая легкое, но заметное оцепенение, стал приближаться к препятствию.

Я не был разочарован. Четыре небольших колеса, металлическая плоскость-поддон, проржавевшие болты-крепления, скобы, трубки и, конечно же, посередине конструкции наклонно расположенная ручка-рычаг. Внушительно. Я бы даже сказал, фундаментально.

Тележка для движения по узкоколейному пути – с использованием мускульной силы. Вот он – образ, напоминающий кадры из старого советского приключенческого фильма!

Дрезина – так я сразу же назвал это средство передвижения. Попытался оценить ее вес: ухватившись руками за край поддона, сделал вертикальное усилие. Тяжеловато. И это неудивительно: все элементы конструкции отнюдь

не выглядели хлипкими. Все было выполнено с запасом по прочности.

Конечно, хотелось попробовать толчком сдвинуть эту повозку с места. Характерный скрип проржавленного металла испугал меня. Да, дрезина чуть стронулась, и я заметил при этом, что торчащий рычаг немного изменил свое положение.

Справившись с некоторым волнением, я взобрался на плоскость тележки и попробовал нажать на рычаг привода. Нет, тяжело. Дрезина не сдвинулась с места. Трение?

И тут я догадался, что нужен начальный импульс. Стоя одной ногой на дрезине, другой я сильно оттолкнулся от грунта и при этом правой рукой подхватил наметившееся отклонение рычага. Чуть было не потерял равновесие и не выронил фонарик, но справился. С изрядным лязгом, словно нехотя, дрезина тронулась.

Было жутковато и в тоже время необычайно интересно. Скрип колес, хруст подвижных элементов конструкции разорвали тишину подземелья. Лево́й рукой я держал фонарик, а правой с силой преодолевал сопротивление механики привода рычага – средство передвижения работало! Навстречу медленно накатывали шпалы, которые выхватывал из тьмы мой слабый электрический свет, я вдруг понял, что смогу разогнать эту тележку до приличной скорости. Эта мысль пронзительно пронеслась в мозг, обдав по спине холодными мурашками и послужив началом неприятного и пугающего ряда фантастических образов, сразу же завладевших сознанием. Мне чудилось, что впереди может оказаться что угодно – особенно если я разгонюсь так, как это, по воспоминаниям кадров фильма, делали неуловимые мстители.

Что? Что может случиться? Оборвутся рельсы, и тележка резко затормозит, когда колеса ткнутся в грунт? Или же впереди моментально вырастет стена тупика, которую я не успею заметить и с ходу врежусь в нее? А может, рельсы и шпалы оборвутся на краю глубокой ямы, и мне предстоит ужасное падение вниз вместе с грудой проржавленного железа? Или же вдруг впереди – резкий поворот, за которым вообще какая-то неведомая чудовищная опасность?

Динамическое оцепенение – вот какое сочетание слов приходит мне в голову, когда я пытаюсь описать тогдашние мои ощущения. Динамика – потому что я умудрялся, несмотря на страх, поддерживать скорость дрезины (хотя и совсем небольшую). Оцепенение – потому что я, словно заколдованный, не смел прекратить это скрипучее перемещение в тьму. Было что-то завораживающее в этом удивительном беге дрезины, в этом медленном, подвластном моей правой руке, ухватившей конец рычага, ритме согласованно лязгающего механизма.

Конечно, это не могло продолжаться долго. Настал момент, когда я оставил усилия, и тележка, продвинувшись еще на несколько метров, с жалобным финальным скрипом замерла. Ни звука – лишь мое дыхание.

Что же дальше?

Тут я заметил, что лампочка фонарика светит не так ярко, как раньше. Или мне так кажется? Нет, не кажется: наверняка батарейка начала проседать.

Надо назад. Я снова проделал тот же прием с начальным толчком ногой от грунта и попытался разогнать дрезину. Неимоверно тяжело. Но почему?

Я уперся двумя руками, удвоив усилия. Мне почудилось, что скрип механизма стал громче, чем ранее, и дрезина начала движение. И тут я был поражен промелькнувшей в мозгу мыслью, что теперь я расположен спиной к неизвестности, то есть к таинственной бесконечной черноте тоннеля. И едва я попытался усилием воли отогнать образ всепоглощающей воронки тьмы позади меня, как явственно ощутил движение воздуха. Это было как порыв ветра, что ударил мне в спину – в спину, а не в лицо! Разве можно было ожидать такое?

И тут страх сделал свое дело и заставил меня бешено работать обеими руками. Я даже не успел осознать, что умудряюсь левой рукой и удерживать фонарик, и упираться в рычаг. Ветер в спину усиливался – он стал настолько сильным, что в неверном пляшущем луче света мне почудилась пыль, им поднятая.

Наверное, дрезина уже не ускорялась – я достиг максимально возможной скорости, но размышлять на эту тему

мне, конечно, было некогда. Вперед, а точнее, назад, назад! – это было сейчас главным.

Сколько сил, оказывается, у человека обнаруживается, когда он убегает от опасности! Особенно неведомой, непонятной, но ощутимой!

Конечно же, я потерял и чувство времени, и чувство пространства. Поэтому и забыл, что меня ждет впереди. Падение, потому что рельсовый путь оборвется!

Это случилось мгновенно – наверное, я не успел бы ничего сообразить, даже если бы сумел хоть что-то заметить в тусклом свете фонарика.

Резкий толчок. Меня швырнуло вперед, ноги потеряли металл опоры, я больно ударился обо что-то невидимое и твердое запястьем левой руки и понял, что сейчас упаду на грунт. Но ничего больше я уже не помню. Просто ничего не обнаруживается в закоулках моей памяти – даже никакого намека, как ни пытаюсь я вытащить наверх хоть какие-то образы. Темная пустота.

...Прямоугольный корпус фонарика на краю был с вмятиной. Откуда она взялась – не знаю. В моих *обычных* воспоминаниях ничего нет по этому поводу.

И еще. Небольшой шрамик – у запястья на левой руке. Точно помню, что он появился у меня в старших классах. То ли я порезался ножом, то ли еще что-то.

* * *

Вот и все. Время неумолимо в своем беге, но пока что оно ничего не может противопоставить таинственной работе человеческой памяти. И каждый раз ложась спать, я не забываю о том, что к утру может прийти сновидение, в котором промелькнет неожиданная *зацепка*, какой-нибудь вроде бы ерундовый, незначительный образ, который снова запустит механизм смены декораций.

Я давно уже оставил попытки как-то решить для себя еще несколько лет тому назад мучивший меня вопрос: так было ли в реальности хоть что-то, хоть какой-то элементик из того, что однажды оказалось вытолкнутым, проявлен-

ным моей памятью, или нет? Почувствовав, что, наверное, никогда мне не найти ответа на этот вопрос, я вроде бы даже успокоился, но новое неведомое ранее ощущение, кажется, начинает постепенно, день за днем, неделя за неделей овладевать моей душой.

Мне все больше и больше хочется *туда* – в *мое* подzemелье. Несмотря на то, что его, по всей видимости, не существует – по крайней мере, в привычном смысле. Пусть, говорю я себе, его нет здесь, но *где-то* и каким-то удивительным образом оно все-таки *есть*. Оно словно ждет меня. Пытается позвать.

На этот раз я запасусь сразу несколькими фонариками, дающими мощный свет, кое-какими инструментами, прочной веревкой, скотчем, саперной лопаткой, я заготовлю бутерброды, питьевую воду и все-все, что нужно для долгого, но осторожного движения в глубь неизведанной тьмы.

Я еще подумаю, что может понадобиться мне *там*. Например, я возьму цифровой фотоаппарат и, используя вспышку, сохраню в его электронной памяти образы подzemелья. Я спущусь по вертикальной трубе-колодцу, доберусь до помещения за той самой дверью и без труда сфотографирую все загадочные листки. Ничего я не вынесу на поверхность, но в моих руках будет почти вся тайна, а точнее, прообраз, заготовка ее разгадки.

Однажды, окончательно поборов страх и оцепенение, снаряженный, я протиснусь в лаз погребка, доберусь до амбразуры, выходящей в тоннель, и двинусь вправо. И, конечно же, после того как я, прикоснувшись к стене в нужном месте, выключу сторожа-охранителя (ультразвук), а потом пройду несколько десятков метров, там окажется дрезина.

Я устрою мой необычный экипаж как надо и под скрежет его ржавого металла, устремив вперед яркие электрические лучи, покачу на нем вперед, навстречу манящей неизвестности.

Светлана ГОРЕВА

РОДНАЯ КРОВЬ

2 января

Вчера она узнала мою тайну. Саня рассказал по моей просьбе. А сегодня я держу её за руку. Неужели ей всё равно на моё прошлое? Я боюсь спросить. Утром перечитал все письма, что отправил сам себе на электронку. Может, и ей отправить, чтобы ничего не объяснять?

Мы гуляем с Мелиссой по парку. Я произношу её имя тихо-тихо, одними губами:

– Ме-ли-сса.

От её имени во рту послевкусие, как после мятной конфетки. Красивое имя. Вкусное.

Я улыбаюсь как дурак. Есть такое выражение: рот до ушей, хоть завязочки пришей.

Утром она позвонила мне, а сейчас взяла за руку. Надеюсь, не заметила, как я покраснел. Или сделала вид, что не заметила. Никогда раньше не держал девушку за руку. Хотя нет, вру. Держал. Но тот раз не считается. Весной на соревнованиях мы всей командой стояли и держались за руки. Это не то.

Интересно, а бывает инфаркт от влюблённости? Надо будет погуглить. Слышал как-то по радио, что любовь укрепляет сердце. А у меня любовь или влюблённость? Говорят, это разные чувства. Я сам пока не разобрался. В любом случае, я счастлив. Банально? Ну и пусть. В нашем мире даже такие банальности, как оказалось, не всем доступны.

Сегодня солнечно. Снег слепит глаза. Я жмурюсь.

– Ты похож на моего Арчибальда, когда он объедается сметаной, – говорит Мелисса.

У неё и голос с нотками пряных трав. Есть такие травы мята и мелисса, всё время их путаю. Но чай с ними приятно пить. Вот и с моей Мелиссой приятно быть рядом. С моей... Странно звучит. Ещё вчера утром всё было иначе.

Мысли опять ускакали. А ей ответил:

– Как же ещё могут звать котика у девушки по имени Мелисса?

Она улыбнулась. Ну и ладно, Арчибальд так Арчибальд, подумал я.

– И запомни: никакой он не Арчи! Приходи завтра в гости. Сметаны только купи. Арчибальд любит.

Окей, ему – сметану. А ей что? Гугл не поможет. Мелисса особенная.

Прямо посередине тропинки стоял фонарь. А тропинка огибала его с двух сторон. Какой умник догадался фонарь поставить здесь? Или летом тропинка только с одной стороны, а зимой кто-то решил пошутить? Так не хочется отпускать руку Мелиссы.

Секунда (как долго она тянулась!), и мы снова держимся за руки. Не отпускай меня, Мелисса! Обратно пойдём другим путём. А пока я рассказываю ей, как исправил математику. Снова отличник.

В конце тропинки какой-то парень машет нам рукой. Брат! У меня теперь есть брат! Брат, я тебе столько всего расскажу.

1 января

За окном мельтешат снежинки. Странно, никогда раньше не смотрел на них. Это меня мама научила. Мама Наташа в смысле. Я сижу в её квартире за столом рядом с окном и улыбаюсь. После вчерашнего нет повода улыбаться. А я всё равно улыбаюсь, потому что успел.

Мы рассматриваем с тётёй Оксаной детские фотографии. Мои. Таких я не видел.

– Смотри, смотри, вот ты только родился. Мама показывает тебя в окошко роддома. Ой, какой ты был смешной.

Нос курносый, три волосёнки торчат в разные стороны, а глаза-то, глаза... Папа тогда ещё был жив... Знаешь, он тебя так ждал.

Тётя Оксана отворачивается в сторону, поджимает губы. Думает, я ничего не вижу и не слышу по голосу. Все женщины одинаковые. Чуть что, сразу глаза на мокром месте. Я взял её руку. Холодная. Ну, ничего, я согрею.

– Я ведь похож на неё, правда?

– Одно лицо! – тётя Оксана уже не плачет. – Ванька, ты копия!

Я уже привык к этому имени. И даже иногда откликаюсь. Пусть, мне не жалко. Для мамы Наташи и тёти Оксаны я навсегда останусь Ваней.

Я их люблю. Ещё два дня назад не знал об этом, а сегодня уже уверен. Когда только успел? Знакомы всего ничего. Всё-таки кровь решает многое. Зря я вспомнил про кровь, голова сразу закружилась. Не люблю я анализы эти, иголки. А мама Наташа была медсестрой. Странно, в этом мы с ней не совпали, хотя и родная кровь. А вот брат Егор пошёл по маминым стопам. Стал врачом. Работал в обычной поликлинике, а потом уехал в Гватемалу лечить местных жителей. Он и про аварию не знал, и на похороны не успел. Плохо там, в Гватемале, со связью. Завтра должен прилететь.

Тётя Оксана опять отвернулась. Нет, всё-таки тяжело видеть чужие слёзы. А у меня нет слёз. Только ком в горле. И руки трясутся, как перед контрольной.

31 декабря

Смёрзшиеся комья земли гулко ударяются о свежеструганные доски. Я считаю про себя: один, два, три. Больше нет. Мамы Наташи нет. И комков больше нет. Я, Санька и тётя Оксана. Три комка. Пошёл снег. С Новым годом!

Странно, ещё в начале года я был уверен, где и с кем буду отмечать праздник. Многие в этом году вообще решили не праздновать. В школе концерт и дискотеку тоже отменили. Странная всё-таки штука жизнь. Саня сказал,

что вчера написал письмо в «Жди меня». Будет искать своих родителей. Он их простил. Я плохо помню вчерашний день. Помню только, что была оттепель, а сегодня снова зима. В голове крутится дурацкая песня столетней давности «Зима, холода, одинокие дома...» Если уж дома одинокие, что же говорить про людей.

Я не плачу. Даже когда заплакала тётя Оксана, я сдержался. Это первые в моей жизни похороны. Нет, я, конечно, понимаю, что люди не вечны. Привет Адаму и Еве. Я не знаю, как себя вести. Тётя Оксана всё время пытается меня притянуть к себе. А я же большой, выше неё. И сзади, наверное, это странно смотрится. Я стараюсь думать о маме, но ничего не выходит. Я даже не очень запомнил её лицо. Родинка над верхней губой была справа или слева? А глаза всё-таки зелёные или больше серые? Фото на кресте ещё нет. У меня вообще нет её фотографии. Зато с других памятников смотрят на меня разные люди.

Вот девушка, совсем ещё молодая, улыбается, как будто спрашивает:

– Эй, как дела?

А там дедушка с густой бородой:

– Не грусти, мол, вся жизнь впереди.

Я подхожу ближе к одной плите. Большая такая, метра два в высоту. На ней фото мужчины в тёмных очках, а внизу подпись:

«Ты заходи, если чё».

Сразу видно, весёлый был человек. И там, наверху, надеюсь, ему весело. А нам здесь на Земле? Весёлого мало. Зачем всё это?

Сквозь пелену снега вдалеке проглядывают кресты на свежих могилах. Здесь похоронили тех, кто бежал от обстрелов из Донбасса. Такая вот ирония судьбы: сбежать оттуда, чтобы погибнуть здесь. Я вспомнил, как в новостях был сюжет про эту семью. Они приехали к нам, в Белгород, сняли жильё. Оно стало их конечной точкой на маршруте жизни. Снаряд нашёл их и здесь.

Слышны звуки скорой помощи. Недалеко та самая больница, где я познакомился с моей мамой. Мысленно желаю врачам удачи. Она им ещё пригодится.

29 декабря

Мама Наташа всё держала и держала меня за руку. У меня уже и рука затекла. И сидеть на краешке кровати ещё то удовольствие. Как воробей на жёрдочке. А сказать – неудобно. Меня так воспитали родители. Если нужно, можно и потерпеть. Я и терплю. В палате душно, все шторы закрыты. Батарей кипятилок. Но маме так лучше. Я потерплю. Я всё понял, я всё простил. А мама всё гладила и гладила меня по руке. Мягкая у неё рука, но ужасно холодная. Как будто положили руку, как рыбу, в лёд и забыли забрать. Мама смотрит в одну точку за моей спиной. Я хочу повернуться, посмотреть, что она там увидела. Я ведь не был никогда в этой больнице. Может, картина? Или часы? Да, интересно, сколько времени я тут сижу.

Зашла тётя Оксана и позвала меня выйти, а сама пошла сидеть с моей мамой. Это ведь её родная сестра, им надо побыть вдвоём. Понимаю.

Я сел в коридоре на старый, протёртый диван, положил под спину подушку. Всегда так делаю. Так удобнее. Пока никого нет, ещё и ноги под себя поджал. Тоже так люблю. Хоть родители и ругают, что осанку порчу. У хорошего пловца осанка не испортится. А я хороший. Почти КМС. В каникулы соревнования будут, надо не подвести тренера. Зря я тогда треснул в школе по Доске почёта. Могли бы и снять за такое. Но не сняли.

Вышла из палаты тётя Оксана. Тихо прикрыла за собой дверь. Свет горел только в конце коридора у стола медсестры. Я плохо видел в потёмках тётино лицо. Встал, подошёл ближе. Она молчала. Но не надо было ничего говорить.

– Всё, – прочитал я по губам.

Я отвернулся к окну. Недалеко от больницы храм. В заходящем зимнем солнце кресты на куполах похожи на зажжённые свечки. Спи спокойно, мама.

28 декабря

Осталось два дня до конца четверти. Математику я так и не исправил. Мама больше об этом не спрашивает. Мы

вообще не разговариваем. Папа в командировке и приедет только 31-го вечером. Когда он мне звонил вчера, тоже ничего не сказал.

Утром я увидел, что у меня семнадцать пропущенных за ночь от тётки Оксаны. Я начинаю немного привыкать к ней. После разговора с Саней я понял, что я не один такой. Он вообще знал это с самого детства, а я узнал это только сейчас.

Интересно, если мы с родителями не обсуждаем эту тему, они будут против, если я всё-таки пойду туда? Пишу Сане записку.

Он на меня уставился, как ненормальный.

– Ты тоже?!

Я кивнул. Потом спросил у него, пойти мне или нет.

Он тоже кивнул.

– Богатырёв, может, хватит записки кидать? – окликнула меня русичка. Это она с виду такая строгая, но весь класс её обожает. И меня она за всё прощает, сочинения я пишу лучше всех. Сделал вид, что слушаю. Посмотрел на остальных: все тоже делали вид. Конец четверти.

После урока Саня схватил меня за локоть так, что я чуть не взвыл от боли.

– Ты ещё сомневаешься? Конечно, иди. Это же твоя мама.

Я вышел на улицу и взял в руки телефон. Из рта шёл пар. Странная в этом году зима. Снега почти нет, а город украшен, как обычно, только ледяных горок не хватает. Стою, мнусь на крыльце, а время идёт. Скоро уже звонок, а я никак не могу позвонить. Снег за шиворот падает. Холодно. Наконец решился.

За десять минут я узнал всю короткую двухмесячную жизнь Вани Зюзикова. Он родился в хорошей семье, где его очень ждали. У него был старший брат Егор. Однажды мама пошла за молоком, а Ваню оставила в коляске рядом с магазином. А потом его забрали. Нет, не мама. Чужие люди. А мама закричала, когда увидела, что сын пропал. Она так кричала, что тётя Оксана, её родная сестра, долго слышала этот крик. А потом Ваню нашли в другом городе. Случайно. В лесу грибники. А маму не нашли. И папу

не нашли. Или плохо искали. Вот так бывает. И отправили Ваню в дом малютки. А потом он попал к новым родителям, которые по иронии судьбы переехали в его родной город.

А настоящая мама Вани попала в аварию и сейчас умирает. А папа уже умер. Не выдержало сердце. А теперь Ваня нашёлся. Волонтёры искали и нашли. Мама всегда верила, что он найдётся.

– Я п-приду, – сказал я тётке Оксане. – Не н-надо плакать.

Я всегда заикаюсь, когда волнуюсь.

27 декабря

Не помню, как вчера дошёл до дома. Помню только густой снег. И как хлюпало в новеньких ботинках. Утром я радовался с родителями первому снегу. А днём и снег почти растаял, а с ним и родители. В голове было пусто, как в заброшенном колодце. Кричи, сколько хочешь, не докричишься.

Очнулся ночью на своей неразобранной кровати в школьном костюме. Было полнолуние. От лунного света и проснулся. Не удивлюсь, если ещё и парад планет. Ведь такие новости не каждый день узнаёшь. Хотя какие у нас новости сейчас у всех? Все только о войне говорят. Зато теперь сразу понятно, кто есть кто. Как будто до этого все пришли на маскарад, радовались, веселились, а потом вдруг маски растаяли, как карета у Золушки и все остались с истинным лицом. Я вспомнил, что недавно читал про стэнфордский тюремный эксперимент. Людей разделили на две группы: одних посадили в условную тюрьму, а других – заставили охранять первых. Так вот вторые настолько почувствовали свою власть, что эксперимент пришлось завершить досрочно. Мне иногда кажется, что сейчас вся Земля – это сплошной этот эксперимент. Люди готовы покорно исполнять предложенные им роли, если существует идеология, оправдывающая их поступки и поддерживаемая обществом и государством. Эта мысль отвлекла меня ненадолго от моей проблемы. Есть ли кому-то дело до капли в море, когда на море шторм?

Я разделся и лёг спать.

Утром разбудила мама, сказала, надо поговорить. Я смотрел на неё как будто видел первый раз. А она на мой немой вопрос ответила, что всё знает. Ей тоже звонила противная тётка. Это я её так называю. А мама назвала её тёткой Оксаной.

Мама тяжело дышала. Вся какая-то опухшая. Глаза, как у жителя Страны восходящего солнца. За лето я подрос и стал на целую голову выше мамы. Папа называет её теперь Дюймовочкой, а меня – жирафом и говорит, что не бывает таких жирафов в восьмом классе. Но я доказал обратное. Бывают.

Мы молчали. Мама не ругала даже за смятую постель и невыученные уроки.

– Илья, что бы ни случилось, это твой дом.

Так сказала мама.

Она всегда называет меня Ильёй. Папа – Илюхой. А для бабушек-дедушек я, само собой, Илюшенька. Хоть они мне в подмышки уже дышат.

Я пожал плечами. Четырнадцать лет я входил и выходил из квартиры с коричневой входной дверью. Я могу, кажется, отличить её даже закрытыми глазами от всех остальных. А сейчас думаю, что и дверь мне врала.

Мама сказала, что знает, как мне больно, но это пройдёт. Что должно пройти? Я смотрел на маму. Раньше мне всегда казалось, что я очень похож на неё. У обоих зелёные глаза, светлые волосы, нос прямой, тонкий. Папа смеялся над нами и говорил, что мы из дворян. А он из рабоче-крестьянской партии. Нос картошкой, мозолистые руки. А теперь мама одна из дворян. А я из какого роду-племени?

– Всё-мне-пора-опаздываю! – скороговоркой выпалил я, схватил школьную сумку и вышел из дома. Опять снег. В этом году была какая-то аномалия, как сказали учёные. Снег пошёл только в конце декабря. Зато какой.

Даже снег зависит от чего-то там. Что уж говорить про человека. Мы все от чего-то зависим. Или нет? Родился, например, в семье короля, будь добр, готовься принять трон. А если не хочешь? Ну, мало ли что не хочешь, надо! Были,

конечно, случаи в истории, когда отказывались от трона. Но это, скорее, исключение, подтверждающее правило. Я тоже не выбирал, где родиться. За меня всё решили.

В наушниках по радио передавали новости. Нашему Белгороду опять досталось. Никогда бы не подумал, что буду жить в военное время. Как их назвал историк? Коричневая чума? Почему мне только четырнадцать! Прадеду было семнадцать, когда он пошёл на фронт. В голове строчки из Симонова: «Если дорог тебе твой дом, где ты русским выкормлен был...»

У школьных ворот меня ждал Санька. Ладно хоть он остался прежним. Санька – мой лучший друг. Самый начитанный человек, которого я знаю. Своё любимое выражение «есть преступление хуже, чем сжигать книги, например – не читать их» он вставляет к месту и не к месту. Но именно он научил меня их любить.

Саня! Как я рад был его видеть!

Он стоял и ковырял облупившуюся краску с железных прутьев ворот. А она осыпалась прямо в лужи, покрытые полупрозрачной корочкой льда. Вот так и моя жизнь осыпается прямо на глазах.

Мы поздоровались. Саня сразу понял, что что-то случилось.

Я ему сказал:

– Завтра в школу не иду!

Саня подмигнул:

– Заболел, понимаю.

А я сказал, что умер, а завтра похороны. И замолчал.

Сашка перестал подмигивать. Всё-таки у него есть чему поучиться. Молчу, значит, не хочу говорить. А он всё понимает и ни о чём не спрашивает.

Когда у меня зазвонил телефон, я не сразу поверил, что это Мелисса. Она самая красивая девчонка во всей параллели. И, как я, отличница. Но мы не соревнуемся, потому что учимся в разных классах. Говорят, мы были бы хорошей парой. Но только она не смотрит в мою сторону. Дала номер телефона, а на звонки мои не отвечает. А тут сама позвонила. Я тормоз. Не успел взять трубку.

На моём лице, видимо, всё было написано.

– Похороны отменяются, – снова подмигнул Сашка. Люблю его юмор.

Потом мы опять пошли молча. Решили прогулять два первых урока. Физру можно. Учитель даже не заметит, что нас нет. Со звонком он утыкается в свой телефон, а нас отпускает в свободное плавание. Мальчишки обычно играют в футбол или волейбол. Девчонки сидят на лавочках, обсуждают свои девчоночьи дела. Потом всем по «пятёрке». И нам хорошо, и учителю норм. Только это наша тайна. Даже классная не знает.

Забрели в какой-то проулок и оказались перед серым двухэтажным зданием. Муниципальное образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Детский дом № 2. Это табличка рядом с входной дверью.

И тут Саня вдруг выдал, что он приёмный ребёнок. Его взяли из этого детского дома, когда ему было три года.

Я так растерялся, что не нашёл ничего лучше, чем сказать, что по нему не скажешь. А он ответил, что на лбу ни у кого не пишут, приёмный или нет. Я вспомнил, как историк рассказывал нам про клеймение сбежавших рабов в Древнем Риме. Вот там уж не отмажешься.

– А почему раньше не говорил?

– Не знаю... Зачем? Я привык.

Саня сказал, что раньше его фамилия была Светловский.

– Красивая, – кивнул я.

А сейчас он Кощеев. И, правда, тощий, как Кощей. Его так и называют в школе. А он не обижается. Говорит, хотел найти родителей, но потом передумал. Они, пьяные, бросили его на остановке зимой замерзать, а сами пошли дальше гулять. Зачем таких искать?

А я молчал про свою тайну.

Может, ему всё рассказать?

26 декабря

Придумал классную фишку. Пишу электронное письмо и отправляю его сам себе. Получается такой электронный дневник. И места не занимает, и хранится по датам.

Сегодня первый день. Решил записывать всё, что со мной происходит. Говорят, так надо для психического здоровья. Да я вроде здоров. Правда, недавно видел по телику передачу про ОКР. Это такое психическое расстройство. И не выговоришь: обсессивно-компульсивное расстройство. Ведущий серьёзным тоном перечислял симптомы. Я нашёл у себя некоторые из них. Неужели я псих? Считаю ступеньки, могу несколько раз проверить заперта ли квартира. Мама говорит, чтобы я ничего не выдумывал, нет у меня никакой болезни. Просто я аккуратный, ответственный и люблю царицу наук математику. Посмотрим.

Сегодня семь уроков. Четыре дня до окончания второй четверти. По математике между «4» и «5». Решающая контрольная. Хотелось плюнуть на всё, но маме обещал исправить. Она меня во всём всегда поддерживает, жалко было потерять её доверие.

Тайная опора – голос мамы в моей голове. Где-то я читал, что с каждым годом связь, как невидимая пуповина, между матерью и ребёнком становится всё тоньше и тоньше. А потом – бац! – рубанул пуповину и упорхнул из родительского гнезда. Я давно представлял себе, как я буду жить один. Стиралкой пользоваться умею, картошку пожарить или яичницу – запросто, даже пироги как-то пёк. Не пропаду.

А после шестого урока перед этой самой царицей я пропал, можно сказать, умер. Оказывается, так бывает. Живёшь себе живёшь, а потом – бац! – и умер. Как там говорил Воланд в «Мастере и Маргарите»? «Человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус». Так вот сегодня внезапно, сам не ожидая от себя такой выходки, я взял и умер. Надо же, был человек и нет человека.

Был Илья Богатырёв, а теперь нет его. Сколько раз мы с пацанами на переменках мерялись силой.

– Богатыря никто не может побороть, – так говорили все одноклассники.

А тут появилась какая-то тётка и уложила меня одним звонком. Нокаут! Мне Лёха из параллельного класса объ-

яснял, в чём разница между нокадауном и нокаутом. Он лет с шести боксом занимается. Я так запомнил:

– Нокадаун – это удар, после которого боксёр падает, но поднимается и продолжает бой. А после нокаута спортсмен теряет сознание и не может встать в течение 10 секунд.

Так вот повалил меня сегодня не мастер спорта международного класса, а какая-то Оксана здрасьте-я-ваша-тётя! И голос такой противный. Да в гробу я видел эту тётю!

Я залез с ногами на заляпанный подоконник в мужском туалете и ковырял облезающую краску на косяке окна. Под краской проступила надпись: «Будь собой! Остальные роли уже заняты. Верь в себя!» Легко сказать. А кто я, чтобы верить в себя? Зачем я такой? Четырнадцать лет я думал, что я – это я. Оказалось, что не я.

Между двойными рамами в паутине запуталась муха. Она дёргала лапками и пыталась освободиться. Жить хочет. А кто же не хочет?! Я тоже хочу, представляешь, муха? А меня только что без ножа, без суда и следствия взяли и убили! Одним телефонным звонком! Такое под силу только отъявленным преступникам или сумасшедшим тёткам! Они звонят и объявляют, что я никакой не Илья Богатырёв, а Ванька Зюзикиков! Зю-зя!

Приёмыш!

Ноу комментс!

Видел я когда-то передачу по телику, там рассказывали про брошенных детей. Я тогда ещё подумал, как хорошо, что я родной. А один ненормальный задвигал что-то типа этого:

– Моя душа выбрала родиться у родителей-алкоголиков.

Что за бред! Кто бы в здравом уме такое выбрал? Зачем? А он, чудак, им ещё и благодарен. Говорит, спал в подвале, чтобы не видеть, как родители пьют и дерутся, потом попал в тюрьму, чуть не умер. А сейчас освободился, вылечился и учит других жить.

– Я, – говорит, – благодарен 24 часа в сутки 365 дней в году!

Даже родную мать научил жить без алкоголя. Посмотрел бы я на него, если бы он тоже оказался приёмным.

Я сидел и думал, что лучше: быть приёмным или родиться у алкоголиков? Так и не решил.

Мои ботинки покрылись облупленной краской, как яичной скорлупой. А я всё ковырял и ковырял. Из пальцев на правой руке потекла кровь. Мне хотелось расковырять эту чертову стену до самого кирпича, а потом пробить его насквозь, выглянуть на улицу и закричать, что все вруны!

Все!

Мама!

Папа!

Баба Катя и дедушка Толя!

Бабушка Ира

и дед Генрих!

Да, дед Генрих. И мама (или как теперь её называть?) Алиса Генриховна.

Как можно было мне врать четырнадцать лет!

Но пробить стену не удалось. Из туалета меня вытащила Тамара Михайловна. Завуч. За шкирку, как котёнка нашкодившего.

– Ты не оправдал доверия! Тебе «пятёрку» по математике хотели поставить, – кричала она. – А ты контрольную прогулял.

Ещё что-то кричала, я не слышал. Видела бы она своё лицо, когда я сказал ей, что умер. Наверное, она решила, что я переучился и отпустила меня домой.

«Четвёрка»? Ну и пусть. Мне теперь всё равно. Приёмши хорошо не могут учиться.

И я пошёл домой. Невозможно воняло в коридоре из столовой. Что они там готовят? Остановился у Доски почёта. На меня уставился белобрысый пацан. Отличник, победитель олимпиад, первый взрослый по плаванию. Как там говорит русичка? Пронзительный взгляд? Романтичный вид?

– И-ль-я Бо-га-ты-рёв, – по слогам, как маленький, прочитал я. А потом взял и стукнул по доске. Кулаком. Сильно. Попал прямо по пронзительному взгляду. Доска завибрировала, но выдержала.

Из столовой выглянула повар. Баба-яга. Вечно всем недовольна.

– Сейчас к директору пойдёшь, хулиганьё! – закричала она.

И чего взрослые всё время кричат, думают, дети глухие, что ли? А я ей ответил, что не пойду, потому что умер. Её лицо стало похоже на лицо завуча. Сразу видно, что мёртвых ни разу не видели. Охранник пропустил без вопросов, когда я сказал, что у меня умер родной человек. Знал бы он, насколько родной.

Всё, больше не могу, допишу завтра. На сегодня меня нет. Вне зоны доступа. DELETE Илья Богатырёв.

ИНОХОДЕЦ

Кап... Кап... Кап...

Слышите музыку? Как будто нажимает кто-то невидимый на клавишу фортепиано. До... Кап... До... Кап...

Вот я сижу у мамы на коленях и слушаю музыку водосточной трубы за окном. Мне три года. Весенняя капель стучит по карнизу. Ускоряется. Потом снова медленно. Я, не моргая, смотрю в окно. Вижу радугу в падающей капле. Жмурюсь от яркого солнца. Глаза слезятся. Капля дождя или капля от растаявшей сосульки падает на землю со скоростью не больше семи-восьми метров в секунду, знаете? Нет? В три я тоже этого не знал. Мне потом рассказали. В школе. А пока я сижу у мамы на коленях.

Во дворе открыли новую детскую площадку. Мне уже шесть. Мой друг Саша зовёт меня на горку. А я не могу оторваться от домика со счётами. Костяшки ударяются друг об друга. Раз-два-три! Раз-два-три! Раз-два-три-раз!

– Гри-иша... – протяжно зовёт меня друг. Я не откликаюсь. Я слушаю вальс костяшек. Раз-два-три! Раз-два-три! Раз-два-три-раз!

Какой чудесный солдатик! Как он машет маленькой сабелькой: раз-два, раз-два! И опять музыка. Только уже не вальс. А марш! Слышите? У меня день рождения. Целых десять лет отделяют кричащий комочек родительского счастья от вихрастого любопытного парня. Я уже знаю дроби. И дроблю по пути до школы всё подряд: дома, прохожих, улицы, кварталы. Две четвёртых, три четвёртых, пять десятых... Дробь! Шесть шестых, семь седьмых... Единица! Чеканю шаг, отбиваю марш! Музыка и математика живут в моей голове.

И вот уже двенадцать лет. Всего двенадцать. Мне прощают великое будущее. Математическое. А я тяну струну на моей старенькой скрипке в бабушкиной комнате и слышу её. Музыка! Математика кружится в вальсе, танцует лезгинку, отбивает чечётку в моей голове.

– Гриша! А Гриша! – зовёт мама из прихожей. Сейчас мне влетит. Я знаю за что. Окно в учительской – это ерунда. А вот звон стекла. Как, оказывается, оно красиво звенит! Бить стёкла – нельзя. Это понятно. Но где же ещё услышишь хрустальный звон? И тогда я прошу у бабушки на день рождения музыку ветра – китайские колокольчики. Они тогда только появились на рынке у продавцов с узкими, как лавровые листья, и чёрными, как маслины, глазами. Вешаю над своим столом и под их звон решаю олимпиадные задачи по математике.

Мне нравится одноклассница Оля. Но она обходит меня стороной. Ей сказали, что я странный. непохожий на других. А разве каждый из нас похож на других? И да и нет. Номо sapiens – все разные. Почему мы должны быть похожи друг на друга? Или не должны? Где границы нормы? Кто их придумал? Я совсем запутался. Бабушка сказала, что это нормально для семнадцатилетнего парня. Семнадцать – красивое число. Но не ровное. Не как двадцать. Двадцать мне больше нравится. Но до него ещё три года. Раз-и, два-и, три-и. Как в музыке, размер три четверти. Три! Мама говорит: «Три лучше, чтобы стол чистый был, никаких пятен от ручки». А мне слышится не глагол, а числительное. Три... В нём даже букв столько же. Три. Мое любимое число. Хоть и учусь на одни пятёрки. Физкультура только хромает.

У Оли длинная коса. Как у русских красавиц из народных сказок. Я смотрю на Олю и слышу русские народные песни.

И вот мне двадцать! Я много хожу пешком. Это полезно. Для людей. Начинается активная работа мозга. Хотя, возможно, и не у всех. Раз-два – вдох. Три-четыре – выдох. Всё подчинено математической логике. А в наушниках – музыка космоса. Словами не опишешь. Звучит страшно. Но красиво. Эхо далёких планет долетает до нас тогда,

когда от космических тел не осталось даже пыли. Я лечу сквозь время и пространство.

Неожиданно слышу рядом покашливание. А? Что? Нобелевская премия по математике? Мне? Зачем? Какая ерунда! Вы отвлекаете меня от главного. Какое мне дело до денег, если я уже вошёл в историю. За деньги разве помнят? Вот были Юсуповы богаче, чем русский император. Императора помнят. А Юсуповых? Зачем мне деньги? Вы лучше послушайте, как звучит весенняя капель. Слышите? Раз-два-три! Раз-два-три! Раз-два-три! Раз!

Протоиерей Михаил РЕЗИН

Ардатов, Нижегородская область

В ЗЕЛЕНЕЮЩЕМ МАЕ

Матушка отца Антония тяжело болела и отошла ко Господу, когда Кате, их единственной дочери, было 18 лет. Катя окончила школу, работала при храме и хотела поступать в медицинскую академию, поскольку болезнь матери обнажила ее беспомощность перед сокрушительной болезнью. Не может быть, чтобы Господь не дал человеку умение и разум победить этот недуг. Есть способы, есть новейшие достижения науки, есть медикаменты и аппаратура, но всем этим надо уметь пользоваться. Отец Антоний слышал, как непросто в наше время поступить в медицинский вуз, а потому готов был залезть в долги, чтобы оплатить экзамены и учебу.

Матушка знала о желании дочери и буквально незадолго до смерти позвала батюшку и Катю.

– Родные мои, мне уже скоро уходить. Душа моя отлетала и вернулась. Я видела Землю из космоса, но она мне была показана как бы через люк, который приоткрылся. Планета наша была не голубым чудным шариком, как мы привыкли видеть ее на снимках и в кино, а серо-коричневым комком цвета пашни. И только в немногих местах вверх прорывались лучики света. Мне сказали, что это православные монастыри и храмы, в которых идет молитва и совершается Литургия. Поэтому, моя драгоценная, я благословляю тебя поступить в монастырь. Конечно, последнее слово за папой, но я очень бы хотела...

Когда земельный холмик исчез, утонул под венками и букетами цветов, когда поднялся дубовый крест с портретом матушки и датами ее рождения и смерти, Катя повернула к отцу Антонию мокрое от слез лицо:

– Я сделаю как сказала мама! Ты согласен?

Наверное, это решение было страшнее и мучительнее всего для Романа, который с начальной школы с нежностью и вниманием маленького рыцаря сопровождал ее всюду. Он был бесстрашен и напорист, его побаивались даже мальчишки из классов постарше. Отец его, Эдуард Борисович Корнилов, в прошлом мичман береговой охраны где-то на Дальнем Востоке, вел при школе кружок «Юнга», где учил ребят простым и нужным вещам: вязать морские узлы, общаться на расстоянии флажками, понимать азбуку Морзе и любить Отчизну. К Церкви был холоден, при встрече с отцом Антонием слегка приподнимал фуражку и вполголоса произносил: «Мое почтение!»

На выпускном в школе Роман спел под гитару для Кати песню, которую в давние времена исполнял ансамбль «Цветы» Стаса Намина «Звездочка моя». Он сказал, обращаясь к замершему залу:

– Пою для самой прекрасной, чистой и строгой девушки нашего города, а может быть, и всей страны.

Никто из ровесников и преподавателей не сомневался, что Роман и Катя поженятся, что это будет редкая по единomyслию и верности семья. И вот – монастырь!

Отец Антоний написал игуменье письмо, в котором коротко и сухо изложил причины, по которым он благословляет свою дочь поступить в трудницы, а потом – послушницы монастыря.

Невозможно описать чувства Романа! Если бы он был псом, а Катя бы умерла на его глазах, то пес этот скончалась бы на ее могиле, не сходя с места. Роман на год уехал на Север на какое-то газовое месторождение.

О нем не было слышно ничего. Как, впрочем, и о Кате. Потом, рассказывают, он вернулся и устроился водителем в монастырь, где проходила послушание Катя. Неудивительно, что через какое-то время Катя позвонила отцу Ан-

тонию и сказала, что ушла из монастыря и хочет заключить брак с Романом. Она не ждет благословения отца, а потому они будут искать священника, который их обвенчает. Речь Кати была сбивчивой и возвышенно-счастливой. Спустя время выяснилось, что наши Ромео и Джульетта, к счастью, не нашли своего отца Лоренцо, а потому просто расписались в загсе.

Через три дня они стояли на пороге домика, в котором проживал отец Антоний, и не могли вымолвить ни слова. Стояли осунувшиеся и растерянные на расстоянии друг от друга. Отец Антоний провел их в дом, разлил чай и приготовился слушать.

Выяснилось следующее удивительное обстоятельство. Счастливые молодожены после загса направились в гостиницу, где сняли номер. Но только Роман повернулся к Кате, как ощутил сильнейший трупный запах. Они открыли окна, но запах не исчезал, а как будто только усиливался. Причем Катя ничего не чувствовала, а только Роман. Совершенно обескураженные и испуганные, они вышли на улицу и всю ночь просидели в парке. Решили ехать к старцу. Тот их выслушал и сказал:

– Что вы хотите? Екатерина дала обет в монастыре, она умерла для мира. Чем она должна пахнуть?

Катя поднялась из-за стола, лицо ее в закатном свете было прекрасно и строго.

– Папа, благослови меня снова в монастырь. Теперь в далекий уральский. А Романа – на войну. Я буду молиться за него и всех воинах наших, а он будет защищать Отечество и Веру православную. Так мы решили, и в этом, думаю, воля Божия о нас!

Прошел год. Катя написала, что приняли ее хорошо. Монастырь маленький и уютный, игуменья – внимательная и немногословная – все поняла и не произнесла ни слова осуждения.

Роман не ушел на войну, как собирался. В дом Корниловых пришла беда. Эдуард Борисович однажды ночью возвращался в город на своем стареньком «москвиче». Рядом сидела его тихая и кроткая Алена Тимофеевна. На дороге неожиданно вышел лось. Не помогло ни экстренное

торможение, ни умение водить машину виртуозно. Эдуард Борисович практически не пострадал. Только лицо было посечено осколками лобового стекла. У Алены Тимофеевны перелом основания черепа. Скорая помощь, реанимация, несколько дней в коме, похороны. Ни Эдуард Борисович, ни Роман в церковь не пришли. Дальняя родственница купила пучок свечей и заказала заочное отпевание.

Роман пришел к отцу Антонию только через две недели. Отец Антоний смотрел на Романа, одноклассника Кати и своего «не случившегося» зятя, и ждал. В глазах Романа была бесконечная горечь.

– Три раза в жизни я молился всем сердцем и всей душой. Первый раз, когда Катя собралась в монастырь, второй – когда она вместе со мной сбежала из монастыря и по бумагам стала моей женой, третий – когда уходила мама, и я держал ее руку, чувствовал слабые попытки крови пройти по жилкам, и губы мои горели и сохли от слов: «Господи, не допусти! Господи, не лиши нас мамы!» Ни разу Бог не отозвался на мои мольбы. Пустое небо над головой. Старики у нас во дворе играли раньше в домино, и я слышал, как они стучали костяшками и выкрикивали: «пусто-пусто!» Я не понимал, что это значит. Теперь понимаю: все в мире «пусто-пусто»! Главное – в небе пусто! Ничего и никого там нет! И надеяться не на что и не на кого! Спасибо вам за Катю. Вечером уезжаю. Выполню, что ей обещал!

Отец Антоний иногда листал странички своей записной книжки, просматривать цитаты. Особенно ему нравились высказывания старца Иоанна Крестьянкина: «Дорогие мои, чадца Божии! Верьте Богу, доверяйтесь Его всегда благой о нас воле. Примите все в жизни: и радость, и безотрадность, и благоденствие, и злоденствие, как милость и истину путей Господних. И ничего не бойтесь в жизни, кроме греха. Только он лишает нас Божия благоволения и отдает во власть вражьего произвола и тирании. Любите Бога! Любите любовь и друг друга до самоотвержения. Знает Господь, как спасать любящих Его».

На дворе был ослепительный май. В храмах отзвенели колокола по воскресшему Христу, отшуршали хоругвями крестные ходы, а в мир продолжала изливаться благодать Божия, поющая и сияющая в каждой травинке, каждом одуванчике, каждом облаке и синеве неба.

Ранним утром в дверь постучали. Отец Антоний накинул на плечи подрясник и вышел. На крыльце стоял Эдуард Борисович. Лицо бескровное и каменное.

– Хочу креститься! Вы можете это сделать?

Отец Антоний был обескуражен и не знал, что сказать.

– А вы разве не крещены?

– Нет. Родители были убежденными коммунистами. Когда служил в армии, была очень тяжелая ситуация, и я решил креститься. В церкви предложили взять другое имя, Эдуард – не православное. А как я отрекусь от того, что мне дали отец и мать?

– Эдуард – имя православное. Вам отказывали по незнанию. Это имя английского короля-мученика, погибшего, когда Англия была еще православной страной. Может, в дом пройдет?

Эдуард Борисович словно не слышал.

– Сегодня ночью, отец, произошло что-то совершенно невероятное, на вашем языке – чудо. Мой Роман воевал на херсонском направлении. Был контужен и ранен. Поправился. И снова в часть. Два дня подряд звонят из Ростова, что Роман погиб, просят приехать на опознание. И вот ночью он сам позвонил на мобильный: «Я живой, папа! Христос воскрес!» Я встал на колени и заплакал.

– Не будем откладывать! Пойдемте в храм!

Отец Арсений снял связку ключей, висевшую на гвозде в коридоре, и решительно шагнул в рассветный сумрак.

Антон ЛУКИН

Дивеево, Нижегородская область

ДЕД САША

В зимнюю пору мы с сестрой часто гостили у бабушки. Многоквартирный дом, в котором она жила, был старой постройки. Через дорогу находился монастырский пруд, где я мальцом ловил консервной банкой головастика. Позже пруд спустят, почистят и приведут в порядок. Но вода держаться, как раньше, уже не будет. Уйдёт в почву. Место это со временем зарастёт травой, и мальчишки оборудуют его под футбольное поле.

Вдоль пруда росли старые ивы, кору и ствол которых давно поели насекомые. В деревьях с годами образовались дупла в человеческий рост. По другую сторону пруда росла Царственная лиственница. Дерево посадили в честь первой годовщины рождения цесаревича Алексея в 1905 году.

Рядом с бабушкиным домом у перекрёстка стояло двухэтажное розовое здание. Там располагалась редакция районной газеты «Ударник». Хорошо помню, как в школьные годы нёс свои первые наброски на тетрадном листе в редакцию. Редактор Валентина Каганова, внимательно ознакомившись с рукописями, по-доброму, чтоб не спугнуть в моей детской душе тягу к сочинительству, указывала на погрешности в тексте. Сколько же было радости и восторга, когда в газете появлялась моя первая проба пера. Сказка аккуратно вырезалась и клеивалась в толстую тетрадь с именованием «Архив», где хранились когда-то вырезанные из советских газет мамины публикации...

Как же всё-таки приятно в студёную зимнюю пору, когда за вечерним окном завывают метели, находиться в тёплой комнате и поглядывать на ледяное оконное стекло. На подоконнике беседует с самим собой радио. В печи потрескивают поленья, наполняя комнату теплом. Под половицами изредка скребётсямышь. Радует, что вовремя нашла укрытие и теперь без забот и хлопот перезимует в норке, засыпая под наши голоса. И во всей этой, казалось бы, незатейливости есть своя прелесть. Своя красота. Как же мало человеку нужно для счастья! Стоит лишь погрузиться в воспоминания, понимаешь, что в самой обыденной повседневности порой скрывается настоящая радость. Казалось бы, обычное утро, обычный день, ничем не примечательный вечер. Но пройдёт каких-то несколько лет, и этот самый день будет вспоминаться с особым трепетом и теплом.

Иногда, чтоб скоротать вечер, к бабушке в гости заходил дед Саша. Папин отец. Жил он в этом же доме, что и бабушка Зоя, только с другого конца. Бабушкина квартира находилась на первом этаже, и маленькие окна её чуть уходили под землю. Квартира деда Саши располагалась на втором этаже, напротив «новой» школы. Мы усаживались играть в лото.

– Поиграем? – предлагали мы с сестрёнкой.

– Отчего же не поиграть? – улыбался дедушка. – Я как раз в расположении духа. Оставлю тебя, Антоха, с носом, так и знай.

– Ещё кто кого.

Мы любили с дедом друг над другом подтрунивать. Иногда, правда, я увлекался, забывая про почтенный возраст, и дед сердился всерьёз. Дед Саша не был злым, но поворчать порой любил. И мне это, маленькому проказнику, нравилось и всегда веселило.

Мы с сестрёнкой взбирались на старый бабушкин диван, который всегда был разложен и укрыт одеялом. Бабушка Зоя присаживалась с краю. Дед брал стул, садился напротив. Каждый брал карточку. Я из мешочка вынимал бочонки, озвучивал и тоже прикрывал у себя на карточке числа, если такие имелись. Моё любимое занятие в игре –

быть ведущим. Стоило дедушке чуток отстать, как я тут же нахваливал себя. Дед глядел косо.

– Помедленнее, – придирался он ко мне. – Не на пожар спешишь.

Я специально вынимал из мешочка бочонок, называл число, убирал в сторону и быстро доставал другой.

– Говорю же – не спеши. Счас Валюше мешок отдашь.

– Она ещё маленькая, – говорю ему.

– Ничего не маленькая, – возражает сестра.

– Уж не глупей тебя, – отвечает дед.

Я по-прежнему тороплю игру.

– Надо Женьке сказать. Пусть уши надерёт.

– Папка меня не трогает.

– Зря. Тебя ремнём пороть надо, – ворчит дед Саша.

– Ну чего ты пристал к парню, – вступается бабушка. –

Никто не виноват, что проигрываешь.

– Играть тоже надо умеючи, – подливаю я масло в огонь.

– Я тоже не успеваю, – жалуется сестрёнка.

– Рази за ним угонишься. Он же нарочно дурит.

Дед Саша отбирает у меня мешочек и теперь сам не спеша ведёт игру. Игра потихоньку-полегоньку налаживается в его сторону. Дед кладёт на карточку бочонок с числом девяносто.

– О! Дедка.

– Не дедка, а дед, – поправляет меня бабушка Зоя. – Что за слово такое?

– Знаешь, почему это число так зовут? – спрашивает меня дедушка. Я качаю головой, пожимаю плечами. Дед расплывается в улыбке. Он этого ждал. – Доживёшь до моих лет, узнаешь.

Дед Саша любил повторять эту фразу, показывая тем самым свою мудрость и превосходство в годах. Дед веселился. Кончики глаз его тоже улыбались. Удивительно, но до преклонного возраста и до самой смерти ни бабушка Зоя, ни дед Саша практически не имели седины. Тёмная прядь их волос гордо бросалась в глаза. Лицо у дедушки было доброе. Глаза, особенно когда он улыбался, были по-детски озорными и излучали какую-то манящую искру. В молодые годы, думаю, он был красив. Фотографий его

юных лет я не видел. Дед Саша не любил фотографироваться. Всегда отмахивался ладонью (тоже одна из его привычек) и скромно уходил в сторону. Он вообще был довольно-таки скромным человеком. Говорил негромко, как бы слегка гнусавя в нос. Фотографии его не дошли до нас ещё, наверное, потому, что родом он был не из этих мест. Родился дед Саша и вырос в селе Большое Болдино, которое прославил на весь мир Пушкин. Забавно, что и дед, как великий поэт, величался так же – Александр Сергеевич... Лукин.

А вот баба Паша, дедушкина мама, которая иногда приезжала в гости, особенно осенью и в зиму, была строгой и казалась нам с сестрёнкой злой. Небольшая ростом, сухая от худобы, баба Паша ходила медленно и нередко бранилась взаправду. Однажды, когда я был у дедушки в гостях, мне на глаза попался стакан с водой, в котором лежала вставная челюсть бабы Паши.

– Чё это? – я приблизился к стакану.

– А ты будто не видишь, – ответили мне.

– Зубы, – говорю.

– Не будешь свои беречь, такие же носить придётся, – говорила баба Паша.

– Ну прямо, – возражаю.

– Хоть прямо, хоть косо. Никогда старших не слушаешь, – вставил своё слово дед. – Ну куда ты руками!

Я прятал за спину руку, что не давала мне покоя, и по-прежнему внимательно разглядывал в стакане искусственную челюсть.

Ещё хорошо помню у дедушки на серванте небольшую статуэтку Волка и Зайца из мультфильма «Ну, погоди!». Волк в морской тельняшке, в штанах-клеш, с трубкой и гитарой. Что-то напевал Зайцу. Мне нравилась эта статуэтка.

Квартира у дедушки была совсем крохотной, невзрачной. И хоть жил он на втором этаже, в квартире постоянно стоял мрак. Единственное окно было всегда прикрыто большими шторами. Дедушка, признаться, жил чересчур как-то по-простому и немного неряшливо. Маленький узенький коридор. В коридоре по левую сторону небольшой стол, на котором с одного угла крепились настольные

тиски и стояла электрическая плита. Дальше, у самой стены, холодильник. Повсюду банки с шурупами, а на гвоздях, вбитых в стену, изолянты. Дед был мастак что-нибудь помастерить. У холодильника висела почти во всю стену карта Горьковской области, на которой, как ни ищи, а город Саров не найдёшь. Есть Дивеево, есть Цыгановка, посёлок Сатис, мордовские леса указаны тоже, а Сарова нет. Тогда он, правда, назывался Арзамас-16.

– Ну-ка, – дед указывал на карту. – Проверим, парень, твои знания. Покажи мне Арзамас-16.

– Ха, – ерепенился я и шёл к карте. – Проще простого.

Я водил глазами по карте, но города такого там не находил. Вот Горький. Дивеево. Вот Арзамас... А Арзамас-16 нигде нет.

– Что, нема? – посмеивался дедушка. – Вот так же, поди, и в школе... у доски учителей сместишь.

Я злился. На дедушкины смешки и провокацию дёргал плечом и по десятому разу разглядывал карту.

– Как тут не увидеть, не понимаю, – подтрунивал меня дед. – Вон же!

– Где?

– Перед самым твоим носом, – расплывался в улыбке дед Саша. – Да-а, парень, разочаровал ты меня. Надо тебя к окулисту сводить. Не нравится мне твоё зрение.

– Нет его здесь.

– Как нет? Скажешь тоже. Куда же он делся? Эт не посёлок и не деревня какая. А целый город... Отсюда и то вижу.

Я злился и с отчаянием разглядывал карту вновь. Попадались знакомые сёла, а Арзамас-16 по-прежнему нигде не было.

– Валюша недавно была, сразу нашла. А ить младше тебя, – дразнил дед.

– Не ври!

– Не имею такой привычки.

Отчаявшись, я принялся доказывать дедушке, что это неправильная карта. Непутёвая. И что город этот забыли попросту вписать. И скорее всего, если присмотреться хорошенько, не досчитаешься ещё каких-нибудь населённых

пунктов. Что карта эта бракованная и её нужно выбросить немедленно, чтобы честных людей вроде меня она не вводила в заблуждение. А если нет – то пусть он сам укажет, где этот таинственный город.

Дедушка на это смеялся в голос. А после признался, что города этого действительно нет на карте, но не потому что она бракованная, а потому что он засекреченный. И вражескому шпиону вовсе необязательно знать, место его расположения.

По правую сторону от коридора в дедушкиной уютной квартире находилась единственная маленькая комнатка с крохотной печкой. В правом углу стоял диван, напротив дивана сервант «Хельга» с хрустальной посудой и телевизор «Чайка». У окна письменный стол с настольной лампой. Стол был прикрыт стеклом, под которым хранились открытки и письма. Кресло и пара стульев. Больше ничего примечательного в квартире не было.

Однажды вечером, когда бабушка Зоя была у нас в гостях, пришёл взволнованный дед Саша и сообщил, что баба Паша умирает.

– За тобой послала, – сказал дед. Бабушка Зоя принялась собираться. – Просила привести.

Дед с бабушкой поспешили к дому... Не успели... Баба Паша ушла в мир иной. Предчувствовала уход. Знала. Потому и отправила деда, чтоб не мешал. После смерти мужа баба Паша заплохела. И в скором времени перебралась из Большого Болдина в Дивеево. В крохотную дедушкину комнату. Недолго пожила у него. Захворала и зимним вечером тихо ушла навсегда. Дедушка переживал. Корил себя, что оставил маму одну. Поддался её уговорам.

Дед Саша был большим охотником до мастерских дел. Всюду что-то чинил. Хорошо разбирался в радиотехнике. Работал электриком. Крепил к ботинкам «кошки» и взбирался высоко на столб. Когда я ещё не ходил в школу, помню, просил дедушку, чтоб и меня научил карабкаться так же по столбам. Дед на это по-доброму улыбался. И к моим детским валенкам крепились монтерские когти. Дед Саша придерживал меня руками и помогал добраться до выключателя.

– Ну... Давай-давай, парень!.. Переставляй ноги. Ишо чуть-чуть, – подбадривал меня. А когда моя детская ладонь коснулась выключателя, воскликнул.

– Да будет свет!

– Вот и подмога растёт, – улыбалась бабушка.

– Да-а, пора на пенсию.

В своём сарае дед соорудил настоящую мастерскую. Чинил всё, что принесут. В основном бортировал велосипеды и приводил в исправность электроприборы. И каких только запчастей в сарае не было! Ещё с дюжину велосипедов соберёшь. У входа, с правой стороны, на столе крепился электрический наждак и тиски. На наждаке дед точил ножи и косы. Однажды, когда дед клеил велосипедную камеру, к нему подошёл корреспондент с оператором. Дед скромно, пряча лицо от видеокамеры, ответил на заданные ему вопросы. Случайно узнали от знакомых о данном сюжете, и отец, раздобыв видеокассету, шутил, что папенька его теперь знаменитость. Дед смотреть видеозапись не стал. Отмахнулся, как обычно, рукой и сказал, что всё это баловство. Не любил съёмки. И по-прежнему в выходные дни чинил людям велосипеды, честно зарабатывая свой кусок хлеба. А когда родился мой младший брат Андрей, принарядился в голубую рубашу, в серые брюки и сам велел запечатлеть его с внуком на память.

Ещё помню, как дед просил его постричь. Машинка для стрижки волос имелась. В гости иногда приезжала мамина подруга детства – Крохина Наталья. Тётя Наташа жила в Ардатове и была парикмахером. И когда приезжала в гости – вся семья готовилась к стрижке. Тётя Наташа творила с волосами настоящие чудеса. Для этого и была приобретена машинка.

– Давай, парень, убери эту шевелюру, – просил меня дед.

– Я ж не умею.

– А чего тут уметь. Вжик-вжик, и готово, – говорил дед Саша. – Чей не красна девица я, чтоб причёски мне делать. Учись, парень, разрешаю. Ну?.. Не робей.

Я стриг деда ножницами. Затем брал машинку, подбирал насадку и аккуратно водил по загривку. На дедушкины

плечи и на пол ронялись колючие волосы. Что-то более-менее получалось.

– Ну от. А ты боялся. Молодец! – хлопал дед моё плечо. – Жди следующего раза.

Я служил в армии, когда дедушки не стало. Хорошо помню, как летним погожим днём был в увольнении, гулял по Курску, когда от матери пришло печальное известие. Присел на скамью и молча стал разглядывать тротуар. Вспоминал деда. Его улыбку. Его шутки. Его добрые живые глаза. И сейчас, когда прихожу на кладбище, первым делом иду к двум дорогим мне холмикам, под которыми тихо спят милые моему сердцу люди. Бабушка Зоя и дед Саша. Рядышком. Мамина мама и папин отец. У каждого своя интересная непростая судьба. Каждый прожил эту жизнь просто и скромно. Не гнался за богатством, не покорял вершин, а честно трудился и помогал, как умел, людям. Наивные и добрые. И оставили неизгладимый тёплый свет в памяти детей своих, внуков, знакомых и друзей.

Марина КРЫЛАНОВА

БАБА ВЕРА

Её положили в мою палату после обеда. Ковид творил «чудеса»: за один день все восемь коек были заняты. Она лежала через перегородку, и я, дыша через трубку от кислородной помпы, не сразу увидела её. За окном буйствовала золотая осень, светило солнце, и казалось всё это вдруг какой-то недооценённой радостью, которую я вдруг в один день потеряла.

Потекли какие-то свинцовые часы и дни: болезнь всё сильнее закручивала тело. Еду и таблетки приносили почти «космонавты», полностью упакованные для спасения от вируса люди. Потом забирали посуду. А вот на столике бабы Веры еда и таблетки каждый раз оказывались нетронутыми. Подошла к ней, спросила, как она себя чувствует и почему ничего не ест и не пьёт таблетки. Ответила, что очень болит голова и она плохо видит (один глаз совсем ничего, а другой только чуть-чуть). Дала ей свой градусник. Температура – 39,5. «Почему вы молчите? Вам плохо!» – сказала я ей. «Врачи всё знают», – было в ответ. Пошла к медсестре – они ничего не знали про её слепоту, убирая невыпитые таблетки... Через некоторое время снова подошла к ней: смотрю, очень беспокойно ведёт себя. Спросила. Оказывается, ей нужно в туалет, а сил идти нет. Пошла за коляской, стоящей за дверью, уговорила сесть на неё и повезла по очень длинному коридору. Странная это была парочка, наверное. Но нам обеим было не до взглядов.

Потом мы с ней понемногу стали общаться: 86 лет, заболели с дочерью, но скорая сказала, что возьмёт только одного, дочь упросила взять мать... Уговаривала её поесть – она отказывалась, только упоминание о дочери и о её волнении о ней убедили. Сама она не могла – я брала ложку и кормила, радуясь, что она поела хоть что-нибудь. Потом приставала к санитарке, чтобы поменяли у неё бельё, потом... А потом случилось маленькое чудо: другие люди в палате, которые сначала были сосредоточены только на своей болезни, стали тоже помогать бабе Вере. Когда у меня случался очередной «взрыв» (резко поднималась температура до 40 и трудно было дышать) и я не могла встать, они сменяли меня на посту. Но я понимала, мне надо самой встать, быть рядом с бабой Верой, этой маленькой седой женщиной, тихо и безропотно лежащей в палате и переживающий только о своей дочери, которая осталась болеть дома...

Спустя время я узнала, что шансов выйти из больницы у меня было мало, да я и сама понимала это. А вот из-за бабы Веры вставала через силу, понимая, что ей это ещё сложнее сделать. Потом в палате признались: боялись, что я упаду, когда везла её по коридору. Но именно она и спасла меня – я в этом твёрдо убеждена.

Наверное, в жизни каждого человека есть своя баба Вера. Она встречается в жизни и как будто даёт силы не думать о своих болях, потому что есть более слабые и незащищённые, и спасает тебя.

Спасибо тебе, баба Вера.

БАБУШКИНА МОЛИТВА

В детстве и юности я каждое лето проводила в деревне у бабушки. Деревня окружена густым красивым лесом на много-много километров. Жили бедно, и летом меня, ещё маленькую, лет 7-8, уже начали брать на «заработки» в лес: собирать чернику для продажи на базаре. А ходили далеко!.. Несколько километров. Моя задача была сначала набрать одну кружечку, потом вторую, и так сколько смогу. По мере моего роста тара увеличивалась. Научилась брать ягоду двумя руками, и бабушка шутила, что я как будто корову дою. Отказаться идти в лес даже мысли не было! Так за лето и зарабатывала на ботиночки или на кофточку.

Помню, я уже была подростком, и мы пошли в лес только с бабушкой. Далеко пошли, километров за десять-одиннадцать. Я быстрее бабушки набрала свою корзину и попросилась домой. Она меня стала отговаривать: одной в лесу может быть опасно. А мне захотелось самостоятельности: сама дорогу обратно найду, вот все удивятся. Но потом бабушка смирилась, но при условии, что она прочтёт молитву и благословит меня: я же атеистка была – пионерка, комсомолка. Мне очень хотелось побыстрее прийти домой и успеть ещё в речке искупаться, поэтому я согласилась. Бабушка отложила в сторону корзину, поправила сбившийся платок, помолчала минуту и начала молиться. Я терпеливо сидела в сторонке и ждала. Потом она подошла ко мне и, троекратно перекрестив, сказала: «Благослови, Господи, рабу Божью Марину!» И отпустила меня. Счастливая, что через какие-то два часа я буду дома

и пойду на речку, я пошла по тропе, которая должна была вывести меня на основную дорогу.

Была макушка лета. Солнце радостно путалось в ветвях высоких сосен, под ногами нет-нет да и попадались их шишки, но я всё равно сняла обувь и пошла босиком. До сих пор помню это ощущение приятной прохлады песчаной дороги в лесу! Но через некоторое время ко мне, как змея, стал подбираться беспричинный страх. Вокруг всё было тихо и спокойно. Откуда он? А внутренний голос говорил мне: «Вернись, вернись...» Остановилась, огляделась – никого. Только верхушки сосен шумели и иногда пролетала редкая птица. Стыдно было возвращаться! Как же так? Сама запросилась, и вот – обратно. Сделала ещё несколько неуверенных шагов. А голос опять: «Вернись!» И я вернулась.

Бабушка уже к тому времени набрала корзину и очень обрадовалась моему возвращению. Пошли вместе. И вдруг нам навстречу идёт человек. Мужчина с очень непонятно страшным лицом. Черты лица вроде обычные, но что-то страшное было в нём. На дороге через каждые два километра стояли «курилки» – деревянный стол со скамьёй, чтобы путники могли присесть, отдохнуть, а кто и покурить. Мы сели за этот стол, он присел рядом, всё время молчал, изредка посматривая на меня из-под лохматых бровей. И тут я вспомнила тот страх, который остановил меня на дороге! Невольно озноб прошёл по моей спине. Бабушка, повидавшая много на своём веку, сидела спокойно, перевязывая платок на голове и попутно выкидывая зелёные листочки из корзины с черникой. И тут я поняла! Это бабушкина молитва и её благословение и помогли мне не оказаться с этим человеком один на один в лесу. Потом я даже проговорила про себя: я видела смерть.

Прошло много лет, но я нет-нет да и вспоминаю этот случай. Забылись какие-то подробности, детали. Но ощущение силы Божьей молитвы осталось навсегда. Надо слушать свой внутренний голос и обязательно творить благословение уходящему.

Павел КЛИМЕШОВ

ТЕНЬ НАДЕЖДЫ

Мы – разных областей мышленья...

Мы – разных сил и разных лет.

Константин Случевский

Нет, мы не современники; к сожалению, это ясно. Да, мы живём рядом – в квартале друг от друга, возьми подай рукой, соединись; но не выйдет, как ни старайся: я – в одном времени, она – в другом. Ну какие ж мы современники, если у неё – свои чувства и ценности, у меня – во многом противоположные? И пусть кто-то из великих говорил, что любовь предполагает несходство душ (во взаимном воссоединении её сила), – увы, наша история опровергает это...

Спустя год я всё ещё не остыл и, возможно, путаюсь в словах и чувствах; да это и немудрено в мои немолодые лета, когда седина в бороду, а бес в ребро. Только с самого начала ни о каком блюде я не помышлял; более того, даже намёка на «амурные похождения» в моей скудной и размеренной повседневности не предвиделось. И вот, как гром среди ясного неба, грянула внезапная влюблённость, как молния, опалила душу.

Забуть ли тот июльский вернисаж и её в неспешно шествующей толпе? Беловолосая, высокая, невероятно стройная в чёрном открытом платье, она разом затмила даже самую яркую живопись: плавные движения, замедленность у полотен, балетный поворот головы, умные

серые глаза... Я, как на привязи, следовал за ней, но не вплотную – за три-четыре человека; и когда они расступались, я сразу видел её всю – от прядей над длинной шеей до округлых икр и узких лодыжек.

Приятель-художник нас познакомил (её школьник-сын некогда занимался в изостудии). Оказалось, мы близкие соседи, так что после выставки шли на одну автобусную остановку, ехали плечом к плечу и говорили о живописных работах, особенно понравившихся. Затем я проводил её до дома... Только пошловато киношного продолжения с поздним кофе не последовало; напротив – она полушутливо предупредила: «В меня влюбляться не надо». Конечно, это озадачило, но и добавило загадочности новознакомой Надежде (и ведь имя вопреки всему обнадёживало!).

День и вечер знакомства я помню отчётливо; но как поведать о годовом томлении, об остуде нескольких встреч, когда Надежда подчёркнуто держала дистанцию, таким способом напоминая о своём предупреждении? Я и сейчас не смогу в точности воспроизвести печальную хронологию моих слабых упований, сомнений и подозрений о вековой женской игре, о лукавом кокетстве; однако от подозрений я приходил к трезвому и простому: она меня не любит...

И длились будни, продолжалась нелюбимая работа, тяготило супружеское одиночество вдвоём. Я на время забывался; казалось, полностью выздоравливал, но именно в эти моменты через приятеля художника Надежда передавала приветы и справлялась о моих делах. Казалось бы, что особенного? – светские знаки вежливости, и только, но они вновь будоражили меня. Как в инфантильной юности, я намеренно проходил мимо её дома; мне было не по пути, а я долго смотрел на её затенённые окна, что на втором этаже; эта затенённость вполне соответствовала её душевной непрояснённости, которая уже мучила меня. «Она не любит, не любит – это ясно. У неё своя жизнь, скорее всего незамужняя, но только не одинокая: у такой женщины были, не могли не быть и наверняка есть любовники... Остепенись, одумайся, на что ты надеешься?» Но разум уступал сердцу, и было обидно и стыдно за свою

беспомощность и детскую уязвимость: они позорно подрывали мужественность – несокрушимо победную, гордую, мускулистую. Нет, уступать грешно! Женщину необходимо завоёвывать – так было, есть и будет.

Таинственный эрос затуманивал мозг. Как в сладком бреде, мне виделось наше слияние: душная суতোлка губ, груди и колен, сплетённые содрогания, стоны – и маленькая смерть... Но видения уходили – и пресные дни продолжались. Доколе, чёрт побери?!

Наконец я раздобыл номер её сотового и в один из вечеров позвонил. Мне опять не повезло: она была простужена и вот уже третий день, по её выражению, «хлюпала носом и пылала температурой». Конечно, вежливо извинилась, только мне легче не стало. Воистину нас кто-то разводит, но кто – бес или Бог? По здравому рассуждению, надо отстать, выкинуть уже не из головы, но из сердца – это же ясно!

Ах, кабы так, только здравых рассуждений не следовало; наоборот, – вместо них заполонили смутные полумечты-полувидения, и дни мои замедленно текли вспять, в пределы злополучно счастливой выставки. И тому явно способствовала гнилая, серая весна с ненастным небом, грязными обочинами и промозглым ветром. Этот странный «параллелизм» вдвойне убеждал в моей неудаче, что больно било по самолюбию. Слишком много неудач в пятьдесят с хвостиком: работа и семейная жизнь не по душе – и то и другое выхолостилось с течением лет; работа – из-за псевдорыночного слома, семья – по причине старения душевного и телесного.

Надежда стала таковой вдвойне; повторяю, это имя представлялось почти провиденциальным, почти единственным утешением на будущее. И тут – сплошные преграды...

Конечно, как всякий влюблённый, я совершал глупости. Впрочем, что такое поступок, как не потребность поступиться чем-либо? Я поступался здравым размышлением, меня в собственных глазах оправдывало полное отсутствие какого-либо корыстного умысла или плотского расчёта: к Надежде неодолимо влекло!

И всё-таки я добился «случайной» встречи: вечером долго поджидал подле дома, «неожиданно» столкнулся на тротуаре, «случайно» окликнул. «Сергей, вы? Очень рада... Извините, в гости пригласить не могу – дома беспорядок. Давайте созвонимся дня через три-четыре, посидим, поговорим». Что за вопрос?! Конечно! Только этого и жду. Сбивчиво отвечая, наверное, пожирал глазами: боже, какая стать, какие умные глаза, какое сильное, зрелое тело! Не скрою, от её вида перехватывало в горле.

Так надеться или нет? «И может быть – на мой закат печальный блеснёт любовь улыбкою прощальной»? Неужели судьба столь скудна, что не одарит на склоне лет? От этих вопрошаний плохо спалось, всё валилось из рук, и не помогала самоирония по поводу «престарелого ловеласа». От приятеля художника окольным путём узнал: она действительно одинока, разведясь, одна воспитывала сына, сейчас он взрослый, самостоятельный. Значит, можно предположить, через какие житейские тернии ей пришлось пробиваться, какое мужество употребить для того, чтобы без внешней помощи добиться известной карьеры в достаточно крупной коммерческой структуре и притом остаться обворожительной женщиной, а не высокомерной эмансипе.

Я понимал: на этом трудном пути не обошлось без потерь. На вид Надежде около сорока; впрочем, это неважно, главное в ином – в её душевном устройении. Чужая душа – потёмки, а женская – вдвое; и мне ли, донжуану-заочнику, судить о безднах дамской психологии? В часы неодолимой ипохондрии я почти физически ощущал некую пропасть между нами, и было больно и неразрешимо. Бог с ней, с недоступной любовью, – утвердилось бы простое общение, хотя это равносильно моральной пощёщине: есть в нас, мужиках, этакий дурацкий максимализм – или всё, или ничего.

Но что значит «всё»? Природное право обладания. Наверное, с доисторических времён во мне сидит победный комплекс самца: жгучая потребность верховодить самкой, иметь её тело, а значит, и душу; быть комфортно озарённым её преклонением и преданностью. Наверное, так веками

и длилось до тех пор, пока не грянула эмансипация. Яркое благо цивилизации, сотворённое не без помощи мужчины, изменило душевное соотношение между НИМ и ЕЮ: теперь нет и не может быть изначальной подчинённости – отныне ОН и ОНА равноправные игроки на жизненном поле, если изъясняться псевдорыночным языком. А если попросту, по-человечески, то надо продлевать ритуальное преклонение перед женщиной, увенчивать её восторженными комплиментами, защищать на сквозняках жизни. Правда, в фаворе равноправия, с молчаливого согласия нашего брата, почти все дамы говорят об обратном: это на их хрупких плечах воздвигнут мир, что именно женщина испокон века правит им, что если мужчина – глава семьи, то женщина – шея; куда она повернёт, туда голова и смотрит...

А впрочем, всё это – мои досужие рассуждения, коим предаюсь только сейчас, спустя год томлений, более и разочарований. В начале моей влюблённости умствования полностью отсутствовали – их просто не могло быть по определению: влюблённый – благоглуп, слеп и по-мальчишески окрылён. Ему море по колено, но вляпается в житейскую лужу – и утонет. Это летучий намёк на мою худую семейственность; однако подробностей избегну – слишком тоскливое повествование выйдет.

Честное слово, в те дни я жил одной Надеждой: прекрасная «соломинка» влекла, и всё моё существо тянулось к ней, спасительной. Мы несколько раз говорили по сотовому. Я, как птица перед взлётом, внутренне вздымался, но постепенно крылышки мои опадали: сквозь вежливую светскость я улавливал то ли голосовой холодок моей собеседницы, то ли рабочую усталость – и это моментально передавалось мне, и я трезвел, словно окаченный студёной водой. «Ну, и нет и не надо! – шептало пораженчество. – Насильно мил не будешь. Выходит, не судьба...»

Но в противовес остудной логике и здравомыслию я снова и снова звонил – настойчиво, но не часто; и всепобедным доводом в пользу моей наступательности была Надеждина красота, почти заочная, умоглядная, но в сотый раз обласканная в сновидениях. Эта «виртуальная»

красота, с которой соединял меня только телефонный голос, до такой степени очистилась от всего бытового, что становилась почти небесной; и я сокровенно радовался этому обретению; но радость странным образом перемежалась с голодной болью: телесность требовала утolenия!

Я настоял на свидании. В обговорённое кафе она пришла в том самом чёрном открытом платье, в котором пленила меня на вернисаже. Боже, она была прекрасна! Я бездарно засуетился, отодвигая стул и усаживая её; Надежда грустно улыбнулась и суховатым сказала, что спешит и просит за это не сердиться. Ну что за мелочи, как я могу сердиться – ведь почти счастлив видеть её!

– Знаете, я давно хотела вам сказать... – Надежда опустила глаза и на некоторое время замолчала. – Я давно хотела предложить вам дружбу. Любовь слишком больно ранит. Только не сердитесь и поймите меня.

Всё сразу – боль, обида, разочарование – уязвили меня, и, наверное, всё это отразилось на лице, потому как Надежда удивлённо взглянула на меня. Честно говоря, я сник и уже не мог скрыть этого; и всё-таки нейтрально отговорился, напоследок сказав, что не слишком верю в обоюдную дружбу мужчины и женщины, а впрочем, бывают счастливые исключения и станем надеяться: это наш случай... Растерянно произнося это, я воспринимал скрытый отказ как женскую пощёчину – несильную, даденную вскользь, но оттого вдвое чувствительную, потому как прерывалась природой заповеданная связь...

К счастью, началась истинная весна: отошли черёмуховые холода, утвердилось стойкое тепло, и я добровольно сослал себя на кровные шесть соток. Густо зацвёл терновник, затем сливы и вишни – и душевная боль ослабла: лёгкая белизна ветвей сладко осеняла, улегчая думы. Но вскоре сад стал отцветать, лепестковый ливень нарастал, длился изо дня в день – и тупая внутренняя боль возобновилась.

Унижаться, жаловаться, умолять о любви? – это было ниже моей гордости. Именно в те дни я мучительно преодолел себя и «вернулся в лоно семьи»: пускай давно иссякла супружеская страсть, но ведь были первые медовые

годы, были новорожденные дети и счастливые безумства, связанные с ними. Да, супруга заметно сдала; но, очевидно, и по моей вине тоже, а значит, надо платить мужские долги – ведь совесть, несмотря ни на что, ещё не потеряна.

И всё равно острая память о Надежде непрошено обжигала: эта недоступная женщина оставалась желанной, словно самозаветная мечта. Не скрою, я скрытно страдал, упорно изгонял самую память о ней, но вовсе не из вражды – только из самосохранения. Всё чаще и чаще мне это удавалось, и лишь иногда во дни особо острой хандры, когда я забывался в алкоголе, как нескладный подросток своей супероднокласснице, я подбрасывал букеты к Надеждиной двери, но, разумеется, не звонил, а трусливо сбегал, кляня себя и всячески измываясь над подростковым инфантилизмом. Наверное, это самоедство меня и спасло: букеты появлялись всё реже и реже, а вскоре исчезли совсем. Я день ото дня трезвел, углубился в работу – спасительную мужицкую панацею. В общем, становился собою прежним – душевно прохладным, в меру циничным – и воспринимал женщин отстранённо эротически, как живые скульптуры, не более.

И внезапно позвонила она! И странно пронзила её фраза:

– Я постоянно думаю о вас, мне так недостаёт вашего робкого преклонения и бескорыстия...

Почему так поздно? Зачем так одновременно? Кто ответит?.. Нет, конечно, мы не современники: живём почти рядом – и на разных планетах; по сути пространство одно, – увы, измерения разные.

Марина ГОРЕВА

ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ У ДОМА № 45

I

...Был жаркий день начала сентября 1833 года. Александр Сергеевич Пушкин стоял на Рождественской улице, задрал голову, и смотрел на разноцветные маковки Строгановской церкви. Они казались волшебными сладостями, разбросанными по блюду яркого голубого неба.

«Что за прелесть эта храмина! – воскликнул поэт. – Надо непременно написать о ней Наташе. Как похожа на собор Василия Блаженного и как непохожа!»

Александр Сергеевич внезапно почувствовал головокружение – то ли от того, что долго смотрел вверх на высоченную «храмину», то ли от того, что день был суматошный и он устал.

Он опустил голову, прислонился к стене соседнего дома и стал вспоминать все, что успел сделать с самого утра. Начать с того, что утром он приехал в Нижний Новгород. Въехал в город через Покровскую заставу сильно измученный долгой дорогой. «...под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. на пятые сутки...» – написал он жене сразу же по прибытии в гостиницу.

Но до того как он расположился в номерах Деулина на Благовещенской площади, он успел заехать к губернатору Бутурлину в его дом на Большой Покровской и получить

приглашение от чрезвычайно любезной и хлопотливой губернаторши Анны Петровны к званому обеду на следующий день. В отличие от своей сверх меры гостеприимной супруги губернатор был насторожен и сух с вновь прибывшим гостем. Это уж потом выяснится, что Бутурлин принял Пушкина за проверяющего чиновника, нагрянувшего с ревизией в Нижегородскую губернию по высочайшему распоряжению. А все эти сказочки про работу с архивными документами времен Пугачевского бунта Михаил Петрович Бутурлин воспринял весьма скептически... Но любезнейшая Анна Петровна продолжала щебетать и настаивать на завтрашнем визите столь именитого петербургского гостя. Пообещав явиться завтра всенепременно, Пушкин откланялся и поехал далее по Большой Покровской к Благовещенской площади.

На площади коляска круто повернула вправо и остановилась у почтовой конторы, где каждый проезжающий по личным или казенным надобностям обязан был отметить свои документы. Отметившись на почте, Александр Сергеевич отправился в гостиницу.

Номера Деулина еще несколько лет назад считались лучшими в городе для состоятельных приезжих, но купец, страстно желавший больших прибылей, пускался во всякие авантюры и довел свое состояние до того, что вынужден был теперь на всем экономить, даже на прислуге. Так что чай только что устроившемуся постояльцу подавала жена хозяина. Она поставила стакан душистого чая на стол и, отступая к двери, неуклюже кланялась.

Пушкин спросил женщину о бане – он и без того любил баню, а нынче после пяти дней пути мечтал смыть с себя дорожную пыль. Хозяйка сказала, что лучшие бани находятся неподалеку, на берегу Волги, под кремлем, рядом с Живоносной церковью: «Там, батюшка, родники чистые из-под Часовой горы бьют. Они даже в жаркую пору не пересыхают».

...После бани Александр Сергеевич отправился через весь Нижний посад по Рождественской улице к плашкоутному мосту под Благовещенским монастырем. Он хотел своими глазами увидеть Нижегородскую ярмарку,

тот самый торг, пришедший на смену знаменитой Макарьевской ярмарке, которую он так живо описал в «Евгении Онегине» – интуитивно, под впечатлением рассказов очевидцев.

...Торжище раскинулось на левом берегу Оки. Пушкин застал «ярманку» под самый занавес ее работы. А перед закрытием, как известно, всегда жаркая пора. Люди, подводы, горы товаров, амбары и складские помещения, пол-реки, словно ковром, покрыто лодками. Крики, гул толпы, звоны, скрежеты, лязги долетают до правого берега. Александр Сергеевич долго стоял и жадно впитывал и звуки, и виды, и запах реки...

Строгановскую церковь Пушкин заметил еще по дороге к плашкоутному мосту и на обратном пути попросил возницу остановиться возле нее. Он вышел из коляски и долго, словно стараясь запомнить навсегда эту красоту, любовался красно-белым фасадом с витыми колонками и кружевными каменными наличниками, потом поднял голову и смотрел вверх на купола, крытые разноцветными «чешуйками». А потом у него закружилась голова, и он прислонился к стене соседнего дома...

II

...Головокружение прошло. И Александр Сергеевич уже было снова решил задрать голову, чтобы посмотреть на яркие маковки под золотыми крестами, как вдруг ощутил холодное дуновение вдоль спины, словно кто-то, проходя мимо, провел ледяной ладонью по позвоночнику.

Он вздрогнул и резко оглянулся. Краем глаза заметил, как какой-то прохожий удаляется по Рождественской улице в сторону Благовещенской площади. Развешивающийся плащ, шляпа-треуголка... День клонился к закату, и на фоне солнца, стоявшего сейчас как раз над куполами Благовещенского монастыря, был виден лишь черный силуэт спешащего пешехода.

«Черный человек», – почему-то подумал Пушкин. И в эту самую секунду спешивший по своим делам незнакомец остановился.

Александр Сергеевич продолжал неотрывно смотреть на него. Прохожий кого-то ему напоминал, но вспомнить, кого именно, Пушкин не мог. Это его почему-то мучило, и он уже было решил окликнуть прохожего, как вдруг тот сам заговорил с ним: «Что же это вы, разлюбезный Александр Сергеевич, не узнаете старых знакомцев?»

Пушкин был крайне удивлен: «Мы знакомы, сударь? Простите, бога ради, не припомню...»

– Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек. За мною всюду, как тень, он гонится. Вот и теперь... – зловеще и немного нараспев прошептал незнакомец. – Это ведь ваши строки, Александр Сергеевич?»

– Ну да, мои, – сказал Пушкин несколько растерянно. – Вторая сцена из «Моцарта и Сальери»... Моцарт рассказывает о странном заказчике Реквиема... Но, простите, сударь, я не понимаю...

– А чего ж тут непонятного? – с глумливой ухмылкой спросил незнакомец и вновь продекламировал: – *Когда бы все так чувствовали силу Гармонии! Но нет: тогда б не мог и мир существовать; никто б не стал заботиться о нуждах низкой жизни; все предалось бы вольному искусству...* Согласитесь, Александр Сергеевич, какое это счастье – предаваться вольному искусству, не думать о нуждах низкой жизни? А вы в последние годы все больше именно о них думаете. Вот и жене нынче с утра изволили писать какую-то прозу жизни – про ожидание лошадей, пыль да жару...»

– Позвольте, сударь, да как вы!.. – возмущился поэт.

– Случайно-с в почтовой конторе увидал, – вновь глумливо улыбнулся собеседник и вкрадчиво спросил: – А ведь, небось, хотелось бы вам, разлюбезный мой Александр Сергеевич, вновь испытать это счастье вольного искусства, как тогда в Болдине три года назад, когда вы запоем писали одну за другой гениальные вещицы...

В Пушкине вскипел гнев – и оттого, что незнакомец, оказывается, был осведомлен о содержании письма к милой Наташе, и от его гнусного намека на то, что в последнее время поэта не посещало вдохновение. Пушкин скрывал от близких это свое нынешнее состояние пустоты и

некоторой растерянности – вдохновение, никогда прежде его не покидавшее, вдруг оставило его, и внутри поселилась тревога. Он и поездку эту затеял, чтобы найти в дорожных впечатлениях и архивах вдохновение для новых сюжетов... Но будет ли еще одна Болдинская осень, когда стихи, повести, сказки выходили из-под его пера легко, словно сами собой, когда его голова гудела от образов и идей и он едва успевал записывать все то, что рвалось наружу из его переполненной души?

III

Зная, что гнев ему плохой советчик, Александр Сергеевич попытался успокоиться, для чего решил оглядеться по сторонам. Внезапно его охватило беспокойство – ему показалось, что он находится сейчас не в Нижнем Новгороде, а в Петербурге, на углу Гороховой и Малой Морской, у дома старой княгини Натальи Петровны Голицыной. Вот же, справа, желтое трехэтажное здание, вот балкон в три высоких окна на втором этаже, вот знакомые завитки литой решетки...

Чтобы унять растущее беспокойство, поэт обернулся к кучеру, сидевшему на козлах стоящей неподалеку коляски:

– Любезный, чей это дом, вон тот, наискось через дорогу?

– Так Строгановых, барин. Вдова графа Павла Александровича, графиня Софья Владимировна хозяйкой будет. Только она давненько уже не приезжали сюда, она в Петербурге живут... – объяснил мужик.

Ответ кучера лишь усилил беспокойство Александра Сергеевича: графиня Софья Владимировна Строганова была дочерью той самой старой княгини Натальи Петровны Голицыной. Усатая княгиня, как за глаза звал весь столичный свет грозную старуху, благоволила к поэту. И Пушкин довольно часто бывал у нее в доме – том самом, на углу Гороховой и Малой Морской.

«Чертовщина какая-то», – подумал поэт и взглянул на молчавшего до сих пор незнакомца. Тот заговорщицки подмигнул ему и спросил:

– Странное совпадение, вы не находите, Александр Сергеевич?

Пушкин внимательно вглядывался в стоявшего рядом и вдруг сообразил, кто это.

«Да вы же тот самый черный офицер, про которого рассказывала княгиня Наталья Петровна! – воскликнул поэт. – Она всех изводит рассказом о том, что под ее балконом прогуливается сей офицер. Только его почему-то никто, кроме княгини, не видит. Уж она и воспитанницу свою допрашивала, не ухажер ли девушки бродит у дома, и родственников просила узнать, кто это. Те даже хотели старуху лейб-медику Арендту показать, потому что она вдруг...»

Пушкин замолк на полуслове, вспомнив, что Голицына вдруг стала считать преследовавшего ее черного офицера «ангелом смерти» и рассказывала всем об этом.

– Ну что же вы, Александр Сергеевич, замолчали? – вкрадчиво спросил незнакомец. – Испугались «ангела смерти»? Не беспокойтесь, умирать ей пока рано, старуха просто из ума выжила – ей уж скоро девяносто стукнет, шутка ли!

– Так ей все привиделось? И вы не бродите у нее под балконом? – спросил поэт.

– И к Моцарту, и к ней я приходил, – ответил черный офицер.

– Зачем?

– Всегда надо платить по счетам. Кто-то платит за талант, кто-то за тайные знания, кто-то за удачу... – ответил собеседник.

– Значит, я угадал? Черный человек и вправду приходил к Моцарту? – Пушкин взглянул на офицера. Тот кивнул. – Но я не... Я не понимаю, почему к Моцарту черный человек пришел за три недели до смерти и в день ее. А к старухе, если верить ее рассказам, офицер ходит регулярно. К тому же у нее нет Моцартова таланта...

– Зато у нее есть тайна, – собеседник Пушкина понизил голос до шепота и даже наклонил к нему голову. – Она вам уже рассказывала о графе Сен-Жермене? О том, что он назвал ей три карты, сулящие богатство?

Поэт медленно кивнул головой, погрузился в размышления, а потом спросил:

– А наша сегодняшняя встреча не случайна?

Черный офицер рассмеялся:

– Конечно, нет! Иначе зачем мне было трястись за вами сюда, в Нижний?!

– И чего вы от меня хотите? – спросил Пушкин.

– Вопрос в том, любезный Александр Сергеевич, чего хотите от меня вы?

IV

Пушкин был просто ошеломлен этим вопросом. До сего момента он даже не подозревал, что где-то глубоко внутри в нем уже давно живет нечто – мольба, тоска о вдохновении. Том самом, в последнее время покинувшем его. «Пусть вдохновение вернется, пусть голова вновь гудит от множества идей, а перо летает по бумаге, едва успевая за мыслями...» – неожиданно для самого себя Пушкин мысленно сформулировал желание.

– Хорошо, Александр Сергеевич, так тому и быть. Вы вновь обретете вдохновение этой осенью в Болдине, – сказал черный офицер. – Вы напишете поэмы в стихах, опишете в прозе историю с тремя картами старой княгини и историю пугачевского бунта, сочините чудесные сказки о жадности, коварстве и любви и многое другое. Замыслы вновь будут роиться у вас в голове, вы будете много работать. Но вы теперь знаете, что я вновь приду – уже за долгом... Так вы согласны?

– Согласен, – не раздумывая, ответил Пушкин. – Когда вас снова ждать?

– Вы сами это почувствуете, – ответил искуситель. – Скажем, через 1246 дней. Тогда уж не сопротивляйтесь судьбе, ведь все приходит в свое время. И у вас еще есть время творить, а потом наступить время умирать...

– Тогда ударим по рукам! – воскликнул Пушкин.

V

...Пушкин стоял возле Строгановской церкви, неподалеку стояла коляска, невозмутимый кучер ждал своего пассажира.

«Было или не было? Привиделось мне все это или случилось на самом деле?» – подумал поэт.

Пора было возвращаться в гостиницу. Завтра званый вечер у губернатора, а потом в путь. Впереди Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, расспросы старожилов, работа в провинциальных архивах. Из этой поездки он отправится в Болдино.

«Вот тогда и увидим, был ли этот черный офицер на самом деле...» – решил Пушкин.

По дороге в гостиницу поэт бормотал строки из «Мозарта и Сальери»: *«Нас мало избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов...»*

VI

Из поездки по Поволжью и Уралу Пушкин отправился в Болдино. Приехал 1 октября. А 14 октября уже была написана «Сказка о рыбаке и рыбке»

Поэма «Анджело», про которую сам Пушкин говорил, что «ничего лучшего не написал», была окончена 27 октября.

2 ноября завершена работа над «Историей Пугачёва».

Той же осенью в Болдине были написаны «Медный всадник», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях», стихотворение в октавах «Осень», начата работа над повестью «Пиковая дама», «Сказкой о золотом петушке», «Капитанской дочкой»...

VII

Дуэль с Дантесом состоялась 27 января 1837 года, через 1244 дня после той встречи с черным офицером около Строгановской церкви в Нижнем Новгороде.

Перед дуэлью Пушкин не волновался. Только зачем-то снял с руки все свои перстни-талисманы, которые многие годы оберегали его от опасностей.

На дуэли Александр Сергеевич был смертельно ранен. Пуля перебила шейку бедра и проникла в живот. Пушкин

узнал об этом от лейб-медика Арендта, того самого, которому когда-то родственники княгини Голицыной показывали старуху, пугавшую их рассказами о черном офицере.

Раненый Пушкин просил врача не скрывать истинного положения дел. И тот, уступая настояниям поэта, сказал, что надежды нет.

Перед смертью Пушкин успел привести в порядок свои дела, обменялся записками с императором Николаем I, который обещал позаботиться о жене и детях, и 29 января (по старому стилю) скончался. Это было на 1246-й день, как и обещал черный офицер

ПОЕЗДКА ЗА СЧАСТЬЕМ

Чудеса обычно случаются с теми, кто в них верит. Я верила – и чудеса в моей жизни происходили. Поэтому я не очень удивилась, когда раздался звонок и я услышала в трубке серьезный мужской голос:

– Госпожа Сергеева, здравствуйте. Через пару недель вы можете провести несколько дней с вашим мужем в Париже. Не волнуйтесь, ваш отпуск мы согласовали с вашим руководством, визу оформили, отель и билеты в оба конца забронировали и оплатили.

Это и впрямь звучало волшебно – своего мужа я не видела уже более года, он выполнял некоторые служебные задания в странах Ближнего Востока, оттуда он даже позвонить мне не мог, а тут вдруг свидание длиной в несколько дней, да не где-нибудь, а в самом Париже! Ну просто сказка!

Две недели – до самой поездки за счастьем – я витала в облаках, не думая ни о чем, кроме встречи с моим мужем. Представляла в деталях этот момент, напрочь забыв о том, что прежде, чем в сказке наступит счастливый конец, героям предстоит преодолеть множество препятствий. О трудностях я не думала. Какие трудности или препятствия, если мою поездку организовало ведомство, в котором служил мой муж?!

Из Нижнего Новгорода до Москвы я долетела буквально за час. До вылета в Париж оставалось еще достаточно времени, чтобы добраться из Шереметьева-1 в Шереметьево-2.

Прибыв в международный аэропорт, сразу направилась к стойке регистрации. Но пробиться к ней не смогла. Почти семьдесят человек, окружив стойку, выкрикивали что-то, зажав в руках билеты. Просочившись в толпу, я узнала,

что все эти люди хотят зарегистрироваться на нужный мне рейс, но их не регистрируют. Почему? Сотрудник аэропорта объяснил, что по техническим причинам пришлось заменить самолет, вылетающий нашим рейсом в Париж. Прежний борт вмещал 150 пассажиров, а тот, который подали на смену, – всего 80.

– Но не волнуйтесь, пожалуйста, граждане пассажиры, мы вас всех отправим в Париж, – утешала нас девушка приятной наружности в красивой синей форме. – В Париж сегодня полетят еще несколько рейсов – прямых и транзитных, мы посадим всех не улетевших сейчас на эти рейсы группами по несколько человек.

Рейсы на Париж объявляли каждые два-три часа, перечисляя при этом фамилии счастливчиков с нашего рейса, которых удавалось посадить на очередной борт. Моя очередь все не подходила. В ожидании своей счастливой минуты я посидела на улице, потом пристроилась на подоконнике в зале ожидания, потом зашла в кафе, несколько раз посетила туалетную комнату, чтобы освежиться хотя бы водой из-под крана, опять сидела, пристроившись на подоконник, опять выходила на улицу, потом устроилась на полу, поскольку все подоконники были заняты, а уборщица только что помыла пол в том месте, которое я присмотрела.

Больше полусотни моих товарищей по несчастью все-таки улетели в Париж разными рейсами. Нас осталось 12 человек, и мы ожидали своей очереди на вылет уже более десяти часов. Было восемь вечера, когда нам объявили, что сегодня рейсов на Париж больше не будет, а все завтрашние рейсы забиты до отказа. Единственный шанс для нас попасть в столицу Франции – лететь в Лондон. Через пару часов в Москве сядет транзитный борт из Токио до Лондона, мы полетим в столицу Великобритании, а завтра утром – из Лондона в Париж. В Лондоне нам организуют ночлег в местном отеле за счет авиакомпании, которая сегодня на нашем рейсе поменяла самолет на менее вместительный.

Токийский самолет опаздывал и приземлился в Москве только в полночь. Свободные места были, и нашу группу количеством 12 человек посадили на этот борт. Мы были

счастливы, что после столь долгого ожидания, наконец, хоть куда-то летим.

Уже в воздухе я вдруг подумала, что сегодня на моем пути неожиданно возникли три препятствия: на парижский рейс не попала, провела полсуток в аэропорту в ожидании отлета и вот теперь лечу вместо Парижа в Лондон. Совсем как в русских сказках, где герою нужно пройти три испытания по пути к счастливому финалу.

В лондонский аэропорт Гатвик мы прибыли в 4.30 по московскому или в 1.30 по местному времени. Обычно ночью этот аэропорт практически не работает, все сотрудники уходят домой после 23.00, остаются лишь уборщики да сторожа в багажном отсеке. Чтобы обслужить наш рейс, пограничники и таможенники вынуждены были задержаться на два с половиной часа. А по телевизору транслировали футбол. И сотрудники, оставшиеся на работе, нас всех уже недолюбливали.

«Правильных» пассажиров, которые летели именно в Лондон, а значит, имели британскую визу, быстро пропустили через погранконтроль и таможню.

Настала наша очередь. Британской визы ни у кого из нас не было, а шенгенская виза, дающая право на въезд во Францию, в Великобритании не действует.

Первый пассажир из нашей группы потянул английскому пограничнику свой паспорт, тот заглянул в документ и что-то спросил. Наш человек английского не знал. Возникла заминка. Сотрудник погранслужбы громко спросил, есть ли среди нас переводчик. Все молчали. Я поняла, что надо выручать соплеменника, и подошла к стойке контроля.

– Где британская виза? – строго спросил блюститель границ Соединенного Королевства.

– Ее нет. Причем у всех нас, – я показала на нашу группу и продолжила: – Мы же не собирались лететь в Лондон. Нам всем надо в Париж.

– Зачем же тогда вы прилетели в Лондон? – спросил пограничник. – С какими целями?

– Потому что мы хотим попасть в Париж, – терпеливо объясняла я. – На наш парижский рейс в самолете не хватило мест, мы ждали следующих рейсов во Францию весь

день, но на них нам тоже не удалось улететь. Мы согласились лететь в Лондон, чтобы завтра отсюда улететь в Париж.

– Но почему вы не захотели лететь в свой Париж из Москвы завтра? – уже закипая и по-прежнему ничего не понимая, поинтересовался британский страж границы. – А вдруг вы русские шпионы и решили под покровом ночи проникнуть в нашу страну?

– Хороши шпионы: прилетели в страну группой 12 человек, причем все без виз, а английский знаю лишь я одна из всей группы, – рассмеялась я.

Пограничник продолжал смотреть на нас подозрительно. Но тут сотрудник таможенной службы принес какой-то факс. Прочитав его, британской пограничник недовольно сказал:

– Вам разрешили пересечь границу по однодневной британской визе. Но завтра в семь утра вы все должны быть в аэропорту и лететь в свой Париж.

На улице ждал трансфер, он довез нас до отеля. И через 15 минут мы устраивались на ночлег. По местному времени было уже три ночи, по московскому – семь утра.

На следующее утро трансфер до аэропорта ждал около отеля в 6.30, но никто из нас не вышел. Проспали. А ведь это был шанс улететь в Париж рейсом в 8.00. Вообще-то самолеты из Гатвика во французскую столицу отправляются каждый час, как пригородные автобусы, и лететь всего 45 минут, поэтому многие англичане летают в Париж на работу. Первый утренний рейс, которым хотели нас отправить, обычно бывает полупустым, зато потом – полный аншлаги.

Но наши люди не успели и ко второму парижскому рейсу. Причина – халявный шведский стол, который отель предлагает своим постояльцам. Завтракали основательно, словно восполняли ресурсы организмов, практически ничего не евших накануне.

Ожидавший нас трансфер уехал без нас, и теперь добираться до аэропорта предстояло за свой счет на общественном транспорте. У нескольких человек вдруг возникло желание посмотреть Лондон – «когда еще попадем, а тут всего-то километров 40!». Мне удалось отговорить их от этой затеи, только озвучив стоимость поездки на такси до британской столицы и обратно.

Часам к 10 мы все-таки добрались до аэропорта. Нам уже ждал представитель российской авиакомпании, по вине которой мы вчера утром не улетели в Париж. Он нервничал, потому что посадить в один самолет нас всех вместе не представлялось возможным, а отправлять нас группами по несколько человека на разных рейсах он не мог.

Дело в том, что при отлете из Москвы в Лондон на нас всех был выписан групповой билет. И теперь английская авиакомпания, партнер нашей российской, настаивала, что улететь из Лондона мы сможем лишь всей группой. Но до конца дня такого числа свободных мест больше ни на одном рейсе в Париж не было. А значит, нам придется остаться здесь еще на сутки, а британская однодневная виза, которую мы получили ночью, перестанет действовать через 15 часов. Мы автоматически превратимся в нелегалов и вместо Парижа в лучшем случае вернемся в Москву, а в худшем попадем в английскую тюрьму.

Я предложила представителю российской авиакомпании еще раз поговорить с его британским коллегой. Он согласился, хотя и не надеялся на удачу. Британец спокойно выслушивал меня до тех пор, пока я не стала в красках описывать ему возможные последствия нашего дальнейшего пребывания в его стране: несколько человек из нашей группы захотят съездить в Лондон, несколько поедут в гостиницу в надежде на халявный обед, оставшиеся обоснуются здесь в аэропорту, устанут, будут искать, где бы посидеть или полежать и обязательно привлекут внимание. Приедут журналисты, полиция будет искать уехавших на экскурсию в Лондон, хозяин гостиницы выставит иск об оплате съеденного обеда... Скандал! А виновным, скорее всего, сделают того, кто не смог вовремя выпроводить из страны «левых» туристов.

Очевидно, мой собеседник отчетливо представил себе масштаб бедствия, потому что согласился отправлять наших людей небольшими группами на следующих парижских рейсах.

Первой самолетом в 11.00 улетела семья из трех человек, затем в 12.00 в Париж полетели молодая пара и дама

лет сорока пяти, в 13.00 повезло еще двум семейным парам, а рейсом в 14.00 в Париж отправились я и молодой парень, студент.

Полет показался очень коротким, особенно на фоне вчерашнего бесконечного ожидания в аэропорту. Пограничный и таможенный контроль занял пару минут – ведь шенгенская виза у нас была. Мы пересекли символическую французскую границу и тут увидели всю нашу группу числом 10 человек, улетевших раньше.

– Ну, наконец-то вы прилетели. А мы ждем вас. Трансферы до наших отелей приезжали в аэропорт вчера, а сегодня нам нужно добираться самим, и мы не знаем как, – объяснил ситуацию один из соотечественников.

Они рассчитывали на мою помощь, видимо, решив, что если я общалась с пограничником и представителем британской авиакомпании в Лондоне, то и в Париже смогу что-то сделать. Я решила, что это мое очередное испытание, и согласилась. Посмотрела адреса всех отелей, где должны были проживать мои «однорупники», и стала каждому объяснять, как добраться до нужного места на общественном транспорте. Услышав про пересадки с автобуса на метро или с пригородной электрички на автобус, все отказались от этой идеи. Оставалось только такси. Я разбила людей на группы по три человека, чьи гостиницы располагались рядом. Вчетвером в парижских такси ездить не принято – водители не любят, когда пассажиры сидят на переднем сиденье.

Последними из аэропорта Шарля де Голля уезжала наша тройка – хостел студента находился на улице Коленкур, а женщину лет сорока пяти мы завезли в отель на бульвар Клиши. Моя гостиница находилась на Лондонской улице рядом с вокзалом Сен-Лазар. Подъезжая к своему отелю, я мысленно считала, сколько испытаний я преодолела на пути из Лондона в Париж: отсутствие британской визы, но, слава богу, получили однодневную, групповой билет, по которому мы должны были улететь только всей группой, но удалось договориться на отлет из Лондона порциями, а еще пришлось помогать моим товарищам добраться до своих отелей. Итого еще три. Похоже, моя поездка за счастьем будет развиваться не по сценарию сказки, а совсем по-другому. Кажется, в восточных

практиках ученики преодолевают семь препятствий на духовном пути. Значит, и меня ждут семь испытаний? Хорошо, что шесть из них уже позади.

Около 16.00 я вошла в холл отеля, поздоровалась с портье и попросила ключ от своего номера. Однако портье сказал, что мой номер уже занят:

– Мадам, вы должны были занять номер вчера, но не приехали. Мы ждали сутки, а потом поселили туда других постояльцев.

Чего-то подобного я ожидала, памятуя, что испытания продолжаются. Поэтому спокойно возразила:

– Мсье, мой номер не просто забронирован со вчерашнего дня, он еще и оплачен, а следовательно, я могу приехать в любое удобное время, а номер должен меня ждать. Кто решит эту проблему: вы сами или ваш управляющий?

Портье предложил мне занять другой номер, но я настаивала на своем, забронированном, ведь муж будет искать меня именно в нем.

– Даю вам два часа, чтобы переселить из моего номера других жильцов и сделать уборку, – прекратила я наш спор и пошла перекусить.

По дороге к станции метро и потом в поезде я радовалась, что пройдены все семь испытаний на моем пути. Но оказалось, рано радовалась. Испытания продолжались. Обычно французы обедают с 12.00 до 14.00, а с 15.00 до 19.00 рестораны закрыты на перерыв. Я приехала на пляж дю Тетр в 16.30 и увидела лишь пустые столы. Все рестораны и кафе, а их на этой площади с десятков, не работали.

Лишь у заведения Chez Eugene стояли несколько официантов. Я спросила, смогут ли они утолить мой голод в столь неурочное время? Они усадили меня за столик и минут через пятнадцать подали мне тарелку отварных мидий в раковинах и картофель фри, сопроводив это все кувшином розового вина.

Уплетая свой поздний обед, я мысленно поздравила себя с тем, что преодолела еще одно препятствие, уже восьмое. А сколько еще преград ждет меня прежде, чем мы встретимся с мужем? В памяти возникал Одиссей, прошедший девять судьбоносных испытаний, чтобы вернуться к своей

Пенелопе. Значит, мне осталось еще одно, последнее испытание. Переживем!

Когда я вернулась в отель, портье, радостно улыбаясь, вручил ключ от моего номера, того самого, что был забронирован. Я поднялась наверх, зашла в номер и упала на кровать – надо было полежать хотя бы пять минут, чтобы прийти в себя и поверить, что все-таки добралась до места встречи с любимым.

...Я как раз разбирала свой чемодан, раскладывая и развешивая вещи, когда дверь моего номера вдруг запахнулась и в комнату ворвалась разъяренная африканка с грудным младенцем на руках. Она что-то выкрикивала на непонятном мне языке, потом положила ребенка на кровать и исчезла.

Застыв в изумлении, я размышляла, что делать с чужим младенцем и где искать его родных. Не придумав ничего, позвонила портье и объяснила ситуацию. Служащий отеля выслушал меня, поблагодарил и положил трубку.

Спустя две минуты на пороге моего номера появился высокий мужчина африканской же наружности, рассказал, что поругался с женой, а так как до меня он занимал этот номер, то она именно сюда и принесла их сына. Потом забрал ребенка, извинился и ушел.

Мне больше не хотелось никаких приключений, и я поскорее легла спать. Кажется, спала всего несколько минут, но меня разбудил стук в дверь. Первое, о чем подумала: «Господи, неужели новое испытание!? Надо было повесить на дверь табличку “Не беспокоить!”».

Еще не проснувшись окончательно, потопала открывать дверь. На пороге стоял мой любимый муж. Он подхватил меня на руки, внес в номер и поцеловал. Конечно же, я сразу проснулась, обняла его и прижалась к его груди. Потом засмеялась и тихо пробормотала: «Девять, всего девять!».

– О чем ты, милая моя? Что значит «девять»? – спросил мой муж.

– Я все тебе расскажу, любимый, – ответила я. – Только, пожалуйста, повесь на дверь табличку «Не беспокоить!», чтобы никто и ничто не помешали нашему счастью.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

Учился Федор ни шатко ни валко: с двойки на тройку, с тройки на двойку, далее – со всеми остановками. В общем, за какой-то партой засиделся лишний годок, а может, и два – давно это было, никто и не помнит. Но все равно худо-бедно вытянул четыре класса. Что и говорить: по тем временам шибко грамотный. Тогда у него еще и немецкого не было, который потом его, можно сказать, за горло взял. Но он-то не брал этого языка.

Как все сверстники, любил бегать на воле, играть в игры разные. Особенно, конечно, в войну. Носился с длинной палкой, как с саблей, кричал «ура» и рубал наотмашь крапивные заросли, изображая из себя Чапая. И терпеть не мог в играх показывать каких-нибудь япошек или беляков – стало быть, японцев и белых русских: гордость не позволяла. Но прошла эта пора, повзрослел Федор, работать в колхозе начал, что-то домой приносить. А по характеру был – не буйный, не въедливый и не пристающий. Как по пословице: не буди лихо, пока оно тихо. Когда что-то решать надо – он и вашим, и нашим. Вроде как одних боится, а других опасается. Одним обещает, а других за нос водит. А вот если кто не поладил, бежали за ним: он уговаривать умел. Чтобы как лучше было: и овцы в шерсти, и волки не зубоскалят.

Пришло время жениться, молодуху заводить. Нашел и в дом привел. Стали жить вместе. Под одним потолком с родителями – можно сказать, впритирку. Отгораживались

с женой, как положено, в своем углу занавесочкой, чтобы не стеснять отца с матерью. Без скандалов жили. А ведь не шутка: две семьи в одной избе. Обыкновенной, деревенской. А тут и дитя появилось, потом второе. Забот и хлопот невпроворот.

Настал сорок первый. Грянула война. Хорошие мужики, молодые и крепкие, повестка за повесткой, уходили на фронт. Среди них Федор, молодой коренастый мужик, отродясь не видавший никакой другой земли, кроме как под ногами. И попал он сразу в мясорубку – провернули его как следует, а на выходе – плен. Правда, задела его перед тем моментом шальная пуля. Причем не с той стороны, откуда немудрено. Вот как это было. Едва начался бой, они, новобранцы только что сформированного пехотного полка, поняли, что их со всех сторон заложили. Ведь что думали: раз западный фронт, то гляди только на запад. А немчура-то и с юга, и с севера поперла, а потом аж с востока. Проморгали, выходит, кому глядеть надо было. И вот: куда ни кинь – везде гансы и фрицы. Нет, не сдамся! – прохрипел Федор, решивший сражаться до последнего. И тут винтовку заклинило – хоть из сапога стреляй! Стал стучать по ней, крутить-вертеть, нажал на спусковой крючок, и вдруг – бах! – плечо обожгло. Тут его и прихватил немец. И многими еще не побрезговал в то хмурое утро. И было это уже в какой-то сотне километров от его дома. А фронт дальше на восток пошел.

Плен есть плен. Привезли пленных в пересыльный пункт, а перед тем сержант из их роты, что до войны то ли фельдшером, то ли ветеринаром работал, sprыснул чем-то, перевязал и наказал дальше жить. Скоро рана затягиваться стала.

Покатил он вместе с другими неубитыми в тяжком сражении в самое логово фашистского зверя – в Германию. И осталась его прежняя жизнь далеко-далеко, где дом с женой Пелагеей, двумя мальцами и стариками на занятой немцем земле. А ему: радуйся, что жив остался – считай, вся рота полегла.

Собрали их в лагере, стали держать как в ослином стойле. Корежили и мочалили, чтобы они всё забыли и только

номер свой знали. Морили их голодом – давали какую-то мизерную плошку похлебки да жалкую дольку суррогатного хлеба. И так день за днем, неделя за неделей. Отношение к пленным всегда наплевательское, а к русским «пленягам» – самое что ни на есть плевое. Ну а к слабым – убойное: их просто пристреливали.

На русских смотрели как на отходы на вонючей свалке. За любую оплошку по хребту били – дескать, «палка делает чудеса». Для арийцев они были «унтерменшен» (Untermenschen), стало быть, недочеловеки. Особо выслуживались перед немцами блоклайтеры – бывшие уголовники из числа пленных, их лагерное начальство часто ставило старшими в блоках. Были в лагере еще поляки, сербы, французы, но французы имели привилегии. Им даже давали по линии Красного Креста вещи и продукты, присылали посылки из дому.

Скоро от крепкого и ладного каркаса Федора остались лишь мослы да кости. И никакого будущего, никакого просвета. Уж ни на что и не надеялся он. Одно утешение: рана загладилась.

Но вот как-то выстраивают их на плацу – перед ними всё лагерное начальство, а при нем стоит какая-то фрау. Подтянутая и суровая, как укротительница тигров. В общем, характер нордический. И зыркает она по их рядам колючим взглядом – по всему, что-то задумала. Так и есть: объявляет начальник лагеря – через конопатого ефрейтора-переводчика – дескать, фрау подбирает рабочую силу для своего хозяйства. Проходит она вдоль рядов – вся из себя, неприступная, важная, спесивая. Останавливается напротив Федора. Подходит поближе, окидывает его своим надменным взглядом с головы до ног, прощупывает мышцы на руках, обхватывает плечи своими клешнями, в зубы смотрит. Потом машет палочкой и говорит по-немецки:

– Der Iwan da ist gut*.

Повезла его фрау, что была из крепкого помещичьего роду, в свое имение. Повозка очень даже видная, ладная, без всякого скрипу, колеса крепкие, прорезиненные, на хорошем ходу. И мерин ухоженный, гладкий, весь лоснится.

Едут – Федор всё окрестности озирает. И на дорогу дивится: какая-то она не такая – не асфальтированная, а гладкая, без ямок там разных и выбоин. Ба, да она щебенкой мелкой утрамбована. И хоть бы разок трянуло на ней! А вдоль дороги яблони да груши стоят, и никто их не рвет, ветки не ломает. На дороге даже ни одного яблока не валяется.

Потом начались сливовые посадки. А за ними – вишневые. Ну и ну... Проезжали мимо какого-то хутора – там около каменных домов брусчатка, цветники всякие, кустарник-ягодник. Да кто же за всем этим ухаживает – людей-то не видно. Ага, вон там появился какой-то старик – в рубахе в большую клетку и штанишках коротких. Он что, свихнулся – штаны-малолетки на себя напялил. А еще двух мадам увидел Федор – в светлых кофтенках и в шляпках как на праздник. Ишь расфуфырились: видать, городские, в гости приехали, подумал он. Как будто никакой войны и в помине нет. А потом какой-то пацаненок выскочил, пальцем на него показывает и лопочет: Rus, Rus, ganz verdrecks*. Федор, конечно, кроме «рус», слов не разобрал, но понять понял: ха, так ведь я не на Масленицу в расписной рубахе и расшитых штанах, а из немецкого лагеря в грязной солдатской робе плюхаю!

Ехали недолго – если по расейским меркам. Один раз навстречу другая повозка попалась – с волом. Эту тягловую силу Федор на своем веку тоже не видел. Только разъехались, другое чудо явилось ему – старая фрау на велосипеде: лицо всё в морщинах, а педалит на велике, как молодая

На всем пути, надо сказать, никаких деревень по дороге он так и не заметил. Так, стоят большие дома из камня – крепости какие-то, и не пойми из чего – такого материала он сроду не встречал, а вокруг всё вылизано и сплошь растения да лужайки. Сараев и амбаров не видать – всё какие-то каменные постройки, неужто двухэтажные сараи? А чуть подальше, ну, поля – не поля, а большие наделы – ровные, без оврагов. И сорняков нема, подивился он

Подъехали к леску – ну, думает, дыхну знакомым духом. А это и не лес, а какая-то расческа: реденький да хиленький,

* Вот этот Иван подойдет.

* Рус, рус, какой чумазый!

с одного конца до другого от былинки до рябинки всё насквозь видно

И вот привозит Федора немецкая хозяйка на свой хутор, ведет в подсобное помещение, заставляет снять всё, что на нем было – и в топку, а самого – в ванну. А вот об этом он и мечтать не мечтал. Ну, думает, хоть с помывкой повезло. Отмылся Федор как следует, оттер свое испоганенное в лагерной неволе тело от всякой налипшей грязи, задышал полегче, а тут и чистое бельишко подоспело. Облачился горемыка в немецкое барахло, сидит – дух переводит, по сторонам оглядывается: однако ж, недурно живется тут кой-кому.

Скоро его к столу позвали. Обрадовался – слава богу, а то брюхо давно каши просит! – и загремел костями поближе к кухне. Получает маленький кубик хлеба и с десять капель какого-то бульона. Э-эх, думает, ну и скупердяи: да в лагере больше давали! На другой день – то же самое, но хлеба кубик побольше, а похлебки в чашке – ватерлиния повыше. На третий того и другого больше, чем на второй, на четвертый – больше, чем на третий. И так – по восходящей. В общем, можно сказать, почти сытым стал из-за стола вставать Федор, а через недельку-другую даже слегка порозовел.

Ну, кормили, конечно, его не зря – работал он, в хозяйстве этой фрау на полную катушку. Во саду ли в огороде – везде, где было перстом указано. А хозяйка – надо же – была его славянской рабочей хваткой довольна, но особо виду не подавала: батрак есть батрак. Но главное ждало впереди.

Копается он однажды на участке – видит: сверток лежит. В нем – деньги, немецкие. Ну, понятно, марки – немного, ну и не так чтоб мало. Берет он сверток и в карман кладет. Надо же, думает, везет как: не было ни гроша, и вдруг алтын. И не один. Хм... Ну и что? Куда с ними? За поллитрой не побежишь: один пить не будешь – русского плясать с кем? Да и засекут по пьяной лавочке – что тогда? В общем, протягивает он вечером хозяйке: вот, мол, нашел на земле на вашей, заберите Христа ради. Забрала хозяйка купюру и danke сказала. «Спасибо», стало быть. Дескать, не ошиблась, когда работника выбирала.

А через пару дней опять видит Федор: на земле деньги – под кустом, только побольше, раза этак в три. Или четыре. Поднимает их и думает: а что делать с этими марками? Никуда не убежишь, на что тратить? На черный день спрятать? Так ведь найдут. Вот подвезло – и гадай теперь. Мать честная! Да хозяйка специально их подбросила! Она что, думает: если я русский батрак и ничего у меня нет, значит, на чужое позарюсь? Как бы не так! В общем, пришел он в дом и говорит:

– Битте зер, мадам, немен зи* . (Стало быть, забирайте, фрау хозяйка: мне чужих не надо.)

Отдал ей деньги, как в тот раз, и с концами. А она от радости даже вся засветилась, как новогодняя елка, и несколько раз свое Danke повторила.

На другой день после работы вручает хозяйка ему связку ключей к своей кладовой, что в подвале под домом: иди, мол, открывай и пользуйся моей добротой... Взял он ключи, открыл – ба! И чего он там только не увидел! И соки всяческие, и вина, и колбасы разные, и сало, и окорока, и ветчина, и фрукты! Пил и ел Федор, как хотел. Но напиваться – не напивался: фрау хозяйка свои поводки крепко держала и таких вольностей никак не потерпела бы. Да и вина не те были: так, баловство одно – для интеллигенции. Не первач из родных краев.

Но работы после этого меньше не стало, не барствовал Федор, а вваливал почем зря. Не шутки шутил, а большое хозяйство, можно сказать, на руках своих тянул. И пахал, и сеял, и культивацию проводил, и сенокосничал, и с быками управлялся, и технику кое-какую мог подладить, и урожаем снимал. Хозяйка его знай похваливала да подкармливала. И подумалось Федору: вот тут хозяйка его разными «данке» да «гутен морген» угощает, а беднягам-ребяткам в лагере только «руссише швайне» достаются.

А потом – втемяшилось ей! – начала его разным новым словам и фразам немецким натаскивать. Дескать, чтобы лучше понимал ее, что и как делать, и поменьше на пальцах показывал. Правда, держалась фрау-фермер от него по-прежнему на расстоянии: как-никак раса завоевателей.

* Bitte sehr, Madame, nehmen Sie. – Пожалуйста, мадам, возьмите.

Но как-то призналась: мужика у нее тоже на фронт забрали, и был он где-то там – то ли в Африке, то ли в Южной Франции – интендантом в полку. Понятно, по хозяйственной части тоже не промах. Она, кстати, Федора его поношенной одежкой и снабжает. Сам-то муженек-фельдфебель сюда в отпуск должен был вот-вот приехать – отпускают же их на пару недель, – но «отпуск» дали почему-то на Восточный фронт, где он в первую же зиму уши и пальцы на обеих ногах отморозил и подмышку ему прострелили. Вот он и загорает теперь не на африканском пляже, а в холодном госпиталишке с кусачей русской зимой. А чтоб она здесь какого старика или инвалида нашла – не-э, у них с этим строго. И с русским работником-батраком всегда на расстоянии, словам немецким учит на ходу, не садясь за один стол: как же: не той расы, хоть и христианин – как она. А в Бога она верила и по праздникам ходила в кирху.

Но вот мало-помалу тоска начала одолевать Федора. Дни стали тягучими и невразумительными. И снилась ему деревенька родная с рубленой избой и сиренью под окном, ступеньками дубовыми, русской печкой да щами наваристыми. А уж когда он тут в поле работать выходил, ему всё мерещилось, что он у себя дома крестьянствует – на своей родимой земле, богатой черноземом, а не на этом суглинке, приправленном химией. А еще видел он во сне березовую рощу с веселыми подберезовиками. Но не выходила из головы дума тяжкая: что теперь в далекой деревне с его родными – когда немцев с земли согнали? Цел ли дом-то? Что с Пелагеей и детьми? Я тут сытый в тепле на белых простынях сплю, а им каково? А что старики? Тоска сжимала сердце и не отпускала.

Однажды объявляет фрау, что им нужно принять важный груз – трофейную плодородную землю из России. Дескать, в здешних хозяйствах эксперимент проводится: что именно лучше всего на привезенной земле выращивать – как в чистом виде, так и в виде добавки к натуральному суглинку. На другой день приказывает хозяйка Федору разбросать, как полагается, землю по большому участку. Орудует он лопатой специальной, а самого слеза прошибает: не по этому ли чернозему он в детстве босиком бе-

гал да не эту ли землю распахивал да обихаживал в поле, проливая пот соленый? И так мучился, так мучился, что она на чужбине оказалась, а он выпендривается на ней своей германской лопатой да граблями. И никак не может спокойно смотреть на нее, бедолагу, попавшую в неволю. И вот так всякий раз, когда был рядом с ней.

Как-то заявляет фрау, что у нее есть сестра и в ее хозяйстве тоже надо приложить руки. Показать, какой он работник. Делать нечего – прибыл Федор на новое место. И там еще как показал, что может и что умеет. Устроила хозяйкина сестра ему ужин, как какому принцу. И сама оделась – принцесса принцессой, только ведь худосочная да сухая, как все немки почти. Э, да разве их с расейскими женами сравнить!

Угощение было отменное. Пил он из ее богатых запасов изысканные вина и закусывал всякими закусками, каких сроду и не видел. А сам о своих скромных деревенских угощениях думал, испробовать которые уж и не чаял. Спросил, как умел, по-немецки, коверкая слова, где муж-то ее. Она тут же призналась: на небесах, мол. Приезжал с Восточного фронта в отпуск. Исхудавший, заветренный, изможденный. Дескать, неважные дела там меж русских лесов и оврагов. Она ему сразу круг спасательный: оставайся, спрячу тебя. А он: я обещал командиру, что вернусь. Вот и вернулся – к своему штурмбаннфюреру, а сюда уж не вернется. И ведь надо же: как раз в день смерти портрет его в рамке, что висел на стене, вдруг ни с того ни с сего на пол плюхнулся.

Так и жил Федор на чужбине, пока шла война. И нельзя сказать, что тужил. Но изо дня в день вертелось в его мозгу и скребло душу: на кого спину гну, кому хлеба подымаю? Чужим бабам сытую жизнь еще сытнее делаю. А кто они мне: жены да невесты врагов – Фрицев и Гансов. Которые моих земляков убивали. На их родной земле, на кровных полях да в опаленных дубравах.

В общем, терзала его, особенно по ночам, совесть: что он там делает и чем это кончится. Понятно, что в неволе жил – не в родной лесостепи. Хоть и без конвоира, а не разбежишься – сколько ни беги. Даже прогуляться,

как в родном леске, негде. Да никто и не пускал его никуда: усадьба – вот весь вольер для прогулок. Ищи ветра в неволе. К соседям своим – шабрам да своякам, что постарше, покалякать не пойдешь: они там, в дальних краях остались. А здешние – вояки ихние – поди, сейчас задом к своей границе пятятся. Так и жил он все три долгих года раздвоенный: ты тут у немчуры не пойми кто и что, а родимый дом твой с хозяйкой и мальцами – там, за тыщи километров. И каково им теперича? И опять же – при немцах сколько были. Гансы не блинами же их заявили кормить. Отчаянно бились мысли о его черепную коробку: а что дальше?

Вспоминал он и лагерь, в котором был два самых тяжелых месяца в своей жизни, и мурашки бегали у него по коже. Как они в голод и холод едва переставляли ноги и как их подгоняли палками-дубинками. Как не терпели надзиратели больных и доходяг и не моргнув глазом добивали их. Как в лагере выискивали комиссаров и евреев, велели им забрать свои шмотки и навсегда уводили их. Как давали мизерную дозу темной жидкой баланды из брюквы, а если просили добавки, получали черпаком по голове. Как им во время нескончаемой дороги на пересыльный пункт колхозницы бросали хлеб, и сильные пытались вырвать его у более слабых, а охранники прикладами гнали милосердных женщин прочь, угрожая пристрелить. И как во время привала отошел там по малой нужде от своей скатки, а вернувшись, уже не нашел ее.

Между тем Красная армия, перейдя границу, всё дальше гнала гитлеровские войска вместе с их союзниками на запад и приближалась к самой Германии. Это Федор узнал от польских рабочих, которых на короткое время наняла хозяйка для сезонных работ. У самой фрау был приемник, по которому можно было слышать разные голоса, в том числе из Москвы, но Федора она к русским голосам не подпускала.

Поляки с энтузиазмом говорили о том, что польская дивизия им. Костюшко воюет вместе с Красной армией против Гитлера. В эти дни Федор ощутил, общаясь с ними, пусть накоротке, какое-то родство не только как собрат по неволе, но и как человек одного – славянского – племени. Радовала его и их речь, которую он, несмотря на многие

незнакомые слова, мог понимать. Плененная душа его оттаивала, раскрепощалась, он как бы снова возвращался в привычную среду, непосредственную и такую знакомую.

Вскоре линия фронта гуляла уже по самой Германии. Русский солдат всё ближе подбирался к этим краям. Иногда до их хутора доносились глухие раскаты орудийных залпов, а высокое небо пронзали юркие ястребки, вдалеке виделись вспышки огня. Смерть витала и находила пристанище там, где поверившие в свою несокрушимость завоеватели и во сне не могли видеть – в их собственном доме. По дорогам потянулись отдельные группы беженцев, боявшихся мести со стороны армии, что неумолимо шла с востока. Среди них в первую очередь были семьи гестаповцев и офицеров, виновных в смертях на территории ненавистой им страны.

Но вот война отгремела, Германия капитулировала, и всё изменилось. Судьба к пленным поворачивалась по-разному. Недолго стоял Федор перед выбором. Решил бесповоротно: он должен вернуться, там – его Пелагея и дети. А еще – родная земля, на которой ему было куда привычней семь потов проливать. Уж не говоря про язык: не век же ему слушать немецкую речь, эти гортанные звуки, которые с первых дней бередили его уши, сызмальства привыкшие к неторопким и рассудительным русским словам. Да тут и трактор-то тарахтит как-то не так, по-немецки, будто не землю пашет, а бутерброды со шмальцем жует.

И он вернулся, живой и невредимый. Это была суббота. От станции сначала плюхал на телеге из дальнего колхоза – прихватил его тамошний конюх, который привез к поезду кого-то из начальства. Всё расспрашивал, что да как, да только Федор не рассказывал ничего про свою немецкую жизнь, сам признавал, как они в оккупации жили-были и партизанил ли кто в этих лесах. Но вскоре дороги разминулись, и он зашагал пешком, как когда-то, до боли знакомыми тропами и тропками, привычно сокращая путь. Нестерпимая тихая радость свидания с родными местами распирала его. Вот его любимый перелесок – сюда он бежал с пацанами за свежей земляникой и спелыми орехами. А вон там на заветной поляне нашел белый чудо-гриб, что стоял листочком, как зонтиком, прикрывшись. А как-то

у корней дерева узрел выпавшее птичье гнездо и, подняв его, закрепил, как мог, повыше на раскидистой листве крепкого сучка. В том кустарнике перед войной увидел рыжую, что выглядывала, поводя своей хитрой мордой.

Ух, благодать-то какая! Он не выдержал и бухнулся плашмя на землю, обнимая ее: эх, родная, сколько ж мы не виделись, не знали, не обнимались! Потом встал и, не отряхиваясь, пошел дальше. А вот и березовая роща с веселыми подберезовиками! Эх, тогда их было – пруд пруди, а теперь... Он огляделся и – да вон ты где, дружок! А там еще один, и еще!

Здесь раньше и белки бегали, да война-то, поди, всех распугала. И не только белок. Меня тоже вон куда закинуло. И что теперь... Закрутилась моя жизнь, как белка в колесе, а теперь ее по второму кругу крутить надо, с умом.

Миновав лесок, он подошел к речке – маленькой, но чистой. Ну до чего ж хороша! Здесь они, пацаны, любили плескаться, устраивали разные придумки – игры озорные да забавки смешные.

Дальше путь шел по полевой дорожке между большими холмами, что, как высокие подушки для великанов, лежали на необъятной постели-равнине – под открытым небом, чуть-чуть прикрытым белыми облачками. Вот где всегда было полевой клубники раздолье! Ведро таскай – не перетаскать.

За холмами показалась его деревня. Сердце заколотилось учащенно, его стук был похож на удары молоточка. А деревню-то не узнать: ни садов, ни берез, ни лип не видать. Дома какие-то не такие: всё серые да скособоленные, крыши кое-как залатаны. Солома на дворах и та повыдергана. А там пустырь – выходит, сгорели дома? Точно: бревна опаленные выглядывают. Немец, что ли, пожег?

Дом его, третий в ряду, был цел, только одряхлел сильно. Совсем невидный стал – стоял, как пришибленный, будто обессилел и занедужил. На улице – никого. Видно, в поле все, подумал он, подходя ближе. Перекрестился и, не в силах унять внутреннюю дрожь и сумятицу чувств, застыл. В его сознании пронеслись отрывки довоенного прошлого, короткой военной были, лагерного рабства, недавнего сытого благополучия и неизвестного будущего.

А вот и пристанище. Старая труба на крыше, осыпавшаяся завалина, слуховое окно, наличники, причелины. Родное крылечко. В темных окошках не видно никого.

Федор медленно подошел к дому, несмело, как гость, присел на завалинку. Чувство неуверенности и какое-то оцепенение овладели им. Через две-три минуты в проеме двери из сеней с помойным ведром в руках показалась Пелагея, которая только что вымыла пол в избе. Увидев мужа, ахнула, бросила ведро и бросилась к нему:

– Живой, Федор!

Федор снова обрел себя. Они порывисто обнимались, крепко прижимаясь друг к другу, а Пелагея не верила своим глазам, ахала, охала и ревела. Следом выскочили детки, худые, в залатанных одежках, и, обомлев, уставились на обоих.

– Да не видите, что ли, ребятёнки, отец ваш пришел! – не помня себя, утирая слезы, воскликнула Пелагея. И потащила его в избу.

Так Федор вернулся в свою прежнюю жизнь. Только старики его не дожили до того дня. Без вести пропал – таков был приговор их сыну, который они получили, и не только они. Понадеялись его родичи, понадеялись, да так и сникли – похоронили все надежды. Дед-то сначала даже по наивности своей всё немцев, которые в деревне стояли, спрашивал, жестикулируя, не видали ли они там, на фронте, его сына, а может, и стреляли в него, так в ответ только гомерический хохот слышал.

Вошли в избу, сели за стол, а тут уж вся улица, считай, к ним прибежала – глядеть на соседа, что с германского фронта с руками и ногами вернулся. Свиделся Федор с земляками, обрадовался прежним шабрам, стал рассказы их слезные про горемычную жизнь под немцем и похоронки слушать да поддакивать. Только гадали они, как довелось ему в это обездоленное, лихое время небедный жирок нагулять.

– Дык ведь после ранения пришлось в санчасти отлеживаться, – оправдывался он. – Изнежился маленько.

А те, кому особо положено, конечно, не раз интересовались, выясняли, что и как. Понятное дело. Ну а нечаянную рану свою он так никому и не показывал.

Лирический портрет

Диана КАН

Оренбург

**А, СОБСТВЕННО, НАМ
И ОТВЕТА НЕ НАДО...**

* * *

Ну чем мы с тобою, ответь, виноваты?
Что мы родились, никого не спросили,
В России, где солнце не знает заката,
В божественной, богом забытой, России?..

Ответят пусть майские вешние грозы,
Осенние и златокудрые ветры.
Ответят крещенские злые морозы
И вьюга седая, чья песенка спета.

А, собственно, нам и ответа не надо,
Чтоб жить на земле этой, политой кровью
Отцов, что в бесчисленных войнах проклятых
Её защищали сыновней любовью.

И пусть то, что нами до боли любимо,
Порой проклинаям мы так вдохновенно,
Но кровь победителей непобедимо
Пульсирует в наших забывчивых венах.

* * *

В расхристанный денёк осенний
Я снова вспомню о тебе,
Лирический бунтарь Есенин –
Собрать по грусти и судьбе.

Моя осмеянная всеми
Неразделённая любовь –
Эпический блондин Есенин,
Что супишь бронзовую бровь?

Иду с красивой дочкой Настей
В Литинститут на семинар...
А ты обозреваешь настезь
Распахнутый Тверской бульвар.

Вокруг владычествует осень,
А дочь моя – сама весна.
Она тебе цветы подносит...
Похоже, тоже влюблена!

И ты не выглядишь уставшим
В цветах поклонниц молодых –
Высоким памятником ставший,
В костюме одетый, как жених!

С улыбкой горько горделивой
Глядишь мне вслед через плечо...
И я кажусь тебе счастливой,
Хоть я не памятник ещё.

* * *

«Ты же девочка!..» – он говорил,
Самый лучший на свете мужчина,
Что меня беззаветно любил,
Хоть мечтал видеть первенцем сына.

Ты же девочка! Не забывай!
Ты надежда и звёздочка наша.
Знай за обе щеки уплетай
Ненавистную манную кашу.

Будь разумной и не прекословь!
Улыбаясь затравленно-гордо,
Заломи артистически бровь
И долби день-деньской септаккорды.

Ты же девочка! Я не пойму!
Ты должна быть послушной и милой...
Объясни-ка отцу, почему
На предплечье татуху набила?

Объясни, за какие грехи
Ты отчислена из института?..
Что? Какие такие стихи?
Нет занятий приличней как будто!

Ты же девочка!.. Что за дурак
Держит два ваши паспорта?.. Да уж!
Ты никак – так твою перетак! –
В пятый раз собираешься замуж?

...Милый папа... Мне слушать невмочь
Безответные эти вопросы...
Ты прости непутёвую дочь,
Что таскала твои папиросы!

Корень вечной проблемы узря,
Лишь о том сожалею порою,
Что о сыне мечтал ты не зря,
Жизнь считая забавной игрою.

В мир пришедшая майской грозой,
Дурью маюсь, стихами болею...
Папа милый, я стала большой
И навряд ли уже повзрослею!

* * *

Целует питерский поребрик
Вольнолюбивый ветерок,
Весь неприкаян, словно Неприк,
Из коего в столицы сбёг.

Тая к ветрам столичным зависть
(Чтоб не смотрели свысока!),
Он, в доску стать своим стараясь,
Скрывает запах полынка.

Скрывает запах мяты дикой
Для сохранения лица,
Ромашки, кашки, повилики,
Татарника и чабреца.

Дыша духами Незнакомки,
Его столичные дружки
Вовсю благоухают Блоком
Простонародью вопреки.

А с ним здороваются сухо
И он взволнован – что не так? –
Пропахший терпким русским духом
Почти есенинский земляк...

Ах, волжский непоседа-ветер,
Ты так столичности искал,
Что, сам того и не заметил –
Себя в столицах растерял.

Ты льнёшь к столичным модным стервам,
Ища в них брошенных невест.
Ты шаурму зовёшь шавермой,
Парадным ты зовёшь подъезд.

Ты кацавейку обзываешь
Словечком питерским – бадлон.

И понемногу обживаешь
Свинцово-серый небосклон.

...Но иногда в часы заката
Среди столичной суеты
Тебя настигнет запах мяты,
Как запах преданной мечты.

* * *

Было-сплыло... шатко-валко...
Что ни сокол – пустельга.
Что ни речка – то Каргалка.
Что ни девка – то карга.

Что ни век – метель да стужа.
Край непуганых невест,
Оренбуржье, Оренбуржье
На десятки вёрст окрест!

Здесь казачья хата – с краю,
Да и та давно ничья.
Край, на кой тебе такая
Пересмешница, как я?

Есть вопросы без ответов,
Без вопросов есть ответ...
Ты помог мне стать поэтом,
Хоть ни разу не поэт!

Не взыщи, мой край, каргою
Стать старалась – не смогла.
Знать, твоей любви не стою.
Остальное – бла-бла-бла...

Да и ты, хотя и сокол,
Однозначно – не сапсан,
Чтобы мучиться высокой
Страстью по Диане Кан.

Заходясь в метельном плаче,
Зацелованный тоской,
Край, живущий на удачу,
Ну на кой ты мне такой?

* * *

Всяк кулич свою хозяйку хвалит
В светлый день пасхальный на Руси.
Всяк кулик своё болото славит,
Песни вознося до небеси.

Следуя божественной методе,
Он под звоны золотых церквей
Гордо панегирики выводит
Милой малой родине своей.

Скажете, нескромны и скромны
Эти песни – вроде ни о чём?..
Как же ни о чём? Они о доме,
Что богат пасхальным куличом.

Бабушка с улыбкой разрезает
Царь-кулич, нахваливая жизнь.
И не запах в небеса взмывает –
Местный родовой патриотизм.

Николай СИМОНОВ

ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ (1969–1971)

Оловянный солдатик

Размотало портянкой дорогу,
Отсырели мои кирзачи...
Выше ногу браток, выше ногу!
Не молчи, не молчи, не молчи!

Запевай! – только мне не поётся.
Запевай! – всё рычит старшина,
А дорога-портяночка вьётся,
Всё трудней и грязнее она.

Отшумело листвою наше лето,
Отсвистели в душе соловьи...
Почему от тебя – ни привета,
Ни ответа на письма мои.

Месим стылую грязь сапогами,
Дождь холодный с небес полился...
Говорила ты: «Сердце не камень».
Оказалась из камня ты вся.

Ни конца и ни края дороге.
Песню взвыл новобранец-казах.
Не идут оловянные ноги,
И тоска в оловянных глазах.

Эх, дорога, тебя каблуками
Колошматит геройский наш взвод...
Вспоминая о каменной даме,
Оловянный солдатик бредёт.

Подарок

День рожденья... Оваций не надо!
Утром, благообразен и мил,
Мне в подарок четыре наряда
Старшина перед строем дарил.

Мне столь щедрый подарок не нужен,
Скопидомством я не обуян,
Нет пристрастия к шмоткам, к тому же
Я ещё не купил чемодан.

Старшине я ответил на это,
Под весёлый раскатистый смех:
– Лучше тем, что похуже одеты,
Разделите наряды на всех!

На посту

Вот осветил луны осколок
Небес края...
Я вспоминаю тот посёлок,
Где ты да я.

Я год служу, стою на страже
И на версту
Сквозь тьму сегодня вижу даже.
Я на посту.

А ты не вспомнишь, не напишешь...
Эх, ё-моё...
Стою продрогший и притихший, –
В руках ружьё.

А дождь косой косит и косит
 Мои мечты.
 Но вспоминаю я ту осень,
 Где я да ты.

Мой город

Вдали я от отчего крова,
 Но вижу и ночью и днём
 Покровку под снежным покровом,
 Звездинку под звёздным плащом.

В часы строевой подготовки
 И даже на стрельбище мне
 Маячат огни Маяковки,
 Ошару я вижу во сне.

И если тревожно и горько,
 Махну я рукою на грусть.
 Мой город, мой Нижний, мой Горький,
 К тебе всё равно я вернусь!

Я только что принял присягу
 И помню родной уголок,
 Где ветер – бездомный бродяга
 Гоняет Песками песок.

Цветут на Полянках ромашки
 И светит над Лунской луна...
 Сегодня поэта замашки
 Публично клеймил старшина.

А он от меня не отстанет
 (Пока я неважно служу),
 Но верю я – время настанет –
 Приеду домой и скажу,

Мой город любимый, здорово!
 И вместе с друзьями пройдем
 Покровкой под снежным покровом,
 Звездинкой под звёздным плащом.

На линии огня

В 1969 году в армии мне был выдан самозарядный карабин Симонова образца 1939 года. С таким карабином мой отец Василий Симонов воевал с японцами на реке Халхин-Гол в 1939 году.

Лежу на линии огня,
 На полигоне, среди леса...
 Так, лет за тридцать до меня,
 Сжимая ложе эскаэса,
 Рукою крепок, духом смел,
 От нетерпения сгорая,
 Мой батя метко, на прицел
 Ловил японских самураев.

Раскатист орудийный гром,
 Разрыт рельеф равнины голой,
 От танков дым и пыль столбом
 Вились в степях у Халхин-Гола.
 Наш контрудар был смел и скор,
 Владея воинской наукой,
 Бойцов вперёд повёл комкор, –
 Тот, легендарный, маршал Жуков.

Горела, плавилась броня,
 И камни пропитались кровью...
 А я на линии огня
 Лежу в лесочке Подмосковья.
 Не слышен орудийный гром
 И нет врагов, лишь ряд мишеней,
 Но это то, что мы зовём
 Преемственностью поколений.

Ракетчики

Люблю я небо тёмной ночью,
И в ясный день, и под дождём,
Ведь мы с тобой его воочью
От вражбх козней стережём.

Полёты в небеса – поэма:
Земля прекрасна, чудна высь,
Но злые птицы дяди Сэма
Напрасно в небо поднялись.

Пусть самолёты и ракеты
Нос в наше небо не суют!
Ракетчики Страны Советов
Шутя любую цель собьют!

Пусть ваши ястребы узнают –
Здесь в ЗРВ все парни – «во!»
Земля ошибок не прощает
И не прощает – ПВО!

Солдатский концерт для снобов с эстетамн

*Пускай вам кажется смешным
Грошовый мой мундир.
Солдат-то дешёв, но хранит
Он ваш покой и мир...*

Редьярд Киплинг

Несомненно, я выгляжу странно,
Перед вами, мадам и месье,
Я артист разговорного жанра,
Ну а попросту – конферансье.

Наш ансамбль вам поёт неустанно,
Льёт со сцены свой песенный жар.

Привезли мы трубу, барабаны
И квартет самодельных гитар.

Как люблю я такие моменты...
Мы и шутим для вас и поём.
Здесь улыбки и аплодисменты,
И вполне благодушный приём.

Пониманье – артистам награда,
Хоть не всех приведём мы в экстаз...
Видю – зрителям с третьего ряда,
Откровенно сказать – не до нас.

Не для всех наши песенки спеты –
Ваши позы – наш скорбный удел...
Я не думал, что в зале эстеты,
А иначе бы смокинг надел

Вам – элите и совести русской
Неприятлем солдатский наряд.
Я приехал к вам прямо с погрузки,
Ну а завтра отправлюсь в наряд.

Не кривите презрительно губы,
Ведь, ей-богу, я искренне рад
Сыпать юмор суконный и грубый
В ваш калашный, изысканный ряд.

Зря, чувак, свои колкости гонишь
Пред своею весёлой гурьбой.
Мы уйдём и, пока ты пижонишь,
Будем небо стеречь над тобой.

Валерия САЛТАНОВА

Ростов-на-Дону

...И СЛОВОМ СТАЛА, И СЛЕЗОЙ

Мой век

Вот и время терять друзей,
Потихоньку итожить жизнь.
Что тарачишься, век-ротозей?
Ты держись, мой век, ты держись.

В ломком крошewe декабря
Под восточных ветров грусть
Не ругай меня почём зря –
Я ещё тебе пригожусь.

Льёт серебряный звёздный ковш
Межпланетное молоко...
В грудь мою ты, мой век, вхож,
Да дружить с тобой нелегко.

Нынче пена вошла в почёт:
Пшик да гниль кругом, гнусь да слизь...
Век мой, бед моих звездочёт, –
Ты не гнись, мой свет, ты не гнись.

Отопрёт кастальским ключом
Вдохновение сейф в груди...
Я подставлю тебе плечо,
Только ты уж не подведи.

Автоэпохальное

Вот так я выпала из быта –
Иду торжественно-ничьей,
Исчерпана или избыта
До края слёз, до dna речей.

И лет прошедших тугоухость
И кривобокость мне любя.
За эту скупость, эту сухость
Благодарю тебя, судьба.

Чтоб уцелеть в эпоху лисью
Под гнётом слов и дня грозой,
Сама я стала дном – и высью,
И словом стала, и слезой.

Плата

Поруганные иконы,
Низвергнутые святыни –
Вот плата за лжи вагоны,
За шабаш глухой гордыни.
Послушная кукла вуду,
Сама ты себе руина –
Обманутая за ссуду
Несчастливая Украина,
Разыгранных кем-то партий
Фигурка невнятных линий.
Останется ли на карте
Хоть малый след украиний?
Твои кукловоды сыты,
Твои кукловоды пьяны
От крови, тобой пролитой,
Вспоившей твои бурьяны.
Прославишься помаленьку
Фашистским своим хардкором...

Запомнишься, злая ненька,
 Безумием да террором.
 Злорадства во мне – ни грамма,
 А боли – сверх всякой меры...
 Кто в ад погрузился срама,
 Лишается Божьей веры,
 На самом тончайшем плане –
 Господней с душой беседы,
 А значит – охранной длани,
 А значит – венца победы.

* * *

Постепенно идя от глухих, безглагольных основ,
 Приближаюсь к вибрирующей заповеданной сути.
 Не слова созревают во мне – это я созреваю для слов,
 Открывая себя же в себе в каждой новой минуте.

Только б в сердце любовь не померкла и только бы Русь
 Удержалась над бездной с подачи Господней рассрочки!..
 Не стихи равнозначащи мне – это я, может быть, дотянусь
 В час бессрочный до самой своей испугающей строчки...

* * *

*Как живётся, милый? Тяжче ли,
 Так же ли, как мне с другим?*

М. Цветаева

Столкнулись. Глазам не верим.
 В улыбках – почти испуг.
 Потерянный мир – потерян.
 Ни враг ты теперь, ни друг.
 Стоишь – и слегка ногою
 Очерчиваешь круги...
 Ну, как ты живёшь с другою?
 Да так же, как я – с другим.
 Стоишь, не меняя позы
 (Бывали страшней бои!)

...Все слёзы мои, все слёзы,
 Все слёзы мои – твои!
 Какие меж нами дали...
 Молчим. Не идут слова.
 Увидимся вновь? Едва ли!
 Ты прав был. И я – права.
 Нас больше не рвут на части,
 Мы снова в ладах с судьбой.
 ...Всё счастье моё, всё счастье,
 Всё счастье моё – с тобой!
 Как будто на свет – из шахты,
 В нирвану – из суеты...

«Привет, – говоришь, – ну, как ты?»
 «Вполне, – говорю. – А ты?..»

* * *

Ну вот и совершили сто ошибок,
 Как будто оплатили жизнь до рая.
 И прочен дом, и быт уже не зыбок,
 И любим, во влюблённость не играя.
 На сотню мин наткнулось наше судно:
 Залатанное – стало как литое...
 Ну вот и пережили всё, что трудно.
 Теперь ещё осилить бы простое.

Утро онлайн

Как же мне не принять
 этот нежный осенний букет –
 Робкий свет из-за штор,
 детских трелей весёлый привет;
 На зеркальной поверхности –
 дымку от млечного сна,
 Запах выпечки,
 что проникает в мой дом из окна;
 Злой гудок паровоза,
 сороки испуганный треск,

Воробьиных делёжек
 почти что разбойный гротеск...
 Пусть, как я, он не юн,
 пусть не ярк и даже не нов,
 Этот нежный букет –
 самый лучший подарок богов!
 Уползает за рамку картины
 тягучая ночь,
 И посланникам тьмы
 остаётся лишь ноги волоочь...
 Просыпается день,
 шебуршится, сигналил онлайн –
 Этот нежный букет,
 полный звуков, и красок, и тайн...

Борис СЕЛЕЗНЁВ

НЕБО, ДОРОГА... ХРИСТОС...

* * *

На улице опять темно,
 Жду солнца лучик, как спасенья, –
 Он разобьёт моё окно
 И в сердце хлынет Воскресенье!

Добиться, дстоять, дожить
 До Пасхи Родины, с любовью.
 О, как я буду дорожить
 Землёй, политой нашей кровью!

Душа не плачет и не спит,
 Поскольку час для битвы вызрел.
 Поэт над Родиной летит,
 Как птица вещая, на выстрел!

* * *

Качнется гроб над головами
 По направлению к катафалку.
 Как это выразить словами?
 И не родной, не друг – а жалко.

Закончен путь земной!
 И в небо
 Путь предстоит,
 А может, ниже...

Ему теперь не надо хлеба.
 Душой теперь иное движет.

Душа так трудно понимает,
 Что тот, который цвета воска,
 Была она...
 Все умирают,
 И от купели до погоста –
 Один лишь миг...
 Но как он прожит,
 Лишь там,
 На небе, подытожат.
 Молись, душа!..

* * *

Пожалей меня, мама,
 Хоть во сне пожалей.
 Среди житейского хлама,
 Среди ясных полей
 Я бреду одиноко –
 Ни друзей, ни врагов.
 Жизнь бывает жестока
 У родных берегов.
 То протока, то яма,
 И делишки плохи...
 Пожалей меня мама,
 За мои же грехи.

* * *

По ночам непутёвой девице,
 Что на пятом живёт этаже,
 Её мальчик не то чтобы снится –
 Он реально приходит уже.

Только-только клиента проводит,
 Только город ночной замолчит,
 Тут же маленький мальчик приходит
 И в окошко стучит и стучит...

Не с того ли закрыто окошко
 Даже нынче всю ночь напролёт?
 Он уходит по лунной дорожке –
 Он с собой свою маму зовёт...

Старуха

Только бы дожить до Пасхи, –
 Постоянно говорила.
 Деткам сказывала сказки,
 Мыла пол да суп варила.

В храм ходить не уставала
 В воскресенье, как обычно.
 Всюду нищим подавала,
 Куличи пекла отлично.

Дети выросли... И внуки
 Разлетелись (жили в ласке).
 Но звучит мольба старухи:
 – Лишь бы мне дожить до Пасхи!

Вот Христово Воскресенье
 Подошло – она и рада...
 Умерла в одно мгновенье.
 Всем бы так...
 Да всем не надо!

Покаяние

Тайны падений тяжки.
 Каюсь. И дух жалит плоть.
 Знаешь, такие грехи
 Может простить лишь Господь!
 Знаешь, такое избыть...
 Мало, чего ни имей...
 Кто бы так мог возлюбить
 Бедных, жестоких людей?..

Встану, поеду я в скит,
 Вдоль постаревших берез.
 Постный, заснеженный вид –
 Небо, дорога...
 Христос...

Путь в небо

Танечке

Жизни узкая тропинка
 Нас спасающей земли
 Вдоль обрыва.
 Словно льдинка,
 Пароход плывёт вдали.
 Ветра свежие порывы
 Держат нас своей рукой.
 Мы крадёмся вдоль обрыва
 Между небом и рекой...
 Высота дрожит упруго,
 В небе Ангелы плывут.
 Не пройти нам друг без друга
 Сей рискованный маршрут.
 Вдалеке мы видим битву
 Царства кошки с бандой пса.
 Сотвори, мой друг, молитву
 Об ушедших в небеса...

Из свежей прозы

Эвелина АЗАЕВА

Санкт-Петербург

ПЫЛЕСОС

В дверь позвонили. Филипповы никого не ждали, а потому было понятно, что пришли какие-то продавцы. Того или сего. Страховок, титанов для воды, наборов ножей, аляпистых картин, а может, свидетели Иеговы. Маша Филиппова всегда открывала им дверь, извинялась, что занята, и они уходили. Некоторые были поживее и втягивали ее в разговор, считая, что смогут убедить купить свой товар или даже сменить веру, но безуспешно. Бывало, что Маша, напротив, начинала стыдить «свидетелей» за то, что они предали веру отцов. Это она говорила двум проповедникам-армянам.

Мальчишку одного, украинца, тоже однажды минут двадцать идейно окучивала. Светловолосый канадский подросток постучал в дверь, чтобы продать Филипповым какие-то особенные контракты, помогающие сэкономить на электричестве. Он мел языком долго, а Маша его слушала потому, что он был приятный – с открытым лицом, улыбчивый и какой-то родной, что ли... Она смотрела на него с материнской лаской, и он первым спросил: «На каком языке вы говорите?»

– На русском.

– А я на украинском, – сказал подросток по-английски и доверчиво разулыбался, будто встретил родственницу.

Разулыбался несмотря на то, что на дворе стоял 2015 год. И украинцы уже не улыбались русским. Но мальчишка, видимо, не увлекался политикой, а взрослые не вовлекали его в свои разговоры, вот и разулыбалось дитя родному по крови человеку.

Тогда Маша посерьезнела и сказала по-английски:

– Я тебя слушала, теперь ты меня послушай... Если тебе кто-то когда-то скажет, что мы, русские, ненавидим украинцев, – не верь. Мы – ваши братья. Мы любим вас. Все, что происходит сейчас на Украине, устроено врагами. Украинцы используются как орудие против России. Но мы – один народ. Слово «Украина» означает «окраина». Окраина чего, ты думаешь? Америки? Канады? Окраина России! А раньше называлась «Малороссия» – маленькая Россия...

Маша прочитала пацану целую лекцию, и видно было, что он ошеломлен, но слушал внимательно. И смотрел на нее во все синие глаза.

– Ну, будь здоров! – попрощалась в конце Маша на русском.

И мальчишка кивнул и снова засиял улыбкой, как солнышко. Понял, что она ему сказала.

И вот – звонят в дверь. В выходной. Маша идет к двери, а ее муж, Игорь, поднимается на второй этаж в свой кабинет. Ему надо сделать кое-какие расчеты. Игорь – строитель. У него своя компания. Строит дома, продает, на прибыль строит новые... Маша нарадоваться на мужа не может: и откуда что взялось? Он окончил инженерно-строительный институт в Новосибирске, но почти не работал по специальности. Увлёкся общественной деятельностью, был продвинут по комсомольской линии, переехал в Красноярск и большей частью занимался продвижением марксизма-ленинизма в массы. В 90-е, когда страна рухнула, помывкавшись, Филипповы решили эмигрировать. Случайно узнали, что Канаде требуются инженеры. Ельцинской России они не требовались. Ей требовались бандиты, барыги и каналы отправки народного добра за границу. Впрочем, впоследствии выяснилось, что и Канаде иностранные инженеры тоже не нужны – чтобы подтвердить свое инженерство, нужно было пуд соли съесть, и не факт, что получишь желаемое.

Зачем тогда внесли профессию в список требуемых – непонятно. Наверное, чтобы получить образованных таксистов. Но Игорь долго не заморачивался. Плюнул на диплом, сколотил команду рукастых мужиков и начал ремонтировать дома, а затем и строить. Организаторские способности комсомольского вожакагодились: он мог и людей подвинуть на труд, и статью рекламную о своей компании в газету написать... Дело спорилось, у Филипповых был большой, красивый дом и солидная сумма на счету.

...Маша открыла дверь и увидела худощавого мужчину лет сорока. Для ветреного ноября он был довольно легко одет: клетчатая рубашка с длинным рукавом, нелепая бордовая жилетка, вышедшие из моды джинсы. Такие в секунд-хенде продают.

Рядом с ним стоял блестящий новенький пылесос.

– Наша компания предлагает замечательные пылесосы! – произнес мужчина, сделав радостное лицо. – Они не только пылесосят, но и моют полы и уничтожают бактерии, которые содержатся в...

Маша сразу поняла, что он русский. По акценту.

– Что ж вы так легко оделись? – спросила. – Вас же сейчас ветром снесет с крыльца.

– А я в машине в основном, – ответил «пришелец». – Я заказы на бытовую технику по домам развожу, ну и немножко продаю.

При слове «продаю» он вытянул вперед руку с трубкой от пылесоса. Рука была обветренная и замерзшая.

– Входите, – пригласила Маша.

Мужчина нерешительно зашел, внес пылесос. Осмотрелся так, что было понятно: таких хором он еще не видел. «Красиво у вас», – сказал. И Маше это понравилось. Ее знакомые делали вид, что таких домов они видели-перевидели, хотя дом был уникальным: она и Игорь сами его спроектировали и придумали дизайн интерьера.

У продавца пылесосов было простое славянское лицо, хотя и темные волосы, и карие, чуть татароватые глаза. Он чем-то походил на артиста Буркова. Наверное, тоже сибиряк. Там лица славянские, а волосы нередко темные, и глаза узковатые, смешались русаки с местными народами.

- Вы откуда? Не из Сибири?
- Из Красноярска! – ответил мужчина.
- И мы из Красноярска, – обрадовалась Маша. – Чаю хотите?

Мужчина молчал и смущенно смотрел на нее. Колебался. Чаю хотелось, но не положено. С другой стороны, откуда канадская компания, в которой он работает, узнает, что он тут чай пил? Русские не стучат.

– Идемте! – скомандовала Маша, и он снял выдавшие виды ботинки и, нерешительно ступая по роскошному мохнатому ковру, двинулся на ее сияющую мрамором и гранитом кухню. Озирался при этом, как будто Хозяйка медной горы привела его в свою пещеру.

Оказалось, его зовут Алексей. В Канаде – полтора года. Долго не мог найти работу. Потому берется за все, что предлагают. Мыл полы в индийском ресторане, упаковывал кур на фабрике, трудился на стройке, но сорвал спину и вот теперь продает пылесосы. Деньги маленькие, потому что платят ему проценты с проданного, ну и за развозку техники платят минимальную зарплату. Жена работает в «Макдональдсе». Двух зарплат еле хватает на оплату снимаемой квартиры и все необходимое для Алексея, супруги и двух дочек.

Если бы он был моложе, Маша посоветовала бы ему бросить всю эту хренотень, сесть на соцпособие и обучиться какой-то профессии, на которую есть спрос. В Канаде из кого попало быстро делают «специалистов». Потому все стараются лечиться дома, сами, и вообще многое делать сами, а то, неровен час, нападешь на мануала, который вчера был парикмахером.

Но Алексею было лет сорок. Учиться поздно. То есть можно, но без «канадского экспириенса» – опыта – трудно будет в таком возрасте работу найти. Да и английский у него не ахти. Мысли у Маши метались, пока она наливали гостю чай и подпихивала под нос коробку конфет, из которой гость, впрочем, так и не решился взять ни одной конфетки, как она его ни упрашивала.

Алексей выпил чашку чая, и она, видимо, придала решимости.

– А давайте все-таки, коли уж я здесь, я вам про пылесос расскажу! – объявил он и, не ожидая ответа, понесся...

Маша не знала, что пылесосы бывают классические с мешками, бывают циклонные без мешков, бывают с аква-фильтрами... Она не знала, что какой-то пылесос хорош, но он не может втащить в себя перышки или обрывки ниток, а другой хорош, но там пыль собирается в воздушные пузырьки, а потом они на выходе лопаются, и пыль опять поступает в воздух, а пылесосы с мешками неудобны тем, что эти мешки надо где-то искать, а ведь их может и не быть в продаже, и тогда, по словам Алексея, дому грозила гибель.

Маша узнала, как пыль может свести человека в могилу и что в коврах и мебели живут жутчайшие бактерии, которые столько болезней у тебя могут вызвать, что впору заранее руки на себя наложить, чтобы не мучиться.

Алексей говорил без умолку, и его невозможно было остановить. Он бегал вокруг пылесоса, махал руками, лицо его горело вдохновением, глаза сверкали. Несколько раз Маша пыталась сказать ему, что у них вообще-то есть пылесос и она просто хотела напоить его чаем, но он отвергал ее доводы: «У вас пылесос? Да вы не знаете, что такое настоящий пылесос! Дайте я покажу!» Он взял, наконец, шоколадную конфету, бросил ее на тот самый роскошный ковер, по которому прошел на кухню и – о, ужас! – раздавил ее ногой в носке. На белый ковер хлынул ликер из конфеты, ворс окрасился в коричневый цвет.

Маша стояла, онемев.

– Щас! – с кривой ухмылкой сказал Алексей и включил свою адскую машину. Пылесос загудел, что-то в нем забулькало, и, действительно, от пятна ничего не осталось.

Маша села.

– Посмотрите! Как такое не купить? Да вы просто обязаны, если заботитесь о здоровье семьи! – уговаривал Алексей. – Плохой пылесос – это астма у детей, это аллергия у вас, это...

– Знаете, мне нужно работать, – сказала Маша. – У меня осталась незавершенная работа... Извините, конечно, но...

Однако в Алексея словно бес вселился. Он уже раскручивал свой сверкающий пылесос и тряс перед Машей деталями.

– Вот! Смотрите! Вы такое еще где-то видели? С таким пылесосом вам не нужно будет менять фильтры! А вот, посмотрите, видите насадочку? Теперь вы сможете достигать пылесосом до самых отдаленных углов... Потолки-то у вас высокие... А вот, посмотрите...

Из своего кабинета спустился вниз Игорь. Посмотрел на мужчину у раскрученного пылесоса, на жалобное лицо супруги и завел ее за локоток в прилегающую гостиную.

– Выгнать его?

– Не надо! Он просто хочет прокормить семью...

– Но есть предел пропаганде, – сказал бывший комсомольский работник.

– Нет-нет, я сама, – прошептала Маша.

Алексей, казалось, не заметил их отсутствия. Он, видимо, собрал в голове еще какие-то аргументы, потому, как стоило Маше объявиться, на нее хлынул новый поток информации о пылесосах...

Маша обреченно смотрела на часы. Продавец пылесосов не уходил. Хотелось есть. Она пошла к холодильнику, достала голубцы и разогрела. Одну тарелку отнесла мужу в кабинет, вторую поставила перед собой, третью – перед Алексеем.

– Простите, но я поем, – произнес он с виноватым видом и уселся.

– На здоровье.

Алексей ел и остывал. Видно было, что поначалу он еще был не в себе, прокручивал в уме какие-то сценарии, что может случиться с домом и его жильцами, если у них не будет такого чудного пылесоса, но постепенно успокоился, стал есть медленнее и уже смотрел не на хозяйку, а в тарелку.

– Вы можете оплатить покупку визой, – вдруг произнес. – У меня с собой машинка.

Видно, ему хотелось спросить, купит ли Маша пылесос или нет, но он боялся услышать отказ. Потому говорил о покупке как о чем-то решенном. Может быть, его так научили на тренинге по маркетингу.

Маша молчала. Ей не нужен был пылесос. У нее был свой плюс приходящая домработница, которая мыла полы.

Но как отказать земляку – не знала. Он потратил полтора часа. Надеялся.

– Я, конечно, не хочу вас уговаривать, но... а вдруг ваш пылесос сломается? И тогда вы достанете наш, новый, – сказал Алексей, но при этом весь как-то поник, сдался и опустил голову.

– А никак иначе нельзя заработать? Вы в агентства по трудоустройству обращались? – спросила Маша.

Он молчал.

Маша пошла к мужу.

– Надо купить. Мужик новенький в Канаде, денег нет, двое детей. Пылесос стоит семьсот долларов.

– Лучше просто дай ему денег.

– Сколько?

Игорь пожал плечами.

Маша взяла из шкатулки, в которой хранила наличные, двести долларов и пошла вниз.

Алексей сидел за столом сгорбленный, поникший и рассматривал узор на своих носках.

– Смотрите, вам дадут с продажи какие-то проценты. Наверняка эта сумма покрывает эти проценты. Возьмите... А как разбогатеете – отдадите. А не разбогатеете, так и ладно, – наигранно веселым голосом сказала Маша.

Тот молчал. Думал. Потом вздохнул:

– Спасибо. Не нужно. Просто если узнаете, что кому-то нужен пылесос, позвоните.

И сунул ей в руку визитку. И пошел, аккуратно ступая по белому ковру, как будто боясь осквернить его своими дешевыми синтетическими носками.

Игорь пришел, увидел деньги на столе, задумчивую жену.

– Ну, что молчишь? У нас тоже не все сразу было хорошо... Обживется, поднимется, и все у него будет.

– Я не об этом молчу.

– А о чем?

– Почему их так много? Вот этих людей, у которых нет работы и которые каждый день стучатся в двери?.. Ты понимаешь, что это бедняки?! Что, как не бедность, гонит людей ходить от крыльца к крыльцу и навязывать товары, услуги!

И это в двадцать первом веке! Причем ходят иммигранты и молодежь... Пожилые все при работе! Правительство отодвигает и отодвигает пенсионный возраст. Мы с тобой на пенсию, наверное, лет в семьдесят пойдем... А в это время молодежь, окончившая вузы, ходит по домам и продает что попало чтобы выплатить долги за учебу. На профессию, по которой они никогда и работы-то не найдут...

– Тебе, мать, надо было на моем месте секретарем по идеологии работать, – улыбнулся Игорь.

– А разве ты говорил неправду? – с жаром накинулась Маша. – Ты рассказывал о безработице в странах капитализма, о том, что человек не уверен в своем будущем, о том, что людей эксплуатируют, выжимая из них все. И что здесь неправда? Кто из нас уверен в своем будущем? Любого могут уволить, если он не член профсоюза, любой бизнес может рухнуть в одночасье, кризис вон один за другим...

– Жить вообще опасно, умереть можно, – улыбнулся Игорь.

Но сам он над всем этим тоже думал. В 90-е начитался прессы, с ужасом узнал обо всех грехах партии, которой служил, выбросил комсомольский билет и ринулся в светлое западное будущее. Он был сибиряк, из простой семьи, никто из его родни до этого не жил за границей. Людям он о той треклятой за границе рассказывал в советское время не потому, что видел ее и знал, а потому, что начитался о ее недостатках в советских газетах и журналах. Потому, когда СМИ начали писать обратное – что на Западе все зашибись как справедливо, правильно и лучезарно, – он поверил. Молод еще был, тридцати не исполнилось. Но теперь, живя в Канаде, он понял, что советские газеты не лгали. И американская военщина есть, и социальное неравенство, и депрессия на фоне безработицы – не придуманная болезнь. И человек человеку волк – близко к истине. А в последние десятилетия к этим вечным недостаткам капитализма прибавились еще и либеральные сексуальные реформы, и мир стал выглядеть еще гаже.

Игорь встряхнул головой, желая освободиться от «жадных мыслей». В конце концов, у них, Филипповых, все

хорошо. Канада не припомнила ему коммунистического прошлого – приняла. Сами канадцы – вежливые, доброжелательные, отзывчивые. Стоит на дороге остановиться, сразу кто-то вываливается из своей машины и спрашивает, не нужно ли помочь. В госучреждениях обслуживают быстро и с улыбкой. А особенно Игорю нравится, что канадцы с уважением относятся к любой профессии, не спесивый народ. Для них и миллионер «мистер», и уборщик «мистер». Нет такого, чтобы на людей физического труда смотрели свысока. Ценил Филиппов и то, что в эмиграции он быстро раскрутился и теперь ни в чем не нуждается. Действительно, страна больших возможностей. Вот он иммигрант, а у него большой дом, приятный счет в банке, две машины в семье. Филипповы регулярно отдыхают в Доминикане. В Европу ездили не раз. В советское время ему такое «богатство» и не снилось. Нет, Канада – замечательная страна!

Но в глубине души Игорь знал, что комфорт – не главное. Важное, приятное, но не главное. Если бы кто-то ему сейчас сказал, что давай ты будешь жить скромнее, но бедных больше не будет. Нигде. Во всем мире не будет бедных. Все будут жить в скромном достатке. И ты. Он бы согласился не мешкая. И Маша бы согласилась. Она эту проблему решает, кстати, помаленьку. Утаскивает деньги из шкатулки и раздает. То на лечение больного ребенка в Россию пошлет, то каким-то старикам, то на ремонт церкви... Игорь делает вид, что не видит, а сам просто подкладывает в шкатулку денег. И голосует на выборах за Партию новых демократов, которых многие презрительно кличут социалистами. Про себя усмехается: стоило комсомольскому вожаку переезжать на Запад, чтобы за социалистов голосовать?

Машка шмыгает носом.

– Ну, чего ты? – он гладит ее по голове.

– С жиру бешусь, – пытается она улыбнуться.

– Вот именно! Мир состоит не только из несчастных людей... Нельзя так сосредотачиваться на неприятностях других. В конце концов, этот пылесосник еще молодой, здоровый, может заработать. Давай лучше на Новый год в Москву поедем. Хочешь?

Маша кивает. Она работает, но уверена, что отпуск дадут.

– Давай пиццу закажем! – говорит муж и набирает номер телефона ближайшей пиццерии. Заказывает.

Минут через двадцать в дверь звонят. Продавец пиццы оказывается афганцем лет сорока-пятидесяти. В мятом пиджаке, с мятым лицом.

Маша подает ему сто долларовую купюру, и афганец начинает рыться в карманах. Набирает сдачу, дает ей, благодарит за чаевые – четыре доллара – и уходит.

Маша с Игорем только берут куски в руки, как – звонок в дверь.

На пороге стоит расстроенный афганец.

– Вы мне сто долларов дали?

– Да.

– А у меня их нет, – и он с ужасом смотрит на Машу.

– Но я вам их дала.

– А точно? Я в темноте мог не разглядеть. Вы точно дали сто?

У него жалкое лицо. Он думает, что ему сунули непонятно что, а он сдал как с сотни. И теперь ему все это возвращать в кассу пиццерии. А денег у развозчика пиццы – сами понимаете...

Маша бросила взгляд на его машину. Старенькая, бывшая в большом употреблении. В темноте не видно, но наверняка еще и ржавая. Купил по дешевке или вообще со свалки взял и отремонтировал.

Афганец стоит, и на лице его – вселенское горе.

– Сейчас! – Маша надевает пальто и идет на улицу искать с ним сотню. – Она у вас выпала, наверное, и ветер унес! – перекрикивает она ветер. – Сейчас найдем!

Она заглядывает под его машину, под свою, под автомобиль Игоря. Нигде нет. Афганец в это время тоже мечется, везде заглядывает. И вдруг говорит: «Вы не ищите, я сам, сам!» – и Маша понимает, что он испугался, что она найдет сотню и заберет ее. Ей обидно.

Она поднимается на порог и стоит там, следя за его поисками и командуя оттуда: «В канаве посмотрите, может, туда ветер отнес!» Сама с тоской думает: что теперь де-

лать? Он же уверен, что она его обманула, сунула вместо сотни другую купюру.

Маше жаль и этого афганца, и вообще всех афганцев. Их земля вот уже не первую сотню лет сотрясается войной. Кто там только не воевал, и нет этому кошмару конца. Вот уже несколько поколений детей вырастают под взрывы, власть постоянно меняется, и те, кто был у власти раньше, подвергаются репрессиям от новых, что только пришли. А потом власть снова меняется, и снова отстреливают и избивают тех, кто был в силе до того...

Примечательно, что канадские афганцы к русским относятся хорошо. Чуть на шею не бросаются: «Шурави!» Многие работают в пиццериях. Однажды, когда американцы только начали бомбить Афганистан, Маша зашла в пиццерию и увидела знакомого афганца.

– Я слышала сообщение по телевизору, – сказала. – Я очень сострадаю вашему народу! Когда это все кончится?!

Афганец кивал, соглашался и говорил, что лучше русских никого нет. Что они строили в его стране больницы, школы и жаль, что ушли. Если бы победили, не было бы никакого Талибана.

Так они ласкали друг друга речами, а потом Маша взяла пиццу и пошла к выходу. И увидела совершенно обалдевшее лицо белой женщины, коренной, видимо, жительницы, которая смотрела на Машу, открыв рот. Кусок пиццы застыл у нее в руке. Женщина, похоже, не представляла себе, как можно осуждать американские бомбардировки. Америка же несет варварам демократию. А может быть, ей было удивительно, что афганцы после войны с СССР так братаются с русскими.

И вот сейчас Маша обреченно думала, что развозчику пиццы надо подарить сто долларов. Бедолага так жалобно спрашивал про свою сотню. Надеялся, видать, что шурави одумается и вернет ее. И тут же Маша поняла, что если она подарит ему сейчас деньги, другую сотню, то он совершенно уверится, что она его обманывала, а сейчас в ней заговорила совесть. Не поверит, что она просто добрая.

Было грустно и противно.

– Нашел! – радостно закричал афганец. – Я нашел!

Купюра прилипла к колесу с внутренней стороны. Улетела и прилипла к мокрому.

Маша вздохнула и отправилась есть пиццу. И мечтать, как они с Игорем поедут в Москву. Она думала, что надо учиться получать удовольствие, не переживая о тех, у кого его нет. Всем не поможешь. Она не бог, чтобы всех накормить одним куском хлеба. И вообще, она честно заработала свое благосостояние. Вон в процессе иммиграции, в первые годы, сколько дерьма съела! Иммиграция – это ведь не фунт изюму, очень сильно надо постараться и многое перенести, чтобы переехать, получить документы и встать на ноги. Заслужила она, короче, чтобы жить не тужить. Надо учиться наслаждаться жизнью и не думать о тех, кто застигнут пургой в пути, кто лежит на операционном столе и кто ложится пораньше спать, чтобы заглушить чувство голода. А то еще рак зарабатываешь. Он, говорят, от стресса.

Опять подступают слезы... Что же это? Неврастения, наверное. Надо витамины попить.

Маша ест пиццу, а вечером, когда Игорь уже спит, она тихонечко выскальзывает в гостиную, зажигает свечу перед иконой и просит: «Господи, помоги всем людям. Всем, кто продает пиццу, пылесосы, кого бомбят... Русским, украинцам, афганцам, черным в голодной Африке, сирийцам, иракцам...»

Она молится за всю планету, встав на колени и шепча: «И прости нам долги наши, яко же и мы прощаем должникам нашим...»

Разбить бы этот чертов телевизор с его новостями, и компьютер заодно, мелькает мысль. Они вытянули все нервы. И тут же Маша просит прощения за вырвавшееся «чертов».

Молитва облегчает душу и, выплакавшись, с затаенной надеждой, что Он услышал и хоть немножечко выполнит просимое, она идет спать.

В ее окно светит большая, полная луна. Маша ложится в чистую, теплую постель, в которой спит ее добрый и терпеливый муж. «Господи, пусть у всех так будет», – успева-ет подумать Маша и мгновенно засыпает.

ВСЕМ ДОЛЖЕН

Игорь Петров ехал в поезде из командировки вторые сутки, и ему было скучно. Попутчица попалась неразговорчивая. Девушка принесла с собой кучу женских журналов и активно их «поедала» – один за другим. Поедала – это потому, что она читала их, как заметил Игорь, от корки до корки. И даже что-то подчеркивала.

Ему не хотелось читать дамские издания, но интернет не работал, и мужчина, смущаясь, спросил можно ли ему взять то, что попутчица уже прочла. Она разрешила. Кипа журналов перекочевала на его полку.

До сего дня нейрохирург челябинской больницы Петров не читал таких журналов. Потому принялся за дело не без любопытства. Страницы с рецептами очень понравились – блюда оказались несложными, но выглядели красиво и аппетитно. Страницы моды не произвели впечатления. Модели были слишком худые, с лицами инопланетянок. Героиновый взгляд, голубые губы, лысина.

Однажды Петров видел модель живую. Он сидел за столиком в кафе, а девушка прошла мимо. Точнее, прошли ноги в капроновых, телесного цвета колготках. Большие, мощные ноги. Как у жирафа. На эти ноги все посетители уставились – головы так и повернулись, но не от их красоты, а оттого, что голое тело в морозы всегда обращает на себя внимание. Уставились и потому, что ноги были необычные – как столбы, которые проносятся мимо, когда едешь в поезде.

Когда Петров учился в школе, высокие девушки не считались красивыми. Таких обзывали каланчой или оглоблей. Красивой считалась Венера Милосская, у которой

все пропорционально. И по сей день, в свои сорок восемь лет, Петров считал, что главное в фигуре – пропорциональность. Мера. Чтобы не высокая, не низкая, не худая, не полная. *Est modus in rebus*. Всеу есть мера.

Рассмотрев картинки, Петров принялся за чтение. И оказалось, что во всех журналах главной темой является – как охмурить мужчину и как его удержать. Петров даже не подозревал, что женский пол так агрессивен настроен на охоту. Что она составляет суть бытия. Мужчина в статьях преподносился как олень. Дичь. Которая не имеет ни своего вкуса, ни мнения, а легко управляется по тем или иным законам, как машинка на дистанционном управлении. Рассказывалось, на какие кнопки нажимать.

Некоторые советы были неожиданны. «Если страсть мужчины поутихла, нужно разнообразить сексуальную жизнь. Перед тем как он придет с работы, снимите трусики, наденьте короткое платье и на коленях мойте пол. Оставьте дверь незапертой, чтобы, когда он войдет, ему предстали ваши ягодички...»

Петров оторвался и посмотрел в окно. Если бы кто-то его увидел в этот момент, то потом хвастался бы, что видел человека с глазами на лбу. Петров представил. Что входит в квартиру, а там его супруга, историк, кандидат наук Мария Николаевна Петрова, на карачках, без трусов, пол моет. Мысли забегали. Первое, что возникло в душе врача, это неестественное для представителя его профессии желание схватить Машу за волосы и шибануть головой о стену... Потому что – а вдруг первым в дом вошел бы шестнадцатилетний сын? С друзьями.

Нет, наверное, он подумал бы, что Машка сошла с ума. Такое бывает. Когда в человеке дремлет душевная болезнь и он находится всю жизнь в пограничном состоянии. Если жизнь складывается благополучно, так и проживет всю жизнь здоровым. А если начнутся испытания, тяготы, то человек нередко выпадает туда, за черту, на больную свою сторону.

Читая дальше, Петров узнал, что не так тяжело соблазнить мужчину, как удержать. Потому что он изначально настроен на бегство. Полигамен, и точка. А потому женщине

«в борьбе за это» нельзя ни спать, ни есть, уверяли журналы. Утром женщина должна проснуться пораньше – чтобы мужчина не увидел ее без макияжа и с нечесаными волосами. Надо умыться, накраситься, почистить зубы и лечь рядом. Чтобы любимый думал, что ты всегда такая... Утром и в течение дня есть не следует. Ну, или можно съесть морковку, сырую овсянку (запарив ее в воде), на ужин – листик салата.

Как женщина будет работать на этом топливе, журналисты не сообщали. Из статей как-то так получалось, что все женщины не работают, а ходят по спа, занимаются йогой и медитацией.

Утром спать нельзя, но и ночью тоже, учили журналы. Ты спи, но не до конца. Потому что в течение ночи надо прижиматься к партнеру «невзначай» выпуклыми частями тела. Чтобы к утру он сделал свое мужское дело и уходил на работу равнодушным к сексуальным сигналам других женских особей. Домашняя одежда, объясняли журналы, должна быть призывной. Непременно купите тапочки на каблук, с помпонами, и прозрачный пеньюар.

С этим Петров согласился, но вздохнул: не по климату совет. Не Калифорния чай. А мохеровых пеньюаров в Челябинск не завезли... Он вон в перестройку ковер со стены снял, так как СМИ ухохатывались над коврами на стенах, и с тех пор жена спит, прижавшись к холодной стене. Точнее, одеялко колбасой свернет и кладет между собой и стеной. Их квартира – угловая. А как раньше, при СССР, хорошо было – стена теплая, ковровая, лежишь – узоры разглядываешь. И никакой тебе бессонницы, под это разглядывание непременно уснешь.

Далее журналы уверяли, что невыспавшаяся, голодная, встретив мужа без трусов и на карачках, женщина еще и не должна говорить с ним ни о чем неприятном. И не просто не говорить о неприятном, а – говорить о приятном. Рассуждать на темы, которые ему нравятся. Для этого заранее следует изучить рыбалку, охоту, футбол, хоккей, коллекционирование монет, конструирование самолетиков, узнать все о машинах... И вот только он поел приготовленное тобой (но не попробованное! Ты на диете) «мясо по-царски», а ты к нему сразу с предложением:

– А давай футбол посмотрим!

А на следующий день:

– А что это ты давно на мальчишник не ходил? Пора, пора...

Но при этом, предупреждали, журналы, «нельзя себя терять в любви к нему», потому что мужчины любят не только ухоженных, но и самодостаточных. И если мужчины-коллеги (ага, так все-таки предполагается, что читательницы работают!) оказывают тебе знаки внимания, не следует уклоняться от флирта, он стимулирует.

Сразу после этого совета в журнале шла статья «Как сказать партнеру, что у вас генитальный герпес». О, это была статья познавшего жизнь человека! Журналистка предупреждала, что в первую очередь надо правильно выбрать время и не говорить в лоб. То есть нельзя позвонить мужчине на работу и выпалить: «А между прочим, у меня генитальный герпес!» Или заявить ему об этом среди шумного бала – на 23 февраля или на День десантника. Надо выбрать такой день, советовала автор статьи, чтобы у обоих было свободное время и спокойный настрой. Не плохое настроение, но и не очень хорошее (чтобы партнера кондратий не хватил от перепада температур).

Лучше всего, говорилось в статье, не сообщать плохую новость на его территории. Но и на своей тоже – не лучшее. Хотя на своей лучше, чем на его. Потому что (это Петров уловил между строк) на вашей территории вас хоть с лестницы не спустят, а с проклятиями удалятся. Но все же, рассуждала журналистка, лучше новость о герпесе сообщать в общественном месте. В кафе, парке – там, где вас могут спасти. А как сообщать? Начните издали, советовала сотрудница редакции. Петров представил, как он издали начинает...

«Знаешь, к нам в больницу сегодня приезжала делегация из Германии. Долго мы с ними говорили, опытом обменивались... Телевидение нас снимало... А потом я почувствовал, что голова болит, и жжение какое-то в половых органах, отечность... и подумал: а не генитальный ли у меня герпес? Ну конечно же, нет... Ведь это заболевание, которое передается половым путем, так что какое это

имеет ко мне отношение? Никакого... Но провериться тебе надо бы».

А учитывая, что Маша – историк, можно было бы начать не просто издали, а из глубины веков.

«А знаешь ли ты, Машенька, что у вирусов тоже есть история? Знаешь ли ты, что про генитальный герпес есть упоминания у Геродота и Гиппократов? Болезнь также упоминается в источниках семнадцатого века как свойственная парижским проституткам». И тут, не давая Маше передохнуть, надо безмятежным голосом сказать:

– И у меня, ха-ха, как у Геродота...

После всего этого женщина, как учили журналы, не должна ревновать. То есть не случай с герпесом имели в виду, а вообще призывали никогда не ревновать. «Ревность – путь к разрушению брака, – писали они черным по белой глянцева бумаге. – Ревностью вы убиваете доверие, а без доверия – не жизнь. Если вы заподозрили своего возлюбленного, не надо за ним следить. Следите за собой. Потому, что от ухоженной женщины муж не уйдет».

В общем, предполагалось, что в ответ на Геродота и герпес Мария Николаевна Петрова улыбнется и купит себе абонемент в фитнес-центр.

Далее Петров просмотрел статьи на темы: как отбить мужа у любовницы; как отбить мужа у его мамы; как отбить мужа у его друзей; как заставить женатого любовника жениться на вас; как подружиться с бывшей женой твоего мужа; как снять порчу; как действуют заговоры-«присушки» и заговоры-«отсушки»; что делать с «венцом безбрачия»; как найти любовника на выходные; как избавиться от любовника; «Чакры и яйца-тренажеры» (яйца подразумевались каменные. Из малахита или оникса); «Что делать, если он спит с твоей подругой», «Что делать, если тебе нравится его друг?», «Как поднять самооценку», «Как спуститься с небес на землю», «Почему я все еще не жена миллионера?», «Зачем нужен муж?»

Последнюю статью, Петров прочел до конца. Там все было – мудрей не скажешь. Говорилось, что глупые женщины ждут от мужчин детей, отцовства, денег, защиты и всего такого прочего. А это неправильно. Потому что когда

мужчина не дает ни того, ни другого, ни третьего, женщина ощущает себя обманутой и разводится. А не надо хотелок! Мужчину надо любить «за то, что он есть». Безусловно. Тогда если он полку прибьет – блеск, если осеменит – зайдется в восторге. Если содержать будет – счастьем не будет предела.

Петров хмыкнул и подумал: интересно, а западных женщин тоже учат минимализму? Потом представил себе этот рай. Что никто с него дома ничего не спрашивает. И он, как пес в мультфильме «Бобик в гостях у Барбоса»: «Хочу – котлеты ем, хочу – кисель пью, хочу – на транзисторе играю».

– Н-да, – в задумчивости сказал Петров и тут же спохватился и замолчал. Собрал журналы в аккуратную стопку и, поблагодарив, положил перед попутчицей.

* * *

– Понравилось? – спросила девушка.

Петров замешкался, потом взглянул в глаза:

– Нет.

– А почему? – заинтересовалась попутчица. Петров уже рассмотрел ее: на вид лет двадцать восемь, ухоженная. Стрижка – каре черного цвета. Свитер с воротом почти до носа – девушка в него утыкалась, читая. Длинные рукава, закрывающие кисть почти до середины. Длинная юбка. Деревянные украшения.

Петров не доверял женщинам, на которых деревянные украшения. У них всегда революции в голове. Коллонтаевщина. Свободная любовь. Феминизм. Но самое страшное – это украшения кожаные. От таких женщин можно ожидать даже склонения к перемене пола.

– Они аморальны, эти журналы.

– Что именно там аморального?

– Все, кроме рецептов. Пошло, вульгарно и вредно. Вы не обижайтесь, их же не вы писали...

– Вы ошибаетесь, их писала я. Работаю в одном из этих журналов, но под псевдонимами пишу еще для нескольких.

Петров усмехнулся:

– Ах, вот оно что! Надеюсь, про генитальный герпес написали не вы...

– Какая именно статья вам показалась вредной? – не унималась попутчица.

– Вредно общее направление. Но, хорошо, давайте разберем, – Петров поерзал, устраиваясь поудобнее. – С вашими «венцами безбрачия» – черт бы с ними... Но ведь у вас там и серьезное есть... В паре журналов я встретил пропаганду идеи «никто никому ничего не должен». В последнее время она активно навязывается через СМИ. Вы внушаете ее женщинам, девушкам. Но разве же это утверждение – правда? Нет. Мы все друг другу должны, и вы это прекрасно знаете. Я должен заплатить за билет на поезд и вести себя в нем хорошо, не буяннить и не мусорить. Проводница должна принести мне завтрак и выдать чистую постель. Вы должны сдать своему журналу статью, он должен вам ее оплатить. Но, конечно, пропаганда «отсутствия долгов» была затеяна не с целью формализации отношений пассажира и проводника... Это работа по разрушению семьи.

Девушка закатила глаза и улыбнулась.

– Да, да, – улыбнулся в ответ Петров. – Ваши журналы печатаются на неизвестно какие деньги... Разных НКО, фондов с сомнительным доходом, каких-то воров, которые настреляли людей в девяностые и теперь стали издателями... Ну, некоторые, конечно, на рекламу живут. Не самые роскошные.

– Да вы коммунист! – воскликнула попутчица. Она улыбалась, но большие, темные, похожие на перезревшую вишню глаза, смотрели пристально и почти враждебно. – Еще про скрепы расскажите!

– Ах, вы не любите патриотов, – кивнул Петров. – Но куда деваться, мы есть... Можете называть меня коммунистом, если угодно, хотя я не коммунист. Вот у вас в статье доказывается, что родители не должны детям, а дети – родителям. Вы стыдите матерей, которые на старости лет хотят, чтобы дети о них заботились. «Вы же не для себя их растили, не для своих эгоистических целей», – внушаете вы. Но это же демагогия! Да, растили детей не для того,

чтобы они кормили в старости, но значит ли это, что дети должны бросить немощных родителей, наплевать на них, сбежать?

Вы рвете связи поколений! И делаете это умышленно. Чтобы выросло хладнокровное поколение, которое считает, что оно никому не должно – ни родителям, ни Родине, ни супругу. Вы разрушаете семью. А вместе с семьей разрушится страна. Потому что человек, идя на войну, в первую очередь думает о защите близких, потом – своего двора, города. И народа в целом. А вы внушаете, что он «никому не должен». Читай: ни родне, ни Родине. Ни коллективу, в котором трудится. Вот обучило меня государство хирургии бесплатно, а я – никому не должен! Лежит передо мной на операционном столе пациент, мне доверившийся... А я ему – не должен!

Петров рассмеялся и хлопнул себя по обтянутым джинсами ляжкам.

– Так ведь и родитель, по-вашему, не должен ребенку! – продолжил. – Вы призываете не следить за сыном или дочерью, отпустить на все четыре стороны.

– Вы неправильно поняли, – холодно пресекала его девушка. – Мы имели в виду, что родители слишком вмешиваются в жизнь детей, мы призываем к тому, чтобы дать детям столкнуться с последствиями их ошибок, чтобы дети сами поняли, что были неправы...

– Да, я читал. Как журналистка описывала, что она позволяет своей шестнадцатилетней дочери уйти когда угодно и куда угодно, дружить с кем угодно, делать что угодно... С чем вы хотите чтобы девочка столкнулась? С сексуальным насилием в подворотне? С ребенком, зачатым спьяну на молодежной гулянке? Родитель не просто должен, а обязан контролировать жизнь ребенка! Как ангел приставлен к человеку, так и мать с отцом приставлены к ребенку. Это – семья. А вы рвете эти связи, толкаете ребенка к непослушанию, а родителей – к равнодушию.

Дверь открылась, появился проводник. Он бросил взгляд на Петрова и спросил девушку:

– Все в порядке?

Видимо, Петров говорил слишком громко.

– Да. У нас тут митинг коммунистов, – отозвалась она.

– Чаю принесите, пожалуйста, – попросил Петров. Проводник скрылся.

– Вы простите, что я так прямо и, может быть, слишком горячо. Не умею облекать слова в дипломатические одежды. Точнее, не считаю нужным. Слишком мало времени. Не у нас с вами, а вообще. Жизнь коротка.

Петров замолчал.

– В невинной фразе, что никто никому ничего не должен, вы видите вражий умысел? – спросила собеседница. – Может, и в масонов верите?

Петров проигнорировал вопрос. Верит, конечно. И не просто верит, а знает: своими глазами видел масонские клубы, когда ездил за границу. Да и в Петербурге на зданиях то всевидящее око, то циркуль и молоток.

– Во всем мире сейчас идет борьба с семьей, – продолжил он. – Ее разрушают, подменяя моральные ориентиры. Например, из обихода пытаются выкинуть слово «стыд». Стыда-де нет, есть только комплексы. И этот постулат, что ничего не стыдно, – трамплин, посредством которого человек должен взлететь к разврату. А где разврат – там нет семьи. Если стыда нет, значит, все можно – изменять, участвовать в оргиях, рожать детей и бросать их в детдомах, спать с отцом, братом, другом мужа, сдавать родителей в дом престарелых. Детям в школе можно рассказывать о чем попало...

– Так я не поняла, – тряхнула волосами девушка. – Окей, мы зовем к разврату...

– К разврату и анархии. К хаосу. Чтобы каждый делал что хотел и никого не слушал. Чтобы для человека не было авторитетов...

– И такие выводы вы делаете только из-за невинной фразы «никто никому ничего не должен»?

– Она не невинная. Она разрушительная. А еще у вас там есть другое активно внушаемое заблуждение: «Полюби себя». Причем, я заметил, глупым женщинам оно особенно нравится.

– Глупым? – переспросила собеседница, и Петров почувствовал сарказм.

– Я не имел в виду, что все женщины глупые. Просто эти слова обычно повторяют недалекие женщины... Это «полюби себя» талдычат в сериалах, в ток-шоу. Я полгода назад был в санатории, посмотрелся телевизора... Казалось бы, что общего между «полюби себя» и «никто никому не должен»? Общее – отрицание русского уклада жизни, в котором главное – общинность.

– Вы националист? Черносотенец... как же я сразу не догадалась...

– Нет, – удивился Петров. – Я просто рассуждаю... Перестаньте навешивать ярлыки. Эк вы меня... Итак, мы – коллективистский народ. У нас общественное выше личного, потому что наш народ всегда работал на земле, пахал и сеял. А на земле в одиночку мало что сделаешь. Так вот, если мы поставим личное выше общественного, то не соберем урожая, не выиграем войн, то будет... да вот то, что случилось в девяностые, и будет! Когда десяток ушлых наворовал, а остальные, глодая корку, сидели и слушали пропаганду, что права индивида превыше всего и «уважение к частной собственности – главное условие для развития успешного, демократического общества».

Девяностые – большое место в душе Петрова. Это его молодость, но он почти не вспоминал те годы. Как будто закрыл за ними дверь и опечатал. Настолько они были горькими. Иногда лишь вспоминал, что в операционных внезапно гас свет и много было пациентов с огнестрельными ранениями. Помнил, как ходили на рынок за одеждой, а поскольку жулье резало сумки, деньги клали в стеклянные банки и только потом в сумку. Попробуй, вырежь! «У нас самые надежные банки», – смеялись.

К счастью, прошло это время. Но некоторые проблемы, им порожденные, остались.

Петров видел, что девушка к нему плохо относится и ей не нравится, что он говорит, но ему хотелось почему-то до нее достучаться. Ну не может же журналист не интересоваться мнением читателя? Должна же «дорогая редакция» слушать народ...

– У нас издревле общественное выше личного, – сказал Петров. – И любить надо – ближнего своего. И жизнь

отдать за други. На том, простите за пафос, стояла и стоит русская земля. И сейчас полно примеров, когда люди исповедуют эти постулаты и побеждают. Не они лично, а страна – благодаря им! Александр Прохоренко, например... Да многие, многие... И не сосчитать, сколько у нас героев! Ежедневно совершаются подвиги, которые не попадают в СМИ. Человек отдает другому почку... Омоновец накрывает гранату террористов своим телом. Водитель подставляет под удар себя, чтобы спасти пассажиров. Да, вот такие мы! Считаем свою жизнь копеечкой, по сравнению с десятками или сотнями жизней. А вы внушаете: «Полюби себя»... То есть не падай на гранату. Не вызывай огонь на себя. Не говори правду, даже если она поможет многим.

– Что вы такое говорите? Мы пишем для женщин. Чтобы они заботились о себе, ухаживали за своим телом! Это просто... гламур! Лоск, красота!

– Тогда так и пишите: «Мойте лицо перед сном! Мажьтесь кремом!», но не пишите: «Полюбите себя». Потому что себялюбие – грех. Себялюбие – путь к отчужденности. Любовь – это ведь...

Петров протянул вперед руки, сложенные ковшиком.

– Любовь – это ведь сгусток энергии, тепла и света. Это божественное. И вы можете отдать этот сгусток сыну, можете отдать мужу, можете поделить на них двоих. А если вы заберете сгусток себе, то им уже ничего не достанется.

– Но почему бы не поделить этот сгусток на троих?

– На троих любовь не делится, – мрачно ответил хирург. – Любовь – не бутылка водки... Любовь к себе – это не любовь, – через некоторое время добавил он. – Если я буду любить себя, то не буду делать бесплатных операций, а перейду в частную клинику, а на мое место придет молоденький и неопытный и пополнит кладбище своим браком. Если я буду любить себя, а не жену, то она уйдет и заберет сына. И сын будет расти безотцовщиной, а жена будет, по вашим советам, бегать по женатым мужикам и думать о том, как не подхватить генитальный герпес. Любить себя – это извращение...

Он сказал это почти зло.

– Совок останется совком, – заключила собеседница, которую в темноте Петров уже почти не видел. – Судите всех...

– Вы еще скажите: «Не судите, да не судимы будете». У нас либеральная интеллигенция страсть как любит эти слова. Как их судить начинают, сразу вспоминают. А как они других – так забывают.

– Почему вы считаете, что ваша жена без вас бегала бы по женатым мужикам? – вызывающе спросила девушка. В вопросе чувствовалась феминистическая нотка: дескать, вы считаете себя таким пупом, что помимо вас ваша женщина не нужна будет никому?

– Потому, что у нас в стране женщин на 12 миллионов больше, чем мужчин, – ответил Петров. – Не знаю, насколько правдива цифра, но такую увидел в газете. Это значит, что 12 миллионов девушек и женщин не выйдут замуж. Что же им остается? Встречаться с женатыми. Отбивать. По вашим рецептам. Причем несчастных будет не 12 миллионов, а в два раза больше. В три! Считаем: сама незамужняя девушка плюс ее женатый кавалер плюс жена кавалера. Итого, 36 миллионов страдающих.

И вот отбить не удалось. И девушка бежит к другому женатому... И делает еще двоих несчастными... Вы спросили насчет моей жены... А куда ей деваться в сорок с лишним лет, если бы она ушла от мужа? «Замуж поздно, сдохнуть рано». Остается довольствоваться женатыми. Я не злорадствую. Я сострадаю. Это все-таки женщины моего народа одиноки.

Оба молчали. Ехали так долго, слушали стук колес. Потом включился свет, проводник принес чай, стали ужинать. Ели молча и мирно, подвигая друг другу снесь.

Потом улеглись.

– Знаете, что я о вас думаю? – вдруг спросила девушка.

– Что?

– Вы ненормальный. И я бы не хотела попасть к вам на операцию.

– А зря, – весело ответил Петров. – Я хорошо оперирую. У меня куча студентов. И студенток. И некоторые даже в меня влюблены.

– Они вас плохо знают.

– А вы прямо хорошо узнали...

– О да! Для меня ваше сердце – как на ладони.

– Заигрываете? Напрасно. Я не трачу силы на интрижки.

– Потому что вы зануда.

– Потому что сексуальная энергия, не найдя выхода, трансформируется в творчество, – засмеялся Петров. – А операции – это творчество. Хотя и кажется, что они похожи друг на друга.

– Но жена же у вас есть...

– Жены оставляют мужчине часть своей энергии. А любовницы высасывают ее.

– А зачем вы мне рассказали про 12 миллионов одиноких женщин?

– Чтобы вы в своих журналах решали эту проблему, а не несли ахинею про венец безбрачия.

– И как ее решить?

– Страна должна заняться здоровьем мужчин. Да! Все время говорится о здоровье матери и ребенка – это, конечно, правильно. Но теперь надо заняться здоровьем мужчин. Чтобы они не погибали от алкоголя и наркотиков до тридцати лет. Чтобы на производстве соблюдалась техника безопасности... А то... вы видели, как рабочие на крышах четвертого этажа работают? Я видел недавно. Без тросов, в тапках! За границей на стройку не пустят без каски, страхующего троса и ботинок с железными носками. Чтобы если кирпич упал, ноге ничего не было. А у нас рабочие падают, ломают позвоночники, лежат в коме... И все списывают на несчастный случай, никто не виноват... Пропаганду против курения надо вести повсеместно и вырезать, не жалея, из фильмов куски, на которых положительные герои закуривают. И наливают... Правда, тогда от фильмов останутся рожки да ножки... У нас ведь – вы не заметили? – постоянно в кино закуривают и наливают. С горя, с радости, в раздумьях...

– Удаться с вами можно от скуки, – сказала девушка. – Вы хоть пьете или совсем положительный?

– Пью. Спирт. Мы все пьем. Работа стрессовая.

– Ну хорошо. А то я думала, вы совсем...

– Это вы так за мою любовь к Родине? Претит она вам?

– Такую Родину не за что любить! И всякий образованный человек это понимает. Такую Родину надо разрушить и отстроить заново. Но надо, чтобы сначала динозавры вроде вас вымерли. Со своими советскими штучками. «Америка – враг, западные ценности – лживые, деньги – зло», – перердразнила кого-то девушка. – Вы не умеете жить, вы умеете только страдать! За Родину, «за други», за Сталина.

– Но ведь жизнь и есть страдание, – задумчиво произнес Петров. – Если б вы видели то, что вижу я... Одно сплошное страдание. И священники видят то же самое... Причем не только у нас, а и в Америке тоже. Там тоже муки сплошь и рядом. Нет, можно, конечно, жить дураком и не замечать...

– А я вижу радость и гламур. Богатство и счастье. О чем думаешь, то и будет.

– Сперва гламур, потом рак мозга. Легкий прыжок от вас к нам.

– Не хочу вас слушать.

– Не слушайте. Просто любите нашу страну. Это естественно – не любить Родину. Девиантное поведение. Ненормальное.

– Пошла она... У меня грин-карта, я скоро уеду.

– Вот и хорошо... Там и учите всякой ерунде.

И оба сразу уснули. А поезд несся и стучал колесами, и даже изредка гудел, но ни мужчина, ни женщина, ничего не слышали. Они ехали по огромной, темной, освещенной луной стране, которая для кого-то – мрачная и угрюмая, а для кого-то – единственная и неповторимая и за которую один из них готов был отдать жизнь, а вторая не дала бы и ломаного гроша. И страна выталкивала ее, как женский организм на ранних стадиях выталкивает неправильно развивающийся плод. Так было нужно для ее, страны, женского выживания. Выкинуть урода.

* * *

К обеду следующего дня, выспавшись, Петров приехал в больницу. А там – суматоха. В пригороде случился

пожар. И какой-то парень вытащил из огня троих детей. С последним малышом его придавило балкой. Ребенка удалось спасти, парень – в тяжелом состоянии. Обо всем этом вкратце рассказала ассистентка.

Петров шел на операцию и пытался не слишком сострадать. Сострадание к больному – не лучшее состояние. Лучше не воспринимать его как личность. Это знают все хирурги – что с обезличенным больным работать спокойнее. Шансов на волнение, а значит, на ошибку, меньше.

Он вошел в операционную и превратился в механизм – в тонкий и опытный человекоприбор по проведению операции на головном мозге. Все оказалось не так плохо. Жить пациент будет и, скорее всего, будет и ходить, говорить. Конечно, гарантий никаких, но шансов на нормальное развитие событий – много. Как оно и что – станет ясно через несколько часов.

* * *

– Игорь Олегович, Ларин глаза открыл, динамика положительная. Понимает, что говорим, закрытием глаз отвечает, – радостно сообщила медсестра о прооперированном герое. Она сидела за столом в больничном коридоре. Рядом с ней – с воспаленным взором, напряженная, с красным от слез лицом, видимо, мать парня.

– Вы не представляете, как мы вам благодарны, – женщина приложила руку к груди и замерла, не в силах найти слова.

Петров кивнул ей и попросил медсестру:

– Сообщите мне через три часа, как его дела. Я домой...

...Он ехал по чистой, умытой дождем улице, по бокам которой стояли, как медсестры у операционного стола, тонкие березки. Сквозь открытое окно в машину входил нежно и незаметно, словно анестетик, воздух, полный запаха трав и деревьев. Петров остановился у маленького базарчика, на котором четверо пенсионерок торговали соленьями, яблоками, ягодами и грибами, и купил у каждой всего помаленьку. Покупал и чувствовал, что любит их – этих бабок-пересмешниц, которые, торгуя, беззлобно

подкальывают друг друга. Одна из них когда-то давно, в девяностые, когда из магазинов исчезла туалетная бумага, продавала ее здесь, сидя на чурбачке.

– Мягкая? – взял тогда в руки рулон Петров.

– Ага, всю ночь для тебя мяла, – хихикнула бабка. Все вокруг засмеялись, и он, Петров, громче всех.

Вот и сейчас пенсионерки попрекали друг друга несуществующими «амурами» и смеялись.

Мимо пробежала собака, и Петров, проводив ее взглядом, почувствовал, что и ее любит, эту собаку. Животные пошли какие-то... как люди. Плачут, спасают друг друга, обнимаются... Сын иногда показывает ему такие видео из интернета. Игорь вспомнил слова прабабушки, которая говорила, что «перед последним концом всё перемешается, и звери, которые охотились друг на друга, будут друг друга любить». Так ей священник рассказывал. Ещё батюшка говорил, что к тому времени «девки будут бесстыжими, юбки будут по колено носить».

А уж давно носят куда короче. Выходит, мы перед самым что ни на есть распоследним концом.

Ну и ладно. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. А сегодня Петров рад. Потому что больной жив и, есть большая надежда, выздоровеет. И как же хорошо, что все друг другу должны! Ларин, идя мимо горящего дома, должен был спасти детей, а он, Петров, должен был сохранить жизнь парня. И сейчас он придёт домой, и Маша должна ему – непременно! – соорудить наилучший ужин и обеспечить покой. Нет, в обществе, где друг другу должны, жить намного удобнее!

* * *

...Через три часа ему сообщили, что больной Ларин в порядке, осложнений не предвидится.

Владимир КУЗИН

Владимир

ЗАБЫВАНИЕ ВЕТРА

Как-то навестив своего друга Сергея, с которым давно не виделся, я увидел у него дома пушистого котенка. Однако разговор о нем Сергей поддержал неохотно, всячески стараясь перевести его на другую тему. И только выпив несколько рюмок «Кремлевской» за встречу, он поведал мне следующее:

– Месяца два назад решил я приобрести щенка или котенка: думал, займу им сына – у нас с женой появится больше свободного времени.

Приехав на выходные дни к матери в поселок Мызино и разговорившись с соседом, узнал, что его теща в деревне Каменка, расположенной недалеко от Мызина, раздаст только что появившихся на свет котят бесплатно. Не раздумывая, я сел на свой «Урал» и помчался туда.

– Эх, – покачала головой хозяйка, выслушав меня, – приехал бы вчера, я б тебе на выбор пятерых предложила, а теперь только один остался: хотела внучке подарить, да она отказалась...

Мы прошли в маленькую комнату, и в углу, в куче тряпья, я увидел кошачье семейство.

– Ну-ка, отойди, – отшвырнула бабка кошку и, взяв котенка за шкурку, плюхнула его в мой вещмешок. – Только поторопись, сейчас наверняка Сонька взбесится, – добавила она, кивнув на насторожившуюся кошку.

– Правда? – улыбнулся я. – Тогда вы ее подержите.

Выйдя во двор, я погрузил поклажу в коляску и покатил восвояси.

А когда въехал на холм и обернулся, чтоб окинуть взглядом красоту полей, то увидел, что мотоцикл стремительно догоняет старухина кошка.

«Все-таки вырвалась, – понял я, и меня охватил азарт, – ну, держись».

И я поддал газу, подняв позади себя столб пыли...

Вскоре, увидев, как мой Пашка взвизгнул от восторга, вытащив из вещмешка живую игрушку, я просиял от радости...

Теперь, когда он стал часами возиться с котенком, мы с Ниной могли спокойно заняться огородом и, искупавшись в озере, полежать под ветвистым дубом, глядя на убегающие вдаль облака...

Но вот выходные кончились, и мы поехали домой, в город, дорога в который проходила через Каменку. До нее было километров шесть. Но, проехав метров четыреста от Мызина, мы заметили впереди небольшой бугорок; а когда приблизились, я заглушил мотор. На краю дороги лежала бабкина Сонька. Морда ее уткнулась в пыль, по шерсти ползали муравьи и мухи.

Я рассказал все жене, и мы решили закопать бедное животное. Взяв лопату, я отошел от дороги к оврагу, и вскоре ямка была готова. Бросив туда труп, я засыпал его землей, и мы поехали дальше.

А проезжая мимо Каменки, я решил на минуту заскочить к теще своего соседа, чтобы сообщить ей о ее кошке.

– Да пес с ней, – махнула рукой бабка, – чумных держать – спасу нет. Я когда четверых ее пострелят стала в корзину класть, она, паразитка, меня так за палец тяпнула, что до сих пор болит.

– Почуяла, что другим отдаете?

– Что топить понесла. Кому они нужны?.. И ведь дверь снаружи заперла; так она мне, гадина, всю обшивку изодрала... Потом целую ночь где-то шлялась... А наутро явилась вся в грязи, тине и шашь по половикам! Стирки было после нее – я чуть Богу душу не отдала.

...Мы вернулись домой, и жизнь вроде бы пошла своим чередом – работа, друзья-приятели, по вечерам уроки с сыном. Только чувствовал я – не по себе мне. Такая тоска нахлынула, хоть волком вой.

Однажды после получки зашел в «Закусочную», хотя до этого почти не пил.

«С ума спятил? – спохватился. – Из-за облезлой твари?»

Дошло до того, что, возвращаясь как-то с работы, специально завернул в книжный магазин и из учебника зоологии вычитал: поступками животных руководят инстинкты. «Значит, – заключил, – она мчалась за своим отпрыском неосознанно, как мы чисто механически испытываем, например, чувство голода или жажды».

Подумав так, немного успокоился... Но однажды увидел, как Нина ласкает только что вымытого Павлика, целует его, расчесывая мокрые волосы, как глаза ее сияют бесконечным счастьем, – и у меня защемило в груди.

Бедная Соня тоже носила под сердцем своих малышей... Они родились беспомощные и, голодные, неумело тыкались мордочками в ее соски. Она по очереди заботливо их облизывала и, согревая своим телом, оберегала их сон...

Она не понимала и не хотела понимать, почему ее котята не имели права жить. Даже чувствуя, что ничего не в силах изменить, она отчаянно вцепилась в руку своей хозяйки, взявшей на себя роль судьбы...

Она грызла запертую дверь, когда слышала удаляющееся мяуканье своих малюток...

Ночью она звала их, бегая взад-вперед вдоль берега; и, несмотря на природное отвращение к воде, кинулась в нее...

Она воротилась домой усталая и опустошенная, бросилась в угол к своему последнему детенышу, решив ему одному подарить всю любовь и ласку, что не успела дать остальным. А когда и его у нее стали отнимать, она бежала за своим малышом до тех пор, пока не отказало сердце...

Все это так ясно предстало перед моими глазами, что я до сих пор не пойму, как я мог такое сотворить. Но одно могу сказать совершенно точно: вернуть душевное спокойствие мне поможет только забота вот об этой молодой кошечке, которая, свернувшись клубочком, сладко посапывает сейчас возле камина; и надежда на то, что Господь со временем подарит ей малюток и я смогу сделать все, чтобы она ощутила радость материнства, которую не успела почувствовать ее несчастная мать. Ибо что толку, что однажды, остановившись в поле по пути в Мызино, я попросил у загубленной мною души прощения, если в ответ услышал только завывание ветра...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(В основе рассказа лежит письмо в редакцию областной газеты за 1998 год)

Однажды осенним ненастным днем я увидел, как молодая женщина, выбежав из остановившегося троллейбуса и заторопившись в сторону железнодорожного вокзала, стала на ходу доставать зонт из пакета и оттуда что-то выпало. Другие пассажиры, видимо, тоже опаздывая на уже поданную к платформе электричку, не заметили случившегося. Я подошел и подобрал, как оказалось, кошелек, туго набитый долларами. Машинально положив находку в карман, вошел в троллейбус... А когда он тронулся, облегченно вздохнул.

– Конечно, – сказал дома супруге, – простую деваху я бы тут же догнал. Но ты бы видела ее модный причесон и шикарный костюм, да и баксы в таком количестве у работяг не водятся. Наверное, жена или любовница одного из «прихватизаторов», кои вдоль кольцевой дороги трехэтажные особняки себе понастроили, – в то время как мне, квалифицированному инженеру, даже гроши не выплачивают месяцами. А у нас, между прочим, и холодильник накрылся, и сыну зимой не в чем будет на улицу выйти; к тому же твоему отцу хороших лекарств купить не можем...

Дело в том, что в последнее время из-за преклонного возраста тестя у нас появилось с ним много хлопот: то, забыв выключить в ванной воду, он затопил соседей; то спалил на плите чайник, едва не устроив пожар... Словом, пришлось показать старика психиатру, и тот счел нужным

на какое-то время поместить его в стационар, куда мы с супругой поочередно наведывались в выходные дни.

Как-то в начале декабря после одного такого посещения я собрался поговорить о здоровье тестя с его лечащим врачом. Но, подойдя к ординаторской, дверь которой была приоткрыта, увидел у него двух посетительниц – молодую в больничном халате и престарелую в стареньком пальтишке. Решив подождать окончания их разговора, я прислонился к стене и услышал голос пожилой женщины, поведавшей врачу примерно следующее:

– ...Отца с матерью у нее рак скосил, почти одного за другим, когда ей и десяти лет не было. Из родни только я осталась, взяла над ней опеку.

До совершеннолетия у меня жила, потом в свой дом вернулась, и все одна-одинешенька. А тут Славка подвернулся. Охмурил ее; а как узнал, что она от него рожать собралась, тут же и утек, – сказывали, куда-то на Енисей... Танюшка горевала-горевала, да и говорит мне как-то:

– Я, тетя Варя, буду для моего ребеночка жить, и никого мне больше не надо.

В роддоме кесарево сечение делали, осложнение было. После доктор сказал, что больше она детей иметь не сможет; это, мол, ее первый и последний ребенок, и потому его надо беречь...

Ох, и заботилась Таня о сынке! Каждую копейку берегла, от себя отрывала. На вторую работу устроилась – туалеты за начальством мыть; вставала рано – не высыпалась...

Павлик был чудненький, словно ангелочек. Помню, когда принесла его крестить, он на иконы и свечки так глазки вылупил, будто диву давался... А когда подрос, все упрашивал мать водить его в церковь. Да оно и к лучшему: ребята, какие храмы посещают, не в пример своим ровесникам растут тихими и послушными.

Вот и Паша – в войну с мальчишками не играл; а когда дружки его собирались у соседей яблоки воровать, уходил домой или к Мурзику – котеночек у них беспризорный во дворе объявился – рыжий, озорной. Таня с Павликом ему возле куста акации еду оставляли. Он мордочку

высунет, усиками пошевелит и давай наворачивать... А с Павлушей в догоняшки любил играть – спасу нет! Этот за ним, Мурзик на рябину, на самый верх, заберется; а как сообразит, что высоко, – от страха давай орать на весь двор! Паша лезет на дерево его спасать, мать ругается: мол, упадешь!

Летом, в Танин отпуск, приезжали ко мне. Вот где Павлику раздолье было – целыми днями по пойме бегал; нарвет, бывало, букет васильков и лютиков и матери принесет... А вечером мы втроем сидели на лавочке, лущили семечки да любовались закатом. Павлуша все интересовался: почему солнышко греет, кто на Луне живет?..

– Чай, вырастешь, ученым станешь, – говорю однажды ему.

– Нет, – отвечает, – учителем. Хочу научить ребят не ругаться матом...

Танечка прислонит его головку к своей груди и гладит...

До конца своих дней не перестану себя казнить, что позволила Степке на своем «Урале» их в город везти: автобус тогда не вышел, сломался, а ей утром на работу, – вот и удумали на грех...

Уж не знаю, кто там виноват был, только на повороте их мотоцикл в грузовик встречный и въехал... У Степана и Тани – ссадины, а Павлика с ее колен из люльки выбросило да головой об асфальт... Привезли на скорой; врачи его заштопали, но предупредили, что на головном мозге необходима более серьезная операция, какие делают только в столице и за большие деньги.

А где их взять лаборантке да по совместительству уборщице? Стала она мебель из дома таскать, с себя одежду снимала, – получила гроши. Помчалась по подругам и знакомым – а у всех тоже дети, их кормить надо. Начальнику своему в ноги бросилась; уж не знаю, чего у них там было, только пришла она от него бледная, пачку мятых купюр на стол кинула... Да ведь и этого мало! Решилась я тогда и продала дом свой прогнивший. За полцены, лишь бы побыстрее. А сама переехала к Тане.

В общем, с грехом пополам скопили нужную сумму, собралась она ехать – договариваться об операции;

а чтобы понравиться докторам, сделала прическу красивую и на оставшиеся деньги приделалась...

Да беда и впрямь не приходит одна – по дороге кошелек и потеряла! Сразу, как электричка тронулась, и обнаружила... Обыскала весь вагон. Сошла на следующей остановке, зайцем доехала назад и бросилась на платформу, где садилась; пыталась кассирш, дежурную по вокзалу – все без толку. Да разве кто отдаст, если и найдет!..

Воротилась – руки трясутся, сама что-то бормочет...

Сразу – к Павлику, целует его, гладит:

– Потерпи, сыночка, – говорит, – я все для тебя сделаю. Ты выздоровеешь, пойдешь в школу...

Тот, чуя неладное, плачет:

– Мама, не убивайся...

А Таня ему вдруг:

– Я тебя материнскими слезами вылечу, они целебные.

С тех пор от сына ни на шаг, на работу уже не ходила...

Недели через две я насчет мальчика сама к докторам пошла, но те лишь головами качают: нет, мол, у нас в городе аппаратуры для такой сложной нейрохирургической операции; ведь было сказано – в Москву надо, и поскорей...

Вернулась, а Паша хрипит.

– Что, – кричу с порога, – плохо?!

– Тсс, – шепчет, – он спать хочет.

И колыбельную запела...

Я ее уложила на диван, на лоб – мокрое полотенце, – и тут же к мальчику.

– Баба Варя, – пролепетал он, – не бросай маму и... – облизнул сухие губы, – покорми Мурзика...

Я киваю, а сама реву...

Ночью он стал задыхаться, а к утру помер...

Мать подошла, наклонилась к нему:

– Слава богу, – говорит, – уснул. Теперь поправится. Завтра в садик пойдем.

Я так и села...

Попросила соседней сперва помочь с похоронами, а потом и Танюшку сюда свезти. Опять в долги залезла. К тому же, чуя, и у самой здоровья не осталось. А ведь без меня что с племяшкой станется?..

Раздались всхлипывания, слова утешения врача... А после короткой беседы о состоянии здоровья больной посетители вышли из кабинета.

Я стоял не шелохнувшись. Надежда на случайное совпадение растаяла в ту минуту, когда я собственными глазами увидел «растеряху», обронившую тогда на троллейбусной остановке кошелек. Только теперь волосы ее были растрепаны, а лицо искажено неподдельным ужасом.

Внезапно посмотрев на меня, она почти скороговоркой выпалила:

– Таньке, стерве, аборт будут делать. Ей нельзя рожать, она – детоубийца!

Санитар и медсестра, взяв несчастную под руки, повели ее по коридору.

– Простите нас, убогих, – сказала мне пожилая женщина с заплаканными глазами и, тяжело дыша, поплелась к выходу. Нечаянно задев рукавом пальто торчавшую из моей сумки увесистую палку не переводившегося у нас дома в последний месяц сервелата...

Игорь МАЛЫШЕВ

Ногинск, Московская область

В ПУТИ

У человека случаются душевные кризисы. Человек так устроен. У меня случился душевный кризис. Я не знал, что происходит со мной, не знал, что будет дальше, не знал, что делать с этой забавной, но уже немного поднадоевшей игрушкой – жизнью. Поднадоела, да. Но проблема в том, что в магазин игрушек не сходишь и новую не купишь и не украдёшь.

Ладно. В одной книге сказано, что тоску лечит дорога. Я дождался выходных и отправился по реке на своей надувной байдарке. Стояла осень, жёлто-коричневые листья, изображённые на ткани лодки, гармонировали с деревьями по берегам.

Взял с собой провизии на пару дней, оттолкнулся от берега и поручил остальное реке.

Осенняя река неспешна и немного грустна в предчувствии скорых холодов и ледяного плена. И, как осуждённый бывает добр к случайному воробью, севшему на решётку его тюрьмы, качала меня на волнах плавно, ласкающе. Осенние колыбельные песни реки баюкали меня. От них разжимались стальные кольца внутри, щёлкали, открываясь, замки на дверях в некие комнаты, где ещё хранились запасы радости и спокойного оптимизма.

Я откинулся на спину, перед тем разобрав весло и кинув его на дно лодки, под одно из пустующих сидений.

– «Пусть река сама несёт меня», – повторил слова из «Ёжика в тумане».

Небо в октябре высокое и такое чистое, какого не увидишь ни в один из остальных месяцев года. Хрусталь воздуха вбирал в себя тонкий солнечный свет и, казалось, звенел. Синеву неба остро подчёркивало одинокое облако – клочок, сплетение белёсых нитей.

Я лёг на спину, стал смотреть на облако.

Река, увлекая, крутила лодку, мягко ударяла её о берега, бывало, останавливала, устроив в спокойной заводии, но неизменно, медленно, будто крадучись, снова выводила на стремнину и влекла дальше.

Тонкий месяц вышел на вечеряющий небосвод. Месяц – юный, мальчик, льдинка на синей воде, плыл по небесным водам и воздушные течения несли его.

Казалось, живущий высоко-высоко искусник слепил месяц из одинокого облачка, так были они схожи.

Деревья над рекой роняли листья, и те кружились, забывшись в танце, порхали над рекой и падали на тёмную воду, кое-где взбурённую струями течения и водоворотами. Жёлтый кленовый лист, откружившись в первом и последнем своём полёте, упал мне на грудь. Я взял его за черешок, покрутил, полюбовался пламенеюще-остроугольным контуром на спокойном фоне небес и, зажав черешок меж зубами принялся жевать.

Вкус черешка оказался под стать настроению – терпкий, осенний, неяркий, отчасти даже приятный.

Сверкнув чёрным, мелькнули две птички. Некоторое время закладывал надо мной круги некий хищник. Крылья его не шевелились. Фигура источала спокойствие и уверенность.

Меня прибывало к глинистым, обрывистым берегам, и вечерняя белёсая трава, напитавшаяся красным цветом заката, качалась надо мной.

Трава своё отжила. Жизнь её ушла в корни и затаилась до следующей весны в темноте и тяжёлой земной влажности. Ветер шелестел безжизненными стеблями, издавая звук, похожий на шелест переворачиваемых страниц.

Течение мягко толкалось под тонкое лодочное днище, будто там внизу играли крупные водные существа, вроде дельфинов или касаток.

Я опустил руку за борт, кисть заломило от холода.

«Даже удивительно, что ещё не встал лёд...» – подумал я, поднося руку ко рту и дуя на неё живым теплом.

Рука казалась оледенелой и при этом отчего-то очень чистой.

Изредка донеслись звуки. Салюта? Охотничьих выстрелов? Взрывов вражеских беспилотников?..

Я натянул рукава свитера на кисти, укрылся покрывалом, защищающим гребца от брызг, и уснул.

Мне снилось... Должно быть что-то хорошее, поскольку проснулся я с очень светлыми ощущениями. Разбудил меня отдалённый раскат грома. То, что это не салют, не охотники и не беспилотники, я понял сразу тем архаическим чутьём, что упрятано в костях, глубинах мозга и прочих инстинктивных территориях.

Вокруг стояла полная тьма. Не было видно ни берега, ни прибрежных деревьев, ни даже реки. Откинув покрывало, я резко сел. Прислушался к окружающему, затаившемуся и набухшему неким предчувствием миру, и в одно мгновение понял, что сейчас произойдёт. Я едва успел накинуть непромокаемый плащ, как на лодку обрушились первые, тяжёлые, как мужские слёзы, капли дождя. Или, вернее сказать, ливня.

Я снова улёгся, укрылся накидкой, перевернулся на правый бок, чтобы не затекала вода, и поглубже ушёл в капюшон.

Струи воды били по бортам лодки, летели брызги. В тревожном гудении ливня сверкнула молния, будто попыталась расколоть мир. Прошло несколько секунд, прежде чем всё взорвалось от звуков грома. Он прозвучал с такими трескучими обертонами, что я испугался, не сломалось ли рядом дерево и не упадёт ли оно на меня и лодку.

Я подумал, что если записать звук рвущейся бумаги и оставить от него только низкие частоты, то получится нечто очень похожее на гром.

Дождь усилился так, что стало почти больно левому боку. На меня, словно сыпали и сыпали свинцовую дробь. Туго надутые лодочные баллоны непрерывно гудели под её напором.

Снова сверкнула молния. Потом ещё раз, ещё. Разряды следовали один за одним. Небеса трепетали от ежесекундных разрядов. Небо стало похожим на взбесившийся фонарь дневного света, вспыхивало не переставая. Гром грохотал, не умолкая ни на миг.

«Интересно, если молния ударит в реку, я умру?»

Река была освещена почти непрерывно.

Струи воды текли с края капюшона.

«Не затону ли я от прибывающей в лодке воды?»

Потом вспомнил, что совсем недавно лодка спокойно держала помимо меня моего стокилограммового друга Диму и успокоился. Даже это разгневанное небо не смогло бы налить сюда центнер.

Взрывы следовали один за другим. Молнии высвечивали страшные чёрные, похожие на застывших в некой бесовской пляске деревья.

Река ворочалась подо мной, словно норовя перевернуть лодку, но я знал, что это невозможно.

И всё вместе, разряды над руслом, шевеление принимающей струи дождя реки, будоражили самые тёмные уголки в моей голове, и оттуда выползал страх.

Внезапно лодку мою сильно и, словно бы даже с ожесточением, ударило о берег, новая молния осветила небосвод, и я увидел устремлённый на меня из сухой травы взгляд мёртвых птичьих глаз. Кто это был, не знаю. Сокол? Пустельга? Ястреб? Мне запомнился взгляд, открытый жёлтый клюв и несоразмерно длинные, похожие на хирургические инструменты, полупрозрачные когти.

Река снова ударила лодку о берег и понесла дальше. Ещё одна молния напоследок высветила устремлённый на меня из седой травы взгляд мёртвой птицы.

Ливень долго засыпал холодной дробью мою лодку, но ближе к рассвету запасы его иссякли. Ветер стих. Потянуло зябкостью, которой я не чувствовал во время дождя.

Плыть на рассвете среди сбитых за ночь красных и жёлтых листьев – зрелище для фильма о счастливой судьбе.

Я сидел, скинув с головы капюшон плаща, смотрел, как свет скользит, растворяясь в каплях на белёсой траве,

как плывут по течению, кто на поверхности, кто утонув и проглядывая сквозь воду, листья дубов, осин, клёнов.

Холодило влажное плечо. Должно быть, там в плаще была дырочка. Зябло лицо, голова, шея.

Проплыл под одним мостом – бревенчатым, до умильности стареньким и домашним, потом под другим – бетонным, основательным.

Солнце, разгораясь, вставало над горизонтом, заливая мир всеми оттенками красного. Вот розоватый, серо-жемчужный мелькнул в тельце мелкой речной волны. Вот бордовая искра зажглась на истоптанном людьми и коровами берегу. Вот, будто укрытые красными полотнищами, вспыхнули крыши домов села Заречье, мимо которого плыву.

Мир тих. Ни намёка на ветер. Река податлива и безмятежна, как сон ребёнка.

Я выхватил из воды сбитый непогодой лист клёна, вставил черешок меж зубами. Мне ещё довольно далеко плыть.

ЛЕГЕНДА О БЕЛОЙ ВОЛЧИЦЕ

– Перевернись на живот, – сказала она, когда мы немного отдышались. – Я сделаю тебе массаж.

Я покорно перевернулся.

– Может, он выйдет и не таким глубоким, как ты того заслуживаешь, но я сделаю что смогу.

Она принялась оглаживать мою спину, и пальцы её, пальцы пианистки, поначалу казавшиеся нежными, как бархат, становились всё жёстче и жёстче, и вскоре я уже постанывал от той смеси боли и удовольствия, какие приносит всякий хороший массаж.

– Я говорила тебе, что мои предки вышли с Волыни?

– Нет, – с нотками стона в голосе сказал я.

– Да, с Волыни. Мы – шляхта. Не сказать, что мы родовиты, как какие-нибудь Понятовские, Лещинские или Собеские, но своё происхождение помним и очень им дорожим.

– Я сплю с польской дворянкой? – с трудом произнося слова, улыбнулся я.

– Именно. Польские шляхтинки горды спесивы и к тому же все немного ведьмы.

– Очаровательно, – произнёс я.

– О моей пра-пра-пра... В общем, о моей бабке из глубокой древности, века шестнадцатого, ходит легенда. Она рано стала вдовой. Муж погиб на охоте. И вскоре к ней стал ездить один из князей Радзивиллов. Радзивиллы – литовский род и один из самых знатных. Породниться с ними было огромной честью. Так вот, Радзивилл ездил в замок моей прапрабабки. Она охотно принимала его. Князь был красив, как лесной бог, силен, великолепный воин

и наездник, галантный, как император. Завязался роман. Моя прабабка не устояла перед чарами литовца. Кстати, ты знаешь, что Радзивиллы вышли из высших жрецов-язычников? Поклонялись лесу, дубам, дубравам... Прабабка не устояла, они стали любовниками. Видимо, и он и она оказались свободных нравов, речь о свадьбе не заходила. Просто любили друг друга и были счастливы. Ездили на конные прогулки в леса. Наверное, любили друг друга на лесных полянах, прямо посреди цветов и ветвей, на берегах рек и озёр. Я была в Литве, там удивительной красоты озёра. Отчего-то очень живо представляю себе этот роман. Гордая чернобровая темноглазая полячка со жгуче-красными губами и литовский богатырь со светлой, аккуратно постриженной бородой, пшеничными бровями и синими бездонными глазами. Мне иногда снится, как они летят по лесным тропам, она держит поводья узкой сильной рукой, бьётся на ветру плащ, храпит огромный конь литовца... Ощущение, что от прабабки мне досталась часть её ведьмачьей силы и я могу заглянуть в прошлое. Слишком уж живо я представляю себе всё это. Будто видела или участвовала.

У бабки жила белая волчица-альбинос, которая, как говорят, всегда сопровождала её на прогулках. Бежала рядом во время скачек, а когда влюблённые падали в траву, исчезала в зарослях и чутко слушала, не приближается ли кто.

Мою прабабку за глаза так и звали – «панна-волчица».

– Может, твоя прабабка была ещё и обладательницей зубов в известном месте? Вечный хтонический ужас мужчин, – пробормотал я.

Ты неожиданно сильно сдавила мне какую-то мышцу у основания шеи, и я, захлебнувшись смехом и криком, выгнулся дугой.

– Пошлить не надо.

– Не буду, не буду... – скороговоркой выдал я.

– Всё шло замечательно, но однажды прабабка почувствовала, что любовник охладевает к ней. Страстная шляхетская кровь вспылала гневом, и однажды, когда пара носилась по лесам, они въехали в густой, как ил, туман.

– Стой! – остановила коней шляхтенка.

Кони встали.

– Любимый, посмотри, какой густой туман вокруг, – сказала она.

– Туман такой, что, мне кажется, я по нему мог бы заплыть на вершину той сосны, как по воде.

– И сейчас я отпускаю в этот туман свою белую волчицу. Отныне, если кто-то захочет напасть на тебя в тумане, она убьёт твоих врагов быстрее, чем ты услышишь, как они достают сабли из ножен и кладут стрелы на тетиву.

– Это великий дар, и я не могу сказать, как благодарен тебе за него, – приложив руку к груди, ответил князь. – У Радзивиллов много врагов, и рано или поздно твой подарок обязательно пригодится.

– Несомненно. Но всякий дар имеет две стороны. Если ты однажды решишь бросить меня, волчица тебя убьёт.

Князь усмехнулся. О его умении бить волков и людей ходили легенды.

– Ты просто въедешь в туман, и потом тебя найдут с разорванным горлом.

Князь не поверил.

– К чему эти глупости? Я не собираюсь бросать тебя.

– Я верю. Но я уже отпустила волчицу, и ты не увидишь её, пока не решишь бросить меня.

У красавицы-шляхтенки и молодого князя было ещё множество прекрасных дней, проведённых вместе. То была действительно глубокая и сильная любовь.

Однажды князь возвращался домой, утомлённый любовью моей родственницы, и услышал впереди шум, крики, волчий рык и звуки, которые издают люди, захлёбываясь кровью. Князь и его рыцари обнажили оружие. Вокруг стоял густой туман, плотный, как снег. У обочины дороги они увидели людей, вооружённых арбалетами. Все эти люди были мертвы, и у всех виднелись раны на шее.

Князь вспомнил обещание прекрасной любовницы.

Такое повторялось не раз. Туман, хрипы, мертвецы, горло которых вскрыто волчьим безжалостным хватом.

Радзивилл ничего не рассказывал любовнице, но она всё знала и без него.

Даже самому чистому и глубокому чувству однажды может прийти конец. Чувства – вода, а вода может высохнуть, иссякнуть, найти иной путь.

Радзивилл разлюбил мою родственницу.

Помня про белого зверя в тумане, он теперь никогда не выезжал из замка без своры волкодавов. Так его и нашли однажды. Он лежал мёртвый, вокруг трупы волкодавов, а в глазах у князя смесь боли и отчего-то радости.

– Почему радости? – спросил я.

– Потому что какая радость без боли?

Она что-то сдавила мне в районе затылка, так что я едва не закричал. Поёрзала на моей спине, и я почувствовал шёрстку её стриженного лобка.

Потом провела кончиками пальцев вдоль позвоночника, показывая, что массаж окончен, и тем вызывая чувство какого-то невероятного расслабления и блаженства.

Она наклонилась к моей шее.

– Ещё легенда гласит, что с тех пор белая волчица оберегает всех женщин нашего рода и неизменно карает тех, кто бросает нас. Появляется из плотного, будто снег, тумана, сама похожая на туман, и убивает.

Я почувствовал на шее горячее дыхание, а затем острые зубы. Меж острых зубов сновал тонкий кончик языка и щекотал чувствительную кожу.

...Через год мы расстались. Я бросил тебя. И теперь, когда я иду туманными осенними вечерами по пустым переулкам старой Москвы, когда звуки шагов бьются о стены с мокрым отзвуком, когда ботинок нет-нет да и попадёт в незаметную в тумане лужу, я чувствую затылком чей-то недобрый взгляд. Ещё я вижу перед собой пустые и удивлённые глаза Радзивилла, молодого и широкоплечего, похожего на лесного бога красавца. Туман и слякоть московских улиц набухают тревогой и тайной. Меня тянет обернуться, хоть я и понимаю, что это не поможет.

Потому и шагаю, через силу смеясь над глупыми предассудками.

Он очень неприятный, этот взгляд из тумана.

Дмитрий ОВЧИННИКОВ

Новосибирск

БЛАГОЕ ДЕЛО

Весна в этом году выдалась ранняя и на удивление тёплая. Так, уже к середине апреля почти полностью растаял выпавший за долгую зиму снег, а к началу мая ухабистые деревенские дороги, по которым, как правило, в эту пору можно ездить лишь на мощных внедорожниках, высохли настолько, что по ним без особого труда проезжали даже легковые автомобили, не рискуя разбить подвеску, потерять колесо или где-то наглухо застрять.

Для Алексея это была уже пятая по счёту весна в качестве водителя «газели»-хлебовозки, которая развозила хлеб по селу Свиридово и двум окрестным деревням – Марьино и Завьялово.

Зима, весна, лето, осень... Вроде, бывает, и долго, нестерпимо медленно тянется день, неделя, месяц, а вот года – парадокс – летят на удивление быстро, сливаясь в одну серую массу, в которой очень трудно вычленишь какие-то яркие фрагменты. Каждый год повторялись одни и те же пейзажи за окном, одни и те же люди, покупающие одно и то же, – и создавалось впечатление, что смотришь один и тот же бесконечный фильм, который всё никак не закончится. И вроде проезжал Алексей немного, каких-нибудь тридцать километров туда и обратно, но каждый раз это были одни и те же, уже много раз пройденные километры, и неизменно возникал эффект *déjà vu*. Иногда это недоедало настолько, что не было никакого желания садиться за руль и отправляться в очередной рейс. Но ездить нужно было регулярно, по расписанию, три раза в неделю, и в любую погоду, дабы потом

не услышать от кого-нибудь упрёков, как было однажды, когда Алексей очень сильно заболел и не смог выехать:

– Вот, сынок, оставил нас без хлеба в прошлый раз, нельзя же так. Думали, вообще больше не приедешь, пропадём тут, с голоду помрём...

Пришлось оправдываться, говорить что-то о болезни, и чувствовал он себя тогда нашкодившим пацаном, который не просто подвёл, а кровно обидел людей, которые ему доверились и которых он не имел права обмануть – в подавляющем большинстве в этих деревнях жили люди пожилые, одинокие, часто совсем немощные и дряхлые, и приезд хлебовозки был единственным лучом света в тёмном царстве их бытия, вносящим в него хоть что-то светлое и радостное. Но в целом подобный депресняк накатывал на него нечасто, и в этих случаях Алексей всегда повторял себе, что никто его сюда насильно не тянул – сам вызвался работать в этой глухомани. Так чего жаловаться?

В советские годы Свиридово было если не процветающим, то вполне зажиточным селом со всеми признаками цивилизации, но всё изменилось с распадом СССР. Жизнь из Свиридова уходила не сразу, одномоментно, а как-то постепенно, поначалу внешне даже незаметно, но оттого не менее трагично и необратимо. Все, кто мог, стали уезжать – кто в Красноярск, кто в Абакан, кто в другие окрестные крупные города. Оставались либо пенсионеры, либо те, кто дорабатывал последние годы до заслуженного отдыха в ещё не закрытых предприятиях и учреждениях. Но и тех с каждым годом по естественным причинам становилось всё меньше. В советское время люди, конечно, тоже умирали, но – то ли оттого, что население тогда было гораздо большим, то ли по каким другим причинам это было как-то не так заметно, что ли, и каждая смерть местного жителя была событием. Многие жили подолгу, доживая до восьмидесяти, а то и девяноста лет. А вот в 90-х умирать стали помногу, едва доживая в лучшем случае до семидесяти. Тогда же среди прочих не стало и Лёшиных дедушки с бабушкой...

Но некоторые, самые стойкие, несмотря ни на что, держались до последнего. Например, Надежда Фоминична, или попросту баба Надя. Ей уже перевалило далеко

за семьдесят, но, с виду такая же бодрая и крепкая, как и тридцать, сорок лет назад, она отнюдь не собиралась ни отходить в мир иной, ни покидать деревню, в которой прожила столько лет, несмотря на настойчивые приглашения взрослых сына и дочери, звавших её к себе в Красноярск. На все их уговоры она неизменно отвечала одно и то же:

– Да кудой я уже отсюда поеду? Вот ещё придумали чего. Нет уж, спасибо. Можете жить в городе своём, а мне и здесь хорошо. Здесь родилась, здесь и помру.

И ведь действительно, кажется, за всю жизнь баба Надя ни разу не покидала пределов родной деревни. Ну, может, была несколько раз по каким-то надобностям в райцентре, что в двенадцати километрах, и на том всё. А в том же Красноярске и вовсе не была ни разу и видела его только на фотографиях, что показывали дети, когда приезжали в гости. Таких, как она, к началу нулевых в деревне оставалось человек триста, а ещё через десять лет это число уменьшилось вдвое. Не стало и бабы Нади. Алексей как раз устроился водителем хлебовозки и в один из раннеапрельских дней увидел, как человек двадцать стариков и старух, проживших с бабой Надей бок о бок всю жизнь, провожали её в последний путь.

* * *

Родился Алексей в небольшом посёлке Аржаан, что в республике Тува, но пробыл там недолго – уже вскоре семья переехала на малую родину отца, в Красноярск. Там он окончил школу, потом местный пед – истфак. В педагогический Лёша пошёл скорее от безысходности. Надо было куда-то идти, вот и пошёл, куда было проще всего поступить и куда парней брали весьма охотно. После получения диплома устроился в одну из местных школ, но задержался там ненадолго – одного учебного года с лихвой хватило, чтобы понять, что преподавание – это не его. Затем началась полоса скитаний по разным организациям, где он в основном выполнял типичную канцелярскую работу – скучную, нудную, монотонную, но зато относительно спокойную, в отличие от работы учителя. Правда,

денег платили мало, и если б он тогда жил отдельно от родителей, то на эти гроши выжить было бы почти нереально. Но потом ему вдруг повезло – бывший одноклассник Андрей, с которым Лёша поддерживал приятельские отношения, выбился в большие начальники в одной крупной компании и позвал Лёшу к себе помощником:

– Давай перебирайся к нам в контору, сколько можно уже протирать штаны за копейки. Устрою тебя по старой дружбе в лучшем виде, да и вдвоём веселее будет.

– Ну, не знаю... Получится, как будто я по блату пришёл, нехорошо как-то.

– Да брось ты! В России без блата никуда, даже в дворники не попадёшь. Да и потом, тебе ж не просто так будут деньги платить. Работа хоть и не пыльная, но серьёзная и ответственная, поэтому и не хотелось мне абы кого с улицы брать. Но смотри, конечно, решай сам, не маленький уже. Моё дело предложить.

– Да я всё понимаю, Андрюх, не дурак. Предложение, конечно, хорошее, и поверь, мысленно я пою и танцую от радости, но мне нужно всё обдумать.

– Ок, подумай, немного времени у тебя есть. Хотя на твоём месте я бы особо не думал – такие предложения не каждый день делаются.

На том тогда и расстались, причём последнюю фразу Андрей сказал будто с какой-то обидой – я, мол, тебе такой вариант предлагаю, а ты ломаешься, думаешь чего-то... А ещё показалось, что и взгляд у бывшего одноклассника при этих словах изменился, стал каким-то насмешливым, колючим. Может, и правда только показалось.

Предложение и впрямь было заманчивым, смущало же, что ему предстояло бросить свою плохонькую, но стабильность и окунуться в неизвестность. Два дня Алексей думал, взвешивал все за и против, толком не спал на нервной почве и в итоге всё-таки решился – написал заявление и ушёл с работы. А вскоре он переехал в отдельную двухкомнатную квартиру, оставшуюся в наследство от бабушки с бабушкой, и зажил полностью самостоятельной жизнью. Как говорится, «жить стало лучше, жить стало веселее».

* * *

Уже взрослым человеком Алексей иногда приезжал в Свиридово и останавливался в оставшемся от бабушки с дедушкой доме. Волей-неволей он обращал внимание на то, в какое запустение оно приходит, как и все окрестные деревни. Постепенно, один за другим, в целях так называемой «оптимизации», оттуда исчезали все признаки цивилизации. Закрылись в конце концов и магазины по причине нерентабельности. Отчасти это, конечно, было справедливо – население стремительно убывало, оставались в основном лишь пенсионеры, которые в значительной степени обеспечивали себя самостоятельно за счёт подсобного хозяйства, выращивая и добывая фрукты, овощи, ягоды, мясо, яйца, молоко, даже рыбу, которая до поры в изрядном количестве водилась в местном озере. Но, во-первых, хозяйство держали далеко не все и с каждым годом таковых становилось всё меньше, а во-вторых, кроме вышеперечисленного людям требовались и другие продукты и товары, за которыми теперь нужно было ездить в райцентр, что, опять же, могли делать далеко не все. Но, как у нас водится, это особо никого не беспокоило.

Летом в Свиридове ещё теплилась кое-какая жизнь за счёт дачников, молодёжи, снимавшей здесь временные дома, а с октября по май жизнь как будто замирала. Нет, конечно, не совсем замирала, люди продолжали заниматься своими делами, коих стало меньше, но и делать их стало сложнее, и без крайней нужды никто не задерживался на улице, спеша вернуться домой, в тепло. В общем, жизнь стала тихой, незаметной, и от этой тишины веяло чем-то мрачным, зловещим. Усиливали это ощущение то и дело встречавшиеся дома с заколоченными окнами, сломанными наличниками, облупившейся краской на дверях и стенах, прогнившей крышей, повалившимися заборами – всеми признаками брошенного жилья, в котором давно никто не обитает.

Из местных жителей Алексей почти ни с кем тесно не общался, что и понятно – молодёжи там почти не было, а со стариками о чём говорить? С ними если и заводились какие-то короткие беседы, то всё на одну и ту же тему –

как хорошо жилось прежде и как потом всё это разрушили. При этом то и дело поминали «треклятых Ельцина и Горбачёва», которые-де всё и развалили. Втягиваться в эти «политические» беседы Алексей особо не хотел. В сущности, его всё это вообще мало волновало. Советский Союз он почти не застал и никакой ностальгии по нему не чувствовал, да и родители никогда, по крайней мере при нём, не плакались о прошлых счастливых временах. Ну, было и прошло, чего теперь жалеть? Ничего ведь не вернёшь, только зря бередить старые раны. С другой стороны, а что ещё делать старикам в умирающем селе, как не жаловаться на горькую жизнь? Какое-никакое, а занятие.

Село умирало. Власти давно махнули на него рукой, не имея ни ресурсов, ни желания что-то изменить. Здесь не было уже практически ничего, в том числе и нормальной коммуникации с внешним миром – ни интернета, ни сотовой связи. Словно каменный век. Не было и магазинов, где можно было что-то купить. Когда-то, после их закрытия, приезжала раз в неделю автолавка, но недолго, вскоре её отменили – то ли водитель уволился, а нового не нашли, то ли ещё что, – и местные жители опять остались ни с чем. Среди тем, которые они обсуждали между собой, неизменно первым делом поднималась и эта, но дальше сетований и причитаний дело не шло. Когда-то пытались писать письма в район, жаловаться, требовать, просить, но никакого отклика от властей так и не дождалось.

Поначалу, слушая эти разговоры, Алексей только горестно вздыхал и понурился голову – вроде и рад бы помочь землякам, а как? Потом стал изучать вопрос и выяснил, что в райцентре есть большой хлебозавод, с которого, собственно, когда-то и привозили хлеб в Свиридово и окрестные деревни, который продавался в тамошних магазинах. Потом магазины закрыли, и хлеб исчез. А теперь его надо было вернуть людям, но опять всё тот же вопрос – как?

Покопавшись в интернете, Алексей нашёл несколько историй из разных уголков страны, как неравнодушные люди на свои деньги покупали машины, заключали договора с хлебозаводами и развозили хлеб по нуждающимся деревням. В принципе, схема рабочая, главное – купить ма-

шину и сговориться на оптовую закупку хлеба у пекарни. Какой-никакой бизнес, но понятно, что много на этом не заработаешь – что взять с бедных пенсионеров? Главное – помочь брошенным людям, до которых никому нет дела и которые выживают, по старинному обычаю, кто как может.

Работа у Андрея приносила Алексею всё меньше удовольствия. Да, зарплата хорошая, но ведь не всё измеряется в деньгах, а никакого морального удовлетворения она не приносила. Так что уйти оттуда рано или поздно он собирался и так, а тут появился вариант с автолавкой, которую, как выяснилось, при определённых финансовых вложениях организовать не так и сложно. В идеале, конечно, нанять бы ещё продавца и отдельного человека для погрузки товара, но, в общем-то, при желании можно справиться и одному, тем более что при необходимости среди местных жителей наверняка отыщется человек, готовый помочь на небольшую оплату. Тут ведь двойная выгода – и деньги получишь, и продукты в деревню привезёшь.

Понятно, что просто это всё было скорее на словах, а на деле оказалось гораздо сложнее. Перво-наперво требовалось составить смету предстоящих расходов – на покупку машины, бензин, закупку товара, зарплату продавца (если он будет) и прочее. Набегало прилично, и поневоле закрадывались сомнения – а нужно ли это всё, что из этого выйдет? Но, поняв по разговорам с местными, что хлебовозка им нужна и, чем могут, они готовы помогать, в том числе финансово, а потом, услышав обещание главы сельсовета выделять какие-то небольшие субсидии, всё-таки решил рискнуть – уволился с работы, купил подержанную, но ещё в хорошем состоянии «газель», договорился с хлебозаводом на закупку хлеба, батончиков и разнообразной выпечки. Позже решилось, что возить товар он будет не только по Свиридову, но и двум близлежащим деревням, также оставшимся без магазинов. В продавщицы взяла Иру, женщину лет под сорок, которая жила в Свиридове с маленьким ребёнком и матерью. Её муж почти круглогодично работал где-то на северах, а она сидела дома с дочкой Настей, которой, к слову, в следующем году исполнилось семь лет – время идти в школу, которой в селе нет.

Видимо, будут переезжать, а что делать, и так вон в садик не ходили. Но в садик многие не ходят – там километро-вые очереди, записываются туда, кажется, ещё до рождения ребёнка, да и платить надо прилично. Но со школой – совсем другая история, туда надо ходить обязательно. Этого всего Алексей вдоволь наслушался от Иры во время их долгих совместных поездок. Говорить же надо было о чём-то, не сидеть же молча, вот и разговаривали о том о сём. Рассказывали про свои жизни, которые что у одного, что у другой сложились не так, как они хотели. Впрочем, а у кого получается по-другому?

И всё-таки было в этом что-то странное, необычное. Действительно, едва ли он когда-то думал, что станет водителем «газели» и станет развозить хлеб, а оно вон как вышло. Не зря когда-то давным-давно Алексей получил права, хотя, казалось, в этом не было никакой необходимости – автомобиля в их семье никогда не было. Но вот захотелось, как будто что-то подтолкнуло его к этому. А ещё вспомнилось, как в детстве часто видел во дворах молоковозки и длинные очереди к ним из людей с бидонами. Тут поневоле поверишь в судьбу, *fatum* и всё прочее в таком духе.

Пути Господни неисповедимы... Расхожая фраза, но ведь действительно бывает такое, что человек оказывается там, где раньше вообще не мог себя представить. Или иногда судьба сводит вместе людей, доселе очень далёких друг от друга, и связывает их какой-то едва ощутимой, но прочной нитью. Примерно как его и Иру.

Несмотря на годы и, как видно, не самую лёгкую жизнь, она по-прежнему была довольно красивой. Родилась она здесь же, в Свиридове, окончила школу, потом педучилище в райцентре, работала в школе учительницей младших классов. Уже лет в тридцать вышла замуж за Александра, по образованию инженера-строителя, но за неимением нормальной постоянной работы шабашившего где придётся. О муже Ира всегда говорила сдержанно, немногословно, и невольно складывалось ощущение, что вышла она за него не по большой любви, а просто потому, что надо было за кого-то выйти, а других вариантов не нашлось. Просто встретился подходящий мужчина, вроде порядочный, не

алкаш, работающий, серьёзный – в общем, вполне неплохой по деревенским меркам жених, с которым можно связать свою жизнь. Не куковать же одной...

Слушая Иринины исповеди, Алексей неизменно вздыхал. Судьба человека... А сколько таких по стране – с неустроенными судьбами и туманным будущим. Особенно здесь, в глубинке. Периодически у него тоже возникало желание поплакаться, пожаловаться на жизнь, но всякий раз осекал себя, понимая, что на фоне местных бед – пусть не шекспировского масштаба, но всё же – его причитания будут выглядеть как-то нелепо. Его-то жизнь, при всех проблемах, была относительно спокойной, сытой и комфортной – как ни крути, жил всё-таки в крупном сибирском мегаполисе, зажиточном городе-миллионнике, где, по крайней мере, никогда не было проблем со связью и магазинами. Раньше, кстати, он это не слишком ценил, воспринимал как должное, искренне не понимая, как люди могут годами жить иначе. Оказалось – могут. Сам, будучи у бабушки на каникулах, он от этих недостатков не особо страдал, почти не замечал их. Но это только у детства и юности есть такая счастливая привилегия – не замечать трудностей. Потом всё иначе.

...За годы поездок вся процедура отработалась до автоматизма и выполнялась чётко и неукоснительно, как ритуал: они останавливались в одних и тех же точках, куда неизменно год за годом подходили одни и те же люди и покупали примерно одно и то же. Даже цены они старались держать примерно на одном уровне, несмотря на все издержки. Нет, конечно, немного поднимали, и в итоге многие товары стали стоить пусть ненамного, но дороже, чем в магазинах в райцентре. Но до туда надо было ещё добраться, что немощным старикам, ни у кого из которых не было машины (а с общественным транспортом, как и всем прочим, здесь было туго), было явно не под силу. Да даже если бы и ходили тут автобусы, то в сумме, вместе с проездом, выходило бы дороже, чем в автолавке. А ещё потраченные силы и время...

Каждый раз всё шло по стандарту: Алексей останавливал машину в точке, где уже привычно собрался народ,

открывал двери «газели», они с Ирой выставляли товар, и начиналась собственно торговля. Хоть народу собиралось и относительно много – человек по тридцать, но так как все всегда брали одно и то же, то процесс шёл довольно быстро, и очередь, поначалу казавшаяся длинной, быстро редела. Алексея это неизменно радовало, и в конце рабочего дня, после успешного окончания торговли, он почти каждый раз сообщал Ирине с хитрой улыбкой:

– Вот и сегодня быстро управились. Молодец, шустро считаешь.

– А то, я всё-таки, как-никак, бухгалтерские курсы окончила, считать умею, – с гордостью подтверждала она.

Ирина и правда окончила бухгалтерские курсы – как сама объясняла, в декрете, просто чтобы чем-то себя занять и не сойти с ума в четырёх стенах. Зарабатывать этим вроде не собиралась, а вот, гляди, пригодилось. Как и Алексею его давнишние права.

И вот уже пять лет прошло, а они с Ирой продолжают ездить по ухабистым дорогам сибирской глубинки, продавая хлеб и прочую сдобу. Продают – пока есть кому продавать. Но придёт день, когда в этих Богом забытых деревнях не останется вообще никого, ни одной живой души, и некому станет продавать батоны и пончики. Рано ли, поздно, но это обязательно случится – сколько уже в России умерло таких деревень, и не только в Сибири, но и в Центральной России, и сколько ещё умрёт. Алексей старался не думать об этом, напротив, гнал от себя эти мысли, но, помимо воли, они приходили всё чаще и чаще, и всё это благое дело, которое он затеял, начинало казаться тщетным, бессмысленным, бесполезным. А потом он снова видел стариков, покупавших хлеб, и мрачные мысли вытеснялись радостью, даже гордостью, что он приносит пользу людям, которые в этом нуждаются.

Да, убеждал он себя, рано или поздно эти деревни умрут, исчезнут с карты, и даже названий их никто не вспомнит, но это произойдёт не сегодня и не завтра. А пока здесь остаются люди, которым мы нужны, будем работать.

Будем...

Роман РАЗЖИВИН

Санкт-Петербург

А ЧТО БЫ ТЫ ВЫБРАЛ?

– Саня, а что бы ты выбрал: пучеглазить десять лет или чтобы медведь съел тебя на обед?

– Пучеглазить десять лет? Это как?

– Да какая разница, выбирай!

– Ну, если пучеглазить десять лет, то они ведь всё равно пройдут, да? А если медведь, то это грустно, конечно. Первое! О, а ты... – Саша дёрнул плечом и подтянул лямку ранца, – Вован, а что бы ты выбрал: угнать папину машину или съесть сардину?

– Сардину? А это чего?

– А какая разница, выбирай!

– Что-то вкусное вряд ли сардиной назовут.

– Ну так что? Что?

– Машину!

– Ого, мужик!

– Ну!

Вова и Саша шли из школы домой, упираясь плечами в лямки ранцев, словно бурлаки, тянущие корабль. Вяло шаркали они по сырому асфальту, распиная мятые пластиковые бутылки. Они почти всегда ходили дорогой вдоль бетонного забора, за которым возвышалось здание бывшей типографии. Родители и того и другого запрещали ходить по безлюдным улицам, но друзья раз за разом выбирали этот путь.

– А что бы ты выбрал: весь год одни только тройки или спать на каменной койке? – Саша дёрнул правым плечом и подтянул лямку.

– Сань, алё, у меня и так одни тройки. Смотри, колба какая, пойдёт? – Вова остановился напротив мусорного бака, глядя на пустую пластиковую бутылку, и бухнул ранец на асфальт.

– Угу... – промычал Саша и дёрнул ногой.

– Давай, ты первый.

Саша вдарил ногой по бутылке. Она закрутилась в воздухе и, стукнувшись об угол мусорного бака, упала на землю.

– Нормально, Саня! На семёрочку, а?

– Ну пусть, – промямлил Саша.

Вова подбежал к бутылке.

– Сейчас я ей тресну!

Он толкнул бутылку на центр тротуара, уверенно пошёл к ней, прицелился, сжал кулаки, выпрямил плечи, шумно выдохнул и умело подсёк её так, что она взлетела и, как пушечное ядро, мягко опустилась в мусорный бак.

– Видал!

– Ого, Вован, хорош. На десяточку?

– Ну!

– Быстро мы её, – сказал Саша и пошёл по тротуару.

– Да погоди, ты, Сань! Давай ещё раунд.

– Ну... колбы-то нет, – негромко произнёс Саша, стесняясь перед внезапным прохожим их странного занятия.

– Сейчас будет, – бодро ответил Вова.

Вова скрылся за мусорным баком. Саша, дважды дёрнув плечом и ногой, взглянул вслед уходящему мужчине. Он надеялся, что тот за ними не наблюдает. К своему стыду, он обнаружил, что мужчина несколько раз обернулся и даже ненадолго остановился, глядя на школьников. Из-за бака шумно вылетела бутылка, Саша вздрогнул, за бутылкой выскочил Вова.

– Смотри, эта с водой! Сейчас полетит! Ты чего такой?

– А? Да мужик вон странный.

– В серой куртке? Грязный какой-то, алкаш, наверное. А тебе не по фигу? Сейчас мы его, – Вова установил бутылку по центру бака, – давай, Санёк, покажи.

– Вован, ты-то рядом со школой живёшь, а мне домой ещё сколько, – дёрнул Саша правым плечом.

– Да ладно тебе, Сань, немного сыграем. О, а что бы ты выбрал: выпить из колбы ту воду или чтобы только для тебя одного прям всю жизнь на улице самую плохую погоду?

Саша тяжело вздохнул, дёрнул ногой и без желания ткнул бутылку.

– Ну алё, давай нормально, не считается, – ткнул Вова бутылку обратно, – и по правилам нельзя не отвечать, ну.

Тогда Саша разбежался и с криком «Погоду!» всадил по бутылке так, что та улетела через забор, зазвенел шквал осколков.

– Блин, Саня! Ну ты то ни фига, то до фига.

– Погнали, чего стоишь?! – уже рванул Саша.

– Да это ж заброшка, – стоял, не шелохнувшись, Вова.

Саша остановился и машинально бросил взгляд туда, где минутой ранее видел мужчину. Вова подошёл ближе к забору и поднял палец вверх: «Тсс», – друзья затихли.

– Бу! – резко развернулся Вова.

– Блин! – подпрыгнул Саша. – Дурак, что ли?

– Да ладно тебе, слышишь? – Вова снова поднял палец вверх: – Тишина вообще, нет там никого.

– Ну да, нет...

– А помнишь русичка рассказывала, что там бомжи живут?

– Помню.

– Пойдём глянем.

– На бомжей? Ты серьёзно? – Саша дважды дёрнул плечом.

– Да ерунда это всё. Пойдём глянем, что ты разбил, – Вова направился к забору. – Я пока колбу искал, видел там дыру.

– Вован, мне домой пора, я мамке обещал помочь.

– Да ладно тебе, если не хочешь, то рюкзак вон мой посторожи.

Вова скрылся из виду, до Саши доносились лишь какие-то шорохи.

– Саня! А что бы ты выбрал, – кричал Вова уже из-за забора, – жить с бомжами или спать в пижаме?

– Вовандер, блин! – процедил сквозь зубы Саша, озираясь по сторонам.

– А?! – крикнул Вова.

Саша поднял ранец Вовы и понёс его в сторону бетонного забора. Он увидел дыру в его основании и кучу мусора вперемешку с прошлогодней ломаной крапивой.

– Ну так что насчёт моего вопроса, Саня? – продолжал кричать Вова откуда-то из внутренностей заброшенной типографии.

– Да достали твои вопросы, – пробурчал под нос Саша.

Саше пришлось сесть на корточки и аккуратно шаг за шагом протискиваться через неудобный лаз. Дёргая плечом, он задевал пачкающий куртку бетон и продолжал держать перед собой ранец товарища, чтобы не запачкать и его. Саша оказался за забором и готов был встать, как дёрнул правой ногой и скользнул по жидкой грязи. Он потерял равновесие и угодил коленом прямо в кучу битого стекла под окном.

– Ай! – крикнул Саша, обнимая ранец товарища на земле.

– Чего там? Забрался? – спрашивал Вова.

– Да я ногу поранил.

– Ха-ха! Растяпа, – высунулся из окна Вова, демонстрируя в руках пластиковую бутылку с водой.

Вова перелез через подоконник и спрыгнул к лежащему на земле Саше.

– Давай мне его, – накинул на одно плечо ранец Вова и направился обратно к окну, – пойдём что покажу, там крутямба такая.

– Блин, Вован, я штаны порвал! Мамка убьёт же, ну, да и колено болит сильно.

– Ну, в следующий раз аккуратнее будешь, – ответил Вова, взбираясь на подоконник.

Саша, сидя на земле, немного попыхтел от досады, дёрнул дважды правым плечом и, смахивая грязь с колена, обнаружил на нём следы крови.

– Больно-то как... Вова, мне домой надо!

– Да погоди ты немного, иди сюда, потом пойдём, – доносился из окна голос Вовы.

Саша стал аккуратно приподниматься. «Ай!» – вскрикнул он, встав на правую ногу. Хромая, с тяжёлым ранцем за спиной, подошёл он ближе к окну.

– Да ты внутрь зайди, так не увидишь!

– Да я не поднимусь, колено... а дверь-то тут где?

– Вон, – махнул Вова рукой в сторону высокого борщевика.

Саша скинул ранец и перекинул его внутрь здания, на руках он приподнялся на подоконник и перебросил себя вслед за рюкзаком. «Ай! Колено», – нелепо опершись на груды кирпичей, воскликнул Саша. Он дёрнул левой ногой и задел стеклянную зелёную бутылку, которая закрутилась на бетонном полу, издавая свистящие звуки. Повсюду лежало битое стекло, пустые пачки от чипсов, ворохи старых газет и колотый кирпич. От пыли засвербело в носу. В кровле зияли дыры, отчего внутри здания было светло, как на улице.

– Во, смотри! – указывал Вова рукой на стену.

На всю стену красовалось яркое граффити в виде толстых червяков с руками, в которых держали они маленьких человечков безо рта, но с одним глазом.

– Ну круто же? – воодушевлённо спрашивал Вова.

– Ага, – безучастно отвечал Саша.

– А что бы ты выбрал, Саня, быть толстым червяком или безвольным дураком?

– Второе... Апчхи! Ух, ну и пылиога.

– Будь здоров! – раздался голос со стороны окна.

– А?! – в один голос воскликнули Саша и Вова.

С подоконника внутрь здания спрыгнул мужчина в грязной серой куртке. Медленно, с хитрой улыбкой подходил он к школьникам.

– Ну чё, парни, делаете?

– Да ни-ч-че, – дрожащим голосом ответил Саша и три раза дёрнул плечом, – гра-ф-фити смотрим.

– А я вот тоже посмотреть зашёл, – говорил мужчина, глядя на красочную стену, – на телефоны ваши да на деньги.

Саша забегал глазами, дыхание его сбилось, Вова стоял уверенно, твёрдо глядя в глаза мужчине.

– Ну че глаза таращим, счастьё своему не верим? Давай-давай, достаём чего есть.

– А у нас ничего нет! – с вызовом воскликнул Вова.

– Ха, – усмехнулся мужчина и поднял с пола бутылку, – мне-то не затирай, давай подобру, – он со всей силы метнул бутылку в нарисованного толстого червяка. Стены вздрогнули.

– Да есть-есть, да, – обомлев произнёс Саша, – давай, Вован, отдадим, ну ты чего, – обратился он к Вова так, чтобы мужчина слышал.

Дрожащей рукой Саша достал из кармана брюк свой телефон и протянул грабителю.

– Деньги давай тоже, чё, родители не дают, что ли?

– Дают-дают, – Саша шарил по карманам, напроць забыв, куда обычно кладёт деньги, которые даёт ему утром мама, он дёргал то плечом, то ногой, что усложняло поиски. Спустя полминуты он вытащил из куртки двести рублей и мелочь и протянул их мужчине. Вова продолжал стоять неподвижно.

– А ты чё выберешь? – обратился к нему мужчина. – Счастливую жизнь или... – он достал нож из внутреннего кармана куртки.

Вова цокнул языком, презрительно взглянул на своего друга и повторил те же действия, что и Саша.

– Вот, молодцы, – сказал мужчина, распахивая добычу по карманам, – слышь, чё ты дёргаешься? – обратился он к Саше.

– Б-болезнь у меня...

– Б-болезнь у него, лечиться надо!

– Вот урод... – сплюнул Вова.

– Че сказал?!

– Вован, ну, спокойно... – пытался уговорить друга Саша.

– Вот-вот, дружка-то своего послушай, пацан. Повезло вам, настроение у меня хорошее. Я ща уйду, но... – он нагнулся и поднял пластиковую бутылку с водой, – вы выйдете отсюда, – он указал пальцем на Сашу, – когда у тебя штаны высохнут.

– Что? – Саша сделал шаг назад и скорчился от боли в колене.

Мужчина подошёл к Саше, открутил крышку на бутылке и вылил воду ему на брюки. Откинул колбу в сторону и со смехом сказал: «Давайте, пацаны, удачи!»

Он ушёл так же, как и пришёл. А друзья стояли на месте, даже не глядя друг на друга.

Спустя минуту Вова молча направился к окну и ловко перемахнул на улицу.

– Вован, погоди! – крикнул Саша и дёрнул правой ногой, присев от боли в колене.

Саше пришлось сквозь боль поспевать за другом. Вова стоял напротив мусорного бака, когда Саша неуклюже протискивался через пролом в заборе.

– Вован, ну, погоди.

Саша, запыхавшись, дохромал до Вовы. Вова отряхивал одежду и не глядел на Сашу.

– Вован, ну ты чего?

– Я чего? У меня только что телефон отобрали, – бросил Вова.

– Так у меня тоже, Вован.

– Так из-за тебя и отобрали. Так тебе и надо.

Саша не знал, что ответить, Вова пошёл в сторону короткого пути к дому.

Минуты три друзья молчали, Саша уже приловчился волочить за собой правую ногу так, чтобы поспевать за шагом Вовы. Вова шёл, сунув руки в карманы, и пинал перед собой кусочек красного кирпича.

– Вован, я пижаму выберу, – с бессмысленной улыбкой на лице сказал Саша.

– Чего? Какую пижаму?

– Ну, ты спрашивал... жить с бомжами или... – Саша подтянул лямку ранца и дёрнул левой ногой, – спать в пижаме, по правилам нельзя же не отвечать, а я тогда не ответил.

Вова молчал.

– Вован, может, не будем сворачивать? Мне здесь совсем дальше, я не дойду.

– Иди, мне-то чего?

– Вова, ну! – остановился Саша. – У него же нож был, ты что, не видел?

– Я видел, что ты отдал ему телефон и деньги до того, как он достал нож, – ответил Вова, продолжая идти и пинать кирпичик.

– А что я должен был делать? – говорил Саша всё громче, продолжая стоять и дёргать ногой.

– Всё из-за тебя, – еле слышал Саша отдаляющегося от него друга.

– Что из-за меня-то?! Мы оказались в заброске, потому что ты туда полез! – уже кричал Саша. – Мы и ходим тут только потому, что тебе здесь ближе!

Саша не слышал, что ответил Вова, а может быть, он вообще ничего не ответил. Вова стоял и пытался прицелиться кусочком кирпича в открытый люк канализации недалеко от дороги.

Саша резким движением скинул ранец на землю.

– Да ты достал меня уже!

Вова развернулся.

– Что ты сказал?

– Да то! Ты со мной и дружишь только потому, что у меня компьютер есть! – кричал Саша.

– А с тобой что, много кто в классе общается, дёрганный? Голос прорезался?

Возникла тишина, Саша тяжело и часто дышал. Вова говорил громко.

– Короче, либо идёшь со мной дальше по этой дороге, либо сворачиваешь на свою, и только порознь. Выбери! – развернулся Вова спиной к Саше.

– Вован, да я же не это имел в виду... ай! – замылся Саша и дважды дёрнул больной ногой. – Я же...

– Выбери! – гаркнул Вова и ударил по кирпичику со всей силы. Тот угодил точно в открытый люк, раздался глухой удар.

Послышался слабый стон. Друзья прислушались, стон повторился с усиливающимся эхом.

– Это оттуда! – указал рукой на люк Саша и похромал в его сторону.

Вова и Саша аккуратно заглянули в открытый люк.

– Ах! – вздрогнул Саша.

Мужчина в серой куртке лежал на спине на дне колодца, прислонившись головой к стене. Он едва шевелился и постоянно стонал.

– Вы живы?! – крикнул Саша и дёрнул плечом.

– Кто-то... есть? – выдыхал он слова. – помогите... позвоните в...

– Ты у нас телефоны отобрал, вот и звони сам!

– Вова! Прекрати!

– Пацаны, это вы?.. Помогите, – приоткрыл глаза мужчина и понемногу стал приходить в себя, – здесь не ловит... простите вы меня.

– Мы найдём кого-нибудь! – кричал Саша, – погодите немного!

Саша смотрел по сторонам и никого не видел, а Вова, казалось, и не собирался двигаться с места.

– Вова! Надо найти кого-нибудь! Я не могу с больной ногой...

– Так ему и надо... – ответил Вова спокойным голосом, – а ты если хочешь, то спасай, ищи кого-нибудь, только телефон мне завтра в школу принеси, понял?

На этих словах Вова развернулся и пошёл дальше по улице. Саша не проронил ни слова. Он метался из стороны в сторону, насколько позволяла больная нога, и понял вскоре, что не сумеет быстро найти подмогу.

– Вы тут? – прозвучал голос мужчины.

Саша лёг на живот и подполз по сырой земле ближе к люку, чтобы лучше слышать мужчину.

– Только я, – ответил Саша, – простите, я не могу найти никого.

У Саши наворачивались слёзы. Мужчина кряхтел и пытался пошевелиться, но у него ничего не получалось.

Саша аккуратно встал, утёр слёзы, прихрамывая, обошёл люк и поставил здоровую ногу на ржавую кривую ступеньку. Он в последний раз обернулся, посмотрев по сторонам, и понял, что никого поблизости нет.

– Дружище, спасибо тебе... век не забуду, – доносился слабый голос мужчины со дна колодца.

Саша ухватился руками за поручни лестницы и сосредоточенно переставлял ноги со ступеньки на ступеньку. Худая лестница отвечала скрипом на каждое движение Саши.

– Прости меня... за штаны, за всё прости...

Саша старался не слушать мужчину и держал во внимании только ступеньки. Руки тряслись, дважды дёргал он плечом, останавливался и снова переставлял ноги сквозь боль. Саша добрался до самого дна, взглянул наверх, и сердце его сжалось. Снизу сырость и холод пробирались под куртку, отчего Саша дрожал ещё сильнее. Мужчина лежал под ногами, и от него веяло пугающим холодом.

– Дружище, как тебя зовут? – простонал мужчина. Голос отдавался эхом.

– Саша, – ответил Саша и присел на пол колодца, приклонясь спиной к холодной стене. В полумраке он разглядывал мужчину со сковывающим любопытством.

– А, да, точно, Саша... А я Дима, ох... – он попытался пошевелить левой ногой, но ему это не удалось.

Саша впервые взглянул Дмитрию в лицо и увидел не грабителя и не бандита, а обычного человека. Дмитрий не открывал глаза и на лице его читалось мрачное спокойствие. Саша вздрогнул, вспомнив, что такое же спокойствие уже видел он однажды на лице своей покойной бабушки. Но врывающиеся в реальность стоны Дмитрия напоминали, что этот человек принадлежит тому же миру, что и Саша.

– Ты настоящий мужик, Саша. Телефоны ваши у меня... в кармане вон, слева, – слегка мотнул он головой, – а мой где-то справа лежит, я пытался...

Саша привстал, дёрнул плечом и приблизился к Дмитрию. Он видел, как неровными толчками вздымается его грудь: Дмитрий, казалось, дышал всё тяжелее и отрывистей. Саша набрал воздух и залез рукой во внутренний карман его куртки, нащупал рукоять ножа и выдернул руку, словно обжёгся, сунул её обратно и тут же нашёл телефоны.

– Не воруи люк от колодца – сам в него упадёшь, – пытался пошутить Дмитрий. – Честное слово, Саша, не хотел я быть таким, не хотел. Жизнь заставила.

– А чем же заставила?

– всю жизнь один я... ни отца, ни матери. Тяжело это, Сашка, ой, как тяжело. Падал и падал всю жизнь, пока вот... – он обвёл взглядом стены колодца, – совсем не упал.

– А дальше что? Честной жизнью жить будете? – склонившись над Дмитрием спрашивал Саша.

– Честное слово, Саша, я уже ею живу, открылось, дал бог, – Дмитрий тяжело дышал, по уставшему лицу его покатались слёзы, – чист я перед ним теперь. Как только всё кончится, в церковь пойду, Саша, обязательно пойду, – Дмитрий взглянул на Сашу сквозь слёзы, – за тебя молиться буду и за жизнь чистую.

– Ладно, потерпите, – проглотил Саша ком в горле, – мне наверх теперь.

Саша вновь взглянул туда, откуда бил притягивающий и такой безопасный дневной свет. «Смогу ли? – взглянул Саша на Дмитрия ещё раз и решил: – Смогу».

Он положил телефоны в карман куртки и на руках подтянулся на первую ступеньку. Так же сосредоточенно он стал переставлять ноги. Путь наверх оказался тяжёл для его больного колена, и оно его предательски подвело. Нога соскочила, Саша схватился руками за ржавую ступеньку, но та не выдержала столь резкой нагрузки и переломилась, сбросив Сашу обратно на дно. Саша ударился затылком о стену колодца и потерял сознание.

– Саня! Саня! – смутно звучало в темноте.

Саша чувствовал, что он на чём-то лежит, но не может пошевелиться. Всё тело наполнилось тяжестью, голова не поднималась, мысли перекачивались, как чугунные ядра. Саша насилу смог приоткрыть глаза, но ничего не разбирал.

– Саня! Живой, ну?!

– Во... ван, ты? – простонал Саша.

– Ну! Я до дома дошёл и... – запыхавшись объяснял Вова. Саша не успевал понимать слова друга, слыша лишь обрывки фраз где-то вдалеке, – я ж так и думал, что... а как рюкзак твой... то сразу всё...

Саше удалось открыть глаза, он видел расплывчатое облако вместо Вовы, вокруг мельтешили чьи-то силуэты, всё переливалось сказочными яркими цветами и звуками внутри и снаружи.

– Саша, привет! – коротко и чётко прозвучал голос Дмитрия в пространстве или в голове Саши и навсегда растворился в вечности.

- Дмитрий? – едва произнёс Саша.
 – Какой Дмитрий? Мужик, что ли, тот?
 – Ну...
 – Жить будет... – Саша едва разобрал обрывки фраз, – повезло тебе, он успел рукой... иначе бы тебя не... прости меня... Обещаю, что...
 – Ага...
 – Сань, – бодрим голосом произнёс Вова, – а что бы ты выбрал...
 – Стой. Вова, хватит... – прервал его Саша и устало прикрыл глаза, – выбрал я уже. А телефон в куртке у меня, возьми...

Вова потянулся к Саше и сжал его руку. Он попытался что-то сказать, но не смог, слова застряли в горле. Друзья замолчали. Каждый думал о своём.

Елена ДАНЧЕНКО

Зейст, Нидерланды

ДВА ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЯ

Сидя на полу, Нина смотрела на разбитое стекло окошка-иллюминатора стиральной машины и не понимала, как это случилось. В правой руке она сжимала горлышко неоткупоренной бутылки шампанского...

Нина родилась в конце мая, и отец в этот день всегда цитировал Гоголя: «Майский день, именины сердца!» – и подбрасывал дочку к потолку. Нина, которую родители называли Наиной, терпеть не могла свое полное имя, но обожала свой день. Всю жизнь долго готовилась к празднику каждый год и смаковала его, как вкусный вишневый ликер из дорогого хрустального лафитника. Она любила цифру дня своего появления на свет – двадцать второго мая. Две двойки появлялись-приплывали на листке отрывного календаря, висевшего на родительской кухне, как два черных лебедя, горделиво изогнувших шеи в предвкушении праздника.

В Костроме, откуда Нина была родом, погода в конце мая чаще баловала, чем удручала. Деревья уже покрывались крепкими ярко-зелеными листочками и, наливаясь соками, пахли свежим клеем, весенним дождем и ещё чем-то горько-сладким, напоминавшим мамины духи. Нина учуивала еле слышный, но знакомый запах, потому что любила дома подходить к трюмо и нюхать изящный флакон с притертой граненой остроконечной стеклянной пробкой. На улице буянила весна. Молодой ковер травы на

городских лужайках приглашал разуться и пробежаться по нему. Вишневые деревья еще цвели, и в воздухе вились бело-розовые конфетти, щекотавшие щеки маленькой Нины при дуновениях ветра, и расцветали яблони и груши, как в песне про «Катюшу». Вокруг Нины вились шмели и пчелы, не понимая, девочка она или цветок, и она убегала от назойливых насекомых. Хорошо было на улице в конце мая!

Ну а дома в ее день рождения было просто замечательно! За неделю до торжества папа натирал полы мастикой, и полы начинали блестеть сливочным маслом. Папа тер и тер полы куском шерстяной тряпки, бывшей бабушкиной кофты, а дочке выдавалась небольшая тряпица, выкроенная из этой же кофты, и Нина, ползая на коленках по полу в толстых штанах с начесом, тоже втирала мастичную мазь в паркет. А накануне их маленькая хрущёвка со смежными комнатами превращалась в зал для приема гостей: из большой комнаты, куда выходила кухонная дверь, а вместе с ней и вкусные запахи сладкой, мясной и всякой иной разнообразной выпечки, выносилась бабушкина кровать. Ее разбирали и ставили на попу в Нининой комнате, туда же помещали матрас и сложенные постельные принадлежности. Обеденный стол раскладывался, вольно располагаясь на освобождённых метрах во всю свою длину и ширину. К столу придвигали стулья и табуретки, а если посадочных мест на хватало, табуретки одалживались у соседей. Стол покрывался белой, подсинённой и накрахмаленной скатертью со сквозной вышивкой на углах, которую бабушка называла иностранным словом «ришелье», так похожем на слово курабье. А курабье Нина любила.

Мама и бабушка с вечера накануне праздника колдовали на кухне: ошипывали кур, опаливали на огне свиные ножки, варили холодец, месили дрожжевое тесто, которое потом ночевало в холодильнике, делали разные начинки к пирогам. Нина вертелась рядом, суя нос во все кастрюли, живо интересуясь процессами. Мама и бабушка делились опытом, рассказывали, как и что готовится, показывали, как надо варить прозрачный бульон-консоме (еще одно волшебное слово, такое же, как ришелье и курабье!), ме-

сить тесто, резать овощи для начинок и салатов, молоть мясо ручной мясорубкой, которая теперь встречается разве что в этнографических музеях в качестве советского антиквариата.

Вкусный запах испеченных пирогов служил сигналом к сервировке стола, и все семейство дружно извлекало из распахнутых дверей серванта и ставило на стол тарелки из сервиза, бокалы для вина – для взрослых и стаканы газировки – для детей. Мельхиоровые ложки и вилки весело клацали – «дзин-дзинь-дон!», как бы сообщая: «скука – вон, гости – в дом!» Между пятью и шестью часами гости начинали звонить в дверь. Сияя улыбкой, мама бежала открывать, потом были поцелуи, объятия, цветы, которые некогда было освободить от целлофана, и они шлёпались в вазы такими, какими их приносили – в прозрачных скрипучих обертках, перевитых серпантинами разноцветных узких ленточек. Приходила тетя Таня с Сережкой и Светкой – двоюродными братом и сестрой Нины, мамина подруга – тетя Мила с дочкой Лилей, друг отца – дядя Аркадий со своим противным сыночком Даником. Толстый Даник на вопрос «Что тебе положить?» отвечал: «Всё!», а именинный торт лопал двумя ложками одновременно, размазывая крем по физиономии.

Естественно, гости приносили подарки, и это вызывало у именинницы восторг. Подарки разворачивались, мама и бабушка ахали и восторгались, а Ниночка благодарила волхвов и ставила подарки на журнальный столик. Когда она пошла в школу, то начала приглашать к застолью школьных подруг. А когда начала учиться на педагогическом факультете местного университета, то – студенческих.

Детские и юношеские дни рождения остались в прошлом, там, где осталась и сама Кострома, и Волга, и белые-белые стены прибрежного Ипатьевского монастыря, волшебно мерцающие в дымке весенних вечеров, когда от воды понимался пар. В прошлом растворились и два Нининых мужа, каждый из которых оставил ей по сыну, забыв уплывать алименты. Во время перестройки, когда работа школьной учительницы никак не могла прокормить семью из трех человек, Нина окончила курсы косметологов

и начала зарабатывать мало-мальски приличные деньги, которых хватало на оплату коммуналки и продукты.

Уже шесть лет Наина жила в Испании, приехав за тысячу вёрст от родного города по приглашению двоюродного брата. Не обременённый собственной, брат перевез в Испанию всю их семью, решив таким образом позаботиться о единственной тетушке и ее отпрысках, не очень подумав о последствиях. Брат отправился в далекую Альмерию, где работал по контракту. А когда контракт истек, братец благополучно вернулся в Кострому. А семья Нины осталась: Нина, ее пожилая мама и двое несовершеннолетних сыновей. Остались нелегально. По испанским законам, даже дети нелегалов имеют право ходить в школу. Квартиру всегда можно снять у русских эмигрантов. Все семейство поселилось в Рокетас-де-Мар, приморском городке, где осело много наших соотечественников.

Надежда получить документ с правом на работу оказалась призрачной, но Нина не растерялась. Она открыла нелегальный кабинет косметологии в снятой квартире, выделив под кабинет комнату. С оборудованием ей помог тогда еще не уехавший из Испании брат, одолжив денег на массажный стол с подголовником, лампу-лупу и на всякие приборы для велнес-индустрии. Сарафанное радио исправно работало, и клиентки находились; в основном русскоязычные, хотя иногда за красотой приходили испанки и англичанки – Нина была хорошим мастером и дело свое знала. А испанский язык она неплохо освоила между делом.

А еще Нина умела танцевать и – преотлично! Она танцевала все: классику, латиноамериканские танцы, всякие там самбы, румбы и пасодобли – всему этому она научилась еще в юности, спасибо костромской танцевальной школе.

Но самое главное – Нина была сексапильной, и знала это. Маленькая, прекрасно сложенная блондинка с широко расставленными карими глазами, коротким носиком, пухлыми губами и точеными ногами, она сражала мужчин наповал. Такая вся из себя типичная Мэрилин Монро. А если еще пухлые губы накрасить красной помадой, а

ножки обуть в туфли на шпильках да надеть обтягивающее маленькое черное платье – то оглушительный успех на танцах обеспечен! На танцах Нина вызывала фурор, и найти мужчину ей не составляло труда. Она не спешила, мужчин перебирала, искала потенциального жениха. А пока что ее катали на шикарных машинах ухажеры разных национальностей, поднося красотке цветы и помогая деньгами нелегальному русскому семейству, осевшему в Испании.

Так продолжалось, пока Нина не встретила Герберта. Родом он был из Англии, а конкретно из Уэльса, поэтому любил говорить, что он не англичанин, а валлиец. Обходительный голубоглазый блондин с открытым лицом обаял Нину настолько, что она незаметно для себя влюбилась. К тому же Герберт оказался богат: деньги на удовольствия тратил легко, парочка переходили из ресторана в ресторан, с танцев на концерты. Мужчина оплачивал Нинины наряды, туфельки, сумочки, косметику, украшения. Потом начались путешествия по Европе. Герберт показал Нине Италию, Францию, Португалию. Герберт сделал карьеру, когда еще жил в Англии. Построил успешный бизнес по найму людей, хорошо себя зарекомендовал на рынке подобных услуг и разбогател на рекрутстве. Рано вышел на пенсию и возжелал жить на юге Европы, греться на солнышке. Так немалый английский анклав в Альмерии пополнился еще одним британским «понаехавшим».

Первое время Нина понятия не имела о брачном статусе Герберта. В начале знакомства он сказал, что живет один, а в его просторной мохакарской квартире присутствия женщины не наблюдалось. Несмотря на свои сорок с немалым хвостиком, наличие двух детей и неустроенного в Испании семейства, Нина бросилась в новую любовь, не просчитывая возможных ситуаций и последствий. Яркие отношения не удалось скрыть от окружающих, к тому же Герберт оказался востребованным музыкантом-любителем. Он играл на соло-гитаре в местной рок-группе вместе с англичанами и испанцами, был известен во многих кафе и ресторанах, где жители Туманного Альбиона так любят проводить свободное время, которого у них в Испании оказалось навалом. Лишь единицы из островного северного

племени трудятся, в основном же в диаспоре живут молодые и не очень пенсионеры. Сидят в кафе, пьют виски и вина, обедают в ресторанах, болтают ни о чем, сплетничают... Иногда играют в гольф. Альмерия вся покрыта если не овощными полями, то площадками для гольфа – специально для англичан. Исконно-посконная шотландская игра чрезвычайно распространена в Англии, но там она обходится дорого, а здесь, в Альмерии, гораздо дешевле, что побуждает понаехавший средний британский класс заняться ею вплотную и чувствовать себя при этом приобретенными к высшему буржуйскому сословию.

Но речь не о гольфе, а о Наине. В общем, кто-то очень добрый позвонил в Англию и сообщил официальной супруге Герберта о том, что ее муженек увлекся не на шутку какой-то русской. Супружница купила билет в Альмерию. Вот так – при явлении ее в квартиру – Геберта Нина узнала, что ее любимый, оказывается, женат. Обнаружив в квартире мужа чужую женщину, англичанка закатила скандал, за которым последовала сцена из российской деревенской глубинки. Супружница набросилась на Нину, расцарапывая ей лицо крепким гелевым маникюром. Нина оказалась не так-то проста: обладая по роду профессии сильными пальцами, она вонзила пятерню в волосы соперницы, низко нагнув ее голову, обезвредив тем самым наманикюренные когти. Англичанка взвыла...

Герберта в квартире не было, и бабью корриду предотвратить не мог. Как не смог предотвратить настоящего английского развода, который обрушился на него, как буйный зимний альмерийский ливень. Это когда небеса чернеют, из туч сыпятся молнии, а на землю падает стена воды и невозможно выйти на улицу сухим... Бывшая жена затребовала по суду все, что могла: дорогой дом в Англии, деньги на студенческую жизнь двух подросших детей и алименты для себя. Стиснув зубы, Герберт отдал ей почти все, что она просила, чтобы не мучиться и не летать в Англию на судебные тяжбы, грозившие затянуться на годы.

Оказавшись в статусе свободного мужчины, Герберт жениться не спешил – шрамы от потери заработанных им денег в пользу бывшей супруги еще не зажили.

А Нина его не торопила, потому что была между ними любовь, а может, и не любовь даже, а дикое первобытное желание, сжигавшее обоих по ночам, и ничто-ничто не мешало больше их безоблачному счастью.

В 2020 году в Европу пришел ковид. В Испании три месяца подряд было запрещено ходить по улицам, а выходы разрешались только в аптеку, к врачу и за продуктами в магазин. Школьники учились онлайн, дети не ходили в сады, конторы закрывались одна за другой. Ковид не затронул только полевых рабочих, предприятия пищевой промышленности, продуктовые магазины и универсамы да уборщиков мусора. По улицам шныряла полиция и проверяла документы. Машины, в которых сидели хотя бы два человека, останавливались и проверялись. По новому закону в машине могли сидеть только родственники, если же находили посторонних, то выписывали штраф. Невозможно было выйти даже на пляж – людей ловили и тоже штрафовали на ощутимые суммы.

По закону Нина была посторонней. Сидеть без конца в мохакарской небольшой квартире, без работы, то есть Нининых клиенток, без развлечений и поездок было тоскливо. Герберт решил купить дом на природе, благо деньги после развода у него еще оставались, и немалые. Таковой дом нашелся в десяти километрах от деревни Лос-Гальярдос, в горах. Шикарная дорогая вилла, окруженная террасами с оливковыми и фруктовыми деревьями. Никаких улиц. Никаких соседей, заглядывающих в окна. На соседних террасах, выше и ниже, соседи имелись, но их дома, так же как и вилла, которую купил Герберт, стояли на очень большом расстоянии друг от друга и были окружены высокими заборами. Сам дом оказался хорошо отделан в испанском стиле: просторная гостиная на первом этаже с окнами до пола и высоченным потолком, спальни внизу, там где прохладнее, несколько террас с великолепными видами на окрестные поля. Во дворе имелся бассейн с системой очистки воды, беседка во дворе, в общем, жильё из западных фильмов про богатых.

Герберт оформил своей русской нелегальной подруге документы. Ну, не совсем то, что ей хотелось бы, –

он сделал ей временный вид на жительство через партнерские отношения. Такой документ надо продлевать раз в год, и право на ПМЖ он не дает. Путь же к заветному у ПМЖ лежал только через брак, чего Герберт всячески избегал.

Нина старалась об этом не думать. Купив дом, они начали гулять в окрестных полях, и никакая гуардия сивил их не штрафовала – зачем им забираться в горы, где почти никто не живет, когда нарушителей хватает в окрестных деревнях и городках и где можно собрать ощутимый урожай из евро?

Нина захотела взять в дом собак для охраны – Герберт и тут пошел ей навстречу, согласился на двух щенков из приюта: один был выбракованный испанский мастиф светло-коричневого окраса, кобель, а другая – беляночка женского пола: и не мастиф даже, а помесь мастифа с непонятно кем.

Два ковидных года пара жила на природе безмятежно, как в раю: Герберт учил родной валлийский язык, Нина пекла хлеб и пироги. Они подолгу, часами гуляли с собаками, которые быстро вымахали в огромных псов. Их поселили на закрытой террасе, положив им под навесом два матраса. Собачью мочу смывали шлангом – на террасе был канализационный люк, а гадили собаки вне дома. Нина их приучила.

Наконец наступил год, когда люди совершенно забыли о ковиде, как будто его и не было. Забыли о вымерших, как после атомного взрыва, городах, закрытых ресторанах и барах и наглухо закрытых пляжах. Забыли о хождении по улицам исключительно в масках и о единственно возможных путешествиях в те поры – экспедициях по выносу мусора и дальних рейсов за продуктами в магазин или за лекарствами в аптеку. Забыли очереди у супермаркетов, когда людей пускали внутрь небольшими группами, а заразиться в очереди на вход было гораздо проще, чем в магазине. К хорошему привыкаешь быстро, и все быстро привыкли к заработавшим барам и ресторанам, открытым театрам и кинотеатрам, к хождению в гости и приёму гостей, свободным перемещениям по стране и миру.

И вот однажды по весне на Нинин ватсап написала подруга из Риги. Когда-то они обе учились на курсах косметологов. Потом Нина уехала в Испанию, а Ленка вышла замуж и переехала к мужу в Ригу. Недавно развелась. Нину она нашла через фейсбук пару лет назад, еще до ковида, но тогда приехать погостить не могла. А в этом году изъявила желание приехать на ее день рождения.

Ради Ленки Нина отменила прием гостей, вернее, не отменила, а перенесла на неделю позже.

Наступил долгожданный день, в который торжественно приплывают два майских лебедя, и хотя все отрывные календари остались в прошлом, Нина их видела перед собой, стоило ей закрыть глаза. Она видела и две двойки с лебедиными шеями, и весеннюю Кострому, и маму с папой, и бабушку, научившую внучку готовить и печь пироги и торты. И в этот раз Нина испекла пирог с капустой и торт «Наполеон» для дорогой гостьи. Подруга приехала за день до события. Выспавшись, а затем окупавшись в бассейн, она сидела в беседке и щебетала с Гербертом, держа в руке бокал с сухим мартини. Пару раз Нина попросила ее помочь накрыть стол, но Ленка даже не пошевелилась. Даже оливки не шевельнулись в ее бокале с вермутом, а кубик льда не клацнул о стенку бокала. Нине стало все понятно, и приглядываться не пришлось. Лена кадрила ее мужчину. Нагло, бессовестно изогнувшись всем телом и строя глазки. Повлажневшие глаза подруги светились призывным сучьим огнем, а Герберт улыбался ей в ответ. У Нины потемнело в глазах. Взяв себя в руки, он подошла к подруге вплотную, посмотрела ей в глаза и сказала с расстановкой:

– Лена, я прошу тебя помочь мне на кухне. Срочно.

Подруга нехотя встала и пошла за Ниной.

На кухне Нина четко сказала:

– Слушай, Лена, Герберт – мой мужчина, и не советую тебе его кадрить.

– Но ты сказала мне, что вы не женаты. Значит, он свободен. И ты меня не предупредила, что кадрить его нельзя.

От Ленкиной наглости у Нины перехватило дыхание.

– А мне даже в голову не пришло, что ты не знаешь элементарного: чужого не берут, а чужого мужчину не кадрят! – зашипела Нина, с трудом подавив желание заорать. – У меня документы на жительство закачиваются, Герберту их оформлять скоро. А ты его кадришь прямо у меня на глазах?!

– А что тут такого? – Ленка была уже в подпитии и весело рассмеялась Нине в лицо. – Или ты считаешь, что вся эта роскошь предназначена только тебе? А мне, представь себе, она тоже нравится!

Нина не выдержала. На столе в кухне стояла бутылка шампанского. Схватив ее за горлышко, как гранату, она пошла на подругу. Подруга схватила нож со столешницы. Нина размахнулась, но бутылка выскользнула из пальцев и попала прямо в стекло стиральной машины. То, что было иллюминатором, разбилось и шумно выпало на кафельный пол. Шампанская граната взорвалась. Сама Нина, поскользнувшись на шпильках на вытекшем шампанском, рухнула на пол рядом с осколками. Пара осколков впились ей острыми краями в бедро и в локоть. На шум прибежал Герберт и увидел двух растрепанных баб, одна из которых сидела на осколках толстого стекла, а другая, плача, держала нож в руке. После непродолжительной немой сцены Нина увидела бледное лицо Герберта и услышала, как его губы повторяют беспомощную фразу: «Надо все проблемы решать цивилизованно».

День рождения был испорчен вконец. Подруга, схватив нож, убежала вниз, в гостевую спальню и закрылась изнутри. На все призывы выйти из комнаты и отдать оружие, она отвечала, что боится, что Нина и Герберт ее убьют.

Нина с Гербертом решили, что завтра Нина увезет подругу в мохакарскую квартиру и оттуда отправит ее через несколько дней автобусом в Аликанте, откуда у той был рейс в Ригу. Видеть двух русских сумасшедших в своём доме одновременно благоразумный валлиец на захотел.

Андрей ПУЧКОВ

Сосновоборск, Красноярский край

РАНЕТКИ

Заезжать в поселок я не стал, свернул с дороги и, остановившись возле небольшого пустыря, сплошь заросшего крапивой и кустами, заглушил двигатель. Вышел и, осмотревшись, втянул носом воздух. Почему-то на пустырях, несмотря на обилие травы, всегда пахнет пылью. Заметив в высокой траве большой булыжник с плоской, будто специально стесанной вершиной, сел на него, через джинсы чувствуя накопленное камнем за день тепло.

Поселок разросся и изменился до неузнаваемости. Появились новые улицы, на которых величаво выстроились современные коттеджи. Они с барской ленцой поглядывали пластиковыми окнами на невзрачные, покосившиеся от старости домишки, доживавшие по соседству с ними свой век.

Это и неудивительно, сорок лет я здесь не был. Сорок! Большой срок для человека. Половина жизни прошла! За это время успел много где побывать, повидал немало. Детей вырастил...

Как дело к «занавесу» пошло, все чаще стал вспоминать места, где вырос и провел самое прекрасное время в жизни. Вот и сподобился, разобравшись с делами да лень поборов!

Уже по дороге сюда знал, что остановлюсь в этом месте... Именно здесь в детстве я испытал сильнейшее потрясение, запомнившееся на всю жизнь. Здесь, на пустыре, когда-то стоял большой дом, во дворе которого, как мне казалось, я мог с этой жизнью распрощаться.

Я сидел на камне, как и много лет назад, смотрел на пустырь и думал: «Наверное, это и к лучшему, что дом разобрали. Стоял бы он сейчас в одиночестве, с выбитыми стеклами да провалившейся крышей, и медленно умирал, сетуя на то, что не может быстро уйти вслед за своими коротко живущими хозяевами».

Сидеть на теплом камне было приятно и, как ни странно, удобно. Улыбнулся и, прикрыв глаза, прислушался к ошалелому звону кузнечиков, заполнившему все вокруг.

«Что делать?» Казалось, этот вопрос плавал в воздухе, безрезультатно стучаясь о наши головы. Почему безрезультатно? Потому что осенним вечером, когда уже стемнело, группе десятилетних пацанов действительно нечем было заняться. Мы сидели в беседке во дворе нашего дома и не знали, чем загрузить свои деятельные натуры.

– Может, на школьный стадион пойдём, мяч попинаем? – предложил Мишка, живущий в соседнем доме. – Мне как раз папка новый мяч купил, только подкачать надо.

– Да не, Миха!.. Как раз сегодня и не получится! – вздохнул я. – Брат сказал, что там свет не включили. Он недавно мимо проходил, видел.

– Тогда, может, на котлован? На плотках поплаваем...

Мы еще долго гадали и перебирали варианты, но ступавшиеся сумерки сводили на нет все наши умственные потуги. В потемках не больно-то разгуляешься.

Неизвестно, до чего бы мы все же додумались, если бы не Серега, который предложил «похорьковать».

– Да ну на фиг! Надоело уже! – забраковал идею Миха. – У всех огорода есть, чё не хватает-то?

– Ага!.. Ты бы, наверное, только за арбузами полез? Да? – не сдавался Серега. – Необязательно ведь огурцы да помидоры тырить!

– А что, это идея! – поддержал я приятеля. – Давайте за ранетками ходим. Давно уже собирались.

– Да не-е-е, – заупрямился Миха. – У Бабарихи они кислые, а к Семке Косому идти далеко, и ранетки у него тоже не очень-то вкусные. Только время потеряем.

– Да я не их имел в виду, – пожал я плечами. – Предлагаю к Угрюмому сходить. Сами ведь знаете, ранетки у него обалденные.

– Вы чего, с ума тут посходили?! – подошла к нам моя одноклассница Светка и, покрутив пальцем у виска, добавила, обращаясь ко мне: – А ты – в первую очередь!

Светка очень мне нравилась, но на меня она внимания не обращала. Когда я увидел её, то захотел произвести впечатление. И произвел! На свою голову...

Я уже заметил: как только она появлялась в поле моего зрения, мой мозг отключался и переставал нормально работать. Вот и сейчас я брякнул не подумав...

Залезть к Угрюмому было равносильно самоубийству! Это знали все. Старшие парни рассказывали, что у него в огороду трупы детей закопаны – тех, которые не сумели убежать, когда забирались к нему за ранетками. Это походило на правду. Угрюмый одевался во все тёмное и выглядел как убийца – высокий, худой и хромой. Вдобавок ко всему, лицо его пересекал шрам и казалось, что он всегда злобно усмехается. Его дом стоял на окраине поселка, и мы с пацанами, когда бегали на озёра, старались обходить его стороной.

– Ты точно сбрендил! – вытаращился на меня Серега и ехидно добавил: – Ну и кто же к нему в огород полезет? Кто у нас такой смелый? Уж не ты ли?

Вопрос правильный. Нечего исполнение своей идеи на других перекладывать.

– Мое предложение, мне и лезть, – как можно равнодушнее ответил я и покосился на Светку.

Она несколько секунд смотрела на меня, а потом решительно заявила:

– Тогда я иду с вами! Иначе обязательно куда-нибудь вляпаетесь!

Вот теперь точно всё! Отступать некуда. Уже, можно сказать, вляпался...

На улице стемнело окончательно, и можно уже было начинать операцию, но я всё стоял и стоял, прильнув глазом к щели в заборе, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в огороде Угрюмого.

– Ну что? Ты полезешь в конце концов или нет? Ждешь, что ли, когда рассветёт? – прошипел Миха и ткнул меня локтем в бок. – Сам вызвался, никто тебя за язык не тянул!

– Да ладно тебе, лезу уже, лезу!.. – прошептал я и посмотрел в сторону кустов, за которыми пряталась Светка.

Подпрыгнул, ухватился за верх забора, подтянулся и, помогая носками кед, влез на него. Прыгать в темноту не стал, рассудив, что под забором может быть что угодно. Нашупал ногой сначала верхнюю поперечную слегу, а потом, опустившись на руках, – нижнюю. Всё, на земле. Присел на корточки и, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце, прислушался.

Я знал, что огород у Угрюмого обширный, но сейчас темнота сожрала расстояние, и казалось, что стою я на небольшом пятачке, ограниченном с одной стороны забором, а с другой – темными громадами яблонь.

Вокруг тишина и спокойствие, никого. Я осторожно встал и, пригнувшись, подошел к ближайшему дереву. Еще раз осмотрелся и стал на ощупь разыскивать плоды. Срывал их трясущимися от страха руками и торопливо заталкивал за ворот футболки.

За спиной раздалось негромкое ворчание, и я замер с поднятой рукой, не решаясь пошевелиться, чувствуя, как от ужаса сковало тело и перехватило горло.

Медленно обернулся и увидел сидящую возле забора собаку. Что за собака, в темноте было не разглядеть, но видно, что большая. Я судорожно всхлипнул и, не делая резких движений, отступил от дерева. Даже такой бестолочи, как я, стало понятно: попался! От этой зверюги не убежишь и на забор залезть не успеешь. В подтверждение правильности моих рассуждений пёс зевнул, продемонстрировав блеснувшие в темноте здоровенные клыки.

Возле дома вспыхнул свет, осветив половину огорода, и раздался хриплый насмешливый голос:

– Что, Граф, никак гости к нам пожаловали?!

И следом послышались тяжелые шаркающие шаги, направлявшиеся в мою сторону. О бегстве не могло быть и речи: страх парализовал тело так, что я пошевелиться не мог. Когда шаги остановились возле меня и в лицо ударил свет фонаря, я зажмурился, с тоской осознавая, что мне никто не поможет.

– Не смейте его трогать! – вдруг раздался из-за забора взволнованный Светкин голос. – Нельзя убивать детей за ранетки!

– А ну брысь отседова! – рявкнул Угрюмый. – Сам решу, что с ним делать! Убивать аль нет...

Он с минуту рассматривал меня, освещая фонариком, а потом, усмехнувшись, сказал:

– Открывай глаза, герой! Да пошли на свет, неча тут в потёмках ковыряться.

Я открыл глаза и осмотрелся. Собаки не увидел. Ушла. Сейчас, наверное, где-то по огороду бегают.

– Топай давай! – подтолкнул меня в спину Угрюмый, и я, опустив голову, обречённо побрел в сторону дома по выложенной камнями дорожке.

Двор освещался несколькими лампочками. Угрюмый выключил фонарь, уселся на лавку у ворот и, обдав меня запахом перегара, спросил:

– Что, для неё, небось, старался-то?

– Для неё, – прошептал я, не решаясь поднять голову.

– Однако дела-а-а... – протянул он и вдруг сказал: – Садись-ка вона на булыгу, поговорим, а то я, знаешь ли, давненько с ребятней не общался.

Я оглянулся и, увидев приткнувшийся к забору большой, с ровной вершинкой камень, осторожно опустился на краешек.

Подождав, пока я устроюсь, Угрюмый грустно добавил:

– Дети выросли, разбегались, жену на погост свёз. Вот, брат, и получается, что один остался. А поговорить иной раз хочется...

Он помолчал, а потом спохватился:

– Только ты не подумай чего! Сыны у меня правильные выросли. Как погостить приезжают, так с собой зовут. Чего, говорят, тута одному прозябать...

Угрюмый помолчал, а потом тяжело вздохнул:

– А куда я отсель подамся-то? Старики тут лежат, Сонечка моя тоже здесь... Да и друзья фронтовые, с кем воевал, в землю уже укладываться начали. Куда ж я от них съеду?..

Я удивленно посмотрел на него. С ума сойти! У него, оказывается, семья есть! Жена... была... Дети взрослые... Он даже воевал! А как же я?! По идее, он меня уже должен где-нибудь под деревцем закапывать.

Он опять вздохнул и, словно извиняясь, сказал:

– Я тут принял на грудь трошки – день сегодня у меня особый, брат! Я, можно сказать, в этот день заново родился. –

Он недоуменно развел руками и, пожав плечами, добавил: – Пристрелить меня должен был немец, но почему-то не убил.

– Как не убил?! – ошарашенно прошептал я и даже привстал с камня, забыв, что недавно готовился распрощаться с жизнью. – Фашисты же всегда советских солдат убивали!

– Не всегда, выходит! – усмехнулся Угрюмый. – Я, как видишь, вот он, живой и здоровый.

– А как же так получилось? – уставился я на него, а потом с надеждой спросил: – Наверное, вы его первый успешно застрелить? Правда ведь?

Несмотря на то что я боялся Угрюмого, мне почему-то хотелось, чтобы он победил этого фашиста.

– Нет, неправда, – покачал головой Угрюмый. – Я в тот момент вообще ничего не смог бы сделать – осколками посеколо. Даже не был вооружен, от автомата только бесполезные куски остались.

– Тогда почему он вас...

– Наверное, потому, что он не был фашистом. Повезло мне, выходит...

– Но вы же сами сказали, что это немец!

– Да, сказал, – улыбнулся Угрюмый. – Но, как оказалось, не все немцы – фашисты.

Поднявшись с лавки, Угрюмый зашел в дом. Через пару минут вернулся с начатой бутылкой водки и стаканом. Сел и, посмотрев на меня с сожалением, сказал:

– Это не богоугодное дело, но люблю я выпить. Грешен!

Он налил полстакана и, резко выдохнув, опрокинул водку в рот. Посидел несколько секунд, прикрыв глаза, потом довольно крякнул и попросил:

– Дай-ка яблочко...

Я запустил руку за ворот футболки, подцепил несколько ранеток и протянул ему. Он взял одну, оторвал хвостик и, целиком засунув ранетку в рот, с хрустом начал жевать её вместе с косточками.

– Вот скажи, чего ты ждал, когда я к тебе подошёл? – вдруг спросил он и внимательно посмотрел на меня на удивление трезвыми глазами.

Я замялся. Неудобно было повторять за пацанами бред о том, что он детей тут убивает.

– Ну-у-у... В общем, я думал, что вы меня сейчас... это самое... убьёте. Пацаны рассказывали, что...

– А я взял и не убил!

– Да, не убили...

– Вот и я, брат, думал, что меня немец убьёт, – пробормотал Угрюмый и крепко потер лицо ладонями.

– А он взял и не убил? – прошептал я и с не меньшим ужасом, чем в тот миг, когда меня поймали, увидел, как по изуродованному лицу Угрюмого катятся слезы.

Я не знал, что и думать. Это был не тот Угрюмый, которого мы знали. Вернее, думали, что знаем.

– Извини, браток, – шмыгнул он носом. – Знаешь, как выпью, завсегда так-то вот происходит...

– А как получилось, что фаш... немец вас не убил?

Угрюмый поставил на лавку пустой стакан и, неловко смахнув ладонью слезы, грустно улыбнулся.

– В сорок втором мне семнадцать исполнилось, но я обманул военкоматовских – год себе прибавил. Сказал, что документы при бомбежке вместе с домом сгорели. И к тому времени, о котором идет речь, я уже целый год воевал. Тогда, помню, приказ мы получили – станцию взять. Пошли в атаку и нарвались. Попали под обстрел из минометов.

Меня сразу же накрыло. Когда очнулся, было уже тихо. Понятно, что атака не получилась. Полезли нахрапом – нас и разделали как бог черепаху. Если бы наша взяла, то санитары давно бы уже раненых разыскивали да убитых собирали. А тут – никого.

Мне повезло – отшвырнуло в воронку. Может, потому и жив остался. Сидел на дне этой ямы и смотрел, как из ноги сквозь разодранную штанину кровь сочится. Перевязаться нечем, да я и не смог бы – правую руку зацепило, пальцы онемели и не шевелились...

Немца увидел, когда тот уже стоял на краю воронки и смотрел на меня. Он снял с плеча винтовку, и я понял, что меня сейчас убьют. Страшно стало так, что заплакал. Жить, брат, хотелось... Очень хотелось!

Угрюмый замолчал, налил еще водки и выпил, закусив ранеткой, которую я догадливо подал.

– А что дальше было? Что немец сделал-то? Ушёл?

– Да нет, брат, не ушёл! Он спустился в воронку и положил рядом со мной перевязочный пакет. А когда понял, что я не справлюсь, сам меня и перевязал...

Угрюмый поднялся и, подойдя к большой бочке, стоявшей под водостоком с крыши, умылся. Потом опять сел напротив и, вытирая руки о штаны, сказал:

– Я не помню, как он выглядел, не запомнил лица, только руки. – И он, вытянув свои руки в мою сторону, покрутил ладонями с длинными узловатыми пальцами. – Большие у него были ладони, пальцы сильные, я это чувствовал. Под кожу чернота въелась. Шахтёром, наверное, до войны был. А может, молодость мою пожалел, – может, у самого сын был такой же, как я...

Скрипнула калитка, и во двор осторожно заглянула Светка.

– Ну вот! – обрадовался Угрюмый. – Подружка твоя пришла. А я всё думаю, отважится заглянуть на огонек али нет? Смелая дивчина!..

Светка стояла и не отрываясь смотрела на меня, будто увидела впервые. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она фыркнула, вздернула нос и ушла, хлопнув калиткой.

Угрюмый засмеялся и опять потянулся за бутылкой...

На следующий день мне было неловко оттого, что я так плохо думал об Угрюмом. О человеке, которого мы совершенно не знали, который, оказывается, воевал за нас. За меня, за то, чтобы я мог маяться дурью и «хорьковать» по чужим огородам! Его звали Степаном. Степаном Николаевичем...

Я много думал о том, почему мы в детстве так легко верили в явную чушь про убитых и закопанных в огороде детей. В то, что на старом кладбище каждую ночь из могил выползают мертвецы и ловят на окраинах посёлка одиноких прохожих. И в то, что если в лунную ночь забраться на старую кочегарку, то ровно в двенадцать часов у тебя остановится сердце...

Я нашел ответ на этот вопрос.

Мы настолько были уверены в своей безопасности, что где-то там, на уровне нашего детского подсознания, эта

уверенность нас тяготила. Нам хотелось, как сейчас говорят, драйва, почувствовать, как захватывает дух и сжимается сердце. Потому и придумывали эти страшилки. Нам было мало просто бояться темноты!

Мне, моему поколению, посчастливилось жить и расти в великой державе, где дети без опасений сами приходили в детский сад и вечером возвращались домой. В стране, в которой я сам ходил встречать маму, когда она задерживалась на работе. В стране, где родители были уверены в том, что с их детьми на улице ничего плохого не произойдет, и доверяли их воспитание школе, зная, что их чада будут учиться только по одной программе – той, которая учит любить Родину, уважать рабочего человека и его труд, защищать слабых, гордиться своей историей, помнить и чтить подвиг наших воинов.

Я родился через восемнадцать лет после войны и, едва начал осознавать себя, слышал о ней. Рядом со мной жили и трудились солдаты: рабочие-солдаты, врачи-солдаты, учителя-солдаты, колхозники-солдаты, – которым тогда, в начале семидесятых, не было еще и пятидесяти лет. Они все воевали, начиная от нашего школьного завхоза и заканчивая Угрюмым. Я слушал их истории, радовался за них, когда они, смеясь, рассказывали, как били фашистов. И удивлялся, когда эти мужики-герои, подпив, плакали... Зачем плакать?! Они ведь победили! Мы победили!.. Тогда я не мог понять этих слез.

...Ладно. Пора. Я с неохотой поднялся с теплого камня и, напоследок еще раз вдохнув пыльный воздух пустыря, направился к машине. Пройдет немного времени – и на этом месте вырастет большой красивый дом, в котором будут жить молодые, умные, радостные люди. И это будет правильно: жизнь должна продолжаться. Мне хочется, чтобы у этих людей было всё для счастливой жизни. И я верю, что так будет!

Единственное, чего уже не будет никогда и чего они никогда не увидят, – это как перед ними сидит солдат, прошедший великую войну, и, зажав в ладони ранетку, плачет...

Степан РАТНИКОВ

Кириши, Ленинградская область

В ПУЧИНЕ СОМНЕНИЙ

Памяти Владлена Белкина

– Спасибо вам за то, что помогли мне этот рассказик дописать, – сжав от счастья кулачки и расплываясь в улыбке, стрекотала золотоволосая шестиклассница Ксюша, задержавшаяся в кабинете после вечернего занятия. – Я всё думала-думала, как же закончить, чтоб у читателей прямо ух какие эмоции были, а в голову ничего не приходило. Чуть листочек от злости не порвала. Если б вы не подсказали тогда разные варианты, ну, что ещё такого необычного может в концовке произойти, я бы точно всё бросила и никогда больше этим не занималась. Диплом бы тоже не получила.

«Не сомневающийся в себе никогда, несомненно, не в себе иногда», – подумал педагог, давно усвоивший схожую мысль, которую однажды высказал его духовный наставник Николай Владиславович.

– Первое место за рассказ! – счастливо зажмурилась Ксюша. – А пацаны из нашего класса говорят, что я всякую ерунду пишу.

Тридцативосьмилетний Матвеев смотрел во вновь распахнутые глаза ученицы и отчётливо видел в них почти щенячий восторг. Взрослые, в который раз подметил педагог, ничему не радуются точно так же. Мелочам вроде разноцветных бумажек с указанием призового места – тем более.

За дюжину лет журналистского труда дотошный Матвеев повидал немало и научился разбираться в людях. Те-

перь же, четвёртый год работая в сфере дополнительного образования, он постепенно открывал для себя новый мир, лишённый гнилого притворства. Вдобавок заметно помолодел внешне, еженедельно подзаряжаясь неугасаемой детской энергией.

Всего несколько литературных занятий в Доме детского творчества лишили Ксюшу душевного спокойствия. Талантливая девчушка без сожаления выкинула из головы модное платье, которое носила её соседка по этажу – хвастливая двоечница, и попросила у мамы на предстоящий день рождения не красивую тряпку ради очередного щегольства перед одноклассницами, а стопку блокнотов и разноцветные ручки. Захотела написать полноценную книжку про обитателей родного двора и улицы, попутно украшая тексты яркими иллюстрациями. А победа в международном литературном конкурсе подстегнула Ксюшу к более усердному и осмысленному труду. Советы любимого педагога стали для неё не просто полезными, а желанными, как бабушкины пирожки с картошкой и компот из сухофруктов.

– Никто в школе не верит, что мой рассказик победил. Мама с бабушкой тоже удивились, – не умолкала Ксюша. – Они же меня всё в модели отправляли. А я жуть как сцены боюсь – ноги сразу трястись начинают. Потому и записалась к вам на литературный кружок. С Лидой и Настей за компанию. Они уже, правда, не ходят – им лень что-то писать. Зачем, спрашивается, приходили вообще? А мне понравилось, как вы тогда по своей тетрадке для нас темы определяли. И подсказки у вас всегда такие... не знаю, как бы сказать... необычные. А ещё вы нам всё прощаете – не то что в школе. Вот я и осталась. Теперь уже не выгоните. Не представляете, как Лида с Настей завидуют, что мне диплом дали. Всякие сплетни про меня распускать начали.

– Победителей не судят. Так им и передай. И вообще, ты же не ради диплома рассказ писала? – уточнил Матвеев, как-то провокационно прищутив левый глаз.

– Нет, – мотнула головой Ксюша и вмиг посерьёзнала. – Я даже не знала, что вы его на конкурс отправите. Мне

просто хотелось историю своей подружки рассказать, которая в Хабаровск переехала. Чтоб родители поняли – не её, а вообще любые, – что с ребёнком происходит, когда его постоянно из одной школы в другую переводят: к новым местам привыкать, друзей себе искать, уроки дополнительные делать. Взрослые, мне кажется, не задумываются о таких вещах. А ребёнок страдает. Я сама, наверное, всего этого не перенесла бы.

– Вот, а говоришь, что листочек чуть не порвала и хотела всё бросить. Разве можно было оставить взрослых без такой важной истории, какую ты им поведала?

Ксюша смущённо отвела взгляд и, довольная словами педагога, засияла. Ей не терпелось вернуться домой, открыть блокнот, отведённый для дневниковых записей, и выплеснуть на его страницы десятки строчек эйфории. А затем, уже в другом блокноте, начать новенький рассказ – про Юлю-воображуню из соседнего подъезда.

– Когда что-нибудь новенькое принесёшь почитать? – уловил её настроение Матвеев.

– На следующее занятие, – ответила Ксюша, вдохновенно округлив глаза. – Целый блокнот притащу!

– Ого! Такими темпами скоро Вику с Геной переплюнешь. А потом и меня.

– Ага, тоже в союз писательский вступлю и после института работать сюда приду вместо вас, да? – хихикнула трудолюбивая ученица.

– Я с радостью уступлю тебе это место. А сам со спокойной душой и чистой совестью на пенсию уйду. Потому что Ксения Павловна будет достойно продолжать моё дело, – заключил Матвеев, и они рассмеялись.

Ксюша попрощалась, схватила свисавшую со спинки стула не по-апрельски тёплую куртку и озорно побежала домой. Её педагог, напомилавший в тот момент Чеширского Кота, подошёл к заляпанному окошку, устремил взор в небо и вновь подумал о Николае Владиславовиче. Именно этот человек, буквально в конце прошлого лета отдавший чистейшую душу Создателю, пятнадцатью годами ранее сумел подобрать правильные слова для того, чтобы Матвеев передумал губить себя как писателя в за-

родыше, со временем творчески возмужал и даже взялся передавать накопленный литературный опыт новому поколению горожан.

На четвёртом курсе филфака гиперактивный Матвеев не только вовремя сдавал все рефераты и курсовые, успевая подрабатывать внештатным корреспондентом в краевой газете, но и помаленьку пробовал перо. Со скандалом отпочковавшись от родителей, он переехал поближе к региональной столице и приобрёл вожделенный компьютер – допотопный, лежащий, страшно тарактевший. На этом строптивом агрегате, порой не желавшем подчиняться, на свет родились первые повести Матвеева. Они отражали всю его сердечную боль, накопившуюся за последние годы, и были посвящены отцу, осмелившемуся променять семью на незнакомцев из религиозной общины, а также ровесникам, оказавшимся в плену фальшивых ценностей. Держать это в себе студент-филолог не мог. Потому и изливал душу, избавляясь от тяжкого груза, который давно и беспощадно тянул на дно – невидимое, но непреодолимое.

Ещё через год свершилось маленькое чудо. Заместитель редактора известного литературного журнала, работавший ещё и в краевой газете, где печатали подготовленные Матвеевым репортажи, очерки и интервью, высоко оценил автобиографическую повесть начинающего прозаика.

Произведение опубликовали, однако счастья молодому автору это не принесло. Родственники набросились на него с проклятиями. Сокурсники называли повесть сопливой или же вовсе не придавали творческому дебюту Матвеева ни малейшего значения. А доцент кафедры русского языка Алевтина Никаноровна, зачем-то попросившая привезти почитать что-нибудь другое, не из журнала, впоследствии настоятельно рекомендовала невесть что о себе возмнившему студенту закончить с никчёмной писаниной и не тешить большое самолюбие. Раздавленный безысходностью Матвеев опустил руки и зарёкся возвращаться к вздорному увлечению.

Он уже и не помнил, при каких обстоятельствах распечатки его повестей очутились в городском отделе культуры.

Оттуда они перекочевали к руководителю местного лит объединения Николаю Владиславовичу, который и огоршил без пары недель дипломированного специалиста вечерним телефонным звонком.

О встрече договорились не сразу. Матвеев поначалу противился. Уверял, что больше не пишет и впредь не планирует заниматься ерундой. Под воздействием голоса в трубке – непривычно заботливого, жизнелюбивого и нисколько не заискивающего – смягчился и дал-таки добро на визит к звонившему.

Николай Владиславович оказался великовозрастным поэтом. Высоким, приосанившимся, с курчавыми седыми волосами, пытливым взглядом, в нелепых очках с дужками, перемотанными прозрачной лентой. Сказал, что внимательно прочёл все тексты Матвеева и остался под впечатлением.

– Мне было очень интересно узнать, чем живёт нынешняя молодёжь. А где информацию черпать? Телевизору я не верю – там враньё сплошное! Вот и захотел с твоими текстами познакомиться. Ты как представитель молодёжи подробно и честно обо всём рассказываешь. В этом лично для меня главная ценность. Ведь у нас в юности всё было по-другому. Поэтому спасибо тебе за то, что просветил и в чём-то даже восхитил.

Матвеев слушал уважаемого в городе пенсионера, состоявшего в Совете депутатов, и не понимал, к чему эти сладкие речи.

– Конечно, над слогом поработать не помешает, – без доли укоризны добавил Николай Владиславович и адресовал недвусмысленный жест супруге, ненадолго заглянувшей в комнату. – Но в целом, повторюсь, достойно. Особенно для нашего города. У нас, как ты, наверное, слышал, прозу уже давно никто не пишет. Все больше по стишкам. Люди всерьёз полагают, что если за пять минут как-то что-то срифмовали, то сразу поэтами стали. Умудряются за свои кровные издавать по книжке каждые полгода. Потом эту пресную писанину всем без разбору раздают и хвастаются. Им бы лучше поучиться у других хоть чему-нибудь. Но они только себя любимых читают. Не понимают, что

над хорошим стихом порой даже дольше нужно работать, чем над рассказом. В этом смысле ты меня удивил. Сразу за повести взялся. И, хочу заметить, очень многим нос утёр. В плане содержания. Это по крайней мере. Над формой поработаешь – цены тебе не будет. Прозаики обычно складываются ближе к сорока годам. А тебе двадцати пяти ещё нет. Считай, вся жизнь впереди. Поэтому дерзай!

– Спасибо, конечно, – сказал Матвеев без малейшего трепета, больше для протокола, – но почему тогда все остальные поливают мои повести грязью?

– Кого ты под всеми подразумеваешь? Редколлегию журнала, где одно из твоих произведений опубликовали?

– Хорошо, не все, а почти все: сокурсники, преподаватели, просто читатели всякие...

– Ты побольше этих всяких слушай, – подзадорил Николай Владиславович. – Они все состоявшиеся писатели?

– Да какие там писатели, – скривил физиономию Матвеев. – Злопыхатели!

– Ты сам ответил на свой вопрос. А ещё скажи, почему их мнение так сильно тебя беспокоит? Ты свои произведения непосредственно для них создавал?

– Нет, просто выговориться хотел. Заодно некоторые мысли, скажем так, в массы запустить, чтоб люди задумались. Не какие-то конкретные люди, а любые. Кто читать возьмётся. Кто в принципе не разучился это делать. И думать в том числе.

– Добавить мне особо нечего. Уверен, после нашей беседы ты сделаешь правильные выводы. И поймёшь, что не следует бросать такое нужное дело из-за горстки глупцов, которые, не удивлюсь, даже и не пытались читать то, что ты написал. Просто им хочется над кем-то возвыситься. Но ничего умного или полезного они сделать неспособны, потому и приземляют других. По своему опыту знаю: многие твёрдо, скорее даже твердолобо, убеждены в том, что если и издавать книги, то исключительно для финансового обогащения, а не для какого-то там наследия. Не слушай их. Они несчастные люди. Всю жизнь в тараканьих бегах проводят, всё норовят кусок пожирнее урвать, а на смертном одре сожалеют, что не оставили после себя ничего

по-настоящему ценного, ещё и другим без усталости вредили. Разве на них ты равняешься? – спросил Николай Владиславович у приглашённого гостя и заметил его безмолвное отрицание. – Потихонечку продолжай делать то, что делаешь. Со временем набьёшь руку, наберёшься опыта и станешь настоящим писателем, которому не стыдно ни за себя, ни за своё творчество. Но этого точно не будет, если ты прямо сейчас всё бросишь. Нельзя такое дело бросать. Неправильно это. И так повсюду одни потребители, приспособленцы. Что ты забыл в их рядах? Там и без тебя тесно. Лучше по своей дорожке топай. И пиши до тех пор, пока в тебе нуждается хотя бы один читатель. Хотя бы один!

– В том-то и дело, что никто в моей писанине не нуждается, – посетовал Матвеев, ёрзая на потрёпанном и заваленном газетами диване. – А писать в стол, извините, надоело.

– Ох уж этот юношеский максимализм, – по-доброму рассмеялся Николай Владиславович. – А как же я? Мне интересно, как живут твои ровесники, о чём они думают, чего хотят. Но даже не это главное. Как ты сам будешь дальше жить, лишив себя призвания? Куда энергию свою направишь? Так ведь и с ума можно сойти, если пытаться всем угодить. А есть и такие, кто бросает творчество только для того, чтобы вызвать муки совести у других. Как будто кто-то о чужом понапрасну загубленном таланте начнёт сожалеть... Не начнёт! Многие беспокоятся только о себе. О своём комфорте. О выгоде. О том, как бы брюхо набить и развлечься. О чём угодно, но уж точно не о судьбе молодого прозаика. А ты заставь их сожалеть, но по-другому: продолжай гнуть выбранную линию, оттачивай мастерство, и пускай все они заговорят о новом состоявшемся писателе и, что важнее, о его честных, искренних произведениях.

– Умеете вы убеждать, – выдержав паузу, оценил услышанное Матвеев и изучающе посмотрел на человека, который был на полсотни лет старше своего гостя. – Может, заодно подскажите, как улучшить то, что я уже накалякал?

– Не накалякал, а написал, – по-доброму поправил Николай Владиславович. – Пиши и дальше. Заодно почаще самого себя перечитывай и у других учиться не забывай. Москва не сразу строилась. Глаз у тебя намётанный, память

цепкая, мышление критическое, характер закалённый, если по автобиографической повести судить. Справишься. Единственное, о чём я прошу, даже призываю, – ни в коем случае не бросай начатое. И как минимум один человек будет тебе за это благодарен. Он сейчас перед тобой находится.

– Спасибо на добром слове. После такого даже как-то стыдно заканчивать с прозой. Но и – страшно. Такие авансы мне выписали. Боюсь, что не оправдаю.

– Если продолжишь писать и будешь делать это потому, что какие-то важные мысли так и просятся на бумагу, а не ради похвалы и не ради убийства времени, как любят делать некоторые наши графоманы из литобъединения, то рано или поздно у тебя всё получится. Хотя в литературе ничего не бывает поздно – здесь всегда всё вовремя. С годами ты в этом убедишься.

Матвеев не мог усомниться в словах столь мудрого человека. Но не понимал, зачем состоявшийся творец по собственной воле наставляет начинающего и искренне желает ему вдохновения, сил и успехов. Николай Владиславович точно не мог извлечь из этого никакой материальной выгоды, на которой заиклены миллионы людей. Пришлось спрашивать обо всём прямо.

– Если каждый писатель будет беспокоиться только о самом себе и о своём творчестве, – услышал Матвеев в ответ, – кто ж тогда в будущем встанет на этот путь и продолжит начатое?

– Вы-ы... об учениках?

– Ну конечно! Тебя я, правда, учить не буду. Поэт прозаик не советчик. Но в моём лице ты всегда найдёшь читателя, слушателя, товарища. До тех пор, пока ты пишешь, я буду на твоей стороне. Как коллега. Как земляк. Как человек, которому небезразлично твоё творчество. Ты и сам небезразличен к тому, что творится вокруг, к тому, что останется в мире после тебя. Я вижу это и в твоих текстах, и в твоих глазах.

– Вы меня просто... просто обескуражили! Не ожидал что-нибудь подобное услышать. Тем более от человека, которого впервые вижу, – расчувствовался Матвеев и стал

бесцельно разглядывать стену с полками, заставленными сотнями книг и журналов. – Всё это так непривычно. Не знаю даже, как реагировать. Со мной такого никогда не случалось. Я благодарен вам. Благодарен за такие слова. За всю эту поддержку.

– А кого я, по-твоему, должен поддерживать? – снова в шуточной форме произнёс Николай Владиславович. – Олигархов? Лжецов? Наркоманов? Алкоголиков? Тех, кого ты сам в своих повестях обличаешь или высмеиваешь?

Матвеев хотел было заикнуться о семье, которая у всех на безусловном олимпе, но миг осознал, что сидящий перед ним человек мыслит более широко и кровными узами не ограничивается.

Воспрянувший Матвеев стал навещать пенсионера часто и охотно. Молодого прозаика подкупали кристальная честность и безмерная доброта, непонятно как уживавшиеся в Николае Владиславовиче. С ним не нужно было притворяться, лебезить. Поэт соглашался отнюдь не со всем, но никогда ни за что не ругал.

Шли годы. Матвеев планомерно издавал книги, претендовал на престижные литературные премии, неустанно радуя Николая Владиславовича успехами. Но вскоре расстался с холостяцкой жизнью и – под напором супруги, мечтавшей о высшем свете, – переехал в мегаполис.

На чужбине быт с устрашающей скоростью поглотил горемычного семьянина. Матвеев не сумел ни в журналистских кругах пристроиться, ни с загулявшей женой совладать. Тусклый огонёк их притворной любви быстро потух, как и творческий запал прозаика, надолго умолкнувшего. Малая родина поманила незримым пальчиком, и отказать ей было сложно.

– Алло! Николай Владиславович, доброго здоровьишка! Как вы?

– Здравствуй-здравствуй! – приободрённо ответил хворавший поэт давно не звонившему прозаику. – У меня всё отлично. В больнице третий день. С давлением. По расписанию, считай. Ничего страшного. Это дежурный вопрос. Многие в мой восемьдесят шесть в принципе не встают с постели. Как сам?

– Снова в родном городе, – известил Матвеев.

– В отпуск прилетел?

– Нет, насовсем. Я же развёлся. Там негде было оставаться. Пришлось когти рвать. Тут себе небольшую квартиру с видом на реку купил. За книжку новую принялся – впервые за три года. Рассказики иронические осваиваю.

– С удовольствием читаю.

– Даже не сомневаюсь. Ещё я профессию сменил.

– Чего так? – смутился Николай Владиславович.

– Журналистика в нашем городке, сами знаете, низкопробная: единственная газетёнка сообщает об одном и том же из года в год, даже лексика порой не меняется, редакторша там до гробовой доски за своё кресло держаться будет и любые новшества на корню зарубать. Тоска беспробная! В моём-то возрасте возвращаться к тому, с чего начинал больше десяти лет назад? Ещё и во всех этих политических играх снова участвовать? Под дудку администрации плясать и прихоти чинуш исполнять? Залепухи муторные клепать? И глупо, и скучно.

– Согласен. И кем ты теперь?

– Педагогом. В местный Дом детского творчества устроился. По призванию, можно сказать. Пригласили – решил попробовать. Буду с детишками в послеобеденное время литературным творчеством заниматься.

– Давно ничего более прекрасного не слышал! – восторженно отреагировал Николай Владиславович. – Очень значимое для города событие! Местные нескоро это поймут. Но всему своё время. А вот меня ты вынуждаешь как можно быстрее поправиться. Через недельку постараюсь быть в строю. Приходи в гости – отметим обязательно. У меня супруга такой непревзойдённый медок на ярмарке приобрела. Под чаёк листовой – пальчики оближешь.

Елена АЛЬМАЛИБРЕ

Ростов-на-Дону

ГОРЬКОЕ МОЛОКО

Тая в задумчивости стояла у калитки. Когда-то вот так же она не решалась войти в родной двор, вернувшись из школы с первой двойкой. «Ох, батя даст», – думала она. Мать точно уже пришла с работы, а отец – кто его знает, может, ещё в поле, а потом то ли приползёт после попойки, извалявшись в грязи по пути домой, то ли с полдороги под утро встанет, проспавшись, и обратно на работу пойдёт. «Может, не говорить ничего», – подумала Тая. Да как не скажешь. Отец на родительские собрания как на праздники ходил. «Какая у тебя дочка, Аркадий! На одни пятёрки учится. Что про неё говорить. Гордись, и точка», – слушал он с высоко поднятым носом и домой приходил уже нетрезвым «по поводу». Обмывал табель с оценками, так сказать. Матери радоваться было некогда, она на свинарник в четыре утра уходила, потом за коровой шла, по хозяйству управлялась, а в доме ещё пятеро ртов оставалось. Даром что волк не забегал, как в русской сказке про козлят. А вокруг степи российские, южные, ветер, волки и правда по ночам выли, была бы хата крайняя в совхозе – совсем страшно было бы. На ночь, конечно, мать всегда приходила, но детской фантазии чего расскажешь – взвизгнут дети, и шасть под кровать, чтобы волк не достал, прямо посреди бела дня.

– Что, Иванушка, невесел, что головушку повесил? – сказывал сосед через забор, глядя на унылое лицо бывшей

отличницы. Дядя Петя вместе с родителями Таи приехал из Беларуси осваивать целину. Мать рассказывала, что он ей в любви объяснялся по дороге, а та уже замужем была за Аркадием и на признания только шикала и озиралась по сторонам. И вот, как нарочно, приехали в совхоз, и тут на Аркадия как бес взял – что ни день, то выпивка, что ни утро, то похмелье. А дядя Петя словно глядит на это и посмеивается. То дом обновит, то крышу подлатает, то парней своих на самодельной тележке прокатит. Мать Таи посмотрит, и ещё жалче себя становится. Куда же через забор к соседу уходить – там семья, обсмеют в совхозе, а Пётр своих не бросит, даром только опозоришься.

– Соседка, молока хочешь? – ласково спросил дядя Петя. У Таи в животе буркнуло. Что там какие-то оценки, если можно молока досыта напиться. Мать молоко соседа не жаловала. «Полюньню отдаёт, горечь всегда, даже когда кругом клевер один», – говорила она. Тая отхлебнула молока и подивилась. Сладкое, с пенкой, как Тая любила. Словно от их Зорьки.

– Что, вкусное? – засмеялся дядя Петя. – Так это я у твоей матери вчера выторговал. Она мне говорит: «Зачем тебе наше, у тебя своя корова». А потом и ладно, согласилась. Тебе вон форму нужно новую покупать.

Пришла Тая домой, призналась про двойку матери. Та отвечает: «Не говори покуда бате. Может, успеешь исправить ещё. Хотя кто-нибудь ему нашепчет, когда он опять тобой хвастаться на работе начнёт. Гордыня – любимая закуска под выпивку. А люди враз на место поставят, им с ним потом ночь не ночевать. Ну, ты садись, поешь чего». И тут мать узнала, что Тая молока зорькиного у дяди Пети напилась – и словно подменили её. Давай тряпкой Таю бить. «Чего это ты чужие тарелки облизывать вздумала! Да ещё и этого хвастуна... Своё молоко горькое, так он нашим тебя выпаивает». И почудилось Тае, что осталась от того молока у неё горечь во рту.

Тая набрала в лёгкие воздуха и толкнула калитку. Заскрипели деревянные, как долгие, заржавевшие годы. Не родная калитка, а кладбищенская. Вот они, две могилки.

Мама. Освободил её отец, помер. Плакала мать, Тая шептала ей что-то, а она в ответ: «Не по нему, дочка, плачу, а по жизни своей». Спокойно стояла Тая перед последним материным пристанищем, отца могилы тут не было, его на старом кладбище схоронили, не оказалось для матери рядом с ним места.

А рядом дяди Пети могилка, чуть дальше – жены его. Так и остались они соседями. Глядит Тая – с бугорка соседа вьюнок полевой ползёт, с белыми цветочками да бутончиками. И мамину могилку обнимает.

Вышла Тая с кладбища. А вот рту горечь.

Сергей ЗЕЛЬДИН

Житомир, Украина

РАЗГОВОРЫ У НОЧНОГО КИОСКА

... – Знаешь, Вадимыч, конечно, богатые болеют легче и вообще могут купить жизнь на свои деньги, но не значит ли это идти против воли Господа Бога? Этому сатанисту полагалось сдохнуть и предстать, а он покупает себе новое сердце, ещё неизвестно чьё, может, из-под Бахмута, – и дальше гневит! Это как?

– А, этот? Депутат? «Слуга народа»? Да, отъехал на гнилом коне. Ничего, далеко не уйдёт. Помнишь «Любовь и голуби»: «Бог не Тимошка – видит немножко!»? Га-га! Ну, давай, допьём слёзы.

Остатки польской зубровки булькают по бумажным стаканчикам:

– Будьмо!

– Желаю, чтобы – все!

– А, шайтан! Хорошо!

– Как сказали бы в выдуманной Бабелем Одессе: «Бог кончается там, где начинаются ваши деньги».

– Сто процентов!

– Эх, курну! Меняю хлеб на горькую затяжку!

– Блин! Что ты меня расстраиваешь? Не отходи, кури здесь, я хоть понюхаю!

– Та я не отхожу, только в ларёк метнусь за чекунькой. Возьму конины, на десерт.

– Давай, боец, ПТУРСом. Одна нога здесь, другая рука там...

«Старый Кахети», отдающий ванилью, струится в мятые стопочки:

– Сто грамм – за дам!..

– Чёткий коньячок!.. Мягкий!..

– Пять звёздочек!.. Фигню не пьём!..

– Ты закусывай, закусывай! Закуски валом. Вон ещё пол-пирожка с ливером...

– Возвращаясь к политике...

– Батько наш – Бандера, Украина – маты?..

– Та ты слушай. Короче. Наш пан президент, безусловно, та ещё сво...

– Так, тихо, не ори...

– Та ясно, ясно, «Закон об оскорблении Величества». Мыслепреступление, на хрен... Я говорю, та ещё своеобразная личность. Иногда даже кажется... мерещатся разные вещи из Иоанна Богослова...

– Короче, Склихософский!

– А зацени, Вадимыч, если бы оказалось, что он выполнял спецзадание по возврату Украины в лоно Союза. Прикинь? Ну, как, говорят, генерал Власов задание Сталина выполнял, Героя потом получил, доживал инкогнито в глухой сибирской тайге.

– В лоно? Мля, Серый, ты сказочник, в натуре, Жюль Верн. Но да, тогда бы красавца Зея был. Собой типа пожертвовал, чистое имя еврейского народа запятнал, на гроб деда-фронтовика положил ... Коксом весь снюхался на говно... Тогда бы да.

– Н-да. Цирк. Дурень думкою богатие...

Недалеко, возле Михайловского собора, воздушная сирена взрывает пару раз и смолкает в нерешительности.

– Полетели уже где-то, «Кинжалы» с «Геранями»...

Из киоска высовывается тётка:

– Хлопцы, щось братья будете? Зачиняюсь*!

– С-секундочку, мам Галь! Ну шо, Леонидыч, кафе «Ветерок» закрывается, комендантский час через час. Тебе шо, дворами петлянул – и дома, а мне ещё на Малёванку чесать.

Двое «чоловиків похилого віку»* выпивают на посешок «по пидисюшке» «Старого Кахети» и, преувеличенно ровно шагая, доходят до угла Театральной и Большой Бердичевской. В этот предкомендантский час улицы пусты, только иногда пролетит одинокая легковушка, как будто за нею кто-то гонится. Мимо двоих подгулявших джентльменов медленно проезжает зелёный пятнистый джип.

Заторопившись, они крепко жмут друг другу руки, взглядывают полными влаги глазами и идут «до дому, до хаты». Но, отойдя на пару шагов, оборачиваются, спешат назад, с хрустом обнимаются, истово, как на Пасху, целуются, говорят: «До видзенья, пан профессор, береги себя, не ленись в убежище спускаться!» и: «На добранич, Петюня, ты тоже там поглядывай!» – и расходятся окончательно.

Пролетают снежинки. Начинает выть сирена и теперь уже воеет без остановки.

* Закрываюсь.

* Пожилых мужчин.

Илья ЧЕСНОКОВ

Белгород

ЗАИКАНИЕ

Начало семидесятых годов. Августовское утро. Мне шесть с половиной лет. Я стою в полутёмном кабинете, выпрямив спину, как учила мама, и опустив руки. Шторы неплотно задёрнуты, и кажется, что кабинет разрезан лезвиями лучей на одинаковые дольки. За окнами в утреннем свечении южного солнца купается жемчужина Казахстана – город Алма-Ата. Напротив меня за столами, выстроенными в ряд, сидят семь человек. Некоторые с усталыми, осунувшимися лицами, как будто приклеенными к головам. Почти все в очках. Кто в маленьких и круглых в золочёной оправе, а кто в больших прямоугольных в толстой роговой. Перед людьми включены настольные лампы, по-старчески сгорбленные к бумагам, лежащим на столах. Свет от ламп отражается в линзах очков, и, когда люди двигают головами, эти отражения танцующими огоньками прыгают по столам, лицам и стенам.

Мне кажется это смешным, и я начинаю улыбаться. Я словно в цирке ожидаю, что вот-вот начнётся представление. Моя мама, Лидия Дмитриевна, сидит на деревянном стуле с высокой спинкой и гнутыми ножками справа от меня, выпрямив спину и положив руки на колени. Её новая маленькая сумочка с металлической застёжкой сверху висит на плече. Мама ждёт, что скажут нам эти люди. «Семеро против двоих. Нечестно», – мелькнула у меня мысль. Воздух в комнате тяжёлый, как и взгляд над толстой оправой мужчины, сидящего в самом центре напротив меня.

Этот мужчина громко откашлялся, и все остальные тут же начали шелестеть бумагами, лежащими перед ними. Отблески света запрыгали по лицам. Я сразу понял, что мужчина с тяжёлым взглядом, который сидел напротив меня, – это главный. Этот главный посмотрел на меня, поправил очки мизинцем и, кашлянув ещё раз в кулак, басовито обронил в тишину:

– Ну, так что у нас с заиканием?

Мама поднялась со стула и, поправляя причёску, произнесла:

– Вот, заикается сын сильно. Мы у себя в Чимкенте обошли многих логопедов. С Илюшей были проведены занятия, но результата нет. Вот, теперь по направлению к вам на консилиум приехали.

– Понятно, – пробасил мужчина, постукивая карандашом по столу и, поглядывая на наручные часы, добавил: – Ну что, коллеги, послушаем мальчика?

Блики света пробежались по кивающим головам.

– Расскажите нам о себе, молодой человек, – старушечьим женским голосом проскрипел член комиссии с левой стороны, которого еле видно было за плафоном лампы. Я посмотрел в сторону этого голоса и заметил только огромные очки, залитые светом. Под ними ярко накрашенные губы, раскинутые на половину лица, и, уже ниже, морщинистые кисти рук с кольцами на пальцах, которые нервно подёргивались в какой-то неведомый такт. Кольца поблёскивали, разбрызгивая вокруг лучи.

Я выпрямился и начал:

– М-м-меня за-за-зовут Илья. Я ска-ска-скоро па-па-пойду в шо-шо-школу. Я уже у-у-умею чита-та-та-читать и ши-ши-считать.

– Достаточно, хорошо, – раздался тоненький голосок девушки с правой стороны.

Она, как школьница на уроке, подняла руку, чтобы ей дали возможность высказаться:

– Я думаю, что здесь всё понятно, товарищи. В данном случае мы наблюдаем логоневроз второй степени.

За столами лёгкой волной вспорхнули короткие реплики. Члены комиссии дружно опустили головы. Листы

бумаги стали покрываться узорами слов, складывающимися в орнаменты научных предложений.

– А что, Илюша, ты можешь нам прочитать? Ты что-нибудь приготовил наизусть? – пробасил главный, взглядываясь в моё лицо.

Мама снова приподнялась:

– Илюша любит читать стихи наизусть. Он сейчас прочитает некоторые свои любимые стихотворения. Он и спеть может.

Я стою, молчу и не знаю: на кого смотреть, когда читать начну. Решил смотреть на главного.

Я выпрямился, как репетировали дома, приподнял подбородок и, закинув руки за спину, во весь голос начал:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолеей земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков...

Я заметил, как члены комиссии оживились, выпрямились и приготовились внимательно слушать дальше.

Неожиданно по столу звонко забарабанил карандаш, так, словно это маленький человечек выбивает на столе чечётку крохотными тувфельками:

– Хорошо, хорошо, достаточно! – пробасил главный. Члены комиссии оживились и продолжили писать.

– Нет, нет, почему же? Очень даже ничего, – задорным голосом сказала девушка.

Она встала и, покачиваясь на высоких каблуках, подошла к главному. Передала ему лист бумаги. Тот прочитал, кивнул и, тыча в мою сторону карандашом, словно перед ним стояла группа детей и он выбирал именно меня, сказал:

– Продолжайте, молодой человек. Что у вас ещё подготовлено?

Я подумал, что ему было плохо слышно, и, набрав побольше воздуха и расставив ноги пошире, продолжил:

– Александр Твардовский.

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплочным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Вновь меня перебил карандаш:

– Отлично, отлично. Мне всё понятно. Пока хватит.

Но слева густо накрашенные губы нараспев произнесли:

– Уважаемые коллеги. Я думаю, что выражу коллективное мнение и попрошу молодого человека ещё почитать. Я вижу в данном случае полное отсутствие каких-либо симптомов речевого судорожного синдрома.

Кто-то из комиссии подошёл к окну и, отдёрнув шторы, открыл его настежь. В кабинет ворвался свежий утренний ветерок. За моей спиной распахнулась от сквозняка дверь. Ветерок взлохматил причёски членов комиссии, сорвал со столов листы и раскидал по полу. Консилиум продолжил свою работу как ни в чём не бывало. Лучики света, отражаясь в очках вновь ожили, перебегая от одного к другому. Появились улыбки. Сквозь перешёптывание и шелест бумаги я расслышал: «да, да», «неплохо», «согласен», «интересно», «такой случай», «и такое бывает».

Главный, устало взглянув на часы, обратился к маме:

– Извините, а что, у вашего сына только военный репертуар?

– Нет, не только. Просто Илюша любит военную тему и вообще хочет стать военным, когда вырастет. Он и спеть может.

– Ну, хорошо. Пусть ещё другое что-нибудь почитает. То, что выучил. А потом уж пусть и споёт, если вы так хотите.

Мама повернулась ко мне:

– Давай, сынок.

Я уже слегка покраснелся и, представляя, что на сцене, набрал побольше воздуха и почти закричал:

Над могилой, в тихом парке
 Расцвели тюльпаны ярко.
 Вечно тут огонь горит,
 Тут солдат советский спит.

Мы склонились низко-низко
 У подножья обелиска,
 Наш венок расцвёл на нём
 Жарким, пламенным огнём.

Мой звонкий голос пружинисто ударялся о стены и потолок, вонзался в пол и вновь подскакивал вверх. И вдруг неожиданно для меня главный быстро отодвинув стул и встал. Я замолчал. «Сейчас ругаться будет», – подумал я и взглянул на маму. Мама сидела неподвижно с белым лицом. Слышно было, как за окном щебечут птицы, стучат каблучки спешащих людей, сигналият машины. Через несколько секунд все члены комиссии начали улыбаться и что-то быстро писать, передавая главному бумаги. После некоторой паузы главный, прочитав переданные ему записи, взглянул на маму и спросил:

– Уважаемая, вы зачем вообще привезли к нам ребёнка? Он прекрасно читает стихи. Никаких серьёзных проблем с заиканием у него нет.

Мама поднялась со стула:

– Может, как-то ещё проверите? Зря, что ли, мы ехали? Не в Москву же нам отправляться. Меня с работы отпустили всего на два дня.

– Хорошо.

– Пусть споёт, раз так хотел, – кто-то выкрикнул из-за стола.

– Спой, сынок.

– Как обычно? – шепнул я маме.

– Твою любимую, – подмигнула она.

Я сделал шаг вперёд и, разведя руки в стороны, запел:

Ой, мороз, моро-о-о-оз! Не-е-е морозь меня-я-я.
 Не моро-о-озь меня-я-а-а, моего коня-а-а-а.
 Не морозь меня-я-а-а, моего коня-я-а-а...

Послышался дружный смех и аплодисменты. Кто-то включил в кабинете свет. Над нами зажглась круглая люстра с десятками ярких лампочек. Я смог наконец-таки увидеть огромный кабинет и людей за столами. Члены комиссии, вытирая слёзы, вполголоса подхватили:

Моего коня, белогривого,
 У меня жена, ох, ревнивая...

Мама влилась в единый хор, а я растерялся и замолчал. Щёки мои запылали, и я почувствовал себя каким-то огромным и знаменитым. Песня неслась уже без меня. В кабинет стали заглядывать любопытные. Председатель поднял руку, и все разом замолчали. Придав лицу серьёзный и деловитый вид, он обратился к маме:

– Всё у вас будет нормально. Пусть ваш сын чаще поёт и читает вслух стихотворения. И заикание постепенно пройдёт.

В мою память надолго врезалось его «пусть почаще поёт». Мама поблагодарила всю комиссию за работу. Потом подошла и каждому пожала руку: «Спасибо». Девушка на высоких каблучках сказала:

– Лидия Дмитриевна, вы можете посидеть в коридоре и подождать. Мы вас вызовем и выдадим на руки заключение обследования.

Мы вышли в коридор и сели на узенький длинный диванчик.

Я взял маму за руку:

– Мам, я хочу на-на-на улицу. Здесь ды-ды-дышать не-не-нечем.

– Хорошо, сынок, выйди. Посиди там на скамейке. Никуда не уходи. Сиди и жди меня. Мы, как только получим документы, сразу поедем домой. Кепку свою не забудь.

Пока мы были на консилиуме, по городу пробежался короткий летний дождь. Скамейка была мокрая, и я сел у входа на ступеньки под навесом. Рядом положил кепку. В мелких лужах барахтались воробьи. Люди нескончаемым потоком двигались в разных направлениях. Город жил своей жизнью. Моё волнение прошло, и на душе было спокойно. Из головы не выходило: «...почаще поёт...» – и я потихоньку запел:

Ой, мороз, мороз...

Я закрыл глаза и представил себя в кабинете перед комиссией. Я пел только те слова песни, что слышал дома, когда приходили гости. Вот их я и пел, повторяя одно и то же. Вдруг через пару минут я услышал звон монет. Я открыл глаза и увидел в кепке несколько копеек. Никого рядом не было. Люди как шли по своим делам, так и продолжали идти. Я начал петь чуть громче, не закрывая глаза. Ко мне подошла молодая женщина с высокой причёской. На поводке она держала таксу. Женщина пристально посмотрела на меня и улыбнулась. Такса же отвлеклась на воробьёв. Открыв сумочку, женщина достала несколько монет и, нагнувшись, аккуратно положила их в кепку со словами:

– Молодец. Хорошо получается.

Я в ответ улыбнулся, и моё настроение улучшилось. Люди заходили в двери и выходили, а я продолжил петь, но уже стоя. Прохожие награждали меня за пение мелочью и улыбками. Кто-то швырял монеты не останавливаясь. Некоторые долго копались в кошельках, постоянно оглядываясь на меня, как бы рассуждая, стоит давать или не стоит. Другие, порывшись в карманах, так и уходили, ничего не оставив. А я пел всё громче и громче. Я старался, как артист. Вытягивал вперёд руки, делая серьёзное лицо. Время летело очень быстро, а мама всё не выходила из здания. В кепке монеты уже лежали горкой. А сверху кто-то бросил бумажный рубль. Я быстро засунул его в карман.

Недалеко от меня у поворота стояла тележка-лоток «Балмұздак*», с которой молодая продавщица продавала мороженое:

– Покупаем мороженое! Холодное мороженое! Есть свежесть и вкус в моём пломбире. Это лучше, чем деньги транжирить в тире.

Каждый продавец проявлял свою изобретательность, чтобы быстрее продать товар. Тем более такой особенный, как мороженое.

* Мороженое.

Продавщица явно нервничала. Товар шёл не так бойко, как ей бы хотелось. Таких тележек с мороженым было много. Дневной план нужно было выполнять.

Услышав моё «Ой мороз, мороз...», мороженщица на мгновение замолчала. Потом подкатила свою тележку ближе ко мне, продолжая зазывать покупателей. И у нас получился импровизированный дуэт:

– Ой, мороз, мороз! Не морозь меня...

– Покупаем холодный пломбир. Мороз донесёте до своих квартир!

– ...Не морозь меня, моего коня...

– Детям вкусно! Взрослым полезно! Тем, кто поправился, особо известно!

Мы друг другу не мешали. Прохожие сначала, остановившись возле меня, слушали песню про мороз, кидали мелочь и тут же попадали под влияние звонкоголосой продавщицы. Довольные были все. Продавщица повернулась ко мне и подмигнула.

В этот момент я заметил милиционера, появившегося из-за угла. Это был худой высокий пожилой мужчина с висячими седыми усами. Милицейская фуражка смешно торчала на его дынеобразной голове. Галстук от жары был приспущен. Он подошёл ко мне и, поглаживая усы, спросил:

– Ты откуда, мальчик?

– Из Ч-ч-чимк-к-к-кента.

– А здесь что делаешь?

– Ма-а-а-аму жду.

Увидев в кепке мелочь, он усмехнулся:

– Неплохо ты маму ждёшь. Зря времени не теряешь.

Продавщица, увидев милиционера, крикнула:

– Товарищ милиционер, это хороший мальчик. Он мне мороженое помогает продавать.

Тот, не отрывая от меня взгляд, ответил:

– А вас я пока не спрашиваю, товарищ продавец. С вами мы позже проведём беседу. Так где же твоя мама?

– Она се-се-сейчас пэ-пэ-придёт, – ответил я.

Тут неожиданно с другой стороны подошёл второй милиционер. Полная противоположность первого. Низкий, молодой и прыщавый:

– Что здесь происходит, товарищ сержант?

– Да вот, уже из Чимкента в столицу приезжают попросить целыми семьями. Мать этого мальчика где-то рядом промышляет. Надо найти её. И продавщицу уже к себе в шайку притянули. Ты понял, Абай, как они организовано действуют? Пока пацан отвлекает кабацко-рюмочной песенкой, мамаша дела делает, а продавщица зубы заговаривает. Вернее сказать, замораживает. Вызывай наряд. Брать будем. Мне к пенсии премия не помешает.

И в это мгновение я увидел маму, которая быстро спустилась по ступенькам и подошла к нам:

– Здравствуйте, – обратилась она к милиционерам.

– Здравствуйте. Это ваш ребёнок?

– Да, а что произошло?

– Вот вы нам в отделении и расскажете, что здесь произошло!

– В каком отделении? Я вас не понимаю, – с тревогой она посмотрела мне в глаза: – Мы с сыном были на обследовании в горно на консилиуме по направлению. У меня все документы на руках. Задержалась немного. Долго не выписывали документы. Людей много.

Мама достала из сумочки сложенные документы обследования, свой паспорт и передала их милиционеру.

– Так, так, Лидия Дмитриевна. Непорядочек. Почему ребёнка оставляете одного на длительное время? А вдруг что случится? А вдруг у него плохой человек деньги отнимет? Хотя, – он поднял мою кепку с мелочью: – в нашем случае всё как раз наоборот.

Уши мои запылали, как костёр. Я опустил голову и молчал. Мама взяла кепку из рук сержанта и сунула мне её в руки. Нагнулась ко мне:

– Это что? Это откуда?

Не дождавшись ответа, она повернулась к милиционеру:

– Вы извините, товарищ милиционер, он не специально ведь. Нам на консилиуме сказали: надо чаще петь, чтобы прошло заикание. Вот он и решил петь где попало.

– Улицы нашей столицы – это не где попало. Здесь должны быть всегда: порядок и дисциплина. Ладно. Когда вы возвращаетесь в Чимкент?

– Через два часа. Мы уже билеты купили на автобус.

– Хорошо, но чтобы это больше не повторилось. Счастливого пути.

Милиционеры сделали под козырёк и ушли, а мы с мамой подошли к мороженщице.

– Нам два, пожалуйста, – сказала мама и протянула продавщице деньги.

– Не надо, – улыбаясь ответила та: – Ваш сын помог мне план выполнить сегодня. Всю улицу чуть не заморозил, пока пел. Угощайтесь. Как раз последние два остались.

Мы взяли пломбир и поехали на вокзал. При каждом шаге я слушал, как дружно позвякивают монетки в кармане.

– Мам, а да-да-давай, когда па-па-приедем, купим на все пе-пе-пе-песенные деньги ма-а-а-мороженого. И па-па-папу уга-га-гостим.

– Хорошо, сынок.

– А можно я в а-а-а-автобусе на-на-ачну петь? – спросил я, сжимая в кармане рубль.

Мама улыбнулась и взяла меня за руку:

– Не отставай уж, Робертино Лоретти ты мой.

В этом году меня, по причине сильного заикания, в первый класс так и не взяли. Я ещё год радовал детей и воспитателей садика пением и стихами. В сентябре папа записал меня в вокальный кружок при Дворце пионеров, который располагался в Никольской церкви, в Пионерском парке. На мелочь, как мы и хотели, купили себе и папе мороженое, а бумажный рубль родители посоветовали положить в копилку.

Лирический портрет

Евгений КУХТИН

ИЗБЕГАЯ ВСЕМИРНОГО ТЛЕНЬЯ...

* * *

Бедной осени наследник,
Я сегодня не у дел;
Лист сорвавшийся, последний,
Вдоль аллеи полетел.

Осень поздняя. Сухая.
Ветки голые черны.
А я пью, не просыхая,
Горький воздух тишины.

Всё, что было, мимо, мимо;
Не веду потерям счёт,
Ибо всё неумолимо
В свою очередь снесёт.

Только всё же есть мне дело
До всего, пока живу,
В этой роще поределой,
Погружённой в синеву.

Вот кружится лист багряный,
Выбирает, где истлеть;
И душою покаянной
Я приемлю эту смерть.

Ни о чём не сожалею;
Мы, душа, с тобой одни
В тишине пустой аллеи
В эти годы, в эти дни.

* * *

Свераясь с картой звёзд, прошёл я мимо
Мирских соблазнов – что мне их тщета?
И взята смертью, кто была любима,

И далеко родимые места.
Господний бич – погонщик мне отныне,
И посохом мне стала нищета.

Уж лучше быть отшельником в пустыне,
Со звёздами вести свой разговор, –
И за молитвой смерть тебя настигнет.

Куда ни глянь – тщеславия позор,
И подлость торжествует откровенно.
Путь к истине приводит на костёр...

Огонь сжигает только то, что тленно;
Нет времени – и ангелы поют
В согласии с тобою и Вселенной,

И где душа найдёт себе приют...
Среди созвездий, знаков и обличий
Чертит комета свой зловеший путь...

Как страшно жить! – О, где ты, Беатриче?

* * *

Всё отобрав, оставил Боже Правый
Лишь нежные последние слова, –
Я не нашёл достойной им оправы;

Слетали с губ, как с дерева листва.
И звёздный круг над кругом листопада
Простёрт по праву смертного родства.

Жизнь – только миг вселенского распада,
Но, зная наперёд, что всё пройдёт,
Душа по-детски и пылинке рада –

О дальних странах и мирах поёт.
Встают химеры лживые из бездны –
Прервать её ликующий полёт.

Век шествует путём своим железным;
Все мысли об одном: купоны стричь;
Ржавеет совесть хламом бесполезным;

Срывается, скользя, летучий стих,
Летит пустыней жизни сиротливой...
Премудрости Господней не постичь.

Лишь зная, что умру, живу счастливый...

* * *

Избегая всемирного тленья,
Только словом и скажешь себя, –
Проплывает оно пламеня,
Равнодушно любя и губя.

Разве слово дано не от Бога?
Все, кто страждет и терпит, ко мне!
Мне подвластны в расчёте убогом
Ход планет и движенье комет.

Только даже и словом нетленным
Не сказать, как ребёнка слеза
Семью семь прожигает Вселенных,
По щеке золотистой скользя.

Александр ЛОШКАРЕВ

Липецк

ЭТО ВЕЧНОСТЬ СТОИТ НАД РОССИЕЙ...

* * *

Мне выпало любить простые радости,
душою не кривляться и лицом.
Спадают звёзды яблоками в августе,
Но, слава богу, живы мать с отцом.
И пусть всё чаще тяжело и непросто, но
из далеко затерянных квартир
доносятся звонки друзей разбросанных,
объединяя необъятный мир,
в котором ничего ещё не кончено
и жизнь ещё как лодка на волне.
Жаль одного – что это всё непрочное,
но оттого ещё дороже мне.

* * *

Что берёшься гадать по руке,
золотая моя, не смехи.
Город есть на Воронеж-реке,
в этом городе вся моя жизнь.
Здесь в столице, поди, невдомёк –
суета и приезжих полно –
но горит для меня огонёк –
у родителей в доме окно.

Сердце рвётся туда напролом,
к вам я так присвистел – по делам.
Если б знала ты свой отчий дом,
то, конечно, меня поняла.

* * *

С нечёсаной немытой головой,
в запёкшейся крови, под старой ивой
он улыбался: главное, живой
и отводил глаза свои стыдливо.
Футболила щёбёнку пацанва
в него, как злобный рой вокруг кружила...
Он голову руками закрывал
в смирении, уму непостижимом.
Когда народ со смены шёл домой
его сгоняли матом с остановки.
Он улыбался: главное, живой
и уходил смущённо и неловко.
Я не припомню, был ли он алкаш,
а имени его не знаю вовсе.
Он просто был. Обычный, как пейзаж.
Как солнца свет, как, предположим, осень.
Он в Лету канул сколько лет тому
назад, а всё осталось тем же самым:
автобус, небо в заводском дыму,
девчонка, в сад идущая за мамой...

Но если вдруг я не в ладах с собой,
кривится путь и ничего не мило,
подскажет память: главное – живой.
И я живу. И всё преодолимо.

* * *

Так тихо здесь – куда ни погляди:
лесок вдали, заброшенное поле,
неясные надежды впереди
и пониманье – это всё пустое.
Не отмолить рождённым во грехе
грехов своих в травой заросшем храме.

Что было – солнцем катится к реке,
чтоб согнуть в ней мгновенно, словно камень.
И никого ни скликать, ни сыскать –
здесь небо избам продавило крыши.
Листает ветер травы, как тетрадь,
в которой слов вовек не разобрать,
и голоса родного не услышать.

* * *

Словно дым над землёй надпись чёрная вьётся по плитам,
что никто не забыт и ничто ни на миг не забыто...
Вы лежите, в смертельном огне не нашедшие брода,
вы навеки в кошмаре того сорок первого года.
Шпиль гранитный стоит устремлённый в небесную серость.
Было время, ребята, о вас говорилось и пелось.
А сейчас – хорошо, что лежите вы это не зная, –
раз в году вспоминают вас – только девятого мая.
Развалили страну, позасеяли землю церквями
и снимают кино, где открыто глумятся над вами.
Вы остались навеки под Минском, Смоленском, Москвою...
Что сказать вам сейчас? Извините, мол, время такое?
Чужаки на конях, мол, промчались, украли удачу?

...Вы простите, ребята, что я от бессилия плачу...

* * *

Поменялись и время, и норы,
государство сменилось и век,
только боль обожжённых просторов
не остудит течение рек,
плача вдовьего дождь не утешит,
облегчения не принесёт...
То не тишь – только вопли да скрежет,
не туман – гарь пылающих сёл...
Я стою с головой непокрытой
перед лесом, дорогой, травой,
перед сонмом на взлёте убитых,
перед памятью этой живой.

Это запросто можно подслушать
в голубой предвечерней дали,
это – накрепко вросшее в душу
ощущение боли земли.

* * *

Сгушается ночь, стонут рельсы издалека –
заблудший состав ткнулся носом в ладонь вокзала –
и тянется, тянется запах хлеба и молока
и трав луговых над землёй из конца в начало.
Лежишь на траве, дышишь: – Господи, я живой!
Вот совесть моя – не грызёт, а мурчит котёнком.
И тянется, тянется только небо над головой,
и тянет запеть – под гармошку бы да негромко,
чтоб каждую нотой лелеять свою печаль,
ведь вряд ли уже повторится подобный вечер...
Состав в луговину ворвался, конём фырча,
и скрылся вдали, где трава прорастает в вечность.

* * *

Я прихожу всё чаще и молчу
к тем памятникам – часто возле церкви, –
где алфавитный строй плечом к плечу
ребят, не возвратившихся к родным.
И суета житейской чепухи
мельчает сразу, затихает, меркнет.
Чтоб я сейчас мог клясть свои грехи,
они остались на полях войны.
Они нашли последний свой приют
под Вязьмой, под Ельцом, под Ленинградом,
не ведая, что Гитлеру капут,
что внуки носят их над головой.
До мутно-влажной пелены в глазах,
до боли в сердце прошибает правда –
уж если без иронии сказать,
то только им: спасибо, что живой.

* * *

Не мгновенье на фотобумаге,
не измаранный одой листок –
просто взгляд худощавой дворняги,
«жигулёнок», уткнувший в песок,
старичок с папиросой у грядки,
сонных кур бестолковых возня...
Всё идёт заведённым порядком,
потому что иначе нельзя.
Это значит, что если растаем
мы в свой час в неземной синеве,
так же горбиться будут сараи,
будут яблоки в мокрой траве.
Светят звёзды из сумерек синих,
мрак сжигая в небесном огне –
это вечность стоит над Россией,
значит, время не властно над ней.

* * *

Совсем не горько, что бегут.
Мне горько, что они вернуться,
чтоб снова убежать на срок
пока им грезится беда.
Предвестники великих смут:
страна расколется, как блюдце...
Предатель – это не пророк.
Идите к чёрту, господа.
Да, здесь у нас не рай отнюдь,
немногое приемлет разум,
но я не выбирал, в какой
стране родиться мне на свет.
Пускай её извилист путь,
я ей самим собой обязан,
а значит, никакой другой
страны родней на свете нет.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

Балашиха, Московская область

НЕТ, ВРЕМЯ ПАМЯТИ НЕ ВЫШЛО!..

Вера

Светило несколько померкло,
И ночи тёмные длинны...
Молюсь за тех, кто нынче в пекле
Великой праведной войны,

Где хлеборобы и поэты
Стоят за родину стеной...
Молюсь за чистые рассветы,
За доброту души земной.

Нет, время памяти не вышло!
Здесь помнят моего отца,
И он, конечно же, услышал,
Как внуки бьются до конца.

Молюсь, чтоб оживали веси
И вновь вставали из руин,
Чтоб мой отец услышал песни, –
Он, не доживший до седин.

И нет для нас светлей награды,
Чем духа русского полёт...
Я и за тех молюсь, кто рядом,
Кто веры сердцу придаёт.

По-нашему

Слова, на чувства вялые, –
Что свет от лампы тусклой.
А я пишу по-старому,
По-нашему, по-русски.

В них нет, увы, фантастики,
Но дышат лес и травы...
Любимейшая классика
Даёт на это право.

Их не украсишь стразами,
Не пересыплешь перцем,
Но в них, как в русском празднике, –
И музыка, и сердце.

На закате

Село солнце, день итожа,
Притомлённое слегка.
Обещают день хороший
На закате облака.

Эти краски неземного,
Эти перья вразнобой...
Может, снова, может, снова
Повстречаюсь я с тобой.

Может, тропку не минуешь,
Где волшебный морок жив,
Может, крепко поцелуешь,
Все сомненья разрешив!

Пир души моей...

Пробавляться грошами –
Доля немила.
Наконец-то дожили
Даже до тепла!

К чёрту – невезение,
 Быта маета...
 Столько пышной зелени –
 Просто красота!

Тают вовсе бедушки,
 Всюду звонкий смех,
 От такого летушка
 Опьянеть не грех!

Манят тропки узкие
 И поёт ручей...
 Лето среднерусское –
 Пир души моей!

Словно в дни рождения –
 Духа высота...
 Взгляду – наслаждение,
 Жизни – полнота!

Где окраины тихи...

Не просты пути земные,
 Если мир враждой распят.
 ...Драгоценные родные
 В разных землях чутко спят.

Как смириться мне с потерей
 Моих предков золотых?
 Боже, как тебе не верить
 В то, что живы души их,

Что и там, по крайней мере,
 Где окраины тихи, –

Снится бабушке деревня,
 Снятся деду петухи!..

Из будущих книг

Владимир СЕДОВ

«РУССКИЙ КЛУБ»

Фрагмент романа

ГЛАВА 8. ВЛАДЫКА

Часть 1. Романовы

У Глеба с детства понимание Бога было связано с дедом Яковом, который был главным для него на Земле, а Бог – самым главным на небе.

В перестройку народ бывших социалистических республик резко развернулся от идей коммунизма к своим традиционным религиям. После развала СССР в России стало модно ходить в храмы, слушать проповедников, покупать и носить религиозные символы.

Глеб не остался от этого в стороне.

В Москве, в период обустройства филиала своей фирмы, он был приглашён на ужин в закрытый клуб. Ему пообещали, что там помимо вкусной еды и хорошего вина будет встреча с проповедником нового религиозного учения. Глеб принял приглашение не из-за проповедника, а из профессионального интереса как владелец закрытого Бизнес-клуба в Нижнеокске.

– Старец Феодосий, – представился проповедник.

На лице старца лежал отпечаток приевшейся обыденности. Это был мужчина лет тридцати с жиденькой сивой бородёнкой, бледными тонкими ладонями, розовыми

наманикюренными ногтями и кругленьким, значительно обозначившимся животиком, одетый не то в рясу, не то в длинную куртку от Версаче. На шее у него висела огромная золотая цепь с непонятной панагией, усыпанной бриллиантами.

Говорил он тихим голосом, как сильно уставший от толпящихся вокруг него людей с их мирскими проблемами. И, что бы он ни говорил, в наборе его слов была только истина. Все они высказывались в форме нравоучения и с тайным подтекстом, который мог разглядеть только тот, кому это дано. А если ты не понимаешь, что старец Феодосий говорит, то это оттого, что ты глупый и пустой человек.

Да и звать-то «старцем» этого молоденького проповедника как-то язык не поворачивался. И Глеб, определив свое отношение к этому молодому священнику, стал звать его про себя просто: младостарец.

Зашёл разговор о навалившихся в последнее время на человечество бедах и катастрофах, и кто-то задал вопрос старцу Феодосию:

– А что по этому поводу нам скажет духовное лицо?

– На всё воля Божия, – скромно, как бы за Бога мудро ответил старец.

И всё.

Глубоко, ничего не скажешь.

Не всякий догадается.

Не каждому придёт в голову такая мудрая и глубокая мысль.

Но всё это подумал Глеб, а остальные собеседники просто впали в оцепенение от краткости и величия изречения, высказанного тихим елеинным голосом.

После младостарец показал всем своим томным видом, что сильно притомился, и ему тут же придвинули обтянутое толстой тёмно-коричневой кожей, с высокой резной, в ангелочках спинкой кресло. Он упал в него, будто отстоял три обедни.

– Устали, устали... – защебетало общество. – Притомились?

– На всё воля Божия... – ответил он и прикрыл белёсые глазки.

И в зале моментально установилась тишина. Доносился только шёпот: кто-то вспоминал удивительные истории из жизни этого младостарца, но все воспоминания в основном начинались и заканчивались одним:

– Говорят, что старец Феодосий напрямую общается с Господом, что он необыкновенные вещи изрекает и необыкновенные поступки совершает...

А где и какие, никто не знал и не видел. И что это за прямое общение с Господом, тоже никто не понимал. Но каждый, боясь показаться невеждой, многозначительно замолкал, делая вид, что всё уже давно всем известно и вдаваться в частности не надо.

Наконец, очевидно, насладившись хвалебным шёпотом в адрес своей персоны, старец открыл глаза и приподнялся со своего резного кресла. И настолько этот подъём был торжественен, что многим показалось, будто это не простое вставание со стула, а явление народу нового пророка.

– Просим! Просим! – заскандировала перед ним толпа.

Старец Феодосий обвёл всех взглядом, благосклонно кивнул и опять присел в кресло, как бы придавленный громадой своих мыслей.

– Дети мои, – начал он, хотя все присутствующие гондились ему в отцы и деды. – Сейчас буду говорить с вами не я, а Он... – и Феодосий указал перстом вверх. – Моими устами будет говорить сам Господь! Вы все грешники, и грехи ваши нам видны.

«Круто», – подумал Глеб.

– Мы с Господом видим всё, и вам, смертным, не отвертеться от небесного суда.

После этих слов он подскочил в кресле, размахисто перекрестил толпу, стоящую перед ним, и, срывая голос, прокричал фальцетом:

– Аминь!

При этом он так звякнул огромной цепью с панагией, висевшей до этого без дела на его груди, что многим этот звук показался ударом божественного грома.

Зал впал в экстаз, как на сеансах Кашпировского. Некоторые на коленях поползли к креслу, где стоял младостарец.

– Прости нас! Прости нас! – голосили они.

– Прощаю! – неожиданно тихо промолвил младостарец. И пошёл из зала.

Младостарец исчез за дверью. Глеб тоже стал собирать-ся в офис. Пока ехал, переваривал то, что ему пришлось увидеть и услышать.

Священник священнику рознь...

Ничего нового для деятельности Бизнес-клуба он там не почерпнул, а приглашение пророка счёл хорошим рекламным ходом. Было понятно, что на эту встречу пришли люди, как и Глеб, ещё не воцерковленные и ищущие истинную веру. И неизвестно, куда бы завели Глеба такие новоявленные пророки и в какие храмы он стал бы ходить, если бы после смерти деда провидение не привело его к общению с удивительным человеком – главой Нижнеокской митрополии Русской православной церкви владыкой Николаем. Он пользовался огромным авторитетом среди прихожан и власти, восстанавливал брошенные храмы, открывал новые приходы, говорил, что в России только тогда наступят покой и благоденствие, когда будут восстановлены все церкви. Владыка разъяснил Глебу, что России необходима исконная православная вера, а не иноземные пророки и пророчества.

И Глеб со временем стал ему помогать в этом, как мог. Он в обязательном порядке отдавал десятину дохода на нужды православных храмов. Начал финансирование первой православной школы при Строгановской церкви и благотворительного фонда «Серафима».

Жил владыка Николай в небольшом, чистеньком и ухоженном домике при Карповской церкви.

Раньше Карповкой называлась деревня на окраине Нижнеокска – её давно снесли, но церковь каким-то чудом сохранилась. Кругом перегруженные дороги, провода, шум, грязь. На месте крестьянских домов построили огромные корпуса автозавода. А церквушка стояла, как чистая красивая девица среди пыльных мужиков в ватниках.

Под Новый год Глеб получил приглашение на званый обед в честь Рождества Христова в резиденцию Нижнеокской митрополии.

Туда же были приглашены первые лица губернии и города: Губернатор, его первые замы, Мэр, «красные директора», ещё руководившие заводами, руководители силовых структур и Глеб, единственный от предпринимателей. Хотя первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв с трибуны ООН заявил, что он скоро всему миру покажет «последнего попа». Но вот не получилось.

И теперь Глеб шёл на первую свою рождественскую трапезу, опасаясь, как бы не опростоволоситься. Из церковных норм поведения он только и мог, что правильно перекрестить лоб да повторить то, что часто говорил дед Яков: «Прости, Господи!»

Гостей на входе в трапезную встречал сам владыка. Все прикладывались к его руке и получали благословение. Глеба он встретил радушно, перекрестил, но Глеб руку целовать не стал. Владыка это опять как бы не заметил и сказал:

– Проходи, проходи! Чем богаты, тем и рады.

Глебу было неловко от того, что он не поцеловал руку, но сделать с собой ничего не мог.

Глеб уже признавался, что не может пересилить себя и поцеловать руку мужчине. Владыка объяснял, что целуется не рука, а так выражается любовь к Господу. Глеб кивал, что понимает, но не все священники святы. Глеб часто говорил об этом владыке.

У того был один ответ:

– Ты, друг мой, своим поведением показываешь отношение к Богу, а не к его служителю. Как тот себя ведёт и как служит – это его ответственность перед Богом. Если что не так, он и ответит. Не тебе судить. Думай о себе, о своём поведении, о своих грехах. Человек, осознающий свою греховность, уже наполовину прощён Господом.

Сели за стол. Владыка прочитал «Отче наш» и благословил трапезу.

Настроение было праздничное.

Столы ломились от яств. Глеб сам прислал владыке и рыбки белой и красной, и икорки, и буженинки, и колбасок разных.

Владыка, сидя во главе стола, предлагал попробовать то или иное блюдо. Особенно нахваливал малосольные хрустящие огурчики.

– Это не к водке огурчик, а к огурчику водка, – говорил владыка. – Вкус их – с чесночком, с укропчиком, с перчиком, с хреном, со смородиновым и вишнёвым листочками – не передать словами.

И правда, рюмка «горькой» после малосольного огурчика с запахом мороза, летней прохлады, свежести трав и чистоты русского поля превращается из отравы в мёд.

Первые тосты были за праздник. Затем за гостей.

Сам митрополит выпил за трапезой только три раза. И на четвёртый перевернул свою серебряную рюмку дном вверх.

Глебу запомнился тост владыки о том, что, зарабатывая, не надо спешить: курочка по зёрнышку клюёт, а потом златы яички несёт.

Похоже было, что владыка озабочен будущим зарождающегося класса нового русского «купечества».

После той рождественской трапезы Глеб стал часто бывать у владыки, который, несмотря на занятость, всегда находил время для него, и они подолгу беседовали. И даже один раз вместе ходили на зимнюю рыбалку, на окуньков.

Глеб переживал, что он недостаточно воцерковлённый, и искал это в себе. Говорил, что хочет полюбить Бога, но не знает, где его найти, в каком храме.

На что владыка говорил:

– Чего Бога искать? Вспомни свою мать, которая тебя из себя родила и своей грудью кормила, когда ты был беспомощным комочком, – вот тебе чистое божественное начало. От него и пляши. Если любишь мать свою, полюбишь и Бога. И придёшь в тот храм, который душе твоей всех ближе.

В резиденции владыки обволакивала атмосфера покоя и откровенности. Незаметно для себя Глеб начинал говорить о каких-то своих проблемах, зачастую незначительных. Владыка слушал внимательно, никогда не перебивал и чаще всего при таких обращениях к нему отвечал: «Суета сует и сует суета».

Глеб от этих слов задумывался. И вдруг начинал понимать, что его проблемы – действительно суета и пустые житейские хлопоты. А жизнь течёт и продолжается, уве-

ренная в своей нескончаемости, по законам Божиим, по воле Его.

На Крещение к Глебу приехал Паратов, и по совету владыки они отправились на святой источник Серафима Саровского. Тогда это ещё был совсем не оборудованный родник.

Было очень холодно. Добрались до родника – стало совсем морозно. От воды поднимался зимний пар. Водитель даже не выходил из машины.

У источника они увидели семью из пяти человек. Папа и мама лет тридцати пяти и трое детей мал мала меньше. Они разделись, накинули на себя белые рубахи и окунулись по три раза в источник. Глеб на эти купания глядел с большим удивлением.

Выйдя из воды и стоя у родника, они прочитали молитву, а затем оделись, перекрестились, поклонились святому источнику и ушли в лес.

Глеб явно был не готов на такой подвиг. Но Паратов так уверенно стал раздеваться, что Глебу стало стыдно за слабование, и он тоже скинул с себя всю верхнюю одежду. Сергеич со словами «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» смело три раза окунулся с головой. Глеб – следом за ним. От такого омовения у него перехватило дыхание, и, как только он выбрался из источника и собрался одеваться, Паратов его пристыдил:

– Только что семья с маленькими детьми прочитала целый акафист Серафиму Саровскому, а ты!

И стал молиться. Когда Сергеич закончил, Глеб уже примёрз ногами к снегу, на котором стоял.

Кое-как оторвав ноги от наста, Глеб оделся быстрее Паратова и юркнул в машину, подумав, что тут же в ней и померёт. Но пока они ехали от источника, Глеб стал ощущать радость жизни. Всё тело его ликовало, а душа пела.

Владыка ко всем был добр и внимателен, излучая отеческую любовь к каждому обратившемуся к нему. Никогда не показывал, если у самого что-то болело. Он всегда полностью выстаивал долгие службы. И даже то, что у него часто ныла раненная во время войны нога, никто не замечал.

Владыка участвовал в Великой Отечественной войне. Под Нижнеокском он прошел трёхмесячные курсы водительской подготовки и был отправлен почему-то не на запад, а на юг – в Азербайджан, а затем в Иран. Там собирали военные грузовики для фронта по ленд-лизу, которые через Азербайджан переправляли к Волге, под Сталинград, где шли ожесточённые бои.

После Сталинграда владыку отправили на курсы артиллеристов, и он со своей батареей дошёл до Берлина, хоть и был ранен в ногу. Много перенёс, многое повидал, но мало рассказывал о войне. И если за столом заходил разговор о его службе в армии, он полушутя говорил, что вкуснее армейской тушёнки в банке, с листиком лаврушки и несколькими горошинками перчика, ничего никогда не «ёдывал».

И войну не считал продолжением «противостояния идей». Война всегда – это обыкновенное бандитское нападение. Он называл войско Гитлера бандой, а солдат вермахта – грабителями. Они не столько воевали, сколько грабили.

В рейхе одним из самых основных и крупных департаментов была почта. Как только солдаты приходили на новую территорию, они всё, что могли, отправляли домой посылками. И делали это все – от рядового до фельдмаршала. Не гнушались ничем: ни половиками, ни кринками. Поток посылок был бесконечен и исчислялся миллионами ящиков. Идеология нацизма была не чем иным, как поводом безнаказанно пограбить.

В подтверждение слов владыки знакомый Глеба, голландец и партнёр по бизнесу, жаловался, что они до сих пор обижены на немцев, которые во время войны увели из их страны миллионы велосипедов и до сих пор, даже через полвека, не вернули.

После слов владыки и Глеб стал по-иному смотреть на любую войну.

Идёт время, увеличивается население, осваиваются континенты, строятся новые города, но ничего не меняется в сознании людей. Все винят в своих бедах или соседа, или государство, или другую нацию, или другую религию,

но не себя. В конечном итоге всё сводится к одному желанию: жить лучше, чем живёт «сосед».

Владыка имел свой особый взгляд на события и любую проблему. Был самоироничен, мог пошутить: «Гром гремит, земля трясётся – поп на курице несётся!»

Мог ударить архиерейским посохом слишком назойливого верующего, который ходил по кругу и по несколько раз возвращался к владыке за благословением.

С удовольствием рассуждал об искусстве, живописи, музыке, истории.

Малевича считал авантюристом. Его картину «Чёрный квадрат» называл агитплакатом большевиков, выставленным вместо православной иконы в красном углу.

Лучшей книгой считал «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма, а лучшим видом музыкального искусства – хоровое пение.

Говорил, что все люди от рождения добрые и красивые. Это потом дьявол находит слабых, соблазняет их, и такие люди становятся злыми и уродливыми.

Считал, что пьяницами мужья становятся из-за неласковых жён.

А ведьмами женщины становятся из-за невнимания мужчин.

Дети всегда рождаются талантливыми – кто в чём, но талант в них убивают родители, запрещая «лезть куда не надо».

Общаясь с владыкой, слушая его и наблюдая за ним, Глеб чувствовал, что его собственное понимание мира становится более глубоким и ясным.

В детстве он ассоциировал веру с церковью в Миловке. Глеб мальчишкой лазил в неё, и ему слышался шёпот веков и виделись суровые бородатые люди в армяках, молящиеся Богу. Но церковный храм был заброшен, стоял с покосившимися крестами. Хотя ему тогда казалось: то, что от Бога, – вечно и нерушимо. А оказывается, Божественный Храм можно сломать. И тогда Храмом для Глеба стала Вселенная, колыбель всего мира.

Сейчас же душа Глеба просила восприятия веры не как разрушенного каменного здания, а как Господнего дома,

где Бог слышит и чувствует души людей более ясно, чем в суе мирской жизни. Церковь – не только храм, это память и служение Богу многих поколений. К этому пониманию и вернул Глеба владыка.

Несколько раз он приглашал его на службу.

Глебу нравилась красота и торжественность убранства церкви. Но сама служба утомляла, и Глеб не понимал, о чём вещают попы на странном языке. А вот хор он слушал с удовольствием: его увлекало, как изящной ладошкой девушка дирижировала, как бы подавая поющим ноты. Кисть её и даже отдельно каждый пальчик плыли чуть впереди мелодии и звонких голосов певчих. Это было восхитительно. Вообще Глебу всегда очень нравились руки женщин. Тонкое запястье, нежные пальчики. В них было что-то детское, чистое, напоминающее лепестки прекрасных цветов.

Постепенно Глеб стал регулярно посещать церковь и более вдумчиво относиться к словам владыки, и загадочные слова молитв становились всё понятнее. Теперь, прежде чем что-то предпринять, он соотносил свои решения и поступки с рассуждениями владыки: «Ты имеешь дело с деньгами, и заработанная копейка должна истлеть в твоём кулаке, прежде чем потратиться».

Когда Глеб поехал в Голландию за покупкой мини-пекарен на колёсах, владыка вместо благословения сказал ему: «Бешеной собаке семь вёрст не крюк». Глеб тогда обиделся на эти слова. Конечно, можно было это организовать самим в России, но за границей всё было уже готово, приезжай и бери. И только со временем он понял, что если владыка говорил, то всегда видел дальше и глубже, чем неопытное поколение.

Как-то Глеб открылся, что при возникновении необычайно сложной ситуации, не видя её решения, он начинал невольно думать о том, чтобы какое-либо стихийное бедствие своей неотвратимостью отложило бы наступление последствий.

– А вот это страшный, несмыываемый грех, – говорил владыка. – Тот, кто пытается свои дела решить через беды и горе других, сам будет гореть в аду, а потомки его бу-

дут прокляты до седьмого колена. Ты не кусай, и тебя не укусят.

Глеба от этих слов пробил пот, и он поклялся, что больше такие мысли не появятся в его голове. Благо, что он только думал об этом, но не предпринимал никаких действий. Ему после этой клятвы даже дышать стало легче.

А о загробном мире владыка рассуждал так:

– Человечество никогда не вымрет само по себе, без Божьего перста. Каждый получит то, что заслужил. Кто будет париться, а кто жариться. Человека создал Бог, он его и уничтожит. Человек слишком слаб и мал, чтобы уничтожить самого себя, как ни пытается уродовать тело и морить душу.

Глеб был согласен, а владыка, видя его молодой задор, улыбался и благословлял ангелом.

Детские мечты и фантазии продолжали жить в сознании Глеба, но, вникнув в смысл религии, он вдруг обнаружил большую схожесть с учением коммунистов.

И там и тут не принимались богатеи, было сочувствие к бедным.

И там и тут все люди признавались братьями и должны были любить друг друга.

Осознание этого всё ближе и ближе двигало его к полному восприятию религии, но, веривший во всеобщее братство, равенство и справедливость, Глеб постепенно стал ощущать, что в новое время на этих принципах далеко не уедешь. А если и уедешь, то совсем не туда.

Не все его сверстники и товарищи по бизнесу думали так же.

Это как в семье братьев Карамазовых.

Один брат преданно любил Бога.

Второй не признавал Его.

Третий вроде понимал, что Бог необходим, и в то же время обходился без Него.

А четвертый, внебрачный, был занят проблемами родства с единокровными братьями, и ему было не до их душевных метаний.

Вот эта каша в умах бизнесменов и чиновников Нижнеокска особенно ярко проявилась во время визита якобы царствующей семьи бывшей Российской империи.

Губернатору пришло письмо из администрации президента о том, что по Волге путешествует семья Романовых. Пока не всеми признанная.

Мария Владимировна Романова, называющая себя великой княгиней и главой Российского императорского дома, её двенадцатилетний сын Георгий и мать Марии Леоныда Георгиевна Романова. По мнению Марии Владимировны, императорский дом состоял из неё самой и сына Георгия.

Четырёхпалубный комфортабельный теплоход «Георгий Жуков» был им предоставлен совладельцем Окского пароходства.

Ни президентская администрация, ни правительство к их путешествию никакого отношения не имели. Но пришёл сигнал из Москвы: «Сообщайте, мол, сами, как встретить».

Губернатор вызвал бизнесменов, силовиков, Мэра города, и собравшиеся стали думать: «И как же встретить?»

Силовики сказали, что в Нижнеокске есть два «официальных» дворянина, каким-то чудом уцелевшие при социализме, и надо посоветоваться с ними.

Один из бывших графов, Лапшин, сейчас работает в ГАИ. Кукушев, из князей, – учителем труда в школе. Но они тщательно скрывают свое дворянское происхождение. Есть ещё одна «дворянка» лет тридцати, активная, которая всё пытается создать Дворянское собрание с меркантильной целью продажи дворянских титулов.

После долгих обсуждений решили, что эти трое и будут встречать гостей. К ним приставят из отдела культуры пару человек, привлекут кого-то из творческих союзов, партий и общественных организаций, попросят попридти митрополита с духовенством – вот и получится приличная толпа. Потом экскурсия по городу, встреча в здании бывшего Дворянского собрания на Большой Покровской с желающими поглазеть на царских потомков и званый ужин в ресторане фирмы «Русский клуб».

Для этого пригласили на совещание Глеба.

– Вот в «Охотник», на неформальное общение, уже приедем и я, и Мэр. Хорошо? – спросил Борис Ефремович.

– Хорошо, – согласились все.

Борис закрыл совещание, но Глеб и Мэр остались.

– Чем будем угощать? – спросил Губернатор.

– Не знаю, – честно ответил Глеб. – Что они едят – я без понятия. Всё же царская семья. Если по Гоголю, то что-то из золота.

– Ерунда всё это, – взял инициативу в свои руки Мэр. – Я уточнил у своих коллег из городов, где Романовы уже побывали: они небогатые и непривередливые люди. С ними едут ещё человек двадцать каких-то безумных монархистов – вот те и гонят понты, а сама семья – скромные особы, хоть и царских кровей.

– Я считаю, что надо их встретить как следует, не в пример соседям, – возразил Губернатор. – Так что действуй, Глеб Андреевич. Эта часть за тобой.

– Понятно, – сказал Глеб. – Оплаты никакой, как я понял, не будет?

Губернатор посмотрел на Мэра.

Мэр на Губернатора.

А потом оба на Глеба. И Мэр выдал:

– Тебе честь выпала такая, а ты про деньги...

Поняв, что придётся всё взвалить на себя, Глеб, отдав распоряжения, поехал к владыке и сообщил ему, что в ресторане «Охотник» он будет принимать царскую семью.

Владыка его словно не услышал. Заговорил о новой резиденции недалеко от Нижнеокского кремля на улице Пискунова, о курочках, которых он там завёл в маленьком курятнике.

Глеба это немного задело. Он, дослушав про курочек, о том, как их кормят и как хорошо они несутся, спросил, будет ли владыка на этом приёме, тот со вздохом ответил:

– Тебе поручили, ты и встречай. Там и без нас, служителей Божьих, будет достаточно народу. Вволю все натешатся.

И благословил Глеба на «подвиг».

Глеба удивило такое отношение владыки к царской семье. Чувствовалась неприязнь. Откуда?

Из беседы с владыкой Глеб понял, что у Русской православной церкви есть обида на царскую семью. Старые

счёты православной церкви с родом Романовых тянулись ещё с петровских времён.

Создав Российскую империю и проведя реформу государственного управления, Петр I упразднил патриаршество и создал вместо него Святейший синод. Тем самым поставил церковь в один ряд со всеми другими структурами царской власти. Девиз петровских времён «За веру и верность», впоследствии преобразованный в девиз «За Веру, Царя и Отечество», потерял весь свой сакральный смысл.

И тут началось. Каждый из сменявшихся на российском престоле государей и государынь приложил руку к уничтожению доверия к православному духовенству.

Большую роль в этом сыграли фельетоны и пасквили, эпиграммы и карикатуры деятелей российской культуры, народовольцев, разночинцев и интеллигенции, благодаря которым похабные сказки и гнусные картинки с участием попов стали нормой. К приходу большевиков русская классическая литература не скрывала своего пренебрежения к нищим и спившимся попам. И, естественно, они окончательно уничтожили авторитет православия среди народа арестами и расстрелами священников.

Глеб был поражён такой предысторией решения владыки.

После отказа владыки быть на встрече Глеб расстроился, что так быстро согласился устроить банкет. Но слово уже было дано, и он приказал готовить приём по высшему разряду. Хотя проведение этого банкета уже стало ему казаться не торжеством, а шутовством.

На самом деле, мать и дочь Романовы были без царского апломба и оказались приятными собеседницами, а Георгий – любопытным и капризным пареньком.

А вот их свита!..

Свита была в потёртых пиджаках, кургузых смокингах и стоптанных ботинках, но апломба у них было немерено.

В ресторан прибыли первые лица: Губернатор и Мэр Нижнеокска. С ними за одним столом оказались скрывавшие до этого свои дворянские корни гаишник, учитель

труда и энергичная «дворянка». Столы стояли буквой П на втором этаже ресторана.

На столе президиума перед почётными гостями на огромном серебряном подносе, украшенный овощами и фруктами, красовался искусно приготовленный полуметровый осётр.

Гости бросились рассматривать чудо-рыбу. Вдруг Георгий разглядел что-то особо интересное у этого осетра.

– Мама, – закричал он, обращаясь к великой княгине. – Смотри, что у этой рыбины в голове!

К жаберным щелям осетра были прикреплены огромные серёжки, сделанные шеф-поваром из сахарной глазури таким образом, что их нельзя было отличить от натуральных – из драгоценных металлов с самоцветами.

Пригласили Сергея Ивановича – автора этого шедевра. Он скромно поклонился и рассказал, что в 1896 году в Нижнеокск на Всероссийскую промышленную и художественную выставку прибыл император Николай II с семьёй. Российское купечество приготовило царской семье необычайный подарок: в Волге выловили шестиметровую белугу. Ювелиры изготовили из золота и бриллиантов великолепные серьги в виде герба Российской империи и прикрепили их к костным жаберным перепонкам. Поместили рыбину в аквариум, и там она плавала с серьгами до приезда царской семьи. После осмотра императрице стало жалко эту большую красивую рыбу, бившуюся в подтупшей воде, и она попросила купцов отпустить белугу в Волгу, что и было исполнено. Только в суматохе забыли снять серёжки. Рыбина ударила хвостом и исчезла в Волге.

На следующий день в сети под селом Безводном, в нескольких километрах ниже города по реке, попалась огромная белуга. Рыбаки, вытащив её на берег и увидев в жабрах украшения, очень удивились. Пока думали да гадали, один из рыбаков вытащил одну серьгу и – бегом в кабак. Кабатчик серёжку принял, водки ведро дал, но, разглядев на ней герб Российской империи, доложил об этом в полицию. Рыбака немедленно задержали. В сказку о том, что они рыбацкой артелью вытащили белугу в этих серёгах, никто не верил. Пока сам полицмейстер не сходил

на промысел и лично не увидел в сетях белугу со второй драгоценностью.

Эта история дошла до самого генерал-губернатора Нижнеокска. Он-то и дал распоряжение отпустить рыбака. А серьги уже в хохломской шкатулке, обитой внутри красным бархатом, были вручены царской семье.

И с этими словами Сергей Иванович вручил Марии Владимировне точные копии тех серёжек на блюдечке.

Гости взорвались овациями, и банкет начался.

Но прежде чем начать резать осётра, всем желающим предоставили возможность сфотографировать это чудо.

Через каждый метр по всем столам стояли специальные вазы с тремя видами чёрной икры: зернистой осетровой, паюсной белужьей и замороженной стерляжьей, а также вазы с красной икрой. Камчатских крабов и медвежьей буженины было в избытке. А уж остальных яств такое количество, что не верилось в их реальность. Большинство гостей поначалу эти яства даже и не ели, считая их бутафорией. Ну а когда распробовали, то начался пир горой.

На первое предлагались: уха из осетрины и стерляди с шампиньонами, мясная солянка, борщ по-киевски, суп венгерский «Уйхази».

На второе: паровая стерлядь кольцом, язык по-итальянски, котлеты из осетрины «Камен», антрекот по-варшавски, спагетти «Ницца», шницель по-римски, цветная капуста по-марсельски.

На десерт: печенье овсяное, лимонное, шоколадное, имбирное. Конфеты «Трюфели», «Птичье молоко», «Коровка». Пирожные «Наполеон», «Окское», «Эклер», «Медовик». Малиновый мусс, крем-брюле. Сдоба – крендели, розанчики и жаворонки. Вафли. Блинчики «Райские». Мороженое пяти сортов. И всё – собственного производства.

Гости ахали и восхищались изобилием, вспоминая скромные меню в других волжских городах.

В середине застолья на сцену вдруг вышел один из первых предпринимателей Нижнеокска, бывший комсомольский вожак. Он встал по стойке смирно и дал команду оркестру, который сам и пригласил, к исполнению гимна Российской империи «Боже, царя храни!»

Дворяне повскакивали с мест, пришлось вставать и Губернатору с Мэром.

Потом пили, ели, пили, ели... Со всех сторон за столом слышалось: «Ваше сиятельство...», «Извольте отведавать буженинки из медвежатинки...», «А вот отварная осетринка...», «Но обязательно с польским соусом, его так любила императрица Александра Фёдоровна, Царство ей Небесное...».

Все были в прекрасном настроении.

После застолья Глеба долго благодарили за сказочный приём и гости, и Губернатор, и Мэр. А энергичная нижнеокская «дворянка» пообещала принять его в местное дворянство, которое она будет формировать сразу же после отъезда столь важных особ.

Но Глебу после потёртых пиджаков, апломба и какой-то игрушечности в поведении этого общества стало неловко за российскую послереволюционную имперскую элиту в изгнании.

В голове стучало: «Господи! И эти люди, сидевшие сегодня у меня в ресторане и давившиеся икрой, крабами, осётрами, – потомки тех, кто создал наше великое государство? Что это за обман? Что это за страшное вырождение? Во что же тогда должны превратиться мы, простые пахари и воины, если господа превратились в посмешище!»

И хотя царская делегация со своей свитой выглядели довольно смешно, в самой ситуации не было ничего весёлого.

Губернатор сказал Глебу: «Ты завтра пришли счет...», Глеб ответил: «Не надо, ничего не надо...» – махнул рукой и ушёл из ресторана первым.

Поехал к владыке. На душе было тошно. Владыка его не принял. Отдыхал. Глеб уехал из резиденции владыки ещё более расстроенный. Куда ехать? Домой? Не хотелось Иде портить настроение.

Хотелось побыть одному, и он поехал в Бизнес-клуб.

Виктор КАРПЕНКО

МИШКА И ЕГО ДРУЗЬЯ

Фрагмент повести

В областном центре Мишка был всего дважды, и потому, как только минули окраину и пошли по одной из улиц города, он приотстал от спешащих впереди девчонок. «Что те пингвины», – глядя в спины подружек, ковыляющих в валенках по заваленному снегом тротуару и закутанных в шали так, что видны только одни глаза, отметил про себя Мишка. Он примечал всё: и названия, пересечения улиц, и вывески на входах в здания, и встречающиеся немецкие и полицейские патрули, не обращающие внимания на спешащих куда-то подростков. Через какое-то время девочки вышли на одну из центральных улиц города. Здесь всё реже встречались гражданские и всё больше попадались навстречу немецкие солдаты и офицеры.

Возле одного из домов девочки остановились. Иринка осталась на улице, а Танюшка вошла в подъезд. Мишка прошёл мимо девочки.

– Здесь, – уловил он краем уха.

Слева от входной двери висела табличка на немецком, а ниже на русском: «Жилищно-хозяйственное управление».

Мишка вошёл во двор одного из домов и, юркнув в парадное, примостился у разбитого окна так, чтобы было видно Иринку. Вскоре рядом с ней появилась Татьяна, и они заторопились в обратную сторону. Мишка, засмотревшись на топающую по улице колонну немецких солдат,

чуть не упустил момент, когда девочки свернули в переулок. Вот они остановились у большого четырёхэтажного дома. Иринка опять осталась у входа, а Татьяна вошла в подъезд. Остановился и Мишка. Не прошло и десяти минут, как на улице показалась Татьяна и поманила его рукой.

– Всё в порядке. Это мой дом. Квартира двадцать девятая, второй этаж, налево. Пустая. Ночуем здесь. Сообщи Николаю, что нужного человека нашла, всё ему передала. Завтра ближе к полудню будет результат. Ты-то сам дорогу запомнил? – строго сдвинула брови девчонка.

– А то! Город не лес.

– Ты особо-то не зазнавайся. Как мне сказал тот человек, в городе после 16.00 наступает комендантский час. Без пропуска никуда. Так что поторопись. Мы тебя ждём.

Мишка отыскал Кольку в заброшенном доме, там, где они и расстались. Передав информацию для Никонова, предупредил:

– Встречаемся завтра здесь же после двенадцати.

Мишка постучал. Двери открыла Танюшка.

– Заходи быстро! Квартиру не выхолаживай! – строго сказала она и отступила, давая пройти пареньку.

Мишка осмотрелся: две комнаты, кухня, ванная, туалет. На кухне потрескивает дровами печка.

– Дрова-то откуда? – удивился он.

– У соседей позаимствовали, – весело сверкнула глазами Иринка. – Им без надобности. Нет их. Выехали. Ты только туалетом не пользуйся – трубы перемёрзли... – пояснила она и загремела посудой. – Сходи во двор, принеси снега. Растопим, воду вскипятим, чай будет, – распорядилась девочка.

Взяв ведро, Мишка спустился на первый этаж, выглянул из парадного. Вечерело. На улице никого. Вышел. Набрал снега.

«Что за задание? – размышлял он, медленно поднимаясь по лестнице. – Никонов молчит. Танюшка ни словом не обмолвится... К чему такая скрытность от своих?»

– Миша, ты бы окна занавесил... Темновато... А я керосиновую лампу сейчас достану, – донёлся из кухни голос

Татьяны. – Я тут керосин отыскала. Ещё довоенный! И вот ещё что... – Танюшка вышла из кухни, неся в руке что-то завернутое в белую тряпицу. – Сахар. Как он уцелел за полгода...

– Не лазил по квартире никто. Вот и уцелел, – заметил Мишка. – А родители-то твои где? – поинтересовался он.

– Папа ещё в первые дни войны попал под бомбёжку, а мама с санитарным поездом уехала. Она у меня медик.

– А ты как же?

– Я с бабушкой осталась. А как немцы пришли, бабушка не могла смириться с этим... Как-то увидела, что на улице избивают человека, выскочила... только и замахнулась на фашистов палкой... – помолчав, девочка продолжила: – Осталась одна. Был в городе ещё дядя Мирон, брат отца, но у него четверо детей... Вот я и решила податься в Сиблово. Там жил друг отца – Косарев Алексей Иванович, служил в военкомате. С ним и к Бугаёву попала.

– Ну, а про меня ты всё знаешь, – снимая фуфайку, заметил Мишка. – Так что, девчонки, чайком угостите? – спросил он нарочито весёлым голосом. – Я и хлеба припас.

– Да ты что? – всплеснула рукам Иринка. – Откуда такое богатство?

– Из Опёнок. На последнем привале у Попова выпросил. Он же за снабженца и повара в рейде, – пояснил Мишка и принялся занавешивать окна.

– Ты телогрейку бы надел, – заботливо посоветовала Танюшка, – комната ещё не нагрелась. Простынешь.

– Не простыну! Мы, Давыдовы, народ закалённый!

– А гусар Давыдов, герой войны 1812 года, случайно не родственник вам? – съязвила Иринка, весело поплёскивая глазами.

– Всё может быть. Только он дворянин, а мы из народа! – многозначительно заметил Мишка.

Так во взаимных подколках и прошёл вечер.

Полумрак, потрескивают дрова в печи, воспоминания... словно и нет войны. Только уже перед тем, как укладываться спать, Мишка задал мучивший его вопрос:

– Танюш, зачем мы здесь? Не можешь сказать или не знаешь?

– Знаю, но пока не могу сказать. Как не раз говорил мне Алексей Иванович: «Чем меньше знаешь, тем крепче спишь», – улыбнулась девочка. – А если серьёзно, то скоро всё прояснится. И не обижайся. Не говорю для твоего же блага.

– Да ладно, я не в обиде, – отмахнулся Мишка. – Завтра то чем будем заниматься?

– Прогуляемся до тюрьмы и будем ждать. Встреча назначена на 14.00.

– А как время-то узнаешь? Часов нет.

– Это мои проблемы. Иди спать. Я тебе на кухне постелила. Возле печки. Заодно и за печкой присмотришь, – распорядилась Танюшка.

Здание тюрьмы находилось на окраине города: низкое, с маленькими окнами, серое и угнетающе мрачное, за высоким кирпичным забором.

– Примечай всё... это пригодится... – прошипела Танюшка.

«Неужели это и есть наше задание? – мелькнула мысль и тут же ушла, уступив место сомнениям. – Не может быть... Брать тюрьму в городе, кишашем фашистами, – это самоубийство! – А глаза и мозг в это время фиксировали: пулемётные вышки – две, охрана у входа – один автоматчик, у ворот – два автоматчика, подойти незамеченными можно со стороны того сквера, отход группы там же, – намечал Мишка путь движения. – Можно уйти, даже если будет преследование. До леса метров четыреста...»

Как только прошли здание тюрьмы, Танюшка спросила:

– Ну, кто что заметил?

– Тюрьма как тюрьма, – откликнулась Иринка. – Решётки на окнах, входные двери обиты железом или сделаны из железа, забор высокий, на нём колючка...

– А ты что увидел? – обернулась она к Михаилу.

– Три охранника на входе, две пулемётные вышки...

– Три вышки. Две по углам забора и одна с прожекторами на самом здании, – уточнила Танюшка. – А ещё на окнах кроме решёток закреплена сетка – защита от гранат.

– Откуда знаешь? Отсюда ведь не разглядеть...

– Читала... Тюрьма в городе построена ещё до революции. Так что за входными воротами есть ещё одни на расстоянии метров десяти. Они образуют коридор. Причём внутренние ворота открываются только тогда, когда закрыты внешние. В этом коридоре и осматривают арестованных или автомобили.

– А нам зачем про всё это знать? – повёл плечом Мишка.

– Позже узнаешь. Всё, возвращаемся и ждём двух часов.

В этот раз Татьяна пробыла в «Управлении...» более часа. Мишка уже начал беспокоиться, да и Иринка от холода перетаптывалась так, что стала привлекать внимание прохожих. Но вот показалась Танюшка... страхи и предположения отступили.

Проходя мимо Мишки, она сказала:

– Возвращаемся в Опёнки. Срочно!

Ещё до комендантского часа ребята покинули город.

– Ну как там, в городе-то? – нудил плетущийся позади Мишки Колька. – Нашли кого надо?

– Нашли, – отозвался Мишка. – Ты бы лучше под ноги смотрел и следил за дыханием. Задерживаешь!

В Опёнки пришли уже в полной темноте. Их ждали.

Собравшиеся в одной избе разведчики из отряда «Скол» и бугаёвцы пребывали в нетерпении. Татьяна доложила о походе в город и о встрече с нужным человеком и теперь тоже ждала решения командира.

Наконец, капитан Косарев, протиснувшись сквозь сгрудившихся бойцов отрядов, встал у стола, на котором стояла керосиновая лампа, и, прокашлявшись, начал:

– Товарищи! Перед нами стоит нелёгкая задача: освободить из тюрьмы очень важного человека. Повторяю: очень нужного человека. Жив он только потому, что фашисты ещё не знают, кто случайно к ним попал. Выполнение этой задачи стоит на контроле в Главном разведывательном управлении и должно быть выполнено любой ценой. Подойти к тюрьме и попасть в неё помогут подпольщики, как и опознать нужного нам человека. На подготовку даются сутки. Завтра в ночь выступаем. Сейчас всем отдыхать.

Утром всё решим. Ребята, – обратился он к юным разведчикам, – а вы останьтесь. – И когда четыре пары глаз с нескрываемым любопытством уставились на капитана, попросил: – А теперь не торопясь, подробно расскажите о своём пребывании в городе. Начнём с тебя, – кивнул он Николаю.

Рано утром в Опёнках появились два незнакомых парня. Почти два часа они проговорили с Косаревым, а когда ушли, капитан пригласил к себе сержанта Никонова и Мишку.

– Вот подробный чертёж здания тюрьмы и её подвала. Наш человек содержится в общей камере вот здесь, – указал Алексей Иванович место на плане. – Внутри тюрьмы несколько охранников. Здесь, – указал капитан, – будет дежурить один из подпольщиков. Он и приведёт к нужной нам камере. Но к охраннику ещё надо пробиться. Городские предлагают въехать в тюрьму на грузовике под видом сопровождения партии арестованных. Дерзко, опасно, но это самый приемлемый вариант. Однако есть два но: во-первых, никто из наших не знает немецкого языка, а во-вторых, нужна немецкая форма. Пока есть только автомобиль, который нам готовы предоставить подпольщики. У кого какие мысли?

– А если дождаться, когда из тюрьмы будет выезжать автомобиль, и захватить ворота? – предложил Никонов.

– Это ничего нам не даст, – решительно произнёс Мишка и повторил, услышанное ранее от Татьяны об устройстве отстойника в тюрьме.

– Значит, захватив внешние ворота, мы упрёмся во внутренние?

– Да, а кроме того, нам в глаза будет бить свет прожектора и направлены два пулемёта с вышек! – добавил Мишка к ранее сказанному.

– Дела-а, – протянул капитан. – Что же делать? Приказ надо выполнять...

– А если пойти днём? Сосредоточиться вот здесь, – Мишка показал место, где к тюрьме подходил сквер. – Понятно, что особого прикрытия это не даст. Зима.

Но и нападения с этой стороны фашисты не ожидают. Вообще они нападения не ожидают...

– И что это нам даст? – в раздумье произнёс Никонов.

– Внезапность! – разгорячённо выкрикнул Мишка и уже тише добавил: – Подходит к воротам грузовик. Что делают пулемётчики? Смотрят сюда, – Мишка ткнул пальцем в чертёж. – А в это время мы подбегаем к стене ограды. Всё. Нас охрана уже не видит! Вот здесь выступ. За ним может встать несколько человек. Так же можно подобраться и к вышкам...

– А ведь верно, – подхватил Мишкину мысль капитан. – Основная угроза для нас – это пулемёты на вышках. Убрать пулемётчиков, и полдела сделано.

– Но это надо делать одновременно с нападением на внешнюю охрану, – включился в разговор сержант Никонов. – Я бы мог со своими ребятами сделать это. Михаил, я надеюсь, поможет?

– Хорошо, – согласился Косарев. – Я же со своими бойцами подъеду к тюрьме на машине. Парни обещали достать грузовик с тентом. – Помолчав, капитан продолжил: – Пока остановимся на этом. Детали продумаем позже. Теперь о наших юных помощниках... Николая, Ирину и Татьяну оставляем здесь, в Опёнках. С ними останется один из твоих, Никонов. разведчиков. Желательно с пулемётом. И для охраны, и на всякий случай, если нас при возвращении придётся прикрывать.

Повезло: ночь выдалась тёмной, а при подходе к городу ещё и повалил снег. Оставив бугаёвцев на окраине дожидаться прихода автомобиля, группа Никонова, ведомая Мишкой, на лыжах, в белых маскировочных халатах, по дуге направилась к тюрьме. Снег усилился, потому разведчики подошли к скверу незамеченными.

– Вон там, – показал Мишка рукой, – за теми деревьями... Буквально в ста метрах – тюремная стена. Справа – первая вышка. Вторая – на противоположной стороне тюремного двора. Въездных ворот оттуда не видно, – предупредил он.

– Придётся передавать команду на открытие огня по цепочке, – решил Никонов и, подозревая рядового Сластина,

распорядился: – Ты вот что, Борис, как к стене подойдём, уходишь влево до угла и стоишь там, ожидаешь прихода грузовика под тентом. Как только тот подойдёт к воротам, подашь сигнал... А ты, Николай, – подозвал он Молоканова, – глаз с него не сводишь... За ним уже тебе, Михаил, предстоит смотреть. Ты дашь команду Сергею. Он знает, что надо делать. Я же пойду ко второй вышке. Оттуда ворота видны. Всё, парни, вперёд!

И разведчики цепочкой устремились к темнеющему невдалеке зданию тюрьмы.

Ждать пришлось недолго. Даже сквозь усиливающуюся пургу было слышно урчание автомобиля и виден тусклый свет фар. Вот он подъехал к воротам тюрьмы, и тут же включился прожектор. Одновременно прозвучал выстрел, за ним ещё один...

Мишка, выполнив приказ по передаче сигнала, рванул вдоль ограды, а затем и корпуса тюрьмы. Увидел он лишь только стоявший перед воротами грузовик под тентом и рядом с ним одного из бугаёвцев с пулемётом в руках.

– Где наши? – выкрикнул он, подбегая.

Пулемётчик махнул рукой в сторону распахнутой двери контрольно-пропускного пункта. Увидев лежащего в проходе немецкого охранника, Мишка выдернул из-под него автомат, передёрнул затвор и побежал по коридору навстречу доносившимся выстрелам. Вот и тюремный двор, на котором возвышалось несколько серых бугорков.

«Явно не наши!» – промелькнула мысль. Он увидел ещё одну распахнутую дверь и осторожно нырнул в проём. Длинный коридор был освещён электрическим светом. «Дизель-генератор подаёт энергию. Потому-то и прожектор сразу включился!» – догадался Мишка. Ещё несколько убитых охранников в серой форме встретились ему по пути. Вот и конец коридора. Мишка осторожно выглянул из-за угла: ещё один коридор, слева и справа вдоль него тянулись двери. «Камеры», – догадался подросток, но за дверьми было тихо, только из подвала доносились выстрелы. Неожиданно в конце коридора мелькнула тень и прозвучал выстрел. Раздумывать было некогда... Мишка нажал на спуск. Автомат выплюнул короткую очередь, потом

ещё одну. Мальчишка прижался к стене, но ответных выстрелов не последовало. Он осторожно приблизился к сидящему на коленях охраннику. Им оказался, судя по одному погону на плече и чёрного цвета форме, офицер-гестаповец. «Этому-то что в тюрьме понадобилось, тем более среди ночи?..» Сунув за пазуху валяющийся возле убитого пистолет, Мишка направился по лестнице вниз, но, услышав голоса, остановился. Внизу лестницы показались бугаёвцы.

– Не стреляй! Свои!

Бойцы капитана Косарева шли не одни. Позади них, поддерживая друг друга, медленно поднимались по лестнице два десятка заключённых, среди которых Михаил разглядел двух женщин.

– А где капитан Косарев? – спросил мальчишка одного из бугаёвцев.

– Внизу... С ним ваш Никонов с разведчиками.

Мишка поспешил вниз. Ему навстречу шёл сержант.

– Где остальные? – процедил он сквозь зубы.

– Видимо, у входа, прикрывают... А вы чего такой?

– Зови их сюда. Четверо наших и двое бугаёвцев... – дыхание у сержанта перехватило, но Мишка и так понял.

Мишка ринулся к входу. Освобождённые, дрожа от холода и слабости, грузились в автомобиль, вокруг которого стояли четверо разведчиков. Махнув рукой, мальчишка крикнул:

– Никоновцы, за мной! Сержант зовёт!

Убитых вынесли на улицу и положили возле грузовика. К капитану подошёл один из подпольщиков, бывший в кабине, и тихо произнёс:

– Надо поторапливаться. Пока тихо, но могут хватиться... Грузите павших в кузов, освобождённые потеснятся... тем более что их немного. Комендант приказал почистить тюрьму. Протянули бы ещё один день, и этих не было бы в живых.

– Куда вы их? – спросил Косарев.

– Всех увезём в Каменку. Снега пока немного, машина пройдёт. Там поживут бывшие арестанты, там же и ребят ваших похороним. У меня к вам просьба: вы нашего че-

ловека, того, что был в охране, возьмите с собой. Парень боевой и надёжный. Пригодится. Всё! Нам пора! До встречи! – и, пожав капитану руку, подпольщик запрыгнул на ступеньку уже тронувшегося автомобиля.

– Нам тоже пора. Уходим! – и, повернувшись к Никонову, приказал: – Вы на лыжах идёте в авангарде, то есть впереди. А мы за вами по вашим следам... Надеюсь, что метель нас прикроет.

Среди бугаёвцев Мишка разглядел двух незнакомых парней: с одним понятно – охранник, из подпольщиков, а второй... Невысокого роста, заросший волосом, одетый в немецкую шинель и сапоги... «Неужели его жизнь стоит жизнью шести бойцов?» – мучился Мишка вопросом, машинально переставляя лыжи, и только войдя в Опёнки, он задал этот вопрос Косареву. Капитан внимательно посмотрел на паренька, и тот неожиданно для себя услышал:

– Даже если бы мы все там полегли, а он остался жив, считай, что жизнь прожита не зря.

Прощались в Опёнках. Капитан Косарев со своими бойцами уходил в «Солнечный», а сержант Никонов увёл свой поредевший отряд в «Стекольный». С ними шла и Танюшка, наотрез отказавшись возвращаться на базу. Позже девочка рассказала Мишке, что за освобождённым из тюрьмы мужчиной должен прилететь самолёт. На нём улетал и отряд майора Бугаёва, а значит, и Танюшка. А она не захотела.

– Я лучше с вами. А то что меня ждёт на Большой земле? Детдом! – и Танюшка сердито отбросила чёлку со лба. – Ну уж нет! Я здесь нужнее...

Стихи по кругу

Элина ЧЕРНЕВА

Москва

* * *

я вернулась одна из загса
пошла в ванную отстирать бельё
от твоих прикосновений

а на тайде написано
«без разводов»...

вот так и развёл меня
мой собственный порошок

* * *

поймала чашку на лету,
ещё – маршрутку на ходу,
и ты не бойся
уезжать и падать.

* * *

собака моя не крылата,
она и не ангел ни в чём:
ко мне прибегает лохмато
с чумазым своим пяточком.

но что мне в ней нравится очень,
чего у неё не отнять:

когда она прыжет и скочет,
то может по небу гулять.

и нюхает всякие звёзды,
и метит – увы! – облака...
собакой быть сладко и просто,
но я не умею пока.

Олеся РЪЯНОВА

Арзамас

* * *

Дни – как капли дождя
на стекле.
Чуть подсохли – и ты их
забыла.

А спохватишься в феврале –
разве было?
Разве плыл тополиный пух,
Белый-белый?
Сердце плакало от разлук,
да запело!

В моей комнате – снегопад
сквозняковый!
Кактус мнетя: «К лицу наряд
ли пуховый?»
– Да, к лицу! Всем к лицу!
И враз –
руки в небо.
Из сугроба кричу: «За вас –
в быль и в небыль!
Эй, стихи! Налетайте вновь
стайкой шустрой!
Клюйте, клюйте!
Досыта, в кровь,
до бесчувства!»

Александра КОРЖОВА*Калтан, Кемеровская область*

* * *

Душа моя с крыльями или без?
 На левом плече примостился бес.
 Шепчет злые гадости про людей,
 Мол, не нравится что-то – первой бей:
 Острой шпилькой, сплетнями со спины
 И не чувствуй за это своей вины.
 Довели? Достали? Так поделом!
 Ну а правое – ангел укрыл крылом.
 Повторяет 90-й псалом:
 «Живый в помощи Вышнего»...
 И я слышу его.

* * *

Следы на снегу так хрупки, что не стоят печали.
 Им грусть о прошедшем неведома наверняка.
 Не помнят, как нежные пёрышки небо качали
 И как прикрывали собою следы сквозняка...

Идущий по первому снегу, ступай осторожно –
 Так зыбок пунктирный узор на полотнах снегов!
 Исчезнуть бесследно – но разве такое возможно? –
 Остаться хоть отзвуком тихих несмелых шагов...

Виктория БЕЛЯЕВА*Ростов-на-Дону***Богородица**

Богородица, снова взгляни на восток и запад,
 Без твоих путеводных глаз только морок залпов.

И без ясных озёр, что пути озаряли светом,
 Ничего не видно, кроме пустой планеты.

Были люди, и было их много-много.
 Они канули в вечность. Небо живёт без Бога.
 Он спустился на землю он стал за плечом солдата.
 Богородица, больше не плачь, ты не виновата.

Я теперь часто слышу значение слова – РУССКИЙ.
 Я молюсь Богородица, больше не надо грусти.
 Покрести на дорогу меня и другого тоже,
 На плече у меня автомат, и со мной Ты, Боже.

И когда на траву упаду, закричав от боли,
 Дай прощения, Мать Небесная. За собою
 Поведи и укрой покрывалом меня, как сына.
 Богородица, мы же только с тобою сила.

Алена БАЙКИНА*Выкса, Нижегородская область***Флорищева пустынь**

В комариных болотах над Лухом,
 Вдалеке от проезжих путей,
 Богородица выбрала угол
 Для обители тихой своей.

Соловецких подвижников вера
 Камнем краеугольным легла.
 А ключи от ворот Приснодева
 В Петропавловский храм отдала.

Сколько лиха видала обитель,
 Сколько тягостей выпало ей,
 Сколько раз хохотал искуситель
 На остывших руинах церквей.

Но как ни было больно и горько
Лихолетье безбожных времен,
Раздавался над Красною Горкой
Неземной колокольный трезвон.

Синева в куполах растворилась,
Звёзды золотом в них проросли.
Возрождается прежняя сила
Православной глубинной Руси.

Галина МИРОНОВА

Вача, Нижегородская область

Межсезонья особая милость

Уходило тепло лета бабьего,
Целовало лучом напоследок.
Благодать будто падала яблоком
Мне в ладони с раскидистых веток.

Растворялась я в жизни размеренной,
Глядя в небо, прощала обиды,
И природа казалась мне теремом
Без рутины, войны и ковида.

Слух ласкали дождейки скользящие,
То бегущие с крыши вприпрыжку.
Наконец после зноя палящего
Подарили дожди передышку.

Кофе с пенкой и томик Есенина.
Ах, какая позволена роскошь,
Чтоб под дымкой тумана осеннего
Любоваться картиной неброской.

Садом голых ветвей, тёмной графикой –
Лаконичностью пятен и линий,

Где калиновый куст яркой крапинкой
Разгорался в потухшем камине.

И была в этих днях удивительных
Межсезонья особая милость.
Вместе с грустью щемяще-пронзительной
Что-то нежное робко струилось.

Пимокат

Несёт сорока по округе слухи,
Живёт неподалёку пимокат.
В работе весь, как схоронил старуху.
От бога руки! Чудеса творят!

И не за деньги, за вина чекушку,
Кому-то за домашнее сальцо,
За «Беломор», за табака осьмушку,
Частенько лишь за доброе словцо.

Не мыслит жизни он без кислой шерсти!
Проснётся, встретит с рюмочкой восход
И, осенив, себя крестом трёхперстным,
Часов не замечает, спину гнёт.

Бывает пробурчит: «Давай, работай
Покуда не развяжется пупок».
И растворяется опять в заботах...
Но вдруг в Сочельник разом занемог.

К кровати хворь проклятая прижала.
Не оклемался, помер старичок.
Осиротел домишко обветшалый,
Погас в оконце лампы маячок.

Людской поток сюда несчастьем прерван,
Забыто и местечко чудака.
Но чуть порхнёт зима снежинкой первой,
Достанут валенки из сундука.

Те валенки, что не сносить и сроду.
 Ногам на радость щеголяй, село!
 И тут воскреснет в памяти народной
 Забытый мастер, щедрый на тепло.

Безбожник

Она с молитвой день встречала,
 Сойти просила Благодать.
 А он, безбожник, дня начала
 Мог крепким словом обласкать.

Колюч, как ёж, крутой закваски,
 Чуть что не так – в душе раздрай.
 Не признавал иконы, Пасху,
 Считал священным Первомай.

У ней то пост, то в церкви служба
 (Крещёна всё же, как-никак),
 Ему родней со штангой дружба,
 На плечи тонны клал чудак.

И было делом ей привычным –
 К святыням ездить на поклон,
 А он в воскресный день обычно
 Спешил с подарками в детдом.

Кумиром был для всех мальчишек,
 А для сирот почти отцом,
 Жил ангел сущий с ней под крышей,
 Прослав «безбожным мужиком».

Петр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

Кошка

На осенней грядке,
 старостью хвоя,

прикорнула кошка.
 Бределось о том,
 что в конце дорожки
 не видать ей рая
 за игрушки в прятки
 с мартовским котом.

Плакал дождик спорый.
 Под листом капустным
 от тяжёлых мыслей
 спряталась она.
 В сером мире грустно,
 в огороде пусто.
 Зрели у забора
 Лишь два кочана.

Всё дремала кошка,
 ну а ветер ухал,
 дождик надоедный
 всё листок качал,
 будто бы котят
 язычками нежно
 тыкались ей в брюхо,
 ласково урча.

Ксения КРУТИНА

Нижний Новгород, гимназия № 53, 8-й класс

Гимназийский роман

Почему этот снег так похож на осколки сервиза
 В верхнем шкафе у бабушки, где – чуть левей – телевизор?
 Я шептала губами, но губы шептали мною.
 Провались все вокруг с этой странной и зимней
 любовью!

Из-под теплой шагеау выбивался завившийся волос.
 Ты о чем-то твердишь; у тебя замечательный голос.

Этот снег, этот миг, это странное слово «обратно».
Почему ты, мой друг, предпочел меня – резко, внезапно?

Гимназийский роман: у тебя за плечами пятерка;
У меня от трудов над конспектами пальцы истерты.
Оглянись: бедный парк без палящего солнца забылся.
Оглянись – мы прошли еще улицу. Мир изменился.

В нем теперь – посмотри – только два человека,
не больше.
Это странное чувство; мир с ним сложнее и проще.
Для чего же, мой друг, мы теперь с этим чувством
знакомы?
Полюби меня так. Не люби меня по-другому.

Полюби меня так. Так, как можешь – недолго, несвязно.
Мы же квиты, мой друг. Ты ничем мне, мой друг,
не обязан.
Посмотри на меня – я запомню твой взгляд поднебесный.
Против воли любви нам бороться, увя, бесполезно.

Так не смей же страдать! Все закончится –
нет, все начнется.
На нас падает снег, а не саван. Как видишь – не бьется.
Отчего нам страдать, милый друг? Завтра –
новая встреча.
Этот сказочный миг много лучше мечты в бесконечность.

Возьми руку мою в свою руку; моя – холоднее.
Не печалься, мой друг, и не думай о страшной потере.
Все, что будет теперь, – предначертано и не напрасно.
Полюби меня так, как умеешь – недолго, несвязно.

Поцелуй меня вдруг; мы все чаще друг друга теряем!
Поцелуй меня тут, в изголовье седого трамвая.
Прошепчи мне на ухо что-нибудь вроде «до завтра»,
А потом растворишься в снежном омуте. Тихо. Внезапно.

Екатерина МОТЫЖЕНКОВА
Оренбург, 2009 г. р.

Родное слово

Беднеет речь и гаснет слово.
И вороньё кружится вновь.
Ты береги родное слово.
Храни как первую любовь.

Ты сказки бабушки послушай
О том, как предки жили встарь.
Язык родной врачует душу.
Он – оберег и государь.

Ксения МОТЫЖЕНКОВА
Оренбург, 2008 г. р.

Наследие

Цени великорусский род,
И память вечную, и славу,
Славянский доблестный народ,
Держащий русскую державу.

Наследье родины цени,
Где кровью отчичи вписали
Славянства золотые дни
На святорусские скрижали.

Из рода в род и на века
Родное слово не забудьте.
Русь чистотою высока.
Вы честью, славой её будьте.

Публицистика

Владимир КРУПИН

Москва

РУССКИЙ СТИЛЬ

Как и всякий другой, русский стиль имеет историю вопроса. Сама русская история создавала основу его, христианство его одухотворило. Историков древности, со страхом и любопытством бросающих взор на славянские земли, прежде всего изумляло отношение славян к смерти. Пушкин не случайно взял одним из эпитафий слова Средневековья о нас: «Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать».

Это отношение к смерти, которое есть вообще главное в жизни человека и нации, и выделяет русский стиль из других. Наша, русская, жизнь не здесь, она в Руси Небесной. Но это не значит, что русский стиль предполагает пренебрежение к жизни земной, нет. Земная жизнь есть пропуск в жизнь небесную. Чем выше качества души, тем выше она вознесётся. Такие рассуждения, подкреплённые примерами, становятся убеждением русского художника и питают в его нелёгкой дороге.

Он вообще вряд ли связан с каким-либо именем. Русский стиль – дело соборное. Другое дело – инославные. Ходжа Насреддин, Шехерезада, Хайям – вот Восток. Акутагава – Япония, Лао Шэ – Китай, Фолкнер – одна Америка, Хемингуэй – другая, а третьей и не доищешься, Сервантес, Лопе де Вега – Испания, Фейхтвангер – иудейство, Шолом-Алейхем – еврейство, Диккенс – католичество, Агата Крис-

ти – Англия для всех и так далее. Где совпадает нация и ее основная религия, где – нет, но стиль присутствует всюду. Деление религий, растаскивание их на секты, течения фундаменталистов, новаторов, традиционалистов и лжепророков вредят стилю, понижают его авторитет. Стиль готовит мировоззрение политиков, но политики у нас без мировоззрения, только с жаждой власти, отсюда все беды.

Образ жизни опять же глубоко национален, отсюда борьба русского стиля за его закрепление и продление. Индейка с яблоками на Рождество – вот и Англия, спагетти, да пицца, да капучино – Италия, но Россия – не пельмени с медвежатиной, ее блюда многочисленны, русское обилие в еде предпочитало всегда гостей. Помещик Петр Петрович Петух у Гоголя искренне сетует, что гости, перед тем как захватить к нему, по дороге перекусили. Помню по себе послевоенную нищету и голод, помню нищих, которые стеснялись войти в избу, если в ней обедали. Но обедавшие помнили о нищих. А обилие свадеб, крестин, поминок – все желанны за столом. Мы держимся за быт от того, что в нём любовь к ближним и дальним.

Убивание, высмеивание космополитами вышивки гладью и крестиком, репродукции «Трёх богатырей» в колхозной столовой – все это было убиванием русского быта и стиля. Вышивка – символ. Нет у девушки в руках иголки с ниткой – давай сигарету в пальцы. Соцреализм вроде бы и не отрицал национального, но оно было во многом картонной декорацией, ряженостью, привязкой к месту действия, а действие было одинаково везде: строительство неведомого светлого будущего. Стиль же предполагает следование за идеей, за периодами жизни, их ритмом и гармонией. Стиль в семидесятилетних испытаниях сохранился в мечте о нем. Вырастая в сороковые, пятидесятые и так далее годы, мы ведь не только «Битву в пути», да Полевого, да Паустовского читали. Одна русская сказка, одна застольная русская песня перевешивала всю тяжесть соцреализма. Нерусская культура для России как кукуруза, сеявшаяся по приказу за Полярным кругом – всё равно вымерзнет, сама вымерзнет, даже времени на возмущение ею не надо тратить.

А ещё повезло в тяге по русскому стилю, что в шестидесятые хлынуло на нас засилье иностранной литературы,

неплохой, кстати. Но как ни хорош Фитцджеральд, а до Гончарова, например, ему как до звёзд. То есть все мы перемолотили. Гамсуна оценили, Ремарком побаловались, а мало их для русского, который уже прочёл «Как ныне собирается вещей Олег...», или «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром...», «По небу полуночи Ангел летел...» Для русского, даже неверующего, но просто любящего Россию, нет сомнений, что Господь был в России. И как иначе после Тютчева: «Утомленный ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя».

Ведь если русский стиль был, а он был, существовал, то он и есть, он действует, он живет хотя бы в тоске по нему. Отсюда желание возврата к нему, отсюда обязанность русского художника его продолжать.

Проживать историю или жить в цивилизации? Но я куда не денусь, я живу в цивилизации, но как писатель я живу историей. Я вхожу в общество потребителей, я просто обязан жить сегодняшней русской жизнью. Но надо видеть в бегущем времени проблески, пусть даже и гаснущие, вечности. Прогресс демократии вижу в одном – в прогрессе разврата, насилия, пошлости, в их агрессивности, в их лихорадочном румянце, в желании заразить всех.

Господа иностранцы никогда не поймут России, и не надо им ничего объяснять. Кое-что понимают те, кто понимают чувством, а всякие изыскания о России, об иконе и топоре – болтовня для сытых, справка для ЦРУ. Другое дело люди, полностью, по силе своей любви к России начинающие ей служить: Востоков и Даль, Бодуэн де Куртене... Здесь пунктик, когда ненавидящие Россию всегда вопят о частичках нерусской крови в Пушкине, Лермонтове и так далее. Дело разве в крови, дело же в любви к России, а значит, к православию. Но вообще для иностранцев мы непостижимы. Прости, Господи, я не видел никого глупее и самоувереннее американцев. Вспомним к случаю и князя Волконского. В лекциях, читанных в Америке по русской истории и культуре, он замечает, что, заставь иностранца говорить о России, и он непременно сморозит глупость. В массовой культуре нет русского стиля, есть его знаки:

«посидим, поокаем», рубаха навыпуск, присядка, калинка-малинка, казачок, но стиль – не этнография в костюме и рисунке танца – это образ мыслей.

Но снисходительно взглянет на наши доводы в защиту русской культуры демократ-неозападник: «Как ни кричите вы, русские, о своем самобытном пути развития, а вышло-то все по-нашему. Всякие ваши веча, да земства, да совестные суды – побоку! Приучили же вас к парламентам и спикерам, и никуда вы не делись. И префекты и плюсквамперфекты, и мэры и мэрии, и федеральность всякая уже хозяйничает в России. Ну, кинем вам кость, дадим Думу, так это все тоже наше, западное, иначе только названное. И выборы сделаем, какие хотим, так что можете не голосовать, командовать будем мы. И в экономике будете хлебать нашу кашу, будете всю западную заваль потреблять за большие деньги. И в образовании будем вас окорачивать, своих выучим, вашим – шиш. Деньги в красный угол поместим, молитесь. Все будем мерить на деньги. Культура только наша, то есть низкопробная, массовая, все сюжеты кино и театра о деньгах, насилии, роскоши, погоне за удовольствиями. Вся трагедия индейцев Северной Америки стала основой боевиков, вся история Европы – сюжетом для развлекательных фильмов, так же поступим и с русской историей. Ивана Грозного сделаем чудовищем, Петра – героем-реформатором, Екатерину – самкой, Павла недоумком, Ломоносова – драчуном и пьяницей, Пушкина – волокитой, остальных соответственно. Посмотрят дети и взрослые десятка два лет, так и будут представлять русскую историю – в наших картинках.

Это нам решать, что русским пить и есть, что любить, кого выбирать, что носить, за кого воевать, русские сами не способны ни к чему. Правда, мы ни разу со времен царя Гороха не дали русским быть в своей стране хозяевами, но нам лучше знать, кому верховодить в России...»

Так примерно говорят русским демократы нового толка. Западный путь развития во всем, куда ни глянь. «Мы победили, – кричат они, – значит, мы сильнее, значит, наша идея жизнеспособней».

Но так ли?

Павел ПУШКАРЁВ

Химки, Московская область

ВОДА ПОМНИТ ВСЁ...

По следам творческой поездки
на озеро Светлояр

Я вышел из поезда – и сразу пошёл гулять по городу. До встречи всей нашей литературной группы оставалось где-то ещё четыре часа. Ну, здравствуй, Нижний Новгород.

Когда я приезжаю в города, в которых никогда не бывал, – сразу пытаюсь найти следы чего-то вечного. Останавливаюсь и вчитываюсь в памятные вывески на фасадах домов, пытаюсь что-то определить по названиям улиц. И, видимо, какая-то неведомая сила сразу привела меня, приехавшего в творческую командировку, на улицу Пешкова. Там же я и наткнулся на дом с вывеской, где было написано, что в нём когда-то находилась гимназия, в которой учился Максим Горький. «Есть только две формы жизни – гниение и горение» – всплыла в моей памяти его известная фраза.

Потом я спустился в нижегородское метро, где на стенах станции моё внимание привлекли большие фотографии различных чудес России, в том числе изображения Корякского и Ключевского вулканов на Камчатке. Корякский был виден из окна моей кухни в Петропавловске. Помню, как однажды, лет в двенадцать, я взял ручку с бумажкой, сел перед окном – и, созерцая снежного исполина, написал на подоконнике одно из своих первых стихотворений.

Всё сходится – догадался я. Все эти знаки говорили о том, что эта поездка уже была записана в моей литературной судьбе.

Как, наверное, была записана судьба тех, кто приехал сюда с теми же намерениями, что и я. И уже через какое-то время, познакомившись на вокзале, вся наша литературная братия мчала в душном автобусе, и рядом сидящий парень из Белгорода рассказывал, как прилетает к ним в город с украинской стороны. Что ж, в беспокойные времена мы отправились в это путешествие. И когда на первой остановке в древнем городе Городце, или малом Китеже, как его ещё называют, мы зашли в Феодоровский собор – я в первую очередь поставил свечу за всех тех, кто сейчас находится там, на линии соприкосновения, кто отдаёт свои жизни за правое дело.

Гулять по совершенно незнакомому городу – это как разговаривать по душам с только что познакомившимся человеком. Хотя, казалось бы, город как город – старые одноэтажные дома, типичные пятиэтажки, кое-где попадаются дорогие таунхаусы. Молодой историк рассказывал нам о местных достопримечательностях, вёл нас по широкой улице куда-то вглубь города. Мы сворачивали в безлюдные переулки, опять выплывали на главную улицу. А потом неожиданно оказались на смотровой площадке, где перед нами предстала великая русская река Волга. Внезапно ударивший в глаза простор как будто бы на мгновение опьянил меня. Волга, Волга... А ведь она и вправду величественна. Сколько я читал о ней в книгах, слышал песен. И вот теперь она передо мной. И глядя на неё, мне опять захотелось написать стихотворение, как тогда, в двенадцать лет, когда я, сидя перед окном на кухне, вдохновлялся Корякским вулканом.

Последней нашей остановкой уже стало село Владимирское. Нас разместили по номерам гостиницы. Мне достался номер с одним поэтом из Курска. И остаток дня мы скоротали с ним в разговоре о поэзии. Говорили о Борисе Рыжем, Олеге Чухонцеве, читали друг другу свои стихи. И засыпая, я наконец-то почувствовал себя хоть немного кому-то нужным и интересным.

А на следующий день мы уже слушали лекцию Марины Кулаковой о предназначении пишущего человека, о силе слова и опять читали по кругу стихи. И я как-то случайно, а может подсознательно, прочитал стихотворение о своей дальней родине на берегу Тихого океана, где были строчки: «Это город под воду уходит. И его нам, увы, не спасти». Ещё даже не осознавая, что я как раз и приехал к тому самому городу, который скрылся от меня за пеленой моего собственного отчуждения. Мы все приехали в то место, которое однажды потеряли. И теперь заново должны обрести его.

После творческой встречи с Захаром Прилепиным, где мы тоже говорили о роли пишущего человека в современном мире, у нас наконец-то появилась возможность увидеть то самое озеро Светлояр. И стоя перед ним, наверное, каждый мысленно проговаривал для себя, зачем он сюда приехал и как теперь это отразится на его жизни.

Что я знаю о Светлояре? Что озеро это то ли метеоритного, то ли вулканического происхождения. И что когда-то, в глубокой древности, стоял на его берегах город, который назывался Китежем. Потом он ушёл под воду, и сейчас здесь нет ничего, что напоминало бы о его существовании. Но рассказывают, что люди чистые душой и сердцем на восходе солнца могут видеть этот город, поднимающийся из глубины воды. Многие хотели разгадать тайну озера Светлояр. Вода вообще хранит много тайн.

А ещё рассказывают, что все водоемы на земном шаре соединены между собой. Что у воды, как и у людей, тоже есть память. Что вода знает и помнит все. Значит, она должна помнить и меня совсем юным, стоявшим на высоком берегу Оки в селе Константинове Рязанской области, помнить меня у Дона, помнить меня купающегося и ловящего рыбу в Амуре и Уссури. Уссури в тот год сильно разлилась и подмыла старое китайское кладбище на противоположном берегу, где когда-то хоронили умерших в эпидемию холеры. Взрослые запрещали нам даже близко подходить к воде. А мы, несмотря на все запреты, все равно купались и даже ловили рыбу в реке. Сколько ещё таких рек и водоемов в России – которые стали

свидетелями тысяч человеческих судеб и различных историй?

Отец мне как-то говорил... Сам он родился и вырос на севере Камчатки, в Усть-Камчатске. Что дом их деревянный стоял прямо на берегу реки Камчатки – в устье реки, которая впадает в Тихий океан. И когда все девять детей разъехались, а бабушка с дедушкой, которых я и не видел-то никогда, умерли – дом просто снесли с фундамента и пустили вплавать по реке. Так он и уплыл в океан. Думаю, может, дом этот до сих пор плавает по морям-океанам, как Фёдор Конюхов? И часто, находясь на берегу какого-нибудь моря или залива – я долго всматриваюсь вдаль в надежде увидеть там что-нибудь на него похожее. Потому что знаю, что дом моего отца, моих бабушки и дедушки – когда-нибудь обязательно ко мне вернется, обязательно ко мне приплывёт.

Вехи памяти

Валерия БЕЛОНОГОВА

«СТАРЦА ВЕЛИКОГО ТЕНЬ ЧУЮ СМУЩЕННОЙ ДУШОЙ»:

Филологический урок для археологов и поэтов*

225 лет со дня рождения А.С. Пушкина

Великого грека Гомера, стоявшего у колыбели мировой литературы, справедливо считают тем, кто научил рассказчиков последующих времен «высекать поэтические искры» в эпическом изложении событий. То есть создавать индивидуальные характеры, воспроизводить яркие детали (как крутящийся под ногами бойцов сияющий на солнце медный шлем, который поднял один из воинов в XIII главе «Илиады»). Одним словом, творить художественный мир произведения. Как и все творцы-зачинатели, Гомер стал, своего рода, индикатором. Отношение к нему дает возможность понять больше о тех, кто продолжал его начинания. И провести параллели. При этом рядом неожиданно могут оказаться творцы, казалось бы, бесконечно далекие друг от друга. Как эти двое – Пушкин и Шлиман, читатели Гомера.

Между тем, немец Генрих Шлиман, энтузиаст-археолог и первооткрыватель реальной Трои, был младшим

современником Пушкина и восемнадцать лет прожил в Петербурге. Именно в России он сумел обрести капитал, который обеспечил ему в 1860–1880-х годах проведение раскопок на малоазийском берегу пролива Дарданеллы и окружающих землях, населяемых некогда древнегреческими общинами. В результате этих раскопок во многом изменилось отношение к реальности фактов и героев, воспроизведенных в «Илиаде» и «Одиссее», неоспоримой для историков древности, но подвергавшейся потом серьезным сомнениям.

Знакомство Пушкина с «Илиадой» и «Одиссеей» состоялось еще в девятилетнем возрасте. Во французских переводах. В лицейской поэме «Бова» юный поэт вспоминал, как часто «беседовал» с Гомером (этот оборот отзовется потом в стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один...», обращенном к Н.И. Гнедичу). Французские писатели в начале XIX века критиковали Гомера за многословие и обилие подробностей, за пространные монологи героев в ходе боя, за аморализм богов. По-видимому, это в какой-то мере повлияло на представления молодого Пушкина о Гомере и на формирование ироничного отношения к нему. Оно нашло отражение в пушкинских письмах друзьям, в его ранних стихах, в первых главах «Евгения Онегина», где обыгрываются избыточные описания у древнегреческого поэта пиршеств и застолий.

И кстати я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты божественный Омир*,
Ты, тридцати веков кумир!

Эта ирония с упоминанием пиров «Илиады» будет звучать у Пушкина и позже. Но параллельно уже в послелицейские годы, посещая петербургский салон президента Академии художеств А.Н. Оленина, молодой поэт

* Глава из новой книги В. Белоноговой «На крыльях вымысла: воображение в творчестве и жизни Пушкина».

* То же, что и Гомер. Омир – более правильное, близкое к греческому написание.

все глубже погружался в мир поэзии и героики Древней Греции. Среди других гостей-интеллектуалов на этих вечерах бывал переводчик Гомера Николай Иванович Гнедич. По мере перевода каждая песнь «Илиады» здесь зачитывалась и оживленно обсуждалась. Именно тогда расцвела и антологическая* лирика самого Пушкина. Во второй половине 1820-х годов зрело уважительное отношение Пушкина к древнегреческому поэту. У него появляется даже устойчивый относительно к Гомеру эпитет «божественный» – «божественный звук», «божественная лира». В 1831 году Пушкин вступил в полемику с Петром Чаадаевым, который в шестом Философическом письме, говоря об уроках истории и о пересмотре оценок былых кумиров, писал, что, может быть, великое имя Гомера, «этого потворщика <...> гнуснейших страстей», со временем «покроет бесчестие». Пушкин «защищает» Гомера: «Разве то, что есть кровавого в “Илиаде”, не встречается также и в Библии?». В «Путешествии из Москвы в Петербург» он ставит великого грека первым в ряду тех, кто «читаны будут, доколе не истребится род человеческий». А в «Начале статьи о Гюго», решительно пересматривая свое прежнее отношение к французским писателям, относит насмешки Монтескье над Гомером к доказательствам своей мысли о том, что «французы народ самый антипоэтический».

В последние дни 1829 года в Петербурге вышла гомеровская «Илиада» в переводе Н.И. Гнедича. Случилось так, что именно Пушкин стал первым, кто отозвался на это событие в печати. Написанная им заметка «Илиада Гомерова» была напечатана в «Литературной газете» уже 6 января 1830 года. От некоего обобщенного читательского «мы» Пушкин почтительно благодарит переводчика – за «бескорыстные вдохновения и совершение <...> высокого подвига». Выход в свет «давно и так нетерпеливо ожидаемого перевода», по мнению автора статьи, должен иметь «важное влияние на отечественную словесность». Пушкин действительно на протяжении нескольких лет следил за процессом перевода «Илиады» и ждал его окончания.

* Так называли стихи, написанные по сюжетам и в манере античной литературы.

Еще в 1821 году он шлет Гнедичу стихотворное письмо из Кишинева: «О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый, Гомера музу нам явил...»

Прочувствованный отзыв Пушкина в «Литературной газете» упоминался на заседании Российской Академии, членом которой были и Гнедич, и сам поэт. Его текст цитировался в пространной речи М.Е. Лобанова о Гнедиче и его переводе. Позднее эта речь будет опубликована в «Трудах Академии». Так что можно сказать, что газетный отклик Пушкина на перевод поэмы Гомера имел резонанс. А через полгода, осенью того же 1830 года, в нижегородском Болдине Пушкин будет работать над своими гекзаметрами о Русской Илиаде. Это двустийшие «На перевод Илиады» станут своего рода «рецензией», самой короткой в мировой литературе и в то же время очень емкой.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

В конце заметки в «Литературной газете» Пушкин писал о том, что приступает к изучению «Русской Илиады», чтобы потом отдать отчет о книге читателям. Развернутого «отчета» так и не получилось. Во многом потому, что поэт не знал древнегреческого языка, о чем не раз сетовал. Но то, что он перечитывал книгу, очевидно. Гомер «был» с ним в Болдине. Неслучайно там написаны гекзаметром и другие его антологические миниатюры: «Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд»*.

О чем они, эти две строки? Прежде всего, в них пушкинское «браво!» Гнедичу. В первой строке речь о той «условной адекватности» иноязычному тексту, которая создана поэтом-переводчиком. Когда-то Пушкин, восхищаясь переводами К. Батюшкова, воскликнул: «Звуки италийские! Что за чудотворец этот Батюшков!»

* Современные исследователи приводят доводы в пользу того, что датировать «На перевод Илиады» следует не Болдинской осенью 1830 года, а более поздним временем. Несмотря на то что сам поэт в «Стихотворениях Александра Пушкина», изданных в 1832 году, поместил его среди произведений 1830 г.

Он имел в виду ту же самую «условную адекватность», что и тут, ощущение подлинной эллинской речи, звучащей, но умолкнувшей, а потом снова воскресшей в другом языке.

Во второй строке – «Старца великого тень чую смущенной душой» – кроме продолжения темы воскрешения древнегреческого шедевра речь идет явно и о его авторе, реальном слепце-аэде, великом старце, «узнаваемую» тень которого за точно переведенным его творением почувствовал Пушкин в Русской Илиаде. А это значит, что здесь затрагивается и отношение Пушкина к так называемому «гомеровскому вопросу».

Спор об авторстве «Илиады» и «Одиссеи» развернулся к концу XVIII века на волне романтического интереса к народному творчеству как единственному источнику истинной поэзии. Зазвучали опровержения по поводу авторства и вообще существования Гомера. Многие принадлежавшие пушкинскому кругу люди относились к унитарной партии, то есть отстаивали существование единого реального автора, Гомера. Чаадаев, обвинявший «великого Гомера» в потакании «гнуснейшим» людским порокам, обвинял его ведь именно как реального человека. У Пушкина в наброске стихотворного перевода из Шенье 1823 года, писанном гекзаметром, изображен приход странствующего слепца Гомера на остров Сиру. Здесь тоже реальный старец, изможденный «белоглавый» старик, с лирой «на поясе бедном», которого приветили добрые люди.

Неувязки в тексте «Илиады», главный аргумент отрицающих авторство Гомера «аналитиков», «унитаристы» объясняли художественными задачами автора. Для Пушкина важным достоинством произведения являлся «единый план, <...> что есть уже плод высокого гения». Он этот единый план у автора «Илиады» предполагал, и Гомер для него «неизмеримо выше» других поэтов Древней Греции. И допускал, что нестыковки стали результатом позднейших искажений. Ведь Гомер «искажен рапсодами», как писал он в статье «Песнь о полку Игореве». Складывается только впечатление, что Пушкин временами сомневался и воздерживался от решительных формулировок. Отсюда

его оговорка в этой статье: «Гомер, **если и существовал**, искажен рапсодами».

Но у поэтов бывают моменты, когда вера во что-то то ли бывшее, то ли нет настолько сильна, что стихам веришь больше, чем документу. Такова сила художественного воображения. В стихотворном отзыве о переведенной Гнедичем Илиаде Пушкин не сомневается, что Гомер – реальный человек, живший в XI–VIII вв. до новой эры, и безусловный автор поэм. Он ощущает это малопонятным, но несомненным художественным чутьем. Ключевое слово двустигиия – «чую». Оно одного корня с «чу!»:

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут...

Может быть, это отчасти имел в виду В.Г. Белинский, когда писал о стихотворении «На перевод Илиады» в третьей статье о Пушкине: «Глубоко артистическая натура Пушкина умела сочувствовать древнему миру и понимать его: это доказывается многими его произведениями на древний лад».

Да, фактических доказательств существования Гомера, как не было в древности, так и нет. Размышляя о подлинности и авторе «Песни о полку Игореве», где речь, по сути, о том же – был или не был? – Пушкин писал так: «Других доказательств нет, как слово самого **песнотворца**. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться».

С этим утверждением наверняка согласился бы первооткрыватель Трои Генрих Шлиман, с детства непоколебимо веривший в реальность самого Гомера, в существование гомеровской Трои, в реальность событий и героев гомеровских поэм и даже в достоверность деталей быта. Мы, наконец, обращаемся ко второму герою этого фрагмента нашего разговора. С Пушкиным они не пересеклись. Когда 24-летний Шлиман приехал в Петербург начинающим коммерсантом, Пушкина уже не было. Хотя общие знакомые, у них, возможно, все-таки были.

У Шлимана позади было трудное детство в Мекленбурге. Отец-пастор в деревне Анкерсхаген разорился, Генриха

отдали, как сказали бы у нас, «в люди». Он работал у деревенского лавочника, потом оказался в Голландии, бедствовал, голодал. Служил посыльным в торговой конторе Амстердама. Денег на учебу не было, но он серьезно занимался самообразованием (просто «горьковский тип», сказали бы горьковеды). Потом получил более высокую должность в конторе «Шрёдер и К°». И, став агентом этой фирмы, приехал в январе 1846 года в Россию. Здесь его карьера стремительно движется, он организует поставки хлеба в Европу, становится крупным оптовым продавцом индиго и т. д.

Шлиман был удивительно успешным коммерсантом. И вообще человеком необычным, противоречивым и одаренным от природы богатой фантазией, которая, кстати, доставила потом немало хлопот его биографам. А еще – феноменальной памятью и уникальным лингвистическим даром. Чувством языка. Он знал пятнадцать языков. За несколько недель изучал их самостоятельно, по своей оригинальной методе. Не заучивая отдельные слова, запоминал их в составе высказываний, читая вслух классическую литературу. Потом «наматывал» на них новые смыслы и слова. Для этого ему было достаточно общаться с носителем языка, а еще скандировать и запоминать тексты. Русский язык, например, он изучал по «Телемахиде» В.К. Третьяковского (отчего его русский, как вспоминали его родные в России, всегда звучал немного по-старинному). Знание языков очень помогло Шлиману в коммерческой карьере.

Но что позволило ему оставить такой яркий след в изучении античности? Первым открыть богатейшую Микенскую культуру, о существовании которой и не подозревали, целую эпоху в истории Греции, о которой до этого знали только по гомеровским поэмам.

Им двигала любовь к воспетой Гомером Греции. А еще – бесконечная вера в то самое «слово песнотворца», о котором писал Пушкин. Оно будило воображение Шлимана. Он буквально «видел» то, о чем рассказывал Гомер. Да, в археологии он и был, может быть, всего лишь «любителем», и шедшие за ним археологи винили его в смешении

исторических пластов. Но он знал, что искал. А в его книгах об экспедициях в Трою, Микены, Тиринф, по сути, археологических дневниках с места раскопок, довольно часто встречаются гекзаметры гомеровских поэм или сноски на соответствующую песнь поэм, которые «вели» за собой исследователя. Ему даже не нужно было возить с собой эти книги, он знал Гомера наизусть. Буквально.

Например, в «Троянских древностях» Шлиман рассказывает, почему отказался от принятой ранее версии расположения Трои в районе Бунарбаши на гористой возвышенности. Это было слишком далеко от Гелеспонта*, до которого добираться не менее трех часов. А ведь в тексте «Илиады» говорится, что жители Илиона** по нескольку раз за день спускались к морю. Илион должен быть на равнине, скорее всего, на невысоком холме Гиссарлык. Гомеровские эпитеты Илиона тоже соответствуют Гиссарлыку: «ветристый» например. На Гиссарлыке действительно, по его словам, «было досадное обстоятельство, с которым я здесь столкнулся – постоянный сильный ветер, и во времена Гомера не могло быть иначе». И если бы Илион находился на месте гористой Бунарбаши, Ахиллес и Гектор в своем поединке не смогли бы пять раз обежать вокруг города. А еще можно представить, как обрадовался Шлиман, узнав в обнаруженном им во время раскопок двойном кубке – описанный Гомером в песни XI, кубок старца Нестора:

Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой...

(Пер. В. Вересаева)

Итак, и Пушкин, и Шлиман, доказывая, каждый по-своему, реальность «Илиады», шли к достижению цели одним – «филологическим путем», то есть шли от захватившего их текста Гомеровской поэмы. Но средства их были разными.

* Так назывался в древности пролив Дарданеллы.

** Другое название Трои.

Шлиман положил жизнь на то, чтобы найти доказательства реальности фактов, воспетых поэтом. Он был идеальным читателем Гомера. Увлеченный его текстами, он «воплотил» произведение словесного искусства в реальный город-музей с каменными стенами, железным оружием, серебряными украшениями и «двойными кубками». И еще, попутно как бы, открыл новое направление археологической науки, «углубив» изучение истории человечества еще на несколько веков. Друг Шлимана, участник его экспедиций, знаменитый медик и антрополог Рудольф Вирхов писал: «Возможно, что его предположения были слишком смелыми, что прекрасная картина бессмертной поэзии слишком увлекла его воображение. Но даже сегодня сгоревший город мог бы покоиться в тайнах земли, если бы воображение Шлимана не руководило лопатой»^{*}.

Доводы Пушкина – иные. Они вместились в две строки гекзаметром. В них звучат те же простота, сила и важное спокойствие, о которых писал Гнедич в предисловии к первому изданию своего перевода. Пушкин не был теоретиком литературы, но умел решать задачи осмысления литературного явления – литературными же, поэтическими, преимущественно, средствами. Так в коротком и эстетически совершенном его стихотворении «На перевод Илиады» лаконично и весомо воплощена мысль о том, что перед нами – не разрозненное и растянутое в веках собрание народных мифов, как считали те, кто ставил «гомеровский вопрос», а поэтическое творение реального слепца-аэда по имени Гомер. Цельное, с единым планом и единым стилем творение. Такова сила воображения «песнопевца», ловителя духа древности.

^{*} Ilios. Stadt und Land der Trojaner. Von Dr. Heinrich Schliemann. Forschungen und Entdeckungen in der Trojas. Mit einer Vorrede von Rudolf Virchow. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1881. 944 p.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Орел

«СКОРО, СКОРО УДОСТОЕН БУДЕШЬ ЦАРСТВИЯ НЕБЕС...»

225 лет со дня рождения А.С. Пушкина

*Я одарю тебя молитвами души <...>
Молитвами любви, смирения и мира...*
А.С. Пушкин

Поэтический гений Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) был явлен миру как истинное чудо. «Наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслышанное и невиданное до него нигде и ни у кого», «ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось», – справедливо утверждал христианский писатель-пророк Ф.М. Достоевский.

Сам Пушкин воспринимал ниспосланный ему талант не только как дар, но и как задание свыше – нести человечеству проповедь Божественной истины:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Стихи словно объаты Божественным пламенем горения духовного. Сердце поэта-пророка – это «угль,

пылающий огнём», в согласии с апостольским призывом: «Духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11). Неслучайно «Пророк» явился духовным ядром пушкинского творчества как служения пророческого, вместившего «в себе идею всечеловеческого единения, братской любви» (Ф.М. Достоевский. «Дневник писателя»).

«Велик и свят был жребий твой!..» – восклицал о Пушкине Ф.И. Тютчев. Он же выразил задушевную мысль, излившуюся из самого сердца России:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Последующие поколения русских писателей и читателей, «благоговевая богомольно перед святыней красоты» (если говорить пушкинскими же стихами), в надежде вдохновения и творческого озарения припадали к родникам литературного наследия поэта. Неразделимый с Родиной проникновенный лирик С.А. Есенин писал, что Пушкин «русской стал судьбой». Поразительный есенинский образ соединил величайшего поэта России с главным христианским Таинством:

А я стою, как пред Причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

В торжественном венке, сплетённом «дивному гению», сверкает множество драгоценных жемчужин – художественно-поэтических образов, восторженных слов признательности, изумления, восхищения, благодарности. И в то же время – скорби о ранней трагической гибели великого Поэта России, разделившего участь других убиенных русских поэтов-пророков.

Об их общей судьбе, предчувствуя собственную скорую гибель, писал современный поэт Николай Мельников, убитый при невыясненных обстоятельствах вблизи Оптинской пустыни:

На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!

Во все времена властям предрержащим было ненавистно талантливое честное слово русских писателей и поэтов. «Свободы, гения и славы палачи» избавляются от неудобных самыми изощренными способами.

При этом в каждой любящей Пушкина душе утешительным упованием отзываются строки его заповеди о жизни вечной:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит.

Как послушание Богу сформулировал поэт программу своего творчества: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» Покорный «веленью Божию», создавал Пушкин нетленные типы и образы своих чудесных сказок, поэм, повестей, «маленьких трагедий», драмы «Борис Годунов», романа в стихах «Евгений Онегин», всей своей многогранной, сверкающей алмазной россыпью лирики: пейзажной, любовной, элегической, анакреонтической, патриотической, вольнолюбивой, философской, религиозно-мистической, молитвенной... И «тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею», «свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды» (Ф. М. Достоевский. «Пушкин»).

Ниспосланная величайшему русскому поэту «та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости», способность «любить человечество и носить в себе всеединящую душу» сотворила это дивное чудо пушкинского творчества. Во всякой человеческой душе, прикоснувшейся к нему, находит оно свой благодатный отклик.

Вот почему каждый с полным основанием может сказать «Мой Пушкин». Вчитываясь в него, важно сердцем найти самое для себя сокровенное – то, что выбирает душа.

Мой Пушкин – это прежде всего великий «духовный труженик», томимый «духовной жаждою», стремящийся «сердцем взлетать во области заочны»:

Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

Это пламенеющий духом, рождённый «для вдохновения, для звуков сладких и молитв» поэт-молитвенник:

Молитесь – да взыдет к Небесам
Усердная молитва православных.

«Пробудясь, Господню волю Сердцем он уразумел», и это дало возможность создать настоящие духовные сокровища русской литературы.

Таковы «Отцы пустынники и жены непорочны...» – не просто поэтическое переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина, но подлинное молитвотворчество. Всем сердцем обращаясь ко Господу, с покаянным смирением испрашивает Пушкин благодатных душевспасительных даров:

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Как учил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы взлетать к Богу: свобода и благодать». Пушкин прославлял истинную свободу в Боге как одну из главных ценностей бытия. Он мечтал о ней, «как узник, из тюрьмы замысливший побег». Невольником Пушкин ощущал себя не только в ссылках, куда власти изгоняли его за «свободный, смелый дар». Чувство подневольного, рабского положения, отведенного гениальному художнику в «стране рабов, стране господ», всегда угнетало поэта:

Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Свободе посвящён маленький шедевр пушкинской лирики «Птичка» – крохотное и трепетное, словно певчая птичка, стихотворение, созданное на «чужбине», во время южной ссылки:

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Это поистине универсальное творение, которое воспринимается разумом и чувством и в самом малом возрасте, и в юности, и в зрелости, и в глубокой старости. Стихи написаны в связи с умиляющим сердце русским народным обычаем на Благовещение и Пасху выпускать из клеток перезимовавших в домах певчих птиц: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это», – писал Н.И. Гнедичу Пушкин. Благоую весть, пасхальную радость воплощает отпущенная в небеса поющая вольная птица. Слышатся в стихах Пушкина и великая вера, и надежда, и любовь. Но любовь, по слову апостола, «из них больше» (1Кор.13:13). Согласно толкованию преподобного Максима Исповедника, «Вера и надежда имеют предел: любовь же, соединяясь с пребесконечным и всегда возрастая, пребывает в бесконечные веки».

Пушкину в его прозрениях и предчувствиях, несомненно, были приоткрыты духовные тайны «жизни будущего века», Царствия Небесного. Поэт прямо говорил о действии Божьего Промысла в своей судьбе:

Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило,
Поэзия как Ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой.

За два года до гибели у Пушкина сложились удивительные, таинственные стихи:

Чудный сон мне Бог послал –
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.

Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь Царствия Небес.
Скоро странствию земному
Твоему придёт конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец...»

Загадочное видение из иного мира отзывается в замирающей душе отрадой, благой вестью: «сон отрадный, благовещный». Но лирический герой, сознавая земность падшей человеческой природы, искаженной первородным грехом, не может в то же время не испытать смущённого замешательства, разноречивых чувств:

Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец.

Всё в Божьей власти и Божьей воле. Отходивший ко Господу Александр Сергеевич Пушкин, по свидетельству

В.И. Даля, внятно произнёс: «Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём». Душа его начала восхождение. Поэт удостоился Небесного Царствия по беспредельному милосердию Божию. Он пребывает в вечной гармонии и бесконечной любви Божией. Но нет на земном языке слов, чтобы выразить то, что непостижимо человеческим разумом. Ибо, как благовествовал апостол Павел, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим» (1Кор. 2, 9–10). Человеку остаётся только уповать на волю Божию – святую, благоую, совершенную.

«Да будет воля Твоя», – это прошение ежедневно повторяют христиане в молитве Господней «Отче наш...», испрашивая того, что душеполезно, спасительно, богоугодно, неподвластно человеческому уму. Отказом от самоволия и покорным приятием воли Божией завершает Пушкин своё стихотворение – в полном созвучии с молитвой Господней:

Но Твоя да будет воля,
Не моя.

Поэт осознал и прочувствовал это «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем». И он же, по мысли Достоевского, «дал и великую надежду, <...> что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть». Пушкинское творчество, как и вся русская классическая литература, подобно православному Символу веры, проникнута христианским пасхальным упованием на воскресение «мёртвых душ»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

Юрий ДЕМИН

**«ТАМ ВЕТРУ В ДАР, НА ТЕМНУ ЕЛЬ
ПОВЕСИЛ ЗВОНКУЮ СВИРЕЛЬ...»***

В основе этого документального повествования – записи из альбомов Юрия Ефимовича Демина (1944–2020). Путь становления художника показан через его размышления о сокровенном, его сомнения и тревоги. Неслучайно в заголовок вынесена пушкинская строка. Великий дар А.С. Пушкина, высший взлет его таланта в с. Большом Болдине для художника Ю.Е. Демина – мерило творческих возможностей и путеводная звезда.

Людмила КАЛИНИНА

* * *

Вчера был день забот и волнений. А сегодня – праздник. Сбылась мечта – я в Болдине. А ненастная погода... Она меняется, как и настроение...

В роще Лучинник впервые пил воду из пушкинского родника, умывался, налил воды в бутылку и взял с собой. Говорят, поэт любил отдыхать около этого родника. Вот бы волшебная сила пушкинской поэзии меня освятила. Что ждет впереди? Сейчас мне как никогда нужна уверенность в себе, своих силах.

Стволы юных березок в Лучиннике такие белоснежные, хотелось к ним прикоснуться. Дерево, словно человеческое тело, – гладкое и теплое. Под корой, как под кожей, проходят какие-то мышцы, сосуды, по ним – токи.

«Но там и я свой след оставил. Там ветру в дар, на темну ель повесил звонкую свирель...» Эти стихи А. Пушкина на первой Болдинской осени, поставлена дата: 18 сентября 1830 года. Как же точно стихи попадают в мое настроение! Искал я в Лучиннике хоть одну ель и не нашел. Но стоило ветру качнуть верхушки деревьев, звонкая свирель запела.

Золотой сентябрь в Болдине. Сколько долгих лет я шел сюда: мчался по бездорожью на попутках, пробирался сквозь дождь на велосипеде, летел во сне... Тихо. Верещит комар над ухом. Дорога ведет в бескрайние холмистые просторы; кое-где видны перелески, а вон вдалеке прижалась к оврагу деревенька. Залитый золотом осени простор выплескивается за горизонт. Хочется воскликнуть вместе с поэтом: «Смотри, какой здесь вид...!» Неотлучна мысль – вот здесь ходил Пушкин, его присутствие я чувствую. Мне хватило примет и признаков, чтобы понять тайну плодотворной Болдинской осени А. Пушкина. Пой свою песню, радуйся встрече с отчим краем, люби и живи ожиданием добрых перемен... Ищи свою дорогу и пой, несмотря ни на что. Деревья в роще Лучинник выросли в стойкую охрану сокровенного места России. Не дается стороннему взгляду обнажить тайну Болдинской осени.

На автостанции обычная суета. Болдинцы – деревенские люди, некоторые с мордовским колоритом в речи, лицах, одежде, хорошо, что они верны себе.

Есть ощущение, что приеду сюда еще не один раз. За окном автобуса неоглядные просторы черноземных полей, а вон, кажется, и Лучинник мелькнул. На прощанье мне помахал крылом старый ветряк.

Уезжаю, переполненный впечатлениями. Путешествие в автобусе всегда наводит на пространные размышления. Пушкин и Гомер... Пушкин жил каких-то 150 лет назад, что это для тысячелетий, почти наш современник. Вот Гомер оброс монументальностью, современник египетских пирамид. Мы живем воспоминаниями XIX столетия. Оно для нас близкое и родное. Помню, в моей деревне общался с крестным отца, он рассказывал, что служил у барина извозчиком.

Увожу с собой два недописанных холста, десяток альбомных рисунков, много фотографий и, конечно, воду

* Сокращенный вариант.

из пушкинского родника. Хочется изобразить фигуру поэта в роще Лучинник в нескольких техниках. Уже в автобусе достаю альбом, листаю наброски: «Родник в Лучиннике», «Грачи», «Сумерки над Лучинником»... Надо дома проработать. «Грачи». Старый парк, красота блистающей золотом осени и черные птицы – это грачи готовятся к отлету. Так и в жизни поэта, сердце наполнено покоем золотой осени, любовью к юной красавице-невесте, и тут же тревога – неизвестность завтрашнего дня, материальные недостатки и прочее.

* * *

Современник А. Пушкина художник А.А. Иванов в своем дневнике сетует, что не встретил ту самую женщину: «Женщина создана быть помощницей мужчине; она ему вполне сострадает, служит ему изумительным отдохновением от разумных его упражнений, давая таким образом силы к дальнейшим его предприятиям, и, вводя в свои тайны, дает и физическим силам свежесть и радость. Истинно счастлив тот, кому суждено быть соединенным с таким существом. Но какими молитвами до этого достигнешь?»

Признаюсь, молитвы такой и я не знаю. Как разглядеть свое счастье?

Самое большое свинство, что закрутился и не поздравил В. с днем рождения. Сон видел – зуб свой вынул без корня. Сны с пятницы на субботу сбываются. Хорошо, если бы неприятности на этом закончились. Плохие сны, просыпался с тяжелым настроением. И вдруг в один день – денежный перевод от родителей, потом ласковое письмо от В. Какой хороший, радостный день! Получил стипендию плюс деньги от родителей, тут же отправился покупать давно приглянувшийся фотоаппарат «Смена». Отдали мне этюдник, маленький. Весь день писал этюды, пока не кончился картон. Такой охватил азарт! Вот что значит хорошее настроение.

Почему В. Так редко пишет? Наши отношения весьма притягательны, потому и лечу в Горький как на крыльях. В прошлый раз уезжал с пасмурной душой. В. так просила остаться до понедельника, но я с простотой обидной от-

казал. Расставание получилось холодное, неопределенное. Вот так недавняя случайная встреча обернулась для нас обоих привязанностью. Ученые, наука еще не изобрели счастья.

«Москва, как много в этом слове...» Я уже на 5-м курсе ВГИКа, спрашиваю себя, чему научил меня институт кино? Много было дано: музеи, архивы, общение... В Третьяковке зал Левитана мой любимый. За годы учебы несчетное количество раз здесь созерцал, копировал, искал помощи. Сорок гениальных работ мастера, лучшая «Вечер. Золотой плес». Кажется, я научился стремиться не к накоплению суммы знаний, а к познанию истины.

Знаю, есть места в России, благодатные для гениев искусства: Болдино, Плес, Коктебель... Там я побывал, ощутил с небес льющуюся благодать.

У Пушкина был творческий взлет в Болдине, где он трижды жил осенью в разные годы. Для Левитана местом вдохновения стал небольшой городок на Волге Плес, куда он приезжал три раза. Осенняя пора для поэта Пушкина и волжский простор для художника Левитана – это чистое золото русского искусства.

Что будет со мной завтра? Кино – это не мое дело, этюды идут с трудом, свинья в отношениях с женщиной. Ох-хо-хо. Господи, боже мой, ничего не идет, не выходит. Хоть бумаге пожалуешься, она все вытерпит. Но есть люди, живущие еще хуже. Это невыносимо сознавать. Сумеречное состояние души. Видимо, ничего хорошего мне завтрашний день не готовит. После института никуда не устроишься. Ну, вернусь я домой, моя комнатенка у родителей завалена книгами, холстами, пластинками... Слоняться как собака бездомная? Без работы, без мастерской. Ну уж нет! Что делать? Вечный вопрос. А на сегодня такова реальность.

В городе вдоль улиц начали массово кромсать тополя. И вот стоят деревья, обрубленными ветками, словно ладонями, тянутся к небу. Но ведь обрубленными ветками до звезд не достанешь! Так и творчество художника, когда бьют по рукам, до звезд не достанешь. Вечная битва за красоту делает жизнь художника прекрасной. Успех придет к тому, кто умеет ждать, а победа суждена тому,

кто победу очень захочет. Тянет к выводам, чувствую преимущество возраста.

Всю жизнь художники доказывают свою состоятельность кому-то, я доказываю это самому себе. Знаю, старая реалистическая русская школа живописи живет очень тихо. Она ценится на международных рынках, это всегда было надежным капиталом. Достоинства и недостатки тут не связаны ни с модой, ни с громким именем. Достоинства эти либо есть, либо их нет. И каждый их видит. Искусство держится на традициях, а не новациях.

* * *

Сегодня ушел пешком из Салган в Гагино, до которого 30 километров. Позади нудная оформительская работа, хорошо ребята взяли в бригаду. Радует, что закончили, деньги обещали переслать переводом. Ночь в холодной гостинице, не спалось. Ушел под утро.

От Салган 15 километров шел под неожиданно свалившимся проливным дождем. По обе стороны дороги голые поля, укрыться негде. Зонт и капюшон непромокаемой куртки мало помогали. Но эти четыре часа под дождем не показались мне мучительными, хоть и сильно устал. Ведь впереди у меня встреча с Болдином, пушкинскими местами. Уже чувствую приближение знакомых мест, счастливых встреч. Люблю дороги, они успокаивают, дают новые впечатления и лечат меня от невзгод.

На попутном грузовике за пятнадцать минут проделал остальную половину пути до Гагина. Займусь оформительской работой несколько дней, есть договор с колхозом. В свободное время думаю побывать в селе Ветошкине, где сохранился дом помещицкой усадьбы. Таят захолустные уголки моей Родины такие жемчужины! Не устаю восхищаться, «дым Отечества нам сладок...». Течение событий наводит на глубокие размышления.

Болдино совсем близко. Спешу, не могу дольше ждать встречи с золотой Болдинской осенью...

Видели все на свете мои глаза – и вернулись к вам, мои хризантемы.

Неожиданно пришло решение – в рукописях А. Пушкина много автопортретов, попробую вписать стилизованный портрет поэта в свой рисунок, используя черную тушь. В моем альбоме есть интересный сюжет «Под сенью болдинских деревьев». Фигура поэта слилась со стволом могучего дерева. Он и есть – дерево, основа, корневая система литературы, искусства. Под хмурым небом, под осыпающейся от порыва ветра золотой листвой поэт стоит, задумавшись, характерно опустив голову. Другой сюжет «Приближение Музы». Поэт идет полевой дорогой. Кружение ветра, облаков и гладь неоглядных полей. Он один на один в своих раздумьях... Душа художника – это тайна, это его рабочий инструмент. Если на душе тяжело, я вспоминаю детство, пересматриваю свои старые рисунки. Испытал, помогает.

Мне давно хотелось побывать в селе Львовка, всего-то около десяти километров от Болдина. Это небольшая помещицья усадьба Пушкиных с господским домом, парком, ветхим деревянным храмом, освященном во имя святого князя Александра Невского. Земли, село Львовка достались старшему сыну поэта боевому генералу Александру Александровичу Пушкину. Могучие дубы охраняют тишину усадьбы. Велосипед помог мне неспешно оглядеть округу: охристый лес, серую желтизну сжатых полей, яркую бирюзу озимых.

Приютила меня на пару дней одинокая жительница Львовки баба Надя. Стоят еще десяток домов, но они не жилые. Увидел, доит козу, подошел, она позвала в дом. Угостила свежим хлебом и козьим молоком. Хлеб сама выпекает в русской печи. Такого вкусного хлеба, кажется, никогда не едал. До вечера бродил вокруг села. Присмотрел место около пересыхающей речки под тенью старых дубов. Сделал в альбоме наброски: «Старинная аллея», «Дубы», «Дали неоглядные».

Вечером в доме бабы Нади меня ждало блюдо отварной картошки, посыпанной укропом и ее рассказы о житье-бытье. До войны во Львовке жили несколько десятков больших семей, работали в колхозе, жили дружно, всем делились. В годы войны немало досталось бабам, мальчишки

заменили отцов. После войны того хуже, многие мужики погибли. Трудились не покладая рук, и все не впрок, «налоги большие драли». Всеми правдами и неправдами люди уезжали из села, кто в города на военные заводы, кто далеко, на шахты. Уговаривали и бабу Надю, да вот никак не уговорили... Что тут скажешь?

Дома стоят, а звездочки выцвели.

* * *

В который раз пишу «Сенокос в Нижегородском кремле», серия «Травы». Высоко вознесся наш кремль на крутом волжском берегу. Смотрю, мужики с косами, бабы с граблями где-то в небесах, облака им по колено. Вот они спускаются с небес на землю, чистят косы, грабли, упаковывают их и растворяются в городской толпе. Может, это привиделось мне навсегда ушедшие крестьяне пушкинской Львовки, моей деревни, многих других русских деревень?

В детстве, помню, с дедом Гаврилой ходили за три километра от нашего села Саблуково в небольшой выселок под удивительным названием Аркадия, там жил фельдшер, старый приятель деда. Они вместе отбывали срочную службу в Бресте, это было в начале прошлого века. Сохранилось у нас в альбоме фото того времени – группа солдат, с ними дед Гаврила с другом, стоят у стены храма, трогательно прижимая к груди ветки вербы. Вербное воскресенье. Разорена церковь в моем селе, исчезли выселки, что же осталось?

Память – мое главное богатство. Память выхватывает разрозненные картинки из детства в селе Саблуково, что в 12 километрах от Арзамаса. Вот выгребаю из печки горячие угли и остывшим угольком начинаю черкать на стенах избы. Мама прибегает из огорода и ногами в лаптях топчет угли, загоревшийся пол, причитая... Потом того хуже – нашел родительские документы и разрисовал их. В послевоенной деревне не было ни бумаги, ни карандаша. Так что углем я рисую с детства. Технику уголь и сангина осваивал уже в институте.

Своя «мастерская» у меня появилась позднее, в девятиметровой камере барака, когда наша семья обосновалась

в городе. Там, под высокой родительской кроватью за строченым подзором, я разместил свои книги, фонарик, альбом, этюдник, стульчик. Подростком я начал постигать искусство в художественной студии нашего рабочего района.

По субботам отец выносил табуретку на лужок перед баракком, шелкал ножницами и начинал по очереди постригать мальчишек. Никто из этих мальчишек своего отца с войны не дождался. Мой отец, израненный, но вернулся, это определило факт моего рождения и мой жизненный путь.

Я вырос среди рабочих людей, они всегда рассчитывают только на себя, на свои руки. Мама привозила из Саблукова овечью шерсть, стирала, чесала, пряла, потом вязала варежки, носки и везла на санках продавать, всегда в сопровождении отца. Жили они на пенсию, еще и мне помогали. Если к ним на рынке подходил милиционер, отец показывал свой военный билет, тогда вопросов не возникало. Серый свитер, связанный мамой из овечьей шерсти, согревает меня в ненастье. Мама, мама... Синий взгляд василька в поле и песня жаворонка в небе не раз, как и ты, по-матерински утешали меня: не печалься, милый мой. Есть у меня повод для гордости – в младенчестве крещен я в соборе Воскресения Христова в Арзамасе. Этот собор расписывали сто лет назад ученики Ступинской художественной школы. Родись я в то время, может, учился бы в этой школе.

Как бы сказали сейчас, это была первая в России частная школа-интернат для одаренных детей из малообеспеченных семей. Школа жила с 1802 по 1862 год, пока был жив ее создатель А.В. Ступин. За работу во славу отечественного искусства Ступин получил звание академика и ордена св. Анны и св. Владимира.

Питомцам Ступинской школы было доверено расписать иконостас и паруса Староярмарочного кафедрального собора в Нижнем Новгороде и второго кафедрального собора губернии – Воскресения Христова в Арзамасе, архитектор М.П. Коринфский – тоже ученик этой школы. Питомцем Ступинской школы был великий мастер русского самобытного жанра Василий Григорьевич Перов.

Участвовал я в оформлении музея А. Гайдара в Арзамасе. Вот тогда из городских архивных документов много узнал об истории села Саблуково, где родился я и все мои предки. Нашел подтверждение тому, что в нашем селе прошло детство известного живописца В.Г. Перова. Этот факт для меня стимул в работе и вдохновение! Он был незаконнорожденным сыном управляющего помещичьим имением, и фамилию ему дал дьячок нашей церкви за красивый почерк. Вступительный взнос за обучение и проживание в Ступинской художественной школе за Василия Перова внес саблуковский помещик.

* * *

Институт позади. Тяжелое начало. Хождение по мукам – по конторам города из-за мастерской. Работа в Художественном фонде тяжелая физически и своей неопределенностью. А художники сюда рвутся. Первый заказ (фабрика «Весна») – сплошной шрифт – в глазах рябит. У меня специальность художник-оформитель и считаюсь неплохим шрифтовиком, все равно тяжело. Делал попытки уйти на другую работу, но где лучше? А всего тяжелее срочный заказ. Не раз ночевали в фонде, потом долго сдавали работу. Другой нашей бригаде за оформление двух цехов дали сумму больше, чем нам за три цеха. Объяснили бы почему, но здесь нет такого обычая. Качество хвалили. Закончили заказную работу наконец-то. Усталость такая, что даже про себя «ура» воскликнуть не хочется. Отдал долги друзьям-художникам: Мише Раеву, Паше Рыбакову, Сереже Ростовцеву.

Кот Леопольд, любимец нашего коллектива, на собраниях тихо пробрался между рядами, прыгнул мне на колени, замурлыкал, так и проспал до самого голосования. Не слышал Леопольд сообщений посланца из Москвы о том, что везде на здания Художественного фонда покушаются сильные мира сего, хотят отнять и землю вокруг здания, что Союз художников будут переименовывать в ассоциацию. Неужели думают, что-то изменится от переименования? Все проспал кот Леопольд. «В столицах шум, гремят

витии, Кипит словесная война, А там, во глубине России, Там вековая тишина...» Н.А. Некрасов, 1857 г.

Участвовал в интересной работе – подготовке к вечеру памяти А. Пушкина в театре оперы и балета, который носит имя поэта. С утра в большом зале мы развешивали выставку Д. Арсенина (фоторепродукции) – пребывание А. Пушкина в Нижнем Новгороде и родовом имении Большое Болдино. Работой руководил К. Шихов. С нами разговорился артист балета Миклин, он народный артист РСФСР, побывал в Италии, Франции. Подошли поэты В. Шамшурин и Ю. Адрианов, у них здесь репетиция перед выступлением на вечере. Они не поддержали Миклина, который громко возмущался и недоумевал, что из гибели А. Пушкина устраивают праздник. Думаю, артист балета все-таки неправ. Это не праздник, 9 февраля – День памяти поэта. Пушкин заставил Россию, русских своей гибелью печалиться вечно.

Художественная школа «Изограф». Встреча В. Шамшурина и Д. Арсенина с учениками называлась «Пушкинский тракт». Подобно ученикам этой художественной школы слушал я двух моих товарищей «раскрыв рот», в который раз убеждаясь в их умении ясно говорить, их широте знаний. А темы выбраны очень интересные: «Пушкин в Нижнем Новгороде и Болдине»; «В номерах Деулина»; «А. Пушкин в школе академика Ступина, 1830 г.»

* * *

Удивительный день на встречи и события. Утром приехал к родителям, чтобы помочь отцу получить деньги и подарок, выделенные заводом к Празднику Победы. Собрал документы, подписи, печати и отправился на территорию завода по разовому пропуску. У 6-й литейки случайно встретил друга Сашу Казакова. Обрадовались оба, он привел в свою мастерскую.

Прошел несколько цехов. Везде все по-старому, новое только на главном конвейере. В свою 2-ю литейку пришел через 30 лет. Все оказалось мельче и беднее, грязнее, пыльнее. Заглянул в свою мастерскую энергетиков. К моему

великому удивлению, здесь ничего не изменилось, ни на йоту. Наждак на месте и верстаки те же. Один из более чисто одетых рабочих, может, бригадир, 26 лет здесь работает, говорит, что завод «буксует», во всем здешнем он разочаровался: «Слышь, парень, не ходи больше сюда». А я еще и еще раз пришел, чтобы рисовать.

День выставкома. Показывал несколько работ на тему «50-летие завода ГАЗ», ведь это мой завод, литейный цех, куда отец привел меня после ремесленного училища, и я работал здесь сварщиком до армии. Скороспелые рисунки мои не взяли на областную выставку. Но под каким соусом... Изругали довольно приятно: «Ты интересный художник. Но рисунок здесь не тот. В этих работах нет ничего твоего». И прочее, прочее... Обидно, что не понял, чего от меня хотят. Не сумели объяснить или я не дорос, чтобы понять? Только я-то знаю, ведь могу, могу еще кое-что! Годы я не чувствую. Не хочу день за днем корить себя за неудачу, надо работать. А художник не канатоходец, ему можно и оступиться. Почувствовал, что на меня старики надеются. Равнодушие к художнику – неплохо, излишний интерес – губителен. «Не суетись и не гордись, и придут к тебе животные и люди. Любовью за любовь» (поэт Ф.Г. Сухов).

Неправильно думать, что на Земле заповедано страдание. Заповедано совершенствование. Условия дисгармонии могут причинять разные боли. Своеобразно мерило удачи и неудачи.

Чтение классики это для меня отдохновение, успокоение. Какие имена в русской литературе! Мой любимый Иван Андреевич Гончаров не в первом, а во втором ряду. Для меня он звезда! Есть задумка. Византия, XIV век, 12 апостолов. Мне хочется изобразить 12 апостолов русской литературы – плеяду писателей XIX века. Черно-коричневая тушь, перо. Это задумка, а пока...

Рисую углем и сангиной серию работ «Старый Нижний». Часами сижу в переулке Мельничном или на Почтовом съезде, как бывало на институтской практике в Таллине. Уже местные собаки и кошки ко мне привыкли. Подкармливаю, чтобы не сердились. Старый

Нижний это сказка, кажется, у меня что-то получается. Эти работы участвовали в коллективных выставках. Вот уже и название цикла есть – «Улицы детства Алеши Пешкова».

Никак не удается написать состояние. Неужели живопись не для меня? Приехал с этюдов. Чудесная солнечная осень: тени, блики. Два раза проваливался в воду, промок до нитки. Но зато кое-что удалось. Все большое совершается медленно, незаметным ростом.

Пришел домой усталый, вдруг звонок – продается подержанный офортный станок, недорого, но и этих денег нет. Занял у друга Саши Казакова. Давно мечтал освоить офорт. Сразу стал выбирать рисунки из своих многочисленных рабочих альбомов; болдинская серия, Арзамас, Саблуково... Вместе с работами других графиков мой офорт «Сельский аэродром в Большом Болдино» отправили на Всероссийскую выставку в Уфу, и этот болдинский аэродром поднял меня на первое место в конкурсе станковой графики.

Искусствовед Татьяна Ильинична Емельянова давно уговаривала организовать мою персональную выставку в университете Лобачевского и уговорила. Это моя вторая персональная выставка после вуза, первая была в Литературном музее М. Горького. В университете я решил показать офорты «Листы путевой тетради», где есть болдинские сюжеты. В своем слове на открытии выставки Татьяна Ильинична назвала эти листы новым словом в нижегородской графике: «Картинка в сопровождении текста, такого я еще не видела. И в каждом штрихе, каждом слове – личность автора». Получить такое напутствие от авторитетного искусствоведа хороший знак.

Не просто передать на бумаге, холсте тонкие, сокровенные состояния природы, но я пытаюсь это сделать в своих работах: «Влажная белизна», «Задумчивые леса», «Серебряная рубашка». Сумел же деревенский поэт-фронтовик из Дивеевского района Михаил Тимонин нарисовать чудесную картинку словом: «Пробежал в серебряной рубашке Шаловливым мальчиком ручей...»

Какое точное высказывание: «В деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным

инстинктом (вдохновением), пружины которого от нас скрыты» (А. Фет).

Дело не в компьютере, есть иные ценности. Как не крути мысль, она все вкривь да вкось. Еще Ф. Тютчев воскликнул: «Мысль изреченная есть ложь». Да, «Мысль изреченная есть ложь», а зарифмованная есть истина. Люблю поэзию и не хочу меняться.

* * *

Как-то в нашем институте устроили вечер современной поэзии. Мои юные однокурсники, запинаясь, вспоминали классиков из школьной программы. Я читал стихи нижегородца А. Люкина. Как точно сказано им, словно обо мне: «крестьянский сын, воспитанник завода и, волею судеб, интеллигент». Читаю одно, второе, третье стихотворение, просят еще и еще: «Хоть поэт ты маленький, Не гляди ты вниз, Вскинь повыше голову, Пой и веселись...»

Впереди было важное событие. 14 марта на 60-летие замечательного поэта Ф.Г. Сухова в Красный Оселок, где он жил, мы отправились втроем: я, Люда и Лена Сухова. Федор Григорьевич не захотел никаких торжеств в городе. В Союзе писателей вручили нам конверт с небольшой суммой для юбиляра и пожелали доброго пути. И вот мы в дороге. Снег еще не осел, шли к селу по едва заметной тропинке, проваливаясь и оступаясь, потом пробирались по узким мосткам через ручей. И вдруг какой-то лепет, воркованье – это голосом незамерзающего родника словно сама природа приглашает в гости к поэту. Впереди крутая гора, по краю которой лепятся избы. В одной из них нас ждал удивительный по силе слова поэт: «Был явлен миру я в середине марта, когда Авдотья – замочи порог – от полноты душевной прослезилась...»

В своем поздравительном слове я сказал: «Желаю, чтобы к вам этой весной прилетели самые радостные птицы и принесли на крыльях звонкие песни». «Самые верные слушатели пенья птиц – березы», – сказал Федор Григорьевич.

И что бы вы думали, вечером прилетели ласточки. Прилетели в день рождения поэта.

* * *

Три дня в Ленинграде. Выстоял большую очередь в Музей-квартиру А.С. Пушкина. Кабинет, его любимые книги, с которыми прощался, тот диван... Посмертная маска поэта. Рисовал маску. Какое умиротворенное лицо. Закончу позднее, уже дома, по памяти. Долго здесь находиться не могу, тяжело.

Посетил Военно-морской музей. Там стоит большая модель фрегата «Паллада». А.С. Пушкин присутствовал на спуске фрегата, для меня узнать это очень важно. Кругосветное путешествие фрегата «Паллада» было огромным событием своего времени.

Выставка из фондов Русского музея. Полтора часа перед открытием отстоял в очереди. Большая удача – сюда привезли коллекцию картин из собрания Киевского музея. Наконец-то я увидел шишкинскую «Дубовую рощу». Картина И. Шишкина из Киева «Дубовая роща» здесь! Какая встреча! Я счастлив, давно хотел ее узреть. И вот он, случай, выпал, а я уж собрался отправиться на свидание с этой картиной в Киев. «Дубовая роща» – чудо гения. Мощь России и необыкновенный лиризм. Был так впечатлен, что тут же хотел уйти. Но все-таки прошел в другие залы.

Скоро уезжаю, поезд отходит в 17.20. Перед отъездом я снова в Русском музее. Радость встречи с «Дубовой рощей» меня не оставляет.

И вот я в поезде, до отхода осталось три минуты. До свидания, Ленинград. Вагон вздрогнул, и я вздрогнул. Поезд медленно покатился домой. Все-таки Нижний – это чудо. К тому же я соскучился по родным людям. Вспомнилось: «Если когда-нибудь придется вам быть в Нижнем Новгороде, сходите поклониться Печерскому монастырю. Вы его от души полюбите», – это пишет В. Соллогуб в своем «Тарантасе». А мне повезло, живу над Печерским монастырем, на крутом берегу Волги. Как хорошо, что меня ждут.

Вагон покачивается, лежу на второй полке и перебираю в памяти события моего путешествия.

Посмотрел в ночное окно. Луна заплуталась среди сосен. Знаю – она найдет дорогу.

Что такое свобода? Свобода – это самоограничение; если не можешь ограничиться, то... потеряна свобода. Творчество – это, когда свобода как полет во сне. Можешь лететь мыслью, куда хочется.

Очень люблю древнюю китайскую философию, потому что она не стареет, свободна от разных напластований и очень созвучна мне: «Все стремятся увидеть невиданное – а ты гляди на то, на что никто не смотрит. Все стремятся овладеть недоступным – а ты займись тем, чем все пренебрегают. С тем, кто не соперничает, никто не может соперничать. Откажись от одного и возьми другое» (Лао-Цзы).

* * *

Встреча с главным редактором журнала «Знамя» (основан в 1931 г.). Вывод: остался небольшой круг читателей, небольшой и интерес к литературе. Сейчас тираж журнала 5 тысяч, а раньше, в лучшие времена, был более 1 миллиона экземпляров. В Нижнем Новгороде плохо с журналами, с писателями. Это в городе, богатом литературными традициями: Н. Добролюбов, М. Горький, Б. Корнилов... Болдинская осень А. Пушкина! Журнал «Знамя» предпочитает авторов из провинции. Хорошие примеры есть. Екатеринбург – активный центр литературы, там есть журналы, альманахи. Русская литература сейчас в хорошей форме. Но мало читателей. Такое время.

Мечтаю писать море. Рисунок А. Пушкина «Золотые ворота» в его рукописи, поэт бывал в этих местах. Всегда хотел я посмотреть на эти ворота и вот они передо мной. Это Крым, окрестности Кара-Дага (в переводе с тюркского Черная гора). И я рисую Золотые ворота, это ли не чудо.

Литературный вечер в Доме творчества Коктебель. Собралось много отдыхающих. Вход платный, деньги – в Фонд мира. В стихах выступавших много открытой смелости, это знак времени. Живо, раскованно вел вечер московский поэт Владимир Шленский, читал и свои стихи: «Отделена душа от тела, как церковь от государства...» Представлял других поэтов. Иван Рыжкин: «Привыкла подлая душа, Что все у нас досрочно...»

Но все это мелко по сравнению с настоящим искусством слова. Хорошо, но сегодня есть и лучше, например, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, Ю. Левитанский, Ф. Сухов...

У Ф. Сухова – красота слова, у Н. Рубцова мысли интересные. Мысль спорна, красота всегда бесспорна. Мысль, пусть ее выскажет мудрец, можно оспорить, ее оспаривает время. Красота вечна, неподвластна времени: «Верую, вовек не оскудеет та рука, что раннею весной освещает пасмурные дебри ландышевой влажной белизной ...» (Ф. Сухов).

Утром в 9.15, как всегда, по центральному радио звучит передача «Поэтическая тетрадь». Часто передают стихи по заявкам, всегда одно и то же. В это утро по моей просьбе актер читал пять стихотворений Федора Григорьевича Сухова. Письмо-заявку продиктовала мне Люда. Не верилось, что откликнутся. Я наивный человек, а Люда была уверена и оказалась права. Актер читал плохо, народные слова перевирал, ударения ставил не там.

Москва. Разговор с О.И. Гроссе в его мастерской. Олег Иванович, а я уж соскучился по беседам с Вами, дорогой мой преподаватель. Говорил он о том, что картина художника должна будить воспоминания, ассоциации. О том, что нужно отвечать перед текущим временем и перед собой. Не надо что-то воспевать или опровергать, надо говорить, что жизнь не совсем гладкая. Задача – вырабатывать красоту. Это такой же необходимый продукт, как и пища телесная. Усваивается душой без остатка. Необходимая, но не для всех в одинаковой мере. Многие живут впроголодь, не замечая этого. Говорил он много.

Надо учиться до тех пор, пока не узнаешь, чему учиться. После этого можно учиться самостоятельно, осознанно. Картины и книги сами расскажут свои тайны.

Художникам времен И. Шишкина нужно было освободиться от пут академического романтизма. Видно на примерах работ Шишкина, Саврасова, что они трудно рождались как реалисты. Саврасов в нескольких работах прорвал временной порог. Но в сотнях других работ остался за порогом времени. Лишь пристальное внимание к природе давало возможность более богатого реализма. Первый художник, который ввел в свою работу пленэр, – И. Шишкин.

* * *

По словам мэра нашего города Ю.И. Лебедева, художники в трудные времена погибают первыми, тараканы выживают. Я бы добавил: тараканы и чиновники выживают.

Да здравствует то! Благодаря чему! Мы, несмотря ни на что! Терпите, люди, скоро весна...

Страшное время! В России всегда страшное время. Надо ли бояться? Надо. Опасение – половина спасения. И пух может стать камнем. Господи, прости, это растерянность. Добрый Ангел, храни Россию. И все-таки тьме не победить света на земле. Знаю, в окружающей крошечной тьме есть помощь – звезды, излучающие свет небесный.

Еду в Москву. Взял три работы предложить на продажу в салон. На вокзале много бомжей, среди них есть женщины, просят денег. Нашел тихий уголок. Вижу, тянутся мои собраты тоже с упаковками картин. Почти все пассажиры вагона направляются в Польшу за дефицитным товаром. Шум, гам, рассказывают, где легче купить, где выгоднее продать. Говорят, несколько наших художников сейчас тоже торгуют. Утром в салоне встал в медленно текущую очередь, мой номер 756-й. Вижу много знакомых – с кем-то учился, с кем-то вместе выставлялся... Не хочется задавать вопрос «Как дела?». Все очевидно. На улице художники выставили свои работы, чего только нет – грубая мазня, авангард, утонченная классика... Художников больше, чем картин, а покупателей совсем нет.

Курский вокзал, ночной поезд в обратный путь, в Горький. Нищие, много пьяных, голодные собаки. И снова группы галдящих торговцев с наполненными полосатыми баулами. Но кто может их осудить. Мусор во всех углах. Кругом мусор.

Эрнст Неизвестный о художнике: «На Западе сам художник проникается рыночной идеологией. Имеющим мужество остаться одиноким, рынок не страшен. Дело рынка – торговать, дело художника – растить в себе талант, дарованный Богом. Рынок сам возвратит нам имена художников, имеющих мужество выстоять под напором моды».

Среди, казалось бы, беспросветной тьмы всегда пробьется луч света. 1997 год. Впервые в нашем городе издается периодический литературно-художественный журнал «Нижний Новгород». Я начал набрасывать идею обложки – в каждом номере встреча с нижегородским художником. Эту идею издатель В.И. Седов принял восторженно, меня утвердили художественным редактором. За шесть лет журнал показал работы 54 художников. Пришлось мне стать открывателем мало известных имен, фотографом, грузчиком, утешителем, вдохновителем.

Каждую обложку утверждал издатель, он чаще всего соглашался с моими предложениями, иногда выдвигал свои. Никогда не было между нами непонимания. На первый взгляд мы разные – Седов настойчивый, жесткий, я, говорят, уступчивый, сговорчивый. Но это на первый взгляд. Главный редактор журнала В.А. Шамшурин, услышав от кого-то, что я «мягкотелый», выдал мне комплимент: «Это не о Демине, он художник настоящий, он не может быть бесхребетным».

Издатель выступил с идеей, я подхватил, и в выставочном зале на площади Минина состоялась коллективная выставка наших авторов. Пришлось побегать – транспорт, погрузка, развеска... Выставка, говорят, получилось.

«Непостижимо, что Бог есть. Непостижимо, что его нет, что у нас есть душа, что ее нет; что мир сотворен, что он нерукотворен» (Блез Паскаль).

Все с собой не заберешь, что же все-таки можно забрать?

Как передать на холсте красоту, дарованную нам природой? В молодости я упорно искал пути постижения красоты. Ради этого многое упустил в жизни, не сберег. Могли с высоты своего возраста сказать, что нашел эти пути? Скажу так – постоянный поиск тайн искусства навсегда стал смыслом моей жизни.

Людмила КАЛИНИНА

КАЗАРИНОВСКОЕ ЧУДО

«Да щей горшок, да сам большой...»

У меня дома хранится реликвия – небольшой горшок из чернолощенной глины. В 1970-е годы нам, выступавшим на пушкинских праздниках поэзии, дарили такие, по нынешним временам редкостные, вещицы. Тогда еще можно было купить это чудо из Казаринова на местном рынке или в торговых рядах на массовом гулянье в роще Лучинник.

Село Казариново с угодьями в двух километрах от Большого Болдина – бывшие земли Пушкиных. Село примечательно еще и тем, что здешние крепостные крестьяне изобрели технику изготовления и обжига чернолощенной керамики в начале XIX века. Стало Казариново вплоть до начала XX века центром гончарного промысла России. Все способствовало этому: рядом с селом изобилие сырья, красной и черной глины; поблизости рынки сбыта, большие базары в Болдине, Лукоянове, Арзамасе, Нижнем Новгороде; и, конечно, велик был спрос на горшки, кувшины, крынки. Небольшой ассортимент, а нужный.

В главе «Путешествие Онегина», шедевре первой Болдинской осени (1830 г.), А. Пушкин признается в любви к селу:

XVIII

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,

На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

Как говорят, «извеку» водился здесь гончарный промысел, потому барину А. Пушкину готовили щи да кашу в казариновских глиняных горшках, других-то во всей округе не было. Несколько лет назад во дворе господского дома на старом фундаменте восстановлена господская кухня с русской печью, горшками, ухватами... В письме из Болдина поэт рассказывает, как радушно встречали его дворовые люди, с какой любовью стали потчевать да угощать, в пору и «желания» свои пересмотреть:

Мой идеал теперь – хозяйка.
Мои желания – покой.
Да щей горшок, да сам большой.

В пушкинские времена в более чем ста домах села Казаринова за гончарным кругом работали семьями, стар и мал. Большой спрос не давал сидеть сложа руки. Что главное в доме? Русская печь, а в печи – горшок, в печи горшок – семья сыта. Бывало, в базарный день в Болдине, Лукоянове, Арзамасе, Нижнем Новгороде только и спрашивали: «Привезли горшки из Казаринова?» Даже пришедшему позднее чугунок не уступила первенства глиняная кухонная утварь. Горшок хоть и хрупкое создание, да был привычней и дешевле чугунок. А если еще обжечь умело да лоску навести для крепости – цены ему не будет.

В 1970-е годы в окрестностях Казаринова еще вдоволь копали черную глину, и красная была в избытке. Но глины становилось все меньше и меньше. Она и сейчас есть, да упал спрос на здешний товар, и постепенно мастера перевелись. Местный промысел долго удерживали несколько семей, потом остался всего один гончар – Иван Михайлович Васин. Такой умелец был, любо-дорого посмотреть на его вещицы, они кое у кого в доме остались.

– Мы понимаем важность сохранения старинного промысла в селе Казаринове, принадлежавшем Пушкиным,

ищем пути возрождения, – рассказала директор музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» Нина Анатольевна Жиркова. – В свое время старались привлечь Ивана Михайловича Васина к обучению болдинцев, желающих освоить гончарное дело. Предоставили помещение, и Иван Михайлович охотно взялся за работу. Отзывчивый, щедрый и, конечно, одаренный мастер. Но остался один, без семьи, был немолод, навалились невзгоды...

Ушел мастер в мир иной, жаль. Унес он с собой и тайну изготовления чернолощенных горшков да кувшинов по казариновскому образцу. На этом ставить точку болдинцы не хотят. Некоторое время назад приехала в Болдино семья гончаров, работающая с черной глиной. Их интерес к гончарному ремеслу поддержали руководство района, музей-заповедник А.С. Пушкина. Так что надежда на возрождение казариновского горшка есть.

Беру в руки однажды подаренный мне в Болдине горшок и вновь диву даюсь: как же форма его выверена годами, все для удобства хозяйки. Бока крутые, ушки для подхвата, носик, как полагается, украшение – легкая извилистая полоска в тон. Красота, да и только. Смотрела я на музейные экземпляры казариновского чуда – и удивлялась, как же похожи этот и тот кувшины на античные амфоры, которым тысячи лет.

Сроду нигде не бывали здешние мастера дальше окрестных базаров, не выдвигали ни одной амфоры даже в книжках. Откуда же такое сходство с изящными греческими сосудами? Думаю, красота, гармония везде и во все времена свойственны человеку, мастеру особенно, на то он и мастер. Проходят годы, а глиняные вещицы все востребованы. Рачительная хозяйка подаст гостю запеченное в горшочке жаркое, для современного интерьера пригодились и декоративная глиняная ваза, и керамическое кашпо. Первенство в гончарном ремесле сейчас держат гончары из Ростова Великого. Они и чернолощеную керамику освоили, ассортимент удивляет разнообразием.

В Большом Болдине я встретила со своим товарищем, поэтом Юрием Паркаевым, приехавшим на праздник из Москвы. Скромный, порой застенчивый, он заметно вол-

новался, когда читал свои стихи из нижегородского цикла или вспоминал о земляках. Появился он на свет здесь, в Горьком, родители в ту пору были студентами. Рос в деревне Павловского района у бабушки.

Окончил факультет журналистики Московского университета, работал в газете, где только не побывал в командировках. А дачный дом обустроил здесь, в бабушкиной деревне. Все наше, нижегородское, было ему любо и дорого. Потому решили с женой Валентиной организовать в Павлове-на-Оке песенный фестиваль, и эта инициатива удалась. На фестиваль собирались известные музыкальные коллективы и певцы, приезжали поэты, вокалисты из Москвы, Нижнего Новгорода, Муром, Владимира и других городов. На сцене фестиваля раскрылся талант выпускника Нижегородской консерватории Андрея Савельева. В его исполнении в Павлове-на-Оке впервые прозвучала песня «Нижегородская лирическая» на слова Юрия Паркаева, автор музыки Александр Морозов. «В Нижний Новгород – это значит домой...» – стоило песне зазвучать, как ее подхватили, распевали на концертах, торжествах, застольях. Песня стала своего рода гимном Нижнего Новгорода, приближаясь по известности к замечательной «Сормовской лирической» Б. Мокроусова на слова Е. Долматовского.

День рождения А. Пушкина болдинцы и гости села любят отмечать в роще Лучинник массовым народным гуляньем. Здесь вам и выступления поэтов, и большой концерт, и волшебная вода пушкинского родника, и общение с мастерами народных промыслов. В торговом ряду мастеров Юрий Александрович и заметил пожилую женщину, все проходили мимо а он остановился. Она бережно, словно ребенка, держала на руках завернутый в старый кухонный фартук кувшин из черной глины, приговаривая:

– Казариновские мы, дед лучшим в округе гончаром слыл... Затрудняюсь в деньгах, а то бы не продала ни за что. Бывало, квас в этом кувшине возьмешь на покос, веришь ли, в самую жару квас всегда холодный. Трещинка вот пошла еле заметная, небольшой скол на краю горлышка – это от времени.

Помню, щедро расплатился Юрий Александрович и как великую драгоценность бережно принял кувшин, завернутый в фартук, из рук наследницы. Радовался, словно ребенок, покупке, обращаясь ко мне:

– Смотри-ка, чудо какое, не кувшин, а песня!

Второе свидание с этим кувшином произошло у меня в московской квартире Паркаевых в Староконюшенном переулке. Сколько в этой квартире ценностей – не перечить: уникальные книги, редкие фотографии писателей Серебряного века, кузнецовский фарфор... Юрий Александрович рассказал, что большую часть архива С. Есенина он передал в музей поэта, которым руководит известный киноактер С. Никоненко. А покупал рукописи, фотографии С. Есенина у его знакомых, многие были еще живы.

На самом видном месте в квартире Паркаевых красовался тот самый казариновский кувшин. Высокий, изящный, с еле заметной трещинкой – я его узнала сразу. В этом доме бережно хранилось все нижегородское, здесь радушно встречали земляков, для каждого был готов и стол, и ночлег. Может быть, и песня «Нижегородская лирическая» удачно сложилась и обрела счастливую судьбу благодаря большой любви поэта к городу, в котором он родился, и нижегородцам. А глиняный кувшин ведь тоже песня, песня безымянного казариновского гончара.

Вениамин ХАНОВ

ОН УЧИЛ ОТДЕЛЯТЬ ЗЕРНА ОТ ПЛЕВЕЛ

Портрет литературоведа Л. М. Фарбера
в воспоминаниях и беседах

Для филологического факультета Горьковского государственного педагогического института Леонид Моисеевич Фарбер (1918–1979) – личность легендарная. Многие поколения студентов помнят его блестящие лекции и яркие научные исследования, не утратившие до сих пор своей значимости. Лекции Л.М. Фарбера для нас, его студентов, являлись настоящим праздником. Обладая чарующей силой эмоционального воздействия, он помогал нам понять глубинный смысл анализируемых произведений, осознать их красоту. Именно он раскрыл нам суть важнейшего предмета – «Введение в литературоведение». Примечательно, что многие из нас, став учителями, до сих пор бережно хранят тетради с лекциями именно по данному предмету. И до сих пор обращаются к этим лекциям. Л.М. Фарбер всегда с большим уважением относился к нам, студентам. Он постоянно вселял в нас веру в наши способности, в наше будущее. Обращаясь к нам, неоднократно цитировал стихи Роберта Рождественского:

Если вы есть – будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были.
Из песен – лучшими песнями.

Из книг – настоящими книгами.
Первыми будьте и только.

Студенты филологического факультета педагогического института с гордостью говорили: «Ну и пусть в университете Лобачевского есть И.К. Кузьмичёв, С.А. Орлов и другие отличные преподаватели, но зато у нас есть Фарбер». Причём некоторые студенты из университета Лобачевского порой даже посещали лекции Леонида Моисеевича. Он действительно являлся блестящим преподавателем и искусным мастером изучения литературного процесса и многим выпускникам филологического факультета открыл путь в мир науки. В частности, под его научным руководством кандидатскую диссертацию по творчеству М. Булгакова защитил в 1972 году бывший студент пединститута Анатолий Миронович Смелянский-Альтшулер. Это было первое глубокое исследование творчества талантливого писателя. Впоследствии А.М. Смелянский станет виднейшим театральным критиком, историком театра, доктором искусствоведения. Это он, вспоминая Леонида Моисеевича, с гордостью скажет: «Учителями по жизни считаю Леонида Моисеевича Фарбера и Елену Сергеевну Булгакову – жену писателя». Под руководством Л.М. Фарбера кандидатскую диссертацию по творчеству Л. Андреева защитила талантливая выпускница пединститута, будущий театровед, Галина Вениаминовна Сорокина-Менхен. Я хорошо знал её. Именно через меня Леонид Моисеевич передавал ей прочитанные им материалы исследований своей аспирантки. К сожалению, впоследствии Галина Вениаминовна трагически погибла. Под его руководством кандидатскую диссертацию по творчеству М. Арцыбашева должен был защитить и я. Однако после окончания пединститута мне пришлось уехать на работу в далёкую морозную Якутию.

Л.М. Фарбер был внимательным, отзывчивым человеком. Он помогал каждому, кто к нему обращался. Во многом это можно объяснить тем, что ему самому пришлось испытать в жизни большие трудности, что слишком тернистым был его путь.

Леонид Моисеевич Фарбер родился 7 сентября 1918 года в Ростове-на-Дону. Но вскоре семья переехала в Марий-

скую республику, в город Йошкар-Ола. Будущий учёный, окончив школу, поступил в Горьковский пединститут на литературный факультет. Но вдруг на семью обрушилась беда: в 1938 году был репрессирован отец Леонида Моисеевича, занимавший должность наркома торговли в Марийской республике. По окончании пединститута в 1940 году Фарбер был направлен в Вадский район, где проработал сельским учителем до 1946 года. Но ещё ранее, в 1941 году, имея большие способности, он поступил на заочное отделение филологического факультета МГУ и окончил его в 1946 году. Тогда же его приняли на работу на кафедру литературы в Горьковский пединститут. Однако невзгоды не оставляли Леонида Моисеевича. Его кандидатская диссертация по проблеме двойничества в творчестве Ф.М. Достоевского была отклонена по непонятным причинам. В итоге Л.М. Фарберу в короткий срок пришлось написать другую – «Творческий путь Александра Малышкина», которую он успешно защитил в 1950 году. Докторская диссертация «Проблема традиций и новаторства в советской литературе первых лет революции (1917–1920 гг.)» была блестяще защищена им в Ленинграде. Но Высшая аттестационная комиссия утвердила её только... через три года. Вот тогда у Леонида Моисеевича и случился первый инфаркт. Об этом мы узнали позднее.

А на первом курсе, посещая лекции Фарбера, мы просто видели перед собой высокоинтеллигентного преподавателя с пронизательными голубыми глазами за круглыми старомодными очками. Порой он делал резкое движение головой, словно стремился освободиться от туго завязанного галстука. Он излагал материал негромко, неторопливо и словно приглашал присутствующих к размышлению. При этом он не изображал на лице страстную заинтересованность, и глаза его не светились фальшивым блеском. Однако интеллектуальная энергетика его лекций была столь сильной, а движение мысли оригинальным и увлекательным, что контакт с аудиторией возникал как бы сам собой, без видимых усилий со стороны лектора. И вдруг все сразу же замолкали и старательно начинали записывать. Аудитория просто замирала. Во всём этом явно проявлялось

влияние основателя кафедры литературы – Ивана Ивановича Ермакова, который и пригласил Леонида Моисеевича на работу. Впоследствии Фарбер всегда отзывался о Ермакове с большим уважением. Читая лекции, Леонид Моисеевич не имел перед собой никаких бумажек и обычно посматривал в окно. Кроме того, он постоянно освежал излагаемый материал, наполнял его новыми примерами. Об этом мы узнали от старшекурсников. Пропустить лекцию Фарбера считалось большим позором.

Нам, вчерашним школьникам, сложные литературоведческие понятия он объяснял доступно и образно. К примеру, раскрывая понятие «романтизм», он сказал следующее: «Романтизм возникает тогда, когда появляется недовольство окружающей действительностью. Поэтому художники слова обращаются к изображению прошлого или будущего и приукрашивают реальность. Вот бабушки, сидящие на лавочке во дворе и утверждающие, что во время их молодости и трава была зеленее, и вода мокрее – самые яркие представительницы романтизма». При этом Леонид Моисеевич светло улыбнулся, поразив нас своей солнечной улыбкой. После таких образных объяснений мудрые статьи из учебника становились понятнее и доступнее. Это благодаря ему научились мы анализировать произведения и самостоятельно добывать знания. Ведь недаром он постоянно внушал нам: «Служите науке и дышите её священным воздухом». Кроме того, Леонид Моисеевич справедливо утверждал: «Раскрывая смысл произведения, вы в итоге раскрываете, познаёте и себя. А это очень важно в жизни каждого человека». И он приводил суждение апостола Фомы: «Если вы не познаёте себя, тогда вы в бедности и вы – бедность». Душу человека, его мысли Леонид Моисеевич считал самыми важными, самыми святыми явлениями на земле.

Как экзаменатор Леонид Моисеевич был строг и требователен. Он не любил, когда ответ студента слово в слово совпадал с его лекцией. Учитывал и знание других источников, уважал и личное мнение отвечающего. Получить «отлично» у Леонида Моисеевича считалось высшим успехом. Поэтому накануне экзамена я тщательно проштудировал

учебники по данному курсу, изучил и другие материалы. И вот наступило время экзамена, который проходил в аудитории с двумя выходами. Я ответил, посмотрел в зачётку – стояла оценка «отлично». Словно в тумане, я подошёл к двери и настойчиво стал открывать её. Но дверь оказалась запертой. Тогда Леонид Моисеевич встал со стула, взял меня за локоть и подвёл к другой двери. С его стороны это был в высшей степени благородный поступок. По сути дела, в эти минуты я был по-настоящему счастлив. До сих пор на встречах однокурсников мы всегда вспоминаем этот забавный случай, когда Вениамин Ханов после экзамена у Фарбера настойчиво пытался сломать казённую дверь.

Одним из любимых наших занятий было посещение книжного магазина. И каждый из нас, конечно же, обратил внимание на хорошо изданную книгу – Л.М. Фарбер, «Максим Горький в Нижнем Новгороде», изданную к столетию нашего знаменитого писателя-земляка. И все мы гордились тем, что именно автор этой книги читает нам лекции. В итоге и оценка «отлично», и помощь в обретении свободы, и призывно сияющая книга о М. Горьком обусловили то, что в дальнейшем под руководством Л.М. Фарбера я стал заниматься научно-исследовательской работой.

Леонид Моисеевич не только помогал нам глубже понять сложный и прекрасный мир литературы, но и сам раскрывался порой перед нами с новой, неожиданной стороны. Так, однажды в замечательный осенний день он вошёл в аудиторию, посмотрел в окно и, обратившись к нам, уже четверокурсникам, сказал:

– Как удивительно хороши пожелтевшие деревья! Они, словно золотые узоры, украшают город. А мне, уважаемые, почему-то вспомнились известные вам стихи С. Есенина:

Далёкие милые были!
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но значит, любили и нас.

Леонид Моисеевич немного помолчал, а потом продолжил:

– Вспомнил я и волнующее лирическое откровение Евгения Винокурова «Нам имена их вспомнятся едва ли...». И, светло улыбнувшись, он прочитал строфу из этого стихотворения:

И нас любили, но любовь простая
Тех девочек совсем не шла в расчёт.
Смеялись мы, надменные, считая:
Любовь ещё бессмертная придёт!

Ведь мы в эти годы мечтали о любви. А в глазах любимого нами преподавателя сияла умная лукавинка. Как удивительно светел и мудр был он в эти минуты! И мы ещё раз хорошо осознали, что этот строгий и даже суровый с виду профессор сохранил в себе чуткую детскую душу. И чистый свет его души, как и глубокие знания, тоже притягивал к нему людей. Это о нём, о Фарбере, можно с твёрдой уверенностью сказать: «Он был тем, на ком – клином свет!»

Обладая большой эрудицией, Леонид Моисеевич любил читать лекции под названием «Литература последних лет». Тем самым он стремился привлечь наше внимание к текущему литературному процессу. Прежде всего Фарбер определял несколько основных тем, а затем отмечал лучшие, с его точки зрения, произведения, проблемно рассматривал их. И уже во время лекций у нас возникало желание прочитать многие названные им книги. Благодаря именно Леониду Моисеевичу мы познакомились с такими произведениями известных писателей того времени: романом Ю. Бондарева «Горячий снег», с повестью Б. Васильева «А зори здесь тихие...», с повестью Ч. Айтматова «Белый пароход», с рассказом А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Л.М. Фарбер часто был организатором литературных диспутов, в которых студенты и преподаватели принимали самое активное участие. Он умел выбрать интересную книгу, которая всех вовлекала в споры. Например, всем на факультете запомнилось обсуждение книги З. Косидовского «Библейские сказания». В конце шестидесятих годов мы почти все были атеистами. А польский учёный убедительно доказывал, что события, описанные в Библии, действительно происходили. Со стороны Леонида

Моисеевича было большой смелостью взять эту книгу для студенческого диспута. Ему пришлось выслушать много нареканий со стороны отдельных преподавателей, которые считали невозможным даже называть студентам эту книгу, тем более её обсуждать. Он был смел в поступках и во многом опережал своё время.

Большой интерес вызывали у нас и спецсеминары, проводимые Леонидом Моисеевичем. На них мы заслушивали доклады, подготовленные нами по темам, предложенным Фарбером. Разумеется, он всегда строго проверял, как идёт наша работа, и активно консультировал каждого. Любая консультация приносила радость общения с глубоко эрудированным человеком. Приятно поражало нас в Леониде Моисеевиче и то, что он всегда искренне радовался нашим пока ещё робким научным открытиям и активно поддерживал в нас стремление к науке.

Благодаря именно Леониду Моисеевичу и организованным им спецсеминарам познавали мы проникновенный лиризм поэзии Б. Пастернака, А. Вознесенского, Р. Рождественского... До сих пор каждый из нас, кто проживал в общезитии, помнит замечательные стихи Р. Рождественского о любимой «общаге»:

Ау, общежитье, «общага»!
Казнило ты нас и прощало.
Спокойно, невелеречиво
Ты нас ежедневно учило.
Друг друга ты нам открывало.
И верило, и согревало.
(Хоть больше гудели, чем грели
Слезящиеся батареи...)
Ау, общежитье, «общага»!
Ты многого не обещало,
А малого мы не хотели.
И звёзды над нами летели!

Наши однокурсницы, занимаясь на спецсеминаре у Фарбера, с большим интересом писали доклады по творчеству Б. Ахмадулиной, М. Цветаевой, Л. Татьянической... Их привлекла особая чуткость, отзывчивость женских

сердец. Лирические откровения женщин-поэтов помогли им по-новому взглянуть на окружающий мир, глубже понять и почувствовать его многообразие, красоту. Леонид Моисеевич настойчиво учил нас тому, чтобы мы умели отделять зерна от плевел. И мы все были твёрдо уверены в том, что он добился этого. В итоге в наших сердцах как-то по-новому, по-особому зазвучала замечательная поэтическая миниатюра М. Цветаевой:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

Расширяя тематику спецсеминаров, предлагал Леонид Моисеевич подготовить доклады и по творчеству поэтов, связанных с нашей Нижегородской землёй. Мы получили прекрасную возможность познать своеобразие поэтического мира Ю. Адрианова, В. Автономова, В. Кумакшева, А. Люкина, Л. Лопуховой, Б. Пильника, В. Шамшурина... К исследованию творчества этих поэтов активно обращался и Леонид Моисеевич. Его вдумчивые, основательные статьи о произведениях писателей и поэтов-горьковчан очень часто появлялись в журнале «Волга», в газетах «Ленинская смена», «Горьковский рабочий».

Несколько поколений он научил ценить и любить книгу. Фарбер относился к книге как к живому существу. Книга была значима для него не только своим художественным миром, но и своей конкретной ценностью: оформлением, годом и местом издания и т. д. Здесь необходимо заметить, что ещё несколько десятилетий назад было очень трудно

купить понравившееся произведение. Приобретение нужного издания являлось счастливым событием.

В те далёкие годы с новинками литературы мы знакомились в основном по журнальным публикациям. Книг, изображающих современность, издавалось очень мало. Или они до нас просто не доходили. В библиотеках возникали огромные очереди на прочтение произведения в журнале. Однако порой было трудно достать и уже известное произведение. И тогда на помощь снова приходил Леонид Моисеевич. Он приносил книги из дома. У него была одна из лучших частных библиотек во всём городе. Порой и я брал у него необходимые издания. Обращались к Леониду Моисеевичу за книгами и другие студенты.

Начиная уже с первого курса, он активно призывал нас заниматься литературным творчеством. При этом он с декламировал известное стихотворение Б. Пастернака о неутомимом художнике-творце, осознающем свою ответственность за всё, что свершается на земле:

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как лётчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену.

В поэтическом творчестве, отмечал Леонид Моисеевич, можно шёпотом сказать гораздо больше, чем криком. «В мире поэзии, – подчёркивал он, – не громкий голос, а поэтическая мера, вкус, задушевность и мудрость создают весомость образов и чувств». Советовал внимательно относиться к словам, отбирать самые точные, самые необходимые. При этом он убедительно объяснял: «Слова подобны листьям. Но если дерево порождает слишком много листьев, то оно приносит очень мало плодов. А ваши стихи и есть ваши плоды». Не принимал Леонид Моисеевич и стремления к особой пышности стиха, к его красавости.

В этом случае он снова обращался к яркому афоризму: «Если радуга долго держится, то на неё перестают смотреть».

Начинающие поэты нашего факультета именно к нему обращались со своими первыми стихами. И он всегда находил время внимательно побеседовать с каждым. В частности, Леонид Моисеевич неоднократно консультировал моего однокурсника Валерия Павловича Полякова, который впоследствии опубликовал пять поэтических сборников. Со своими стихами обращались к Фарберу и другие талантливые студенты – филологи: Михаил Левин, Дина Телевицкая. Первые лирические откровения просила его оценить и студентка исторического отделения Марина Ливанова. В ней действительно было нечто поэтичное, возвышенное. Впоследствии Марина Ливанова станет актрисой и сыграет значимые роли в нескольких фильмах.

Представил и я на его суд свои скромные лирические картины. И он поддержал моё стремление к творчеству.

Но как удивительно быстро мчались годы обучения в институте! Приближалось время разлуки с любимыми преподавателями, друзьями... Меня неудержимо влекла романтика. И поэтому по собственному желанию я был направлен на работу в далёкую морозную Якутию, в небольшой городок Олёкминск, что на берегу реки Олёкмы, впадающей в Лену. Леонид Моисеевич узнал о моём предстоящем отъезде и спросил:

– А ты знаком со стихотворением Виссариона Саянова «Золотая Олёкма»?»

И тут же прочитал одну строфу:

Дай руку мне, пойдём со мною
В тот вьюжный край.
Он полонил мне сердце тишиною
И снегом зим, и свистом птичьих стай.

Немного помолчав, продолжил:

– Вот тебе роман Арцыбашева «Санин». Читай, не скучай, а потом мы займёмся анализом творчества этого писателя.

Я взял книгу – она была из личной библиотеки Фарбера. На последнем занятии у Леонида Моисеевича мы горячо

чо поблагодарили его за блестящие лекции, за сердечную доброту и уважение к нам. А потом прочитали посвящённые ему стихи.

Отработав три года в Якутии, я снова вернулся в родной пединститут. Заведующая кафедрой литературы профессор Мария Яковлевна Ермакова предложила мне поработать сначала на должности лаборанта кафедры. «Пока потрудитесь лаборантом, – сказала она, – а потом посмотрим». И я начал «трудиться». Под руководством профессора И.К. Кузьмичёва защитил кандидатскую диссертацию, опубликовал ряд статей и поднялся до должности доцента. Но очень важно и то, что я получил возможность чаще общаться с Леонидом Моисеевичем. Оказавшись с ним на одной кафедре, я ещё сильнее осознал, что любимый нами преподаватель – неутомимый труженик. Он проводил занятия, консультировал всех желающих, участвовал в научных конференциях, активно публиковал книги, статьи. Особое внимание Фарбер уделял изучению творчества М. Горького. Его вполне справедливо называли «звездой советского горьковедения». Он великолепно знал нижегородский контекст жизни М. Горького. Книга Л.М. Фарбера «М. Горький в Нижнем Новгороде» трижды переиздавалась большими тиражами. На публикации Леонида Моисеевича активно откликались многие учёные. Отзывы на его проблемные монографии, статьи часто появлялись в журналах: «Вопросы литературы», «Новый мир», «Нева» и других. Одна из важнейших монографий Л.М. Фарбера – «Советская литература первых лет революции (1917–1920 гг.)» – была опубликована в Москве в издательстве «Высшая школа».

Он очень любил свой город и всю жизнь писал о нём. В этом отношении он словно брал пример с М. Горького. Так в Волго-Вятском издательстве вышла интересная книга Фарбера «М. Горький о родном городе». В ней Леонид Моисеевич показал, как Нижний Новгород органично вошёл в творческий мир нашего знаменитого писателя-земляка: в его художественную прозу, в публицистику, в эпистолярное наследие. Вслед за своим кумиром к теме родного города активно обращался и Фарбер. В результате

изучения большого количества материала им было написано много статей. В этом отношении рядом с Леонидом Моисеевичем можно поставить лишь его коллегу – Вячеслава Васильевича Харчева, которому принадлежит замечательная книга «Нижегородская Атлантида». В то же время Фарбер проводил бурные дискуссии по литературным новинкам, редактировал факультетский журнал «Истфилиада». Разумеется, такая напряжённая работа не могла не отразиться на здоровье. Поэтому он обратился к заведующей кафедрой литературы Марии Яковлевне Ермаковой с просьбой, чтобы ему дали меня в качестве помощника. В итоге Фарбер читал лекции, я вёл практические занятия, а потом мы вместе принимали экзамены. Иногда я приносил ему на квартиру книги и журналы, заказанные им в институтской библиотеке. По сути дела, я стал его правой рукой и ещё больше узнал о своём Учителе.

У Леонида Моисеевича была прекрасная дружная семья. Прежде всего это приятная, приветливая жена – Лея Исааковна Заркес. О ней глава семьи всегда отзывался трогательно, с большим уважением. «Мы вместе с ней с 1939 года. Какими же удивительно молодыми были мы тогда!» – говорил он в одной из бесед. И признался, что порой своей любимой супруге читает замечательное стихотворение Б. Пастернака «Без названия» и что и Лея Исааковна с большим восхищением относится к этому стихотворению.

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В темный терем стихотворенья.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Всё равно, на свету, в темноте,
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Пошло слово любовь, ты права.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Сердечная забота Леонида Моисеевича о супруге вызвала у меня восхищение. В его груди неизбежно сияло необъятное «несказанное» чувство любви. Именно такое невероятное чувство обусловило то, что в своё время Пастернак дал приведённому стихотворению оригинальное «определение» – «Без названия». Вспомнились и выразительные ёмкие строчки А. Блока:

Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

С особой теплотой относился Фарбер и к дочери Ларисе Леонидовне. «Это наша очаровательная чайка!» – подчёркивал он, имея в виду латинское значение этого имени. А в переводе с греческого языка оно обозначает – приятная, милая. Леонид Моисеевич гордился тем, что дочь стала кандидатом искусствоведения, радовался публикациям Ларисы и утверждал, что она пишет лучше, чем он. А далее, как будто охваченный пламенным вдохновением, Фарбер заявил:

– Все наши женщины словно светятся изнутри – через глаза – каким-то особым лучезарным светом. Это именно они, словно святые лампы, чаруют нас и вдохновляют на труд, на творчество. Ведь это именно о них, о наших женщинах, талантливый поэт Н. Заболоцкий совершенно справедливо сказал:

Если б солнца не было на небе,
Вы бы солнцем стали для людей.

Кроме дочери был у Леонида Моисеевича и сын Михаил, о котором он тоже всегда отзывался с большим уважением. Михаил Леонидович окончил медицинский институт и стал врачом. Тем самым он продолжил семейную традицию: мать Леонида Моисеевича была фармацевтом. Ни о ком из близких Фарбер не рассказывал с такой беспредельной любовью и глубокой печалью, как о матери. Она была для него началом всех начал, самым светлым и дорогим человеком в жизни. Вспоминая мать, Леонид Моисеевич с какой-то особой дрожью в голосе читал стихотворение Л. Татьяничевой «Истоки»:

У любого потока свои родники.
 Если нету истока, то нет и реки...
 И у моря, у моря есть истоки свои...
 Говорят, что и в людях
 Нечто есть от морей:
 Скрыт исток наших судеб
 В сердцах матерей.

Однажды поинтересовался Леонид Моисеевич моим проживанием в Якутии. И я рассказал ему о суровых годах работы в далёких северных краях. В моём стареньком домике в жестокие морозы было очень холодно, хотя подтопок я топил постоянно. Вот поэтому порой приходилось спать одетым, даже не снимая валенок. А к утру в умывальнике замерзала вода. Но я был молод, беспечен и всё воспринимал как должное. По ночам любовался несказанно красивым северным сиянием, а днём меня окружали удивительно чистые белые снега. Я быстро наладил тёплые отношения с приветливыми, улыбчивыми якутами, и они охотно катали меня на оленьих упряжках. При встрече местные жители светлели и настойчиво восклицали: «Нуча, нуча, нуча!» «Нуча» – значит русский. С молодыми коллегами мы купались в проруби, а потом тут же согревались «огненной водой» – питьевым спиртом. Согревшись, весело распевали лихие строчки: «Любая в мире даль для нас всегда реальность. Содвинем же хрусталь за нашу гениальность». Во время моего рассказа в глазах Леонида Моисеевича сияла искренняя заинтересованность, и он светло улыбался. Порой его улыбка говорит о нём больше, чем слова. Беседуя с ним, я всегда хорошо чувствовал его внимание и душевное тепло.

Обратился Леонид Моисеевич и к моей работе в школе. И я рассказал ему, что якутские ребята с интересом относятся к учёбе и в большинстве своём стремятся к знаниям. Ибо они хорошо понимают, что именно русский язык открывает перед ними большой мир. Развивая творческие способности моих учеников, я давал им задание написать стихи о своих близких. И я прочитал Фарберу стихи своих воспитанников:

Папа мой – олeneuveд. Вот!
 Порой он читает нам книжки,
 А мы их слушаем с братишкой.

Вот сидит сестрёнка Даша.
 У неё в тарелке – каша.
 Даша есть её не хочет,
 Лишь под нос себе бормочет:
 «Лучше б дали холодец,
 Был бы папа – холодец!»

Леонид Моисеевич рассмеялся и сказал:

– Вот уж, действительно, совершенно справедливо говорят, что, когда поют божественные соловьи, перестают стрекотать кузнечики. В своих стихах дети как раз и являются «божественными соловьями». Потому что главное в поэзии – это искренность, свежий незамутнённый взгляд. Но именно дети и есть самые искренние создания. Именно у них многому следует учиться.

Да и сам Фарбер представлял передо мной как искренний «божественный творец», научные исследования которого читались на одном дыхании и никого не оставляли равнодушным. Порой даже в его улыбке было нечто детское. А когда он смеялся, то его голубые глаза излучали удивительное сияние, от которого вдруг становилось светлее. И всё вокруг наполнялось особым глубоким смыслом. Думается, это объяснялось тем, что Леонид Моисеевич всегда стремился к истине. Он полностью посвятил себя изучению литературы. Именно литературоведение являлось альфой и омегой его научной деятельности. А вместе с тем и смыслом всей его жизни, поэтому исходящее от него сияние было порождено жарким пламенем его души, горячим светом его знаний. В дальнейшем я уже никогда не встречал такого интересного и эрудированного собеседника, как Фарбер. После моего возвращения из Якутии он стал порой называть меня – «Вениамин Ханаанский». В этом обращении чувствовалось нечто тёплое, сердечное, отцовское. Я очень часто был рядом с ним. Но иногда Вениамином Ханаанским меня называл и ближайший друг

Леонида Моисеевича – Зиновий Ефимович Либинзон. Необходимо заметить, что в Библии неоднократно упоминается земля хананеев, «где течёт молоко и мёд».

Зиновий Ефимович, как и Фарбер, был талантливым учёным с чистой душой. На его долю выпали суровые испытания. В годы Великой Отечественной войны Либинзон служил во фронтовой разведке, так как в совершенстве владел немецким языком. Свой боевой путь он прошел от Москвы до Германии и вернулся с фронта в звании гвардии майора. Несмотря на все ужасы войны, Зиновий Ефимович сохранил в себе отзывчивое светлое сердце. Во всём его облике было нечто солнечное. Недаром и фамилия его – Либинзон в переводе с еврейского языка означает «сын радости и любви». Дружба Леонида Моисеевича Фарбера и Зиновия Ефимовича Либинзона была настоящей крепкой мужской дружбой. Примечательно, что оба они обращались порой к ёмкому, мудрому суждению древнегреческого поэта Гесиода из поэмы «Труды и дни»:

Труд никакой не позорен,
Позорно одно лишь безделье.

Шло время. Читались лекции, проводились практические занятия. В беседах с Леонидом Моисеевичем я рассказал ему о том, как слетал в солнечный Узбекистан, где посетил замечательные города: Ташкент, Самарканд, Бухару. При этом спастись от палящего солнца мне приходилось в тени домов. Вот тогда-то я и вспомнил бодрящие морозы ставшей мне дорогой Якутии. Но всё-таки я загорел как никогда. Поведал я Леониду Моисеевичу и о поездке к моей сестре и её мужу на Камчатку. Муж сестры – удивительный человек! Он не может жить без охоты и рыбалки. И однажды на рыбалке нам посчастливилось наблюдать, как медведь ловит рыбу, идущую на нерест. Заходит топтыгин в реку и резкими движениями хватает добычу. Порой он просто садится в протоку и, работая, словно граблями, передними лапами, выбрасывает кету и горбушу на берег. Вот уж, действительно, искусный рыбак! Однако и среди медведей бывают халявщики. Находит такой хитрюга сеть с уже попавшейся рыбой и ловко вытаскивает всю добычу

на берег. И начинается у него самый настоящий пир. Выслушав мой рассказ, Леонид Моисеевич задорно смеётся. Солнечным сиянием наполнен его смех.

Но, к сожалению, не только в бодром, приподнятом настроении представал передо мной Фарбер. Однажды в совершенно мрачном, разбитом состоянии он зашёл на кафедру и с глубоким негодованием сказал: «Какие же это всё-таки жалкие, несправедливые люди!». Оказывается, он пытался поступить в Союз писателей СССР. На собрании писатели-горьковчане хвалили, говорили добрые слова, но в итоге многие проголосовали против. Фарбер не прошёл по числу голосов.

Разумеется, все эти неприятности отрицательно повлияли на здоровье Фарбера. Однако он по-прежнему являлся на кафедре той значимой личностью, которая отвечала за животворящий свет науки о литературе. Леонид Моисеевич направлял блеск этой науки и педагогическое мастерство коллег в нужное русло.

Искренний интерес проявлял Фарбер и ко мне. Чаще всего он спрашивал о том, как идёт моя научная работа и сколько я уже имею публикаций. Но однажды он вдруг совершенно неожиданно спросил: «А как поживает ваша супруга Ольга Николаевна?» В своё время моя жена тоже была его студенткой и тоже получила у него оценку «отлично». Но меня поразило то, что Леонид Моисеевич помнит это, и его вопрос был вполне искренен. Я рассказал ему, что супруга во время зимних каникул приезжала ко мне в заснеженную родную деревеньку. И были захватывающие прогулки на лыжах и весёлое катание на саночках с горы. Прочитал я Леониду Моисеевичу и свои лирические откровения, обращённые к любимой женщине:

Леонид Моисеевич выслушал меня и начал разговор о моих лирических откровениях с образного народного выражения:

– Послушай, дубрава, о чём лес говорит. Стихи хорошие: в них чувствуется подлинная искренность, что очень важно для поэзии. Вообще, сочинение стихов развивает творческое воображение и учит находить самое нужное, самое верное, точное слово. По сути дела, каждый человек, особенно влюблённый, должен написать в жизни хотя бы одно

стихотворение. Занимался и я когда-то этим делом. В целом ты – молодец! Продолжай и дальше в таком же духе. Но всегда помни совершенно справедливое пожелание нашего замечательного поэта – нижегородца Александра Люкина:

Счастья твоей песенке
И тебе поклон.
Только не старайся
Удивить ворон.

Такие добрые слова со стороны Фарбера, его поддержка наполнили меня крепкой верой в себя. И я вдруг хорошо почувствовал, что он очень нужен мне. И, возможно, и я нужен ему. Однако какое же это большое счастье быть кому-то нужным на этой прекрасной земле!

Напряжённая работа Леонида Моисеевича, искренняя сердечная отзывчивость, способность к сопереживанию очень рано подорвали его здоровье. В последние годы он часто болел. И вот однажды у Фарбера случился третий инфаркт. Его тут же положили в спецбольницу номер три, которую мы между собой называли «больница у трамплина». Вскоре я посетил своего главного Наставника и встретил у него студентов-филологов. Леонид Моисеевич лежал в двухместной палате, пытался улыбаться, шутить. Но чувствовалось, что ему было очень тяжело. Дня через три Леонида Моисеевича Фарбера не стало... Он ушёл из жизни слишком рано. Ему только что исполнился 61 год. Для меня смерть Леонида Моисеевича явилась одной из самых тяжёлых утрат. По сути дела, я был последним из всех коллег, кто видел его живым.

А потом начались напряжённые хлопоты, связанные с похоронами любимого Учителя. Взяв крытый институтский грузовик и захватив с собой троих студентов-заочников, мастеров спорта по боксу – Геннадия Рвачёва, Александра Зотова и Александра Солнцева, я поехал в спецбольницу, чтобы забрать тело Фарбера. Вскоре туда подъехал и З.Е. Либинзон. Положив покойника в гроб, мы отправились на улицу Ванеева, на которой находился дом Леонида Моисеевича. Зиновий Ефимович сидел в кабине с шофёром и показывал ему дорогу. Доехали мы очень бы-

стро. Но тут произошло небольшое недоразумение. Машина остановилась у подъезда. Я со своими помощниками выгрузил гроб. И вдруг одна из женщин, сидевших на лавочке, с тревогой спросила: «А вы кого привезли? У нас, слава тебе, Господи, все живы! Никто не умирал!» И тогда Зиновий Ефимович, по лицу которого текли слёзы, воскликнул: «Ребята, извините, я перепутал дома!» Впервые я видел Зиновия Ефимовича плачущим. А ведь он прошёл суровые годы Великой Отечественной войны. Мы быстро всё погрузили обратно и подъехали к нужному дому. А перепутать дома было несложно: рядом стояли две совершенно одинаковые девятиэтажные «свечки».

Понимая тяжёлое состояние Зиновия Ефимовича, я посоветовал ему вернуться домой, и он согласился. «Всё доделаем сами, не беспокойтесь», – сказал напоследок дорогому для меня человеку. Мы подняли гроб на нужный этаж, внесли в квартиру и поставили на указанное место. В квартире находилась лишь убитая горем вдова Фарбера – Лея Исааковна. Однако нужно было поправить голову покойного, завалившуюся набок. И тогда я вытащил подушку, взбил её и сделал всё так, как надо. Напоследок сложил руки Леонида Моисеевича на груди, поцеловал его в лоб и посидел с вдовой у гроба. А потом, благодаря моему умению разговаривать с людьми и моим верным помощникам, было получено место на закрытом Бугровском кладбище. Обо всём договорились мы с вполне приличными людьми – могильщиками.

И вот наступил день похорон. Стояла тёплая осенняя погода, часто проглядывало солнце. Вокруг было удивительно тихо. Нежно алели гроздья рябины. Красными угольками сияли ягоды на одиноком кусте шиповника. Чуть слышно осыпались пожелтевшие листья. Изредка падали дождевики. И создавалось впечатление, что это падают не листья и не дождевики, а небесные слёзы. Казалось, что сама красота природы, красота земли прощаются с удивительно талантливым человеком. Я никогда раньше не видел такого громадного количества людей, пришедших проводить дорогого человека в последний путь. А ведь мне в своё время пришлось присутствовать на похоронах

известного профессора Серафима Андреевича Орлова, прощание с которым проходило в Доме учёных. Провожал я в последний путь и талантливого пушкиниста Всеволода Алексеевича Грехнёва, который, к сожалению, очень рано ушёл из жизни. Проститься с Леонидом Моисеевичем Фарбером пришёл, казалось, весь город. Я видел преподавателей пединститута и госуниверситета им. Лобачевского, студентов, известных в городе учителей русского языка и литературы. Подходили и выражали сочувствие представители прессы: корреспондент «Горьковской правды», бывший студент Фарбера Геннадий Чесноков; сотрудник газеты «Ленинская смена» Александр Пашков, корреспондент газеты «Горьковский рабочий» Галина Селивёрстова. Рядом со мной были верные помощники-студенты, трое крепких богатырей. И вот к нам подошёл глубоко опечаленный Зиновий Ефимович Либинзон и надел мне на рукав белую повязку. На похоронах у евреев белый цвет – знак скорби и траура. Церемония прощания с Леонидом Моисеевичем Фарбером началась.

Я попросил высказаться всех желающих. О талантливом учёном, рано ушедшем из жизни, сказали многие: проректор по науке педагогического института, декан филологического факультета, заведующая кафедрой литературы... С особым вниманием выслушали все и трепетные слова скорби студентки четвёртого курса, дипломницы Леонида Моисеевича. И в речи каждого чувствовалась безмерная боль, искренняя благодарность ушедшему. Следует отдать должное и известному ученику Фарбера Смелянскому-Альтшулеру, который приехал из Ленинграда проститься со своим Учителем. Анатолий Миронович сказал:

– Научные исследования Леонида Моисеевича – это чистые целебные источники истинных знаний о литературе. Это словно величественная божественная музыка, от соприкосновения с которой расцветает душа. Это именно он, Фарбер, постоянно советовал нам стремиться к знаниям, заявляя, что для слепого и солнце черно. А от самого Леонида Моисеевича всегда исходило удивительное сияние, от которого становилось светлее. И всё, что окружало его, наполнялось новым глубоким смыслом. Он всег-

да был моей путеводной звездой. Это о нём, о Фарбере, можно сказать словами Пушкина:

Он создал нас,
Он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена!

Так пусть же никогда не гаснет светлая память об этом замечательном учёном великой земли русской!

По сути дела, речь Смелянского вобрала в себя всё, о чём говорили предшественники. Вскоре церемония прощания закончилась, и тело Леонида Моисеевича Фарбера предали земле. Я вручил могильщикам обещанное, и лица их засияли от щедрого угощения. А в небе по-прежнему проглядывало солнце, и было тепло. Жизнь продолжалась! Постепенно огромная толпа стала рассеиваться. И в памяти моей зазвучали известные стихи Александра Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая жизнь будет играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

И тут я вспомнил, как однажды осенью Леонид Моисеевич вошёл в аудиторию и сравнил пожелтевшие деревья с золотыми узорами, украсившими город. Он любил это время года, его красоту. Любил это «очей очарованье». Возможно, неслучайно и то, что Фарбер пришёл в этот мир осенью и покинул его в солнечные золотые дни листопада. Да он и сам был одним из светлых, солнечных явлений в науке о литературе.

Чтобы не обременять своим присутствием родственников Леонида Моисеевича, я и мои помощники пошли в кафе «Дружба». Ведь почти все из нас являлись бывшими студентами Фарбера. Выразив глубокую скорбь по умершему, мы признались, что в нашей памяти Леонид Моисеевич Фарбер навсегда останется ярчайшим примером талантливого учёного-исследователя, великолепного лектора и человека светлой отзывчивой души. Завели мы разговор

и об особой улыбке нашего Учителя. Дело в том, что некоторые студенты, да и преподаватели, порой воспринимали Фарбера как излишне сурового человека, не знающего снисходительности ни к себе, ни к другим и не умеющего шутить. Улыбался Леонид Моисеевич очень редко. Но шутить и смеяться, как он, не умел никто. Смеялся Фарбер с какой-то особой доброжелательной хитринкой. При этом его глаза излучали чарующий свет, который наполнял окружающих бодростью, крепкой верой в себя и в жизнь.

Леонид Моисеевич Фарбер запомнился мне как удивительно яркая, талантливая личность. Он во всём стремился «дойти до сути» и порой с упоением декламировал стихи любимого поэта Бориса Пастернака:

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

В итоге Леонид Моисеевич Фарбер нашёл свой путь. Он умел «жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытья». В талантливых научных исследованиях он «дошёл до сути, до корней, до сердцевины» многих явлений и глубину творчества ряда писателей и поэтов. Вот поэтому его книги до сих пор пользуются заслуженным спросом. Без таких беззаветно преданных науке исследователей «заглохла бы нива жизни».

Далекое – близкое

Людмила ТОБОЛЬСКАЯ

Сафферн, штат Нью-Йорк, США

ДЕТСТВО

Из книги «Жизнь как неизбежный черновик»

*Художник питается детством всю свою жизнь.
От того, каким было его детство, зависит, каким
будет его творчество.*

Андрей Тарковский

Дни войны

Как сладко спится, когда тебе всего около четырех! Кажется, вот только что на исходе вечера голова коснулась подушки, и вот уже опять в ушах раздаётся непобедимый мужской хор:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Так всегда в 6 часов начинается утро у всех, потому что война, потому что нужно чуть свет начинать свою работу, чтобы всем вместе победить.

У каждого дело своё. Маме – идти на работу, создавать и беречь красоту, – она балерина, а мне отправляться в детский сад.

Детский сад недалеко и театр недалеко, однако не всегда мама может меня проводить, иногда она уходит на очень раннюю репетицию, и тогда я отправляюсь в садик одна. Это обычное дело, многие дети приходят в садик самостоятельно. Потому что война...

По утрам в нашей комнате холодно. И пока мама топит печку, я без капризов, но медленно одеваюсь под одеялом, а иногда и под одеялом, и под маминой шубой, в которую в слишком холодные дни мама заворачивает и застёгивает меня на пуговицы вместе с постелью. Засыпать так укутанной уютно и тепло, как в колоне. Но иногда, укутанная таким образом, я поворачиваюсь во сне и нечувствительно скатываюсь со своей кушетки точнёхонько под стоящий почти вплотную большой обеденный стол.

Тогда побудка героического мужского хора заставляет меня открывать глаза в странном месте. Надо мною доски и какие-то надписи и знаки на них, вокруг меня паркетный пол. И я воплю:

– Ма-а-ама, я где?

И мама, конечно, спасает ...

Иногда мы успеваем вместе попить чаю. А потом, уходя раньше меня на работу, мама ставит будильник на время моего выхода в детский сад, наказывает не забыть захлопнуть дверной замок и добавляет строго:

– Не пялься долго в окно фабрики.

Значит недолго – можно.

Это окно по дороге в садик чудесное. Там в подвале перед самым окном стоит автоматическая линия нарезания конфет-подушечек, которые потом механическая рука сметает в большой металлический короб. Я слежу, как из конфетной колбаски с вареньем внутри получаются сладкие подушечки, и считаю про себя, чтобы не опоздать в садик: можно считать не больше, чем до сорока, ну в крайнем случае до сорока пяти, а потом уж ничего не поделаешь, до завтра, вкусные конфетки!

Я ем их иногда, если происходят перебои с сахаром и тогда по продовольственным карточкам вместо него выдают это лакомство. Я счастлива, а бабушка недовольна: чтобы подсластить, например, тесто, ей приходится зама-

чивать часть конфет, и все равно эта хитрость не заменяет сахара.

Так я смотрю на вожделенные конфетки, а потом, боясь опоздать в садик, всё-таки отхожу от окна и продолжаю свой путь. Это будни.

Но совсем другая жизнь бывает в воскресенье! Ласковый голос мамы будит меня всё-таки на рассвете. Ведь выходной, в воскресенье, всегда бывает только у меня. А моя мама-балерина в этот день работает вдвойне, потому что спектакль (или концерт) в театре в воскресенье бывает ещё и утром.

Но я не размышляю о том, какой у мамы будет трудный день – мне радостно! Мама возьмёт меня с собой и утром, и вечером, и день мой пройдёт весело за кулисами театра и в партере, где у меня много любящих знакомых и друзей.

В такой день я вскакиваю без капризов. Это легко, потому что мама уже успела натопить нашу высокую чёрную металлическую, как её называют, голландскую печку в углу, по комнате разливается приятное тепло и не нужно натягивать чулки и маечку, согревая их сначала под одеялом.

Радио, большой чёрный репродуктор, сегодня выключено. Это мама специально дала мне подольше поспать и позднее уже сама меня разбудила.

Завтрак на столе. Мама приветливая. Мы не спеша завтракаем. Театр близко, наискосок через дорогу. Спектакль начинается в двенадцать. Мы выходим в десять, чтобы маме успеть заgrimироваться и все такое.

Что и говорить – мне выпал счастливый день!

По дороге в мамину гримерную многие радостно здороваются со мной, дают мне ласковые прозвища, а один высокий и красивый артист – мой лучший друг, дядя Тодик, – подхватывает на руки и без разговоров вообще «крадёт» меня у мамы. Ненадолго, если сам, конечно, не занят с самого начала в спектакле. Тогда мы идём с ним в осветительную ложу к электрикам и смотрим некоторое время спектакль с высоты.

Дядя Тодик очень красивый, поэтому всегда играет «героев» в опереттах. Он высокий, очень стройный, «франный»,

как говорит о нём мама. То есть умеет носить фрак, эту одежду бывших аристократов. У него и лицо красивое, тоже не современное, как у брюнетов на открытках про любовь, где часто написано наискось: «Люби меня, как я тебя». И фамилия у него необыкновенная – Розен-Рейн.

Теодор Михайлович Розен-Рейн.

И жена у него тоже красивая, тётя Кира. Они вместе танцуют и поют. Все про любовь друг к другу. И про разлуку.

Мне особенно нравится один их дуэт, где тётя Кира в длинном бархатном платье и дядя Тодик во фраке танцуют медленное подобие танго и поют о том, как они друг друга любят и что разлука неизбежна.

«Зачем расставаться, если не хочется? – думаю я. – Глупости какие!»

Однажды, перед садиком, прощаясь с уходящей на раннюю репетицию мамой, я говорю:

– Знаешь, я слышала, что Тобол разлился. Можно я перед садиком сбегаю посмотреть? Я быстро, а на конфеты смотреть не буду совсем.

Тобол в Кургане мелкий, несудоходный. Он близко от дома. И мама говорит:

– Разрешаю. Только не спускайся с берега. Смотри с высоты.

– Ура!

Я сворачиваю к реке, до которой всего квартала два! И вот я стою на высоком берегу. Далеко внизу вода подошла к одному из домиков, что близко у воды. Людей вокруг не видно. Только за домиком стоит привязанная корова. Вода подобралась и к ней. Корова стоит по щиколотку в воде и время от времени мычит протяжно.

– Корова! – кричу я что есть мочи с берега. – Корова, не бойся, я тебя спасу! Ты жди и не бойся!

И бегу в садик.

– Там корова, – объясняю я воспитательницам. Рассказываю им всё и тороплю. Я уверена, что им нужно бросить всё и бежать на берег. И меня уверяют, что помогут, что уже отправили кого-то, а меня усаживают за завтрак.

Кормят нас в садике неплохо. Всегда есть каша и супы. Я особенно люблю один суп: там среди овощей можно

найти нарезанные мягкие зелёные трубочки, внутри которых есть тоже мягонькие семечки. Я спросила однажды воспитательницу, что это такое.

– Не знаю, американское что-то.

Из Америки приходит к нам и другая вкуснятина. Иногда нам дают на второе треугольные ломтики ветчины. Я видела, как их вынимают из красивых треугольных же банок с иностранными надписями. Только в 90-е годы, когда я приехала в Техас, я увидела там в продовольственных магазинах и такую ветчину в банках, и эти зелёные нарезанные трубочки. Это оказалась консервированная в банках молодая фасоль.

А в тот день, когда я наблюдала разлив Тобола, вечером, возвращаясь с мамой домой из садика, я настаиваю пойти на берег проверить, как дела. Домик ещё глубже окружен водой, но коровы нет.

– Вот видишь, – говорю я маме. – Я спасла её.

И я думаю так много лет.

К моим приходам с мамой на спектакли и сидению на репетициях в театре все привыкли. Я веду себя хорошо, тихонько сижу и смотрю всё, что происходит на сцене, иногда сплю у мамы в гримерной. Но всё-таки особенно я люблю сидеть на репетициях. Потому что на спектаклях, видя актёров раз за разом в одной и той же роли, я начинаю воспринимать их почти как механически действующих нереальных существ. Воспринимать их так помогают костюмы и парики, порой сложный грим. А на репетициях все они как бы снова оживают: нормально говорят, спорят, учат тексты по бумажкам. Это всё приближает их ко мне, это даже веселит. И однажды я так осмелела... Но все по порядку!

В тот день, как я теперь понимаю, молодую актрису вводили в спектакль. Срочно. На роль Сильвы. Обычно Сильву играла ведущая актриса театра, тётя Галя Юрченко. Не знаю, что с ней случилось тогда, скорее всего, заболела, так как даже на ввод заменяющей актрисы она не пришла. Репетировали выходную арию Сильвы. «Частица черта в нас...» Ария эта сложная: нужно не только петь, но и одновременно танцевать. И вот это как раз и затрудняло

молодую исполнительницу. Во время пения она то замирала в движении, то выбивалась из темпа. И ещё ей очень мешала шаль, которую она должна была эффектным движением закидывать за плечо. Повторяли раз за разом. Было видно, как режиссёр выходит из себя.

– А Галя не придёт? – беспомощно обращается он в зал, имея в виду отсутствующую героиню. Ответ отрицательный.

– Ну как тебе объяснить? – поворачивается он к актрисе...

Повисает досадная пауза. И тут я осмелела:

– А можно я объясню?

Наверное, все оторопели. Так или иначе, я оказалась на сцене.

Дальнейшее стало легендой театра.

Якобы я вышла на сцену и безапелляционно заявила:

– Мне шаль поменьше, пожалуйста.

И мне беспрекословно принесли из костюмерной что-то шелковое. Я накинула шёлк на плечи, поднялась на лестницу и, медленно и грациозно ступая резиновыми ботиками по ступенькам вниз, начала сцену, которую видела сто раз и, конечно, знала наизусть. Наверное, это было очень комично, но в процессе показа никто не засмеялся. Потом, рассказывая этот эпизод, сотрудники показывали, копируя меня, как раз тот момент, когда после протяжного «Ча-сти-и-ца-а...», я на следующих словах неистово закидывала за плечо свой шелковый шарф. Допев и дотанцевав до конца, я под громовые аплодисменты попала в жёсткие объятия дяди Тодика, который быстро (даже не дав раскланяться!), эвакуировал меня в балетный зал к маме, не подозревавшей о моем актёрском дебюте. Больше всего было жаль, что не пришлось видеть результата моего показа, но, видимо, моё «выступление» помогло. Ближайший спектакль был уже с этой молоденькой исполнительницей. Я, безусловно, была в публике. И её аплодисменты воспринимала немножечко как бы и мои.

– Может быть, ты хочешь стать актрисой? – спрашивал меня дядя Тодик.

– Нет, папа будет учить меня музыке. Он сказал, что у меня хороший слух.

Я плохо помню папу. Он давно на фронте, и его слова я передаю со слов мамы. Папа сам музыкант. До войны он играл на гобое в оркестре. И облик папы как-то сливается в моей памяти со звучанием гобоя, похожим на нежный человеческий голос. Дядя Тодик подтверждает, что слух у меня хороший, гуляя, мы любим петь, и он приучает меня петь на два голоса, даёт мне пиццать первым, а сам выводит низким вторым. Сначала мы разучиваем эти мелодии, подыгрывая себе на театральном рояле. С этим роялем связано тоже забавное воспоминание. Старинный рояль достался театру вместе со старинным особняком, в котором театр размещён. А в особняке этом бывали когда-то, в XIX веке, сосланные в Курган декабристы. Рассказывая мне о поэте Пушкине, читая мне его стихи, дядя Тодик между прочим упоминает, что здесь бывал сосланный в Курган друг Пушкина. Кюхельбеккер. Интересное имя!

Но вот на рояле я вижу золотые буквы не по-русски.

– Беккер, – переводит мне дядя Тодик.

– А-а-а, это рояль друга Пушкина?

– Почему ты так решила?

– Но ведь вы сами сказали, что он был Беккер, и имя ещё на куклу похожее....

Бедный Кюхельбекер!

Но дядя Тодик не теряет терпения всё мне разъяснять.

Может быть, потому, что своих детей у них с тётёй Кирой нет, он очень любит со мной проводить время. Он рассказывает мне интересные истории, учит меня правильно выговаривать буквы. Особенно букву «р», которая у меня никак не получается. У него даже есть договорённость с моей мамой: если ей бывает необходимо уехать с концертной бригадой на два-три дня по госпиталям, а он остаётся в городе, то они с тётёй Кирой забирают меня к себе на это время. В памяти хранится, как зимой он везёт меня на санках по вечернему заснеженному городу в их дом. Тётя Кира кормит нас, и перед сном мне разрешается посидеть у радиоприёмника, пока дядя Тодик ищет в нем нужную

ему программу. Приёмник этот большой, лакированный и очень красивый. Какой-то иностранный. На его передней панели как-то так устроено, что под стеклом по мере того, как ты крутишь ручки настройки, туда и сюда движутся, расходясь и опять сближаясь, две маленькие плоские фигурки, одетые в японские кимоно. Но особенно мне нравится его ярко-зелёный светящийся глазок, который я прошу не выключать, и, уже лежа в постели, все смотрю на него, пока не засыпаю.

А потом опять приезжает мама, забирает меня из гостей, и мы снова вместе.

Кого ещё я помню из окружавших меня театральных людей? Помню директора театра, его фамилия была Варшавский. Молчаливый и строгий, он ходил по улицам очень степенно. Носил почему-то грубую серую шинель, очень длинную, но без погон и руку закладывал за полу на груди. Усами, лицом и фигурой он был очень похож на Сталина, и пока в городе не поняли, кто этот человек, и не привыкли к его облику, было много фантастических недоразумений.

Ещё помню красивую блондинку, героиню оперетты, Галину Юрченко, о которой я упоминала выше. Она жила рядом с нами в маленьком одноэтажном домике, и часто, проходя мимо её окон вечером можно было видеть сквозь тюль занавесок, как она читает, сидя на диване, а рядом, положив голову на её колени, сидит большая красивая собака-овчарка.

С тех пор моего детства прошло более 70 лет. И вот однажды, блуждая в компьютерном пространстве, я натолкнулась на краеведческие материалы о Кургане, о мамином театре. Были там имена и директора Варшавского, и многих актёров того театра. Было и имя моего дорогого дяди Тодика, Теодора Михайловича Розен-Рейна. Я почти ничего не знала о его послевоенной судьбе и кинулась в пучину компьютерных поисков.

Оказалось, что в Рыбинске, в музыкальной школе, преподаёт класс фортепиано Валентин Теодорович (!) Розен-Рейн! Сердце моё забилось, заплясали мысли: «Значит, потом у моего дорогого дяди Тодика были дети, во всяком

случае, этот человек с такой редкой двойной фамилией и с отчеством Теодорович должен быть его сыном!»

Я позвонила в Рыбинск, администрации музыкальной школы долго объясняла, что звоню с другого континента, из Америки, что прошу связать меня с их педагогом по очень важному делу.

И вот наконец я слышу в телефон нужный мне незнакомый голос.

– Валентин Теодорович, не удивляйтесь, мой звонок может показаться вам странным. Но я ищу подтверждения некоторым страницам моего военного детства. Ведь вы сын Теодора Михайловича Розен-Рейна? Правда? Дело в том, что во время войны, когда он работал в театре в Кургане, он знал моих родителей, а меня, маленькую девочку, связывала с ним большая дружба.

И я рассказываю этому человеку все то, что вы прочли выше.

И оказывается, что в Рыбинске живёт он, его жена и сын. И сына зовут Михаил, видимо, в память прадеда. Да и сын-то уже большой мальчик. И, конечно, шпарит всюду на компьютере. Он-то главным образом и осуществляет теперь нашу возникшую компьютерную связь, которая мне очень дорога.

Александр ЛУШИН

НИЖЕГОРОДСКИЙ МОНМАРТР

Помню, с Валея Водопьяновым после концерта трио «Мир искусств» стояли летним вечером на откосе возле Успенской церкви и с удивлением смотрели на крыши домов Рождественской улицы. Внезапно у обоих возникло сравнение, рожденное нашим воображением, с крышами парижского Монмартра, хотя лично я в Париже никогда не бывал. И родилось название – нижегородский Монмартр. Начался дождичек, и мы поспешили вниз к зданию Блиновского пассажа, в котором находились мастерские художников. В собравшемся дружеском обществе мы и похвастались нашим неожиданным «открытием». Валя об этом сказал Юрию Андреевичу Адрианову, который в шутку назвал нас нижегородскими парижанами. Впоследствии я проводил учебные занятия на курсах экскурсоводов при Нижегородской ярмарке и там рассказывал о нашем внезапно народившемся удивительном названии этого необычайно красивого места.

Старый Нижний – словно карта –
От оврага у перил.
Крыши русского Монмартра
Мелкий дождик окропил.
Мы спускались, с нами крыши
Быстро таяли в дожде.
«Это в Нижнем, не в Париже», –
Пелось радостно в душе.
Знаю, есть пейзажи краше,
Но открывшийся простор

Стали звать Монмартром нашим
В нашем городе с тех пор.
В Нижнем точно нет ажанов,
С Валея мы не Пьер и Жан,
Но дал нам имя Адрианов
Нижегородских парижан.
В левитановском был Плесе,
В горном побывал краю,
У Успенской на откосе
Нынче я один стою.
Нижний сверху – словно карта,
И в душе волнение вновь.
Крыши нашего Монмартра –
Словно первая любовь!

* * *

Жизнь, как чашку, не склеить заново
И живой воды не испить.
Но эпоха была Адрианова
И еще продолжает быть!
Жизнь его для меня как повесть,
Хорошо бы многим прочесть,
Чтоб понять, что такое совесть,
Осознать, что такое честь!
Жизнь бежала неровным кругом,
В дом знакомый я приходил,
Может, не был я верным другом,
Но товарищем, верю, был.
И хотя пробежали годы,
Голос чистый его не утих, –
Я ребятам читаю «Броды»,
Мой любимый с юности стих.
Жизнь, конечно, не склеить заново,
Но в созвездье событий и лиц
Будет голос звучать Адрианова
В тихом шелесте книжных страниц!

Алексей ФУНТ

с. Шляхово, Белгородская область

ПЕСЧАНЫЕ КАРЬЕРЫ

Завывания ветра в песчаном карьере. словно глаголят про крышу мира, про тибетские сакральные пещеры. Но я в одном из яковлевских карьеров. Под серым небом иду по серому песку. Мало света, скупое солнце, сумрачно.

Глина синеватого цвета и ветреная погода как побратимы, одно гудит ветром, другое лежит веками. А ветра целые моря... спущены с цепей в ямах Касьяном из народных поверий... повелителем ветров... в старину так сказали б об этом засилье ветра.

Мечет песчинки, поднимает столбы пыли, норовит песчинку в глаз занести. Серый песок, серые кратеры, выработки, покинутые... может навеки...

С одной стороны сосны корнями укрепились в песчаном грунте. А под ними дорога в карьер, убегающая в низину. С обоих боков дороги две горы песка. Это будто врата в песчаное царство. Вот тут мы бежали. Где это всё? Вечно погружены в заботы, море суеты поглотило мысли, когда-то резво детским шалостям преданные. Разъехались, кто далеко, кого уже нет.

Один я теперь тут, снова через эти врата иду, но не бегу. Птицы летят как чёрные беззубки в сером воздухе между туч. Я в низине, ниже уровня леса из кленов и дубов. Там, за чагарником, студёный овраг. Шум ветра и серые колеи в серых ямах земли, серые одинокие пейзажи. Вот что те птицы видели. И эти серые яковлевские карьеры им такие родные всё же. Журавлиное курлы растекается над поля-

ми. Вечная песня России в этих криках журавлей. Песня о пенатах, кем-то забытых, деревнях, из которых уехали.

Поднимаюсь на одну из гор песка. Смотрю в сторону тростников, там зарос ряской пруд, плавают утки. Было время, я заходил в ил того пруда, ноги тонули в тине, а в середине можно плыть, но выходил.

Вот то время, когда мы тут детьми толпой в карьере бежали. Белая жара, солнце как добела раскалённое металлическое пятно. Небо – чистейшая синь и бирюза. Мы спустились к недрам земли по этой песчаной дороге. Нас шестеро, рассматриваем окрестности. Кто-то палки подбирает, первобытным оружием вооружаемся, словно саблезубых тигров отгонять готовимся. Делаем копьё. Идём вглубь песчаной раны на теле земли. Впереди сверкает вода. Песчаные карьеры часто затоплены водой. Эти затопленные ямы бывают круглогодично наполнены водой. Мы подходим к большой яме. Этот пруд позеленел. Его берега поросли осокой. С двух сторон две кучи песчаного грунта, как рога Исида. Тут мы бежим к нему. А в яму нырнул уж и плывёт к другому берегу.

– Поймайте его. Помогите мне его поймать. Я посажу его в бутылку, – сказал Тарас. Он нёс с собой пластиковую бутылку, которую подобрал тут же, в карьере.

– Из него мой дядя сделает ремень, выделает с тиснением, помогите. Ну, помогите, – он прямо загорелся желанием отловить этого ужа и капризничал.

– Замучит он его, не лови, – шептал мне Сашка, младший из нас.

Уж очень длинный, плыл по глади пруда, вода тёплая, такой она казалась, её рябь под жарким небом увлекала в далёкие оазисы. Мыслями хотелось найти сокровища на мокрых пляжах, где сборщик колючек из персидской сказки брёл сквозь песчаную бурю. Огромный великан грозил палицей... мерещились сокровища, и ты схватил сокровища и бежишь между ног гиганта, и неистовствует песчаная буря и мгла... к этим пляжам мокрым убежали мысли в песчаных дюнах в жару...

Тарас не мог достать ужа и начал бросать камни, призывая и нас это делать. Мне стало жалко ужа, я не хотел,

чтоб он погиб. Я посоветовал зайти в воду и поймать его живьём. После этих слов град камней перестал накрывать водную гладь затопленной ямы. И я начал заходить в воду. Под ногами песчаная подушка. Я иду медленно и оглядываюсь, прошу, чтоб не бросали камни. Уж почти доплыл до берега, длинный и будто что-то шипит или свистит, или помстилось мне.

– Ушёл! уполз! Ты специально медлил! Где теперь таково найти! – Тарас кричит от досады.

Трава не позволяла увидеть ужа, он скрылся в зарослях. Ушёл от нас восвояси. Уж – золотые рожки, заткнувший дыру в Ноевом ковчеге... народное поверье говорит о том, что можно заполучить его золотые рожки и с их помощью отыскивать клады... народные верования о сказочном обогащении... считалось, что один из рогов несчастливый, а другой счастливый, закопав под дубками, можно по ним выявить, где какой зачах дубок, значит, несчастливый рог...

Жара плавил воздух, наши скитания в песчаных карьерах казались блужданиями с караванами через пустыни, мы шли, как Синдбад-мореход со своей командой, выброшенные на пустынный берег.

Мы вышли к обрыву в пределах карьера и решили совершить прыжок вниз. Разгонялись, и некоторые из нас перед пропастью останавливались. Но мягкий песок и небольшая высота не оставляли даже ссадин. И прыгали уже без страха. А внизу в отвесной стене взялись рыть пещеры. Потом бросали камни в песчаные столбы, торчавшие как изваяния. А на некоторых слоях песчаных пород следы древних дождей застыли как свидетели молчаливые.

И вот уже закат красными раскалёнными угольями осыпал почерневшие лесополосы. И начало меркнуть всё, свет уползал. Сумерки как тать, как вор вышли. В такое время в село пригоняли с пастбищ коров, и они заунывно мычали. И мы побежали, последние лучи били по нам, мы бежим через те ворота. Через ворота песчаного карьера... Бежим, бежим... Под ногами песок, а мы бежим... И этот бег будто вечен, и то лето жаркое вечно... тот мир белых от жаркого пекла песков и соприкосновения с родной природой, мир тихий, полный надежд...

Самая младшая из нас двоюродная сестра, помню серьёзный вид каждого из нас. Сестра осенью надела шапку с бубенчиком, и её пытался снять кто-то из задир, невзлюбивший её, а я поднимал её шапку и закрыл сестру своей спиной. Мы сфотографировались, точнее нас. Мы стояли на фоне яблони. Яблони той нет больше, спилили. Большой кавказской овчарки тоже нет, на фотографии виден её хвост. Та одежда на нас, тоже её нет, на мне свитер с пятном, в котором лазил по деревьям и карьерам. И он порван в локте. Фотография та немного истрепалась.

Дуют ветры, прошли годы, и я снова тут. Хмуришь вокруг, океан хмурых туч, буря в небесах, а я один. Кроваво-красный камень валяется в грязном песке, символ страсти и силы. Я помню его, это лал, который я мельком видел тут в детстве, но не взял. Я забыл... Наклоняюсь и беру. Это лал, рубин, необработанный, природный.

Иду по песчаному пути через те ворота и помню, как мы здесь бежали, спешили домой. Ветер гудит, как на крыше мира...

Павел ТИХОНОВ

Заволжье, Нижегородская область

РУССКИЕ В ВЕНЕЦИИ

Из «Итальянских заметок»

Венеция – город, наполненный русскими или русским. Почти на каждой улице непременно будет слышна русская речь, многие кафе будут иметь меню на русском языке, а в некоторых из них на русском с вами даже заговорят.

Мы брали чикетти – традиционную венецианскую закуску – в одной из местных забегаловок, посоветованных мне знакомым венецианцем, когда при коряво заданном вопросе «Ке коза?» – «Что это такое?» – женщина за буфетом ответила: «Квесто прошутто... сало, рыба, крем, огурцы, а вот это традиционное, стоит попробовать...»

Подобные ситуации, как и в случае с королевой автобуса, всегда сперва вызывают некое смятение и искреннее удивление.

– Ой, вы понимаете и говорите? – мы переглянулись с моей знакомой и радостно улыбнулись.

– Да, говорю по-русски, – ответила буфетчица.

– Вы откуда?

– Из Молдовы. Сейчас уже забываю русский язык, но мы же на нем учились.

Немного поговорили и познакомились. Очень часто любое публичное место, где слышится родная речь, становится особенным.

Венеция – город, наполненный русскими или русским. Во многом.

На Fondamenta degli Incurabili, Набережной Неисцелимых, висит гранитная табличка, посвященная Иосифу Бродскому, *grande poeta russa*, воспевшему это место. Бродский захоронен недалеко: на кладбище Сан-Микеле, одном из венецианских островов, и недалеко от него лежат другие «видные» – Дягилев и Стравинский.

На могиле Бродского – огромное количество поклонений из России: от монет с двуглавым орлом до записок, стихов и питерских фотографий. Иосиф Александрович действительно любил Венецию: она будто бы напоминала ему родной Петербург...

В период карнавала на узких венецианских улочках не протолкнуться. Иногда людской поток встает, затыкая движение, и не сунуться ни туда ни сюда.

Венеция туристическая – та, что проложена по маршрутам и картам, – всегда набита людьми. Но на второй и последующий приезды учишься сворачивать в улочки, идти куда глаза глядят и все равно выходить к конечной точке на Сан-Марко, пройдя при этом через практически пустой город.

Перехожу через один из мостиков, и за ним стоит немолодая пара: мужчина смотрит на развернутую в его руках карту, женщина терпеливо ждет.

«Наши», – почему-то проскочила мысль.

Вижу напряженный, сосредоточенный, вдумчивый взгляд. Это первый на моей памяти человек в Венеции, изучающий бумажную карту, как советский атлас автомобильных дорог, а не пользующийся смартфоном. Вижу терпение жены и абсолютное полагание на мужа. Подхожу ближе: карта на русском языке. Опять угадал.

Недалеко от Сан-Марко, на пути к мосту Академии, стоит мой давнишний знакомый, играющий на бокалах. Никогда с ним не говорил, но встречаю его в разных местах при каждом приезде, оттого и считаю знакомым. У него очень и очень добрый взгляд, от него веет какой-то необыкновенной душевностью, и он крайне располагает к себе.

Жестами он подзывает зрителей, полукругом встающих поодаль, ближе, показывая на уши: так далеко не услышите! Ловите каждый звук ближе!

– Musica magica, – говорит он. – Bicchieri magici, musica magica, aqua dall Canale Grande.

Перед ним на наспех собранном столике стоит десятка два или три различных бокалов с разным уровнем наполненности водой, и на них, ловко двигая пальцами и водя руками, он играет поистине волшебную музыку. Звучит все: от Баха до Битлз, от Чайковского до музыки из фильмов Диснея.

Меня берет внутренняя гордость: Чайковский! Наш! Звучит!

– Musica magica, – после паузы говорит музыкант. – Bicchieri magici, aqua dall Canale Grande! Волшебство! Музыка!*

Последние два слова вскрывают и его: тоже наш!

– Чайковский! – объявляет он опять, и вот уже русская музыка исполняется русским музыкантом.

Но сильнее всего впечатываются в память наши туристы.

Забредя по неизвестным улочкам на место, где два канала сходятся, подобно нижегородской Стрелке, в сотни раз уменьшенной в размере, я наблюдал за тем, как расходятся гондолы. Подводя гондолу к крутому повороту, гондольер кричит «Хэй!», и другой гондольер из-за поворота отвечает: «Хэй!» Оба сбавляют ход и аккуратно сближаются, пока не видят траекторию друг друга. Разойтись длинным гондолам в подобном узком пространстве непросто, но умелая работа этих людей в круглых шляпах позволяет сделать все так ювелирно, что восхищение берет.

После потока гондол, где всего за несколько минут по этому крошечному участку прошло не меньше десятка венецианских лодок, вдруг воцарилась тишина, и в этой тишине стала звучать музыка. Красивая, хорошо сыгранная, раздающаяся эхом по каналам между выстроенных на венецианских островах домов, и что главное – музыка была живая!

Откуда? Я прислушивался, пытаюсь понять, из какого окна раздаются эти звуки, но музыка становилась чуть

* Музыка – магическая, стаканы магические, музыка магическая, вода – магическая из Гранд-канала.

громче, и вдруг из глубин канальных «улиц» вынырнула гондола с четырьмя людьми, один из которых сидел на носу и играл на гитаре. Он перебирал пальцами струны, гитара издавала совершенный звук, и все это было похоже на какую-то романтическую сцену из типичного американского фильма.

«Вот иностранцы! Умеют отдыхать!» – подумал я, вспомнив повсюду сорящих здесь деньгами американцев, но тут же понял, что выводы мои были поспешными и ой какими ошибочными.

– Давай-давай, наяривай еще что-нибудь! – сказал один из пассажиров гитаристу.

– Щас! Подберу! – ответил ему гитарист на чистом интеллигентном русском языке и заиграл House of The Rising Sun группы The Animals.

От души, от сердца, а главное – своими руками. Богата наша земля талантами, и в любой точке мира можно их увидеть и оценить.

Русский смех

Алексей НАУМОВ

Светлогорск, Калининградская область

СТЕПАНЫЧ

Птицам Степаныч не доверял. Каждого нахального воробья провожал он подозрительным взглядом, а сорок так и вовсе не переносил на дух и каждый раз грозил им своим сухим, узловатым, похожим на морёную корягу кулаком, ругаясь на чём свет стоит. Ему всё казалось, что птицы каким-то невообразимо подлым образом воруют из его ульев мёд, и одна мысль об этом приводила его в неопишумую ярость.

Приметив в раскидистых ветвях корявых, покрытых сине-зелёным лишайём яблонь пару синиц, Степаныч тотчас же бросал все свои дела, зло сплёвывал наземь измочаленную беломорину и, крадучись, бежал в сарай, где хранилось его верное духовое ружьё. Бормоча ужасные проклятья в адрес пернатых расхитителей мёда, он сноровисто заряжал его горелой спичкой (так как настоящий боеприпас был непростительно дорог), нацеплял треснутые очки, проверял прицел и выскакивал наружу. Крепко сжимая в руках оружие, пробирался среди разросшихся кустов смородины к деловито снующим в листве птахам.

Приблизившись к нарушителям метров на пять, Степаныч сноровисто укладывал ствол на сухую жердь или крышку улья, долго, старательно целился, попеременно

жмуря оба глаза, после чего, плавно, по всем правилам военной науки, нажимал на спуск. Ружьё негромко хлопало, птицы вспархивали, пролетевшая пару метров спичка падала в некошеную траву, а сам Степаныч, победоносно потрясая над головой своим «Овцебоем», слал вслед бесовестным мародёрам очередную порцию брани.

Убрав «Овцебой» обратно и закулив свежую папиросу, старик весело брался за свои прерванные дела, которые, по большей части, состояли в неторопливой колке дров, осмотра ульев и готовке незамысловатой стряпни на полуразрушенной кирпичной жаровне в целях экономии баллонного газа.

Объяснять Степанычу, что птицам его мёд неинтересен, было занятием бессмысленным. Старик только кривил свои тонкие губы и склонял голову набок, выражая тем самым полнейшее своё презрение к говорившему, после чего продолжал всё делать по-своему. Даже за грибами он отправлялся не утром, как все люди, а вечером, сразу после заката и в свете мощного фонаря ухитрялся находить отменные подосиновики и белые.

– Мой гриб меня ждёт... – негромко огрызался он, в ответ на добродушные насмешки соседей. – Вечером гриб душистее... Понимать нужно...

Было точно известно, что Степанычу не менее семидесяти лет от роду, но точный его возраст был окутан мраком. Когда его спрашивали об этом напрямую, он начинал лукаво улыбаться и приговаривать, нарочито шамкая полным отменных зубов ртом, что, дескать, сам точно не ведает, но, мол, ещё сам Денис Васильевич, Давыдов то бишь, жаловал его в своём отряде как человека хоть и пожилого, но весьма ещё справно... И действительно, глядя на дублёную тёмно-коричневую кожу, на обвисшие жгуты мышц, на когда-то мощную грудь, на широкие плечи, смятые, но не сломленные жизнью, на твёрдые, когтистые пальцы и корнями выющиеся по рукам и ногам вены, Степанычу можно было с лёгкостью дать лет сто. Однако стоило хоть раз увидеть, как лихо и беззаботно отплясывает он на незатейливых дачных празднествах, как ловко и разухабисто вскакивает и приседает, как гибки и подвижны

все его члены, сколь неутомима спина, каким огнём лучатся его озорные глаза и сразу казалось, что нет ему и пятидесяти.

– Это всё от мёда, – приговаривать дед. – Мёд, он всю силу в себе собирает... Пчела чай не дура, дерьма в дом не притащит... Понимать нужно...

Отпахав 45 лет на электроламповом заводе, Степаныч получил за годы упорного труда болезнь глаз, десяток почётных грамот и 6 соток скверной земли в богом забытых Шатурских болотах, где, по выходе на пенсию и обустроился. Жена его умерла давным-давно, и, сколько его все помнят, жил он всегда один, худо-бедно, да сам. Потихоньку-помаленьку выстроил Степаныч себе дом, сложил неуклюжую, вечно дымящую голландку, устроил корявую баньку, где совершал еженедельные омовения, разбил сад, завёл небольшую пасеку и зажил припеваючи, закусывая двойной очистки самогон сотовым мёдом да крупными кислыми яблоками, не зная никаких хворей и напастей кроме трёх своих родных внуков, желавших известить пчёл, перестроить дом и всё организовать на свой, «современный» лад.

Но обуздать деда было непросто. На все уговоры, угрозы и увещевания «родственничков» бывший матрос Северного флота отвечал коротко и категорично: «Идите на хрен!», а сам уходил пить в сторожку, откуда возвращался поздно и – как и подобает настоящему моряку – заметно покачиваясь...

– Спалю!.. – хрипел он в запертую дверь большой комнаты, где спали внуки со своими жёнами. – Вчистую спалю!.. Дармоеды!.. Коекакеры!.. Хрен вам, а не участок!.. Ух, я вам!..

Затем он с проворством обезьяны вскарабкался по хилой лестнице на чердак, падал на свой матрац и засыпал богатырским сном, сотрясая дом раскатистым, военноморским храпом.

Страсти постепенно накалялись, и однажды летом, вопреки воле деда, внуки, на свой страх и риск, купили и свезли к участку брус и камни, намереваясь перейти в решающее наступление. Казалось, сила была на их стороне,

но, как это часто водится, победа досталась тому, кто умел действовать дерзко, решительно и отважно...

Душной июльской ночью, ровно в два часа, ярко и грозно запылал примыкающий к дому дровяной сарай. Языки пламени жадно потянулись к распахнутым окнам первого этажа, быстро наполнив комнаты жаром и дымом. Диверсию, само собой разумеется, самолично (и не без разбойничьего удовольствия!), учинил Степаныч, щедро смочив стенку сарая керосином и вдумчиво поднеся к ней горящую спичку.

– Полундра, сукины дети! – гаркнул дед и трижды стукнул обухом топора по подвешенной рельсе. – Горите, сукины дети, горите, как пить дать!..

С душераздирающими криками полуголые родственники вылетели из дома и как перепуганные наседки стали носиться в ночном мраке, гремя вёдрами, падая, сталкиваясь и от этого вопя ещё громче. Сам же виновник ночной иллюминации в это время преспокойно сидел на лавочке подле бани, дымил папиросой и жмурился, словно кот, вдоволь отведавший свежей деревенской сметаны...

Когда остатки дровяного сарая совместными усилиями наконец-то удалось погасить и чумазые, всклокоченные родственники тесно обступили деда, жужжа точно потревоженный рой, Степаныч неспешно поднялся. Его лицо было подобно лику верховного жреца, занёсшего ритуальный клинок над человеческой жертвой, а в глазах плясал дьявольский отблеск последних углей пожарища.

Гул стих. Жёны испуганно попрятались за спины внуков, а те сгрудились в кучу. Тогда, в оглушительной ночной тишине, под ликом звёзд, с горьким привкусом пожарища на устах, Степаныч, недогнувшим голосом во всеуслышание объявил, что в следующий раз он подожжёт дом, причём предварительно подперев снаружи входную дверь ломом...

Тьма, дым, боль в разбитых лбах, обожжённых руках и роковая интонация в словах деда, казавшегося в эту минуту на голову выше их всех, окончательно сломили волю внуков к сопротивлению. В тот же час, на веранде, стороны заключили двусторонний пакт о дружбе

и ненападении, согласно которому родственники отказывались от каких-либо дальнейших попыток изменить что-то на участке Степаныча вопреки его воле. В ответ дед милостиво пообещал не сжигать их заживо, а после смерти оставить им участок «на полное растерзание»... Договор был скреплен доброй толикой самогона, со стороны Степаныча и, едва ли не большей порцией валокордина, с другой, после чего, участники ночной драмы разошлись по своим постелям.

«Потерпевшие» до зари боязливо шушукались в своей комнате. Излив друг другу свои обиды и страхи, они, в конце концов, пришли к вполне утешительному выводу, что спешить им, по большому счёту, нет никакой нужды...

– Не сегодня-завтра похороним деда... Не сегодня-завтра... Надо только немного подождать... Тогда уж и займемся... Тогда уж, да... Подождать...

Наивная вера в скорую кончину старика по причине его преклонного возраста и неукротимой страсти к алкоголю наполнила их мелкие сердца светлой надеждой. Они заулыбались в свете растущей зари и безмятежно уснули, а проснувшись, принялись ждать...

День сменял ночь, лето – зиму, брус гнил и темнел, камни всё глубже погружались в сырую землю, а Степаныч и в ус не дул, продолжая закусывать свой доморощенный самогон луговым мёдом, и за десять лет ожидания нисколько не изменился, в то время как сами внуки заметно сдали, обрюзгли и окончательно потеряли всякую веру в счастливый исход дела. Они всё реже навещали деда, не рискуя более брать с собой близких, и часто даже не ночевали, а просто заглядывали на дачу на несколько часов, с затаённой надеждой на чудо, но всякий раз убеждались, что Степаныч – твердыня, совладать с которой ни природе, ни смертному мужу невозможно.

– То-то, бобры вислобокие... – удовлетворённо бурчал Степаныч, оглядывая пьяным глазом своих располневших и облысевших внуков, а также своё родное, подгнившее, но нетронутое переменаами хозяйство. – А то, ишь, ульи им помешали... Это ж какими подлецами нужно быть, чтоб пчела не нравилась, а?... Коекакеры, одно слово...

Беда случилась в ночь с субботы на воскресенье. Обильно оросив себя горячей водой в бане, а затем холодным самогоном на веранде, Степаныч отправился спать, но сон отчего-то к нему не шёл. Старик ворочался с боку на бок, много курил, бормотал всяческие проклятья и яростно сжимал кулаки, но ничего не помогало. Ко всему прочему, из головы у него не шли пчёлы, а точнее, крайний пятый улей, обитатели которого второй день подряд трудились неслаженно и гудели встревоженно и печально, точно занесённый снегом паровоз.

– Видать, заболели, сердечные... – качал в темноте головой дед. – Не иначе сороки, будь они неладны... Кто как не они?! Уж я их, и в хвост, и в душу, и в мать!..

Около двух часов ночи Степаныч не выдержал и порывисто встал. Набросив на голые плечи сальную телогрейку, сунув в рот папиросу и прихватив свой «грибной» фонарь, он вышел наружу и двинулся к пасеке. Луна совсем недавно всплыла над болотами, и длинные тени от домов и деревьев пересекали тропинку, зловеще сплетаясь и змеясь под ногами полуночника, но старик был чужд любой мистики и уверенно шагал к своей цели, не переставая ругаться.

Приблизившись к злополучному улью, Степаныч торопливо опустился на колени, приложил трепетное ухо к стенке, раскрыл рот и вслушался. Внутри улья стояла мёртвая тишина, и у старика похолодело в желудке. Дрожащими руками, он торопливо скинул крышку и осветил фонарём внутрь. О, ужас, улей был пуст! Там не было буквально ничего, кроме голых стенок с остатками прилипшего к ним мёда и пары дюжин мёртвых пчёл, сиротливо лежащих на дне.

Крик застыл в горле бывалого самогонщика. Не веря своим глазам, он отчаянно замотал головой, силясь отогнать кошмарное видение, но, сколько он ею ни тряс, улей оставался пустым. Тут-то Степаныч и издал тот ужасающий вопль, что не на шутку переполошил половину садового товарищества, а затем принялся ругаться так, что поднимающаяся над землёй луна заметно порозовела и едва не поворотила вспять...

Оставшуюся часть ночи старик провёл на ногах. С топором в руках он, вышагивая вокруг уцелевших ульев, подозрительно прислушиваясь к шорохам тёплой августовской ночи, с отвращением куря одну папиросу за другой и в который раз пробуя пальцем тупое лезвие. Такое дикое, хладнокровное и бесчеловечное воровство поразило Степаныча в самую душу, и случись кому-то приблизиться к нему в тот момент, он убил бы его без колебания.

Когда солнце окончательно растопило ночной мрак и оставшиеся пчёлы трудолюбиво потянулись к лежавшему за рощей полю, Степаныч отбросил топор, схватил литровую бутылку самогона и побежал напрямик в сторожку, откуда вернулся через два часа с горящими глазами и тремя огромными, насквозь проржавевшими капканами.

Старик чистил, правил и смазывал их до самых сумерек, и, когда кровавые отблески заката зажглись над его головой, стальные челюсти были готовы к употреблению. Опробовать их он решил на черенке лопаты. Когда острое железо звонко, жадно и глубоко впилося в сухое дерево, лицо Степаныча озарила первобытная улыбка, первая за этот день.

Дед расставил капканы на трёх стратегических направлениях вокруг ульев, замаскировав их сверху сухой травой и пылью, а сам спрятался в бане, готовый выскочить наружу, едва услышит подозрительный шум. Он сердцем чувствовал, что «медокрад» вновь пожалует к нему в гости, и в этот раз готовился встретить его во всеоружии.

Ночь выдалась ветреной. Несколько раз Степанычу казалось, что кто-то пробирается к ульям, и он отворял дверь бани, готовый ринуться в кишашую призраками тьму, но то были лишь тени и шорох ветвей, шорох и тени. После четырёх часов тревожной вахты, в течение которой старик без устали поддерживал в себе боевой дух смородиновым самогоном, мерный срезет веток по крыше бани начал его усыплять. Он шлёпал себя по щекам, щипал за ляжку, прикладывал прохладную бутылку ко лбу и просто ругался, но свет в его глазах неуклонно мерк...

Во время одного из таких «полуснов», ему почудилось, что кто-то осторожно сдвигает крышку улья. Кровь бро-

силась в голову Степанычу. Забыв про фонарь, с топором наголо, он выскочил наружу и увидел какую-то тень, склонившуюся над ульем, а затем, к вящему его ужасу деда, юркнувшую внутрь и задвинувшую крышку обратно...

Сжав зубы, чтобы не зареветь и не вспугнуть супостата, Степаныч, не разбирая дороги, ринулся вперёд, намереваясь схватить мерзавца и для начала как следует угостить его обухом, но неожиданно, услышал звучный лязг. В ту же секунду его левую икру пронзила острейшая боль...

Степаныч стерпел. Беззвучно рухнув на землю, точно раненый разведчик близ вражеского окопа, он молча проклинал весь белый свет, пытаясь разжать топором мёртвую хватку капкана. По счастью, его старые, сроду не чищенные и оттого окаменевшие кирзачи, которые дед носил с марта по ноябрь, смягчили удар, и кость уцелела. Немного отдышавшись и придя в себя, старик, оставив попытки высвободить ногу, поднялся и шустро допрыгал к улью, чьё потревоженное чрево издавало странные звуки. Порывисто сдёрнув крышку, он не раздумывая запустил внутрь жадную руку.

– Убью! – заорал он не своим голосом, чувствуя, что ухватил кого-то небольшого и верткого. – А ну, гад, вылезай! Вылезай по-хорошему, падла!

В ответ некто так ткнул Степаныча за пальцы, что старику показалось, что будто он сунул их под пресс.

– Ах ты, чёрт! – взвыл он и, отбросив топор, дважды ударил дюжим кулаком куда-то в темноту и, как ему показалось, попал своему неприятелю прямо в глаз.

Существо пронзительно взвизгнуло, как если бы кто-то пнул сапогом тощую свинью, и разом обмякло.

– Получил, гадёныш! – радостно зашипел Степаныч. – Это тебе на завтрак!

Ухватив вора обеими руками, он выволок его из улья и встряхнул на вытянутых руках. В неровном свете мелькавшей за тучами луны, он попытался разглядеть свою безвольную добычу, но смог различить лишь короткое, толстое, бочонкообразное тело, пару маленьких рук, пару маленьких ног, уродливую голову и длинный, облезлый хвост...

– Попался, в бога душу моря мать! – радостно заревел дед, видя, что грабитель приходит в себя. – Куда дел мёд?! А ну говори! Говори, а не то в раз пришибу! Буй тебе по боку!

Степаныч вновь занёс с самым свирепым видом свой могучий кулак, и это подействовало. Существо, мешком повисшее в его руке, зашевелилось и подало голос:

– Съел... – пробурчало оно.

– Весь?! – изумился Степаныч.

– Весь... – печально ответил «бочонок».

– А рамки куда дел? А пчёлы? Ты куда всех пчёл подевал, Геббельс ты ручной?! А ну, говори!

– Всё съел... – жалобно отозвался незванный гость. – Вместе с рамками и с пчёлами... Больно уж он у тебя вкусный... Мёд...

Степаныч поднёс тушку к своему уху и действительно услышал внутри нестройное гудение.

– Ах ты, подлец! – заволновался старик. – Мало того что весь мёд умял, так ещё и улей разорил! А ну, выплёвывай пчёл обратно! Как есть выплёвывай, а не то сам выну!..

Старик схватил топор и затряс им в воздухе. Существо задрожало от страха.

– Хорошо, хорошо, – затараторило оно. – Только не убивай меня! Только не убивай!

– Выплёвывай, а там видно будет! – сурово отрезал Степаныч. – Только ты, гад этакий, аккуратно их выплёвывай, по одной, чтоб не повредить! За каждую пчёлку мне ответишь, пакостник ты мелкий, за каждую!

Старик опустил неопознанное существо головой в улей, и рывкнул:

– Ну, чего застыл? Сказано было – выплёвывай живо!

Для пущей убедительности, дед звучно шлёпнул плоской стороной лезвия по тому месту, где, по его предположению, у грабителя находилась задница.

«Бочонок» хрюкнул, ойкнул, обречённо вздохнул и, давась и икая, начал одну за другой выплёвывать обратно всех проглоченных пчёл. Пчёлы были с головы до ног перепачканы мёдом и чем-то чёрным, похожим на соляр-

ку, но в массе своей были живы и, судя по всему, должны были скоро оправиться.

– Так тебя и растак... – сказал дед спустя четверть часа, убедившись, что в животе странного существа никто больше не гудит. – А теперь, идём-ка в дом... Посмотрим на свету, что ты за фрукт такой!

– Отпустил бы ты меня лучше, – ужом заизвивался незнакомец. – Я больше не буду!

– Ты мне ещё за это ответишь! – прикрикнул на него старик, указывая на сомкнутый капкан на своей ноге. – И за пальцы!.. Идём по-хорошему, а то ещё раз приложу!..

«Бочонок» обречённо повис в руке деда, и тот, прихрамывая, двинулся к дому.

Когда Степаныч зажёл на веранде свет и его близорукие глаза перестали слезиться, то увидел, что поймал он не кого иного, как... чёрта. Чёрт был старым и походил на грустную, старую, пузатую макаку, какую старик видел однажды в зоопарке. Мышиного цвета шерсть чёрта была плешивой и грязной, брюхо почти голым, ноги кривыми, рога маленькими и неряшливыми, а под левым глазом красовался огромный фонарь, при виде которого у старика на душе потеплело.

– Помнят руки...

Чёрт смотрел на Степаныча с нескрываемым ужасом. Его уцелевший глаз выражал страх и покорность, и весь он вздрагивал от каждого резкого движением деда, ожидая новых ударов, но закончившему беглый осмотр своей «дичи» старику было не до него. Крепко скрутив чёрта бельевой верёвкой и бросив его под стол, Степаныч с помощью топора и лома снял капкан, стянул сапог, закатал штанину и начал промывать рану единственной имеющейся в хозяйстве медицинской жидкостью – крепчайшим самогоном, настоящим на майском смородиновом листу. Он также немного плеснул на укушенные пальцы, после чего, приняв двести грамм обеззараживающего снадобья внутрь, неуклюже перебинтовал ногу серым кухонным полотенцем и полез на чердак спать.

– Утром решу, что с тобой делать, – сказал он чёрту, затыкая ему рот сапогом. – И смотри тут, не бузи, а то

враз угомоню... Ишь, черти, повадились... Ну дела, ну дела...

Проспал Степаныч допоздна, а проснувшись, никак не мог понять, радоваться ему или нет, и только после долгих размышления нахмурился.

– Вот ещё заняться мне не чем было, так чёрта поймал на свою голову – пробурчал он, закуривая. – Эхе-хех, ладно, посмотрим... Может, для чего и сгодится в хозяйстве, а нет, так утоплю...

С аппетитом позавтракав яичницей с сухарями, старик вытащил наполовину задохшегося чёрта из-под стола, вырвал у него изо рта изжёванный сапог и милостиво протянул кусок тому сухарь и стакан воды.

– На ка, поешь маленько... А то уж больно ты жалкий...

Однако чёрт замотал головой и сказал:

– Нет, Степаныч... Мне бы тоже яишенки... И самогончику... Принеси, Степаныч! Я знаю, у тебя есть...

– А хрена лысого с мочёным якорем тебе случайно не поднести? – осадил его дед. – Покуда улыи мне не поправишь и всех пчёл не вылечишь, будешь под столом жить, связанным, на воде и хлебе. И лупить тебя буду каждый божий день, на завтрак, обед и на ужин, авось тогда ума наберёшься, пчелоглотатель хренов!..

– Не умею я улыи чинить, – заверещал чёрт. – Не приучен! И пчёл лечить не обучался! Вот есть могу, это да. И пить. Это мне сподручно, а вот наоборот – ну никак...

– А раз не можешь, то и на кой чёрт ты мне сдался? – вдумчиво произнёс Степаныч. – Брошу-ка я тебя в сухой колодец, а сверху песком закидаю да камнями... Там тебе самое место будет... Это ж удуматься надо, чтобы мёд целиком с пчёлами жрать! Каким же поганцем быть нужно, что таким подлым делом заниматься, а?! Понимать же нужно...

– Не могу я без мёду, Степаныч, – завопил чёрт. – Болею я! Вишь, какой мерзкий стал? Самому противно...

– Вижу, вижу, – покачал головой Степаныч, доставая бутылку из шкафа. – И чем же это ты таким болен, а?

– Известное дело чем, – уныло ответил чёрт. – Болотной чесоткой... Этой напастью в Мещёре каждый второй чёрт

мается... А лучше мёда, известно, средства нет... В особенности лугового... Чертовски он целебный...

– Я вот тебя сейчас от чесотки-то твоей живо вылечу, – стукнул стаканом по столу Степаныч. – Керосина плесну на твою поганую шкуру да и подожгу, вмиг будешь здоровёхонек!

– Не надо, Степаныч, – захныкал чёрт. – Я ж безвредный... Сижу себе в болоте да людей пугаю... Но не до смерти, а так, для острастки, чтоб не совались... Нечего им на болотах делать... Наше это место, чёртово...

– Не до смерти значит? – уточнил Степаныч, проглотив самогон и лукаво прищурившись. – Ну тогда совсем другое дело!.. Тогда совсем другой с тебя спрос!.. Я ж, поди, не зверь тоже какой... Я ж с пониманием... Сейчас решим наш вопрос... Полюбовно...

Выпил Степаныч ещё немного, заткнул обратно чёрту рот сапогом, снял свой старый ремень с пояса, смочил его хорошенько в скипидаре, посыпал от души морской солью и ну давай охаживать чёрта по спине да по заднему месту, да не просто, а с оттягом, «чтобы в точности уразумел».

Чёрт верещал и силился вырваться, но Степаныч крепко наступил ему на хвост и лупил подлеца, покуда руки не устали. Напоследок так припечатал тощий зад чёрта пряжкой, что на том отчётливо засияли и якорь, и пятиконечная звезда. Затем он оставил чёрта хныкать в углу и ушёл в огород, а к вечеру вернулся.

– Ну, как самочувствие? – осведомился он у чёрта. – Ничего не ломит?..

Чёрт замотал головой.

– Нисколечко!

– Ага, – прищурился хитрым глазом старик. – А не щипет ли где, часом?..

– Нет, – твёрдо ответил чёрт.

– Совсем-совсем?..

– Нет!

– Стало быть, к труду и обороне полностью готов?..

– Готов! – выпалил чёрт без малейшей задержки.

После утренней «оздоровительной» процедуры он сделался точно шёлковый и был на всё согласен.

– Вы мне только покажите, многоуважаемый Степаныч, как улы чинятся, – лепетал он, украдкой ощупывая свой пылающий зад. – Я всё мигом усвою! Я понятливый...

– Некогда мне тебе уроки устраивать, – хмуро пробурчал в ответ Степаныч. – Наколи-ка лучше дров и баню затопи, а то от твоей вони издохнуть можно, а там поглядим...

Степаныч развязал чёрта, а чтобы тот не сбёг, присобачил ему к ногам цепи, прикрепив к концу одной старый аккумулятор, а к другой, ржавую раму от гоночного велосипеда. Напоследок он ещё раз внушительно потряс ремнём:

– Попробуешь смяться – поймаю и так выдеру, что всю жизнь будешь стоя спать! Понял?

Чёрт кивнул. Зад у него вспух так, что даже без цепей он еле ковылял. Однако он быстро наколол дров, ловко истопил баню и явился к Степанычу с докладом.

– Всё готово, ваше сиятельство! – выпалил он, сияясь стать по стойке смирно. – Мыться подано!

– Какое я тебе сиятельство, – побагровел страшно польщённый старик Степаныч. – Я – матрос Северного флота! Ясно тебе?! Я тут эту вашу контрреволюцию не потерплю!

Чёрт испуганно вжал голову в плечи, но дед добродушно усмехнулся.

– Ладно, ладно, сохатый, пойдём попаримся... Глядишь, и чесотка твоя сойдёт... Есть у меня одно средство...

Но чёрт заупрямился.

– Я болотный чёрт, а не какой-то там домовый, – с достоинством заявил он. – Нам мыться никак нельзя... И особливо в горячей воде... Облезть можем...

– Хуже уже не будет, – повысил голос Степаныч и, ухватив чёрта за рога, потащил его в баню.

Крепко прикрутив поскуливающего чёрта к лавке его же цепями, старик, для начала, окатил несчастного крутым кипятком, после чего посыпал золой, потом негашёной известью, а после начал старательно тереть железной щёткой... Чёрт выл и умолял отпустить его, но Степаныч заткнул ему рот поленом и продолжил трудиться, прерываясь только лишь для того, чтобы выпить полстакана самогону и закусить его долькой яблока, макнув её в мёд.

Когда шерсть начала сходить с чёрта клоками, а кожа под ней стала цвета раскалённой печи, Степаныч вновь окатил «пациента» крутым кипятком, а затем от души намылил его окаменевшим стиральным порошком двадцатилетней выдержки и дал настояться четверть часа. К этому моменту чёрт уже не кричал, а только обречённо подвывал, моля убить его, а не мучить, но Степаныч был неумолим. Он в третий раз окатил бедолагу кипятком, после чего выволок бездыханного негодника на свежий воздух. Несчастный чёрт не подавал признаков жизни и был красным, как знамя, но Степаныч знал толк в бане. Включив на полную мощность насос, он стал усердно поливать распростёртое перед ним тело ледяной водой из скважины, отчего рогатый страдалец мигом ожил, закрыл глаза руками и заплакал, думая, что это новый этап чудовищной экзекуции.

– Ну, чего раскис-то, вставай, – крикнул Степаныч, выключая воду и с удовлетворением оглядывая плоды своего труда. – Самогон будешь?..

Чёрт робко открыл свой недобитый глаз и недоверчиво переспросил:

– Самогон?..

– Самогон, самогон, – засмеялся дед. – Не молоко же! Или ты что же, ещё разок попариться надумал?.. Так это мы враз устроить можем... Воды не жалко...

– Не-е-ет! – заорал чёрт гнусавым голосом. – Буду самогон! И керосин буду! И всё что угодно, только больше не парь меня, прошу! Умоляю! Не могу я больше, веришь, Степаныч, миленький мой, не могу?.. Правда не могу!.. Еле жив я...

– Ничего, отойдешь, – приободрил его дед, наполняя стаканы и срывая с ветки пару яблок. – Не расплескай только, окаянный... Ишь, трясёт всего...

С самогоном чёрт управлялся мастерски. После третьего стакана он полностью пришёл в себя, раскраснелся до вишнёвого цвета и сделался говорлив.

– У меня дядя был, – вещал он, презрительно отвергая нехитрую стариковскую закуску, – так он на спиртзавод повадился лазить. Пять лет туда хаживал. До того пить

выучился, что мог в чане по три часа преспокойно плавать, а потом домой самостоятельно добираться! Он-то меня пить и научил. Эх, хороший был чёрт, с душой... Совесть понимал...

– И что же, никто его на заводе ни разу не видел? – удивлялся Степаныч.

– Отчего же не видел, видели, – ухмыльнулся чёрт. – Много раз. Да только кто ж признается, что он чёрта на спиртзаводе приметил? Сразу ж уволят, а то и похуже!..

– А где ж он теперь? – уважительно поинтересовался Степаныч. – Всё там же?

– Три года как нет дядьки... – сокрушённо поник чёрт. – Под электричку попал... Прямо под Рождество... Невезуха...

К вечеру оба напились до такой степени, что сидели в обнимку. Степаныч в тридцатый раз исполнял «Варяг», и чёрт тоскливо подвывал ему, пуская слезу и вытирая её кончиком лоснящегося хвоста.

– Ты на меня не сердчай, – сказал дед около полуночи. – Я за свои улы горой! Сам понимаешь – мёд...

– Понимаю... – уверял сквозь напавшую икоту чёрт. – Мёд – продукт наиценнейший. На дороге не валяется. Но ты не переживай, Степаныч. Я тебе новых пчёл принесу. Ещё больше. Хочешь? За дальним лесом знатная пасека имеется, да только мне всё идти лень было. Но я схожу и украду для тебя. Хоть целый улей, хоть два. Сколько скажешь, столько и принесу. Целёхоньких, Степаныч! Ну как, договорились? Будет у тебя десять ульев вместо пяти и вдвое мёда! Соглашайся, Степаныч...

От таких невероятных перспектив у Степаныча закрутило живот, однако по зрелом размышлении пользоваться ворованными пчёлами он наотрез отказался.

– Я флотский парень, – шумел он, категорически размахивая руками. – Понимаешь? Матрос! А матрос в грязь лицом не ударит, даже если где и найдёт!.. Не нужны мне твои пчёлы! Подавись ими, гад болотный! И вообще, кончай это занятие, по чужим ульям шастать! Это я вот малый отходчивый, а попадись ты кому другому, так он бы с тебя враз три шкуры спустил, причём одновременно...

– Тогда я тебя научу самогон варить, – икнул чёрт.

– Меня? – сначала остолбенел, а затем демонически расхохотался Степаныч. – Самогон?! Да лучше моего самогона во всей округе не сыщешь! Слеза, а не самогон!

– Самогон у тебя, Степаныч, паршивый, – сказал расхраб्रившийся от безудержных возлияний чёрт. – А слеза она, Степаныч, всё от грусти...

Степаныч вскочил, почернел и поднёс свой жёсткий кулак к самому носу крепко зажмурившегося чёрта.

– Так, значит, мой самогон паршивый, да? – с маниакальной нежностью прошипел он в ухо чёрта. – От грусти значит, так?..

– Как есть паршивый, – мрачно кивнул чёрт, готовясь к неминуемой смерти. – Паршивее некуда... Таким самогоном только котельную топить или стёкла паровозам протирать... Гадость, одним словом...

Степанычу сделалось от таких слов дурно. В голове у него протяжно завывала морская сирена, а палуба кухни дала крен. Забыв про смертоубийство, он яростно затопал ногами и закричал не своим голосом:

– А что ж ты, паскуда, тогда целых два литра его выхлестал, а?! Назло, может быть, а?! Назло?!

– А за неимением, Степаныч, за неимением, – бойко ответил чёрт, видя, что гроза миновала. – Но я тебя научу! Всё как есть расскажу. Без утайки. Сам увидишь. Лучше чёртового самогона на всём свете не сыскать. Уж поверь...

Степаныч до хруста сжал кулаки, заскрежетал зубами, выпучил налившиеся кровью глаза, но сдержался. Молча налил он им ещё по одному стакану, молча чокнулся, молча выпил, и только когда последний бульк в его горле стих, выдохнул:

– Обманешь – чучелу из тебя сделаю... Набью компостом и внуков по ночам пугать буду... Помяни моё слово...

– По рукам, Степаныч, – улыбнулся чёрт. – Не прогадаешь!

На следующий день, похмелившись и наскоро перекусив, Степаныч повёл чёрта в свою «обсерваторию», где с гордостью продемонстрировал сияющий, как палуба перед смотром, самогонный аппарат.

– Сам делал... – любовно проворковал дед, оглаживая медные детали механизма. – Каждую детальку своими собственными руками с завода вынес. Он мне как родной... Даже хуже...

Но чёрт не слушал. С видом знатока он быстро всё осмотрел, где-то покрутил, где-то пощёлкал, деловито осведомился о рецепте браги, температуре, прочих нюансах и вынес свой короткий вердикт.

– Так гнать нельзя!

Степаныч затравленно огляделся.

– Да что же это такое, а!? Какой-то чёрт болотный будет меня учить, как самогон нужно гнать! А ну-ка, выметайся отсюда! Вон, я сказал, паршивец этакий, вон! Чтобы духу твоего здесь больше не было! Будешь мне колодец новый рыть, пока из него нефть не забьёт!

– Ты, Степаныч, не бушуй, – примирительно заметил чёрт, смекнув, какой подход необходим к деду. – Я тебе дело говорю. Тут немного совсем подправить надо и рецепт малость переменить, и всё. И, Степаныч, ну почисть ты аппарат свой хоть раз!

– Почисть? – разинул от негодования рот Степаныч. – Да ты видно совсем ослеп сдуру! Он ж сияет!

– Снаружи-то он сияет, а вот внутри... – ухмыльнулся чёрт. – Внутри он что твои сапоги – ископаемое!

– Ты мои сапоги не трожь, – обидчиво фыркнул старик. – А то ещё раз на вкус попробуешь. Говори лучше толком, внятно и по уставу, что делать-то надо, а то елозишь, как жаба, смотреть тошно. Ну!

Чёрт подробно объяснил Степанычу все тонкости чёртового самогонования, после чего они вместе разобрали самогонный аппарат, всё прочистили, всё продули, а вечером старик усадил «специалиста» в свой рюкзак, и они отправились вдвоём на болота, где чёрт указал старику нарвать каких-то невзрачных трав, которые они затем мелко крошили, высушили и бросили в брагу.

– Теперь будем ждать, – сказал старик, пригнувшись к бражке. – Недельку не меньше...

– Только не со мной, – весело подмигнул старику чёрт. – Учись, дед, пока я жив!

Чёрт живо облизнул кончик своего облезлого хвоста, макнул его ненадолго в чан, и бражка в мановение ока дозрела и недвусмысленно запахла...

– Ну дела... – почесал голову Степаныч. – Таким макаром можно каждую ночь гнать...

– А то, – смеялся чёрт, довольно потирая руки. – Начнём?..

Они залили брагу в аппарат, включили газ и приступили к процессу, усевшись друг подле друга на скамье.

– Тут, главное, вовремя начать и вовремя остановиться, – увещевал старика чёрт, когда первые капли горячительного напитка потекли из крана. – Лишнего седишь – весь вкус пропадёт... Мера тут нужна, Степаныч, мера...

Но Степаныч ничего не желал слышать. Его глаза светились, кадык судорожно вздымался на морщинистом горле, а жилистые кулаки тряслись от вожделения.

– Гнать, гнать, гнать! – рычал он, ревниво следя, чтобы ни одна капля драгоценной жидкости не ускользнула от подставленных бутылок. – Гнать, не останавливаться! Гнать, только гнать!

Чудный запах наполнял помещение, и оба самогонщика сладко облизывались.

– Чуешь? – улыбался чёрт. – Мёдом пахнет...

– Точно, мёдом, – кивал в ответ Степаныч. – А вкус-то, вкус-то какой?.. Точно парное молоко пьёшь... А как забирает?.. В самый небалуй льётся... Аккурат в самый небалуй... Чертовщина, да и только...

– А я тебе что говорил? – радостно хлопал деда по ляжке чёрт. – Лучше моего самогона нигде не сыщешь! Веришь мне теперь, а?

– Твоя правда... – неохотно соглашался старик. – Хорош самогон... Страсть как хорош... Да только и мой недурён! Просто этот помягче будет малость... Поскользливее... Поизвивчивее... Пошабутнее...

С той поры чёрт прочно обосновался у Степаныча. Чесотка после устроенной ему бани прошла без следа. Мышиная шерсть скоро вновь отросла и была гладкой и блестящей, а по вечерам даже отливала благородной синевой.

Днём они поочерёдно кололи дрова, ухаживали за пчёлами, а вечерами самогонили до одури, так что под утро не стояли на ногах. Продукт, что они получали, был таким качественным, что в скором времени Степаныч выменял на него себе ещё пчёл, и теперь у него было ровно 13 ульев.

– Хорошее число, – говорил чёрт. – Крепкое. Основательное.

– Мало, – для виду возражал Степаныч. – Сурьёзу не хватает... Нужно сотню занять, а лучше две... Я вообще думаю весь дом в улей превратить... А что, пусть живут... Пчела – животное полезное, не то что там птица или свинья какая-нибудь... Пчела, она всё понимает... Тварь без дурасти, людям не чета...

Прожили они так всю осень и зиму, душа в душу, но по весне чёрт вдруг захандрил.

– Вот скажи мне, Степаныч, ты мне друг? – спрашивал он старика за кружкой свежего самогона.

– Друг, – уверенно отвечал Степаныч. – Самый что ни на есть друг...

– А товарищ ли я тебе, Степаныч?

– И товарищ, – легко соглашался дед. – Самый что ни на есть первостепенный ты мой товарищ, чёрт... Первее некуда...

– А брат ли я тебе, Степаныч? – не унимался чёрт, роняя слёзы в кружку. – Скажи мне?

– Брат, – размашисто кивал старик. – Самый что ни на есть первородный брат ты мне... Кровинка моя, чертенячья...

– Тогда вот ответь мне, Степаныч, отчего ты своего друга, товарища и брата родного, как скотину пустую да безродную, на цепи держишь да ещё и в подпол на ночь запираешь? Разве ж с братьями так поступают, а?.. Скажи?..

Слёзы увлажняли хитрые глаза Степаныча, и он говорил:

– А это всё оттого, друг мой, брат и товарищ чёрт, что есть у меня к тебе любовь, но нет у меня к тебе доверия... Сбежишь ведь, подлец... Как пить дать сбежишь... Сердцем чую... Самым что ни на есть сердцем...

– И сбегу, – начинал капризно подвывать чёрт. – Обязательно сбегу! Подкоп вырою и сбегу... И ещё улы твои прихвачу...

– Ты говори, говори, да не заговаривайся, – беспокойно елозил на табурете Степаныч. – Пчелу не трожь. Пчела – это святое. Кто пчелу обидит, того я из-под земли достану, а потом обратно положу, но в разборе.

– Всё равно сбегу, – гнусавил чёрт. – Не могу я в доме жить, Степаныч! Ну вот никак не могу!.. Обрато бы мне... На болота... По весне там жуть как хорошо...

– И чего ты со своими болотами заладил, – кручинился Степаныч. – Грязь кругом, да слякоть, да комары... Ни дороги, ни лужка... Даже пчёлы туда не летают... Живи дома. Тут тепло, сухо, самогон...

– Родина у меня там, понимаешь, Степаныч, родина?! – всхлипывал чёрт. – Каждая кочка у меня там родная, каждая осинка, каждая коряга гнилая... Отпусти меня, Степаныч, отпусти, а то сбегу...

– Не могу, – мотал головой дед. – Родину я, конечно, понимаю, а вот отпустить тебя ну никак не могу. Привык я к тебе. Приручился... И потом, опять же, с кем мне тогда самогон гнать прикажешь? Нет, брат, и не проси. Не могу...

Но однажды, в самом начале мая, под вечер, когда земля стала пахнуть совсем уже одуряюще, а роцца за дорогой внезапно сделалась нежно-салатовой, сердце Степаныча дрогнуло, точно лёд на реке, и поплыло. Он изумлённо посмотрел на чёрта, жадно ловящего каждый тихий звук, что приносил с болот лёгкий ветерок и подумал: «А ведь и вправду отпустить бы надо поганца... Какой-никакой, а животный... Родину опять же понимает... Негоже живую тварь на цепи держать, и в особенности по такой-то вот весне. Негоже...»

Сел Степаныч рядом с чёртом, обнял его за плечи и говорит:

– Слушай, расхититель медовой собственности, вот, допустим, отпущу я тебя сейчас на все четыре стороны, и что ж ты делать будешь? Куда отправишься?

– Прямиком на болота и направлюсь, – с робкой надеждой ответил чёрт, уловив в голосе Степаныча нечто новое. – Своих навещу, в топи искупаюсь, к русалкам загляну... Они страсть как хороши по весне, просто сил никаких нет...

– Ну а потом, потом, что делать будешь? – настаивал Степаныч. – Как ты потом-то жить будешь, а?

– Как раньше жил, так и буду... – неуверенно пожал плечами чёрт. – Как иначе?

– Это что же, – нахмурился Степаныч, – опять будешь мёд таскать да людей по болотам пугать? В глаза смотри! Будешь?!

– Ну я же болотный чёрт, Степаныч... Мы иначе не умеем...

– Ах вот как! – разозлился Степаныч. – Тогда слушай моё условие. согласишься – можешь уходить, а нет – будешь до конца дней на цепи сидеть, и третьему не бывать!

Прошептал дед чёрту что-то на ухо, тот дёрнулся, задумался, почесал рогатую голову, посмотрел мутным взором на оживающий лес да и согласился; и той же ночью покинул чёрт дом Степаныча, будто бы его там никогда и не было. Старик погоревал было, погоревал, но с новой пасекой было у него столько забот, что вскоре перестал кручиниться и зажил по-прежнему. Самогон его с того времени стал пользоваться таким надёжным спросом по всей округе, что его внуки вновь начали донимать деда, предлагая ему на сей раз открыть целое коммерческое производство и торговать за границу, но бывший матрос Северного флота на все их увещевания отвечал чётко и недвусмысленно.

Всё так же ходил Степаныч вечером за грибами, охотился на синиц и ухаживал за пчёлами, но главным и наиболее любимейшим его занятием, конечно же, было самогонование, коему он отдавал ночи напролёт, запершись в своей «обсерватории».

– Темнота, она крепость даёт... – шептал дед, склоняясь над чаном свежесваренной браги. – И дух... Понимать нужно... Ну и, хвост, конечно, немаловажен...

С этими словами он вытаскивал из шкафа трёхлитровую стеклянную банку, аккуратно извлекал из неё слегка подсохший обрубок чёртового хвоста, трижды смачно плевал на его кончик, а затем бережно макал в густое, душистое варево.

Олег ЗАХАРОВ

Кстово

ПАРОДИИ

Вулкан

Иду, как дева молодая.

Дышу, как вздрогнувший вулкан...

Антонина Гурьева, г. Армянск, Крым,
«Литературная Феодосия-2023»

В часы объятий до лобзаний,
Крепя супружеский союз,
Я сразу делаюсь румяней,
Как огнедышащий Эльбрус.

А чтоб семья с годами крепла
И муж не паялся на дам,
Порой извергну тонны пепла,
Как пять примерно Фудзиям.

Стучу дверьми, гремлю кастрюлей.
Но осознав, кто был не прав,
Умолкну сразу, как Везувий,
Активность временно уняв.

Я ж не тиран и не диктатор!
Чтоб сохранить любовь и лад,
Я прикрываю молча кратер
И вновь тиха, как Арарат.

Мы не в Исландии, конечно,
Но муж мой часом не оттуда ль?
Ведь он зовёт так меня нежно –
Вулкан Эйя-фьяд-лай-ё-кюдль!

Как найти девушку

*День хорош был. Тих и светел,
Плавилась вода.
Я глаза твои приметил,
Понял, навсегда.*

*Глаз как в небе звёздном россыпь,
Понимаю сам,
Отыскать тебя не просто
Только по глазам.*

Виктор Нестеров, Нижний Новгород

День хорош. Тепло и сухо,
Веяло весной.
Я приметил мочку уха
Девушки одной.

Был ко рту, глазам и щёчкам
Взгляд не привлечён.
Я запомнил только мочку.
Левую причём.

Грусть-печаль в моём рассказе,
Ведь в родном краю
Этих мочек словно грязи.
Как узнать твою?

Вот такая невезуха,
Милая, прости,
Я тебя по мочке уха
Не сумел найти.

Чтоб сыскать девчат повсюду
В случае таком,
Примечать у них я буду
Ухо целиком!

Натягивая радость

*Я так хотела, мучилась, мне снилось,
Что мы уедем вместе навсегда!
Со счастьем я опять поторопилась,
Натягивая эту радость на себя.*

Любовь Тервинская, Санкт-Петербург

Я так ждала свидания с тобою!
Открыта дверь, и стол уже накрыт.
Надела предвкушенье кружевное,
Ажурные смущение и стыд.

Поправила блаженства завиточки,
Браслетик возбужденья на руке.
Уже готово счастье на цепочке
И нежность на высоком каблуке.

Напрасно я поверила в посулы,
Ты не пришёл! И это не впервой.
А я уже и радость натянула,
Хотя размер давно уже не мой.

Напялила, как дура, ликованье,
Восторги нацепила втихаря.
А сверху нахлобучила желанье.
Ну, это вообще, конечно, зря...

Чтоб моему не следовать примеру,
Я вам совет простой сегодня дам:
Ищите, девки, радость по размеру,
По силам, весу, росту и годам.

Слава – женщинам!

*Как бы мы ни пыжились,
В грудь себя стуча,
Но из женщин вышли все,
Жизни получа!..*

Вячеслав Карташов, Нижний Новгород

Мы из женщин вышли все,
Жизни получа.
Вон как грудь колыхается,
К вам прильнуть хоча!

В души наши входите,
Сердце отпертя,
И с ума нас сводите,
Головы вскрутя.

Только вам и хочется,
Нежности вкуса,
Посвятить всё творчество,
О любви писа!

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Андрей НОВИКОВ

Липецк

Любование природой

Видя, как ветерок в вальсе медленном
Гладит кроны в прекрасный денек,
Опущу аппарат тазобедренный
На ближайший удобный пенек.

Как милы эти дали пологие,
Как нежны эти пажити, блин...
Сфокусирую офтальмологией
Журавлей улетающий клин.

Я травинку жую разноцветную,
С тонких листьев росинки пия.
И мои вкусовые рецепторы
Ощутят аромат бытия.

Вот березка, кручинясь, наверное,
Понимает свой гибельный срок,
И система моя, слишком нервная,
Совершает в душе кувырок.

Травы радость доставят экологу,
Сообразно являя цветы.
Разве помощь нужна аллерголога
В постижение такой красоты?

В иве грусть до конца обоснуется,
Формируя плакучий припев.

Ручеек пропоет аллилуйя,
Отойди от меня, терапевт!

Я родился как будто бы заново,
Пусть природе сие невдомек.
Куропатки семейства фазановых
Прилетели ко мне на манок.

подавив самоедства терзания,
Я, пыхтя, над силками завис...
Мне физический факт любования
Дорог, как и практический смысл.

Завещание

На склоне промелькнувших лет,
Шагнув душой в нотариат,
Я завещаю вам рассвет
И завещаю вам закат.

Покуда мой императив
Упорно дружит с головой,
Я завещаю вам прилив
И завещаю вам прибой.

Пусть злобно жаждет алчный кум
Мое наследство каждый день,
Я завещаю ветра шум,
И тень, и вкупе с ней плетень.

Я шлю родне большой привет
И этим несказанно рад,
Я завещаю лунный свет,
Внезапный летний звездопад.

Забыв про суету столиц
И отказав второй жене,
Я завещаю пенье птиц,
Благообразное вполне.

Осмыслив бытия итог,
Бессмертье строчками поправ,
Я завещаю пыль дорог,
Непостижимый шелест трав.

А следом, что ни дать ни взять,
Но принимая, не взыщи,
Я завещаю благодать
И камень, сброшенный с души.

Но съев на ужин винегрет,
Склонивши голову ко сну,
Пойму, что это полный бред
И завещанье отзову.

Андрей ДЕМЕНЮК

Санкт-Петербург

Из цикла «Строки»

Строки казуистические

Пусть не Гойя, а другой я,
И ровняться с ним не смею,
Нечто общее такое
Я с великими имею.
По талантам, что от Бога,
Я любому в чём-то равен:
Я стихи пишу, как Гоголь,
А романы – как Державин;
Как певец – я ровня Фета;
Я рисую как Чайковский;
Ну и в области балета –
Я хорош, как Маяковский;
Я играю на рояле
Точно так же, как Есенин;
А Толстой меня едва ли
Лучше мог сыграть на сцене.

И, конечно, композитор
 Я такой же, как и Пушкин!
 Что ж за это не прибита
 Мне корона на макушке?

Строки синоптические

С утра войти во двор
 И сразу обнаружить,
 Что очень-очень зря
 Не уточнил прогноз.
 Тут морщит гладкий лоб
 Задумчивая лужа...
 И ей Гидрометцентр
 Сюрприз свой преподнес.
 Он обещал тепло
 И солнце на рассвете,
 Но с севера циклон
 Внезапно к нам проник.
 Смешал со снегом дождь
 Борей – бариста ветер,
 Назначив на апрель
 Арктический пикник.
 Когда в сенате врут
 Трибуны, консул, цензор,
 Не верить я привык.
 Но это – прецедент...
 И, завернувшись в плащ
 Стоически, как Цезарь,
 Как Цезарь же скажу:
 И ты, Гидрометцентр!

Строки критические

Говоря практически,
 Я не жил фактически.
 Пусть теоретически
 Был живой и здесь.

Но, сказать критически –
 Роль свою сценически
 Просто феерически
 Запорол как есть:
 То острил аттически,
 То молчал нордически...
 Чисто поэтически –
 Вечно невтопад.
 И терял мистически
 Время зря хронически.
 А его физически
 Не вернуть назад.
 Так что, исторически,
 А не риторически,
 Я, вполне логически,
 Был – фантом, пустяк...
 Я тут был – оптически
 И метафорически.
 Вон как тот фаллический
 На заборе знак...

Строки скептические

Какую б новость нам на завтрак
 Ни нёс сегодня гул вестей,
 Но старость, что приходит завтра,
 Поймёт, что нету новостей.
 Минута славы языкаста:
 На миг по силам ей вполне
 Вдруг удивить Экклезиаста,
 И под луной, и на Луне,
 Но нечего вписать в анналы
 И даже описать в эссе...
 У Клары Карл украл кораллы...
 А Саша шлялась на шоссе...
 Понтифик в луковом отваре
 Покрасил яйца Фаберже...
 Всё на земном воздушном шаре
 Случалось некогда уже.

И то забавно, что, в итоге,
 Века уместятся в ВК...
 Людьюми играют в скуке боги,
 Но, к счастью, чаще – в дурака.

Строки софистические

Относительности учит
 Быстро небо октября.
 Неподвижны вроде тучи,
 Но они быстрее тебя.
 Хоть они на вид не больше
 Нами видимых небес,
 Но ведь тянутся до Польши,
 И так далее в ЕС.
 И по всей Европе лица
 Разных рас и языков
 Одинаково укрыться
 Норовят от них под кров.
 И от Рима до Валдая
 Тучи льются на людей,
 Всех дождем объединяя
 Понадежнее идей.

Строки героические

Я – орлом взлетевший ввысь,
 Камнем падаю назад.
 И кричат мне все: «Держись!»
 Но за что – не говорят.
 Я умней теперь раз в сто –
 Озаренья горек шквал.
 Знаю я теперь «за что»,
 Только я уже упал.
 Я смотрю угрюмо ввысь.
 Там герой настиг зарю...
 Я кричу ему: «Держись!»
 Но за что – не говорю...

Эдуард КУЗНЕЦОВ

КЛАССИКИ НА КОНЧИКЕ ПЕРА

Россия всегда была сильна своими литературными традициями. Литература всю жизнь сопровождала людей, помогая найти опору в сложных ситуациях, подсказывая нужные ориентиры, способствуя верному моральному и эстетическому выбору. Менялись времена, эпохи, но писатели оставались верны этим задачам.

Сравнивать современных авторов и авторов былых времён непросто: слишком многое меняется в жизни. Классики могут поспорить с современными писателями о понимании сути человеческой природы, а нынешние авторы, пожалуй, превзойдут их в оценке воздействия бешеного ритма жизни на чувства и поступки людей. Вряд ли можно сомневаться в художественном превосходстве писателей XIX века над достижениями прозаиков и поэтов века XX-го. Но это не создаёт у современных авторов чувство ущемлённости и не мешает делать своё дело. Случающиеся намёки на сравнительные характеристики писателей разных эпох не могут восприниматься вполне серьёзно и потому сразу же начинают обрастать ироническими комментариями в виде пародий и эпиграмм.

Литература – дело живое, не имеющее закорючелых рамок: то, что было вчера, легко находит дорогу к современности, а сегодняшние литераторы пригоршнями черпают идеи и вдохновение у маяков прошлого. Тесные контакты былого и нынешнего можно при желании наблюдать и в прозе, и в поэзии любых эпох.

Переключка с классиками носит взаимный характер: не только современные литераторы заглядывают в прошлое, но и представители литературы былых лет прозорливо угадывают будущее. В 30-е годы прошлого века популярно было характеризовать особенности текущего момента с помощью цитат из известных произведений XIX века (о них ещё будет разговор впереди). В 1928 году Аргу и Галицкий с помощью Грибоедова и Крылова как бы заглянули в наше время. Вот мнение Грибоедова об инерционной практике идеологов застойных лет:

Летит, гремит агитнабат –
Навстречу праздникам и Октябрю и Маю –
«Не образумлюсь, виноват,
И слушаю – не понимаю».

А вот реплика Крылова, которую можно распространить уже и на сегодняшние международные события (включая пресловутые санкции и многое другое):

Американские державы
Нам визы не дают с обиды иль со зла –
«Наделала синица славы –
А моря не зажгла».

Иногда классикам задним числом приписывается реакция на всевозможные промахи и недостатки, сопутствующие нашей повседневности. У многих ещё не выветрился из памяти книжный дефицит 60–70-х годов. Купить хорошую книгу было нелёгкой задачей, хотя полки книжных магазинов не пустовали. В. Лаушкин в пародийном цикле «Поэты о книжной торговле» от лица С. Есенина высказал претензии книгоиздательской политике тех лет:

Я гляжу на книжные витрины,
Глубоко обиду хороня.
Нет на них Цветаевой Марины.
Нет на них, товарищи, меня...

Сейчас в магазинах полки ломаются от переизданий поэтов. Но и это положение устраивает далеко не всех.

Молодые (и не очень) современные поэты, пытающиеся завоевать популярность, очень недовольны массовыми изданиями стихов тех, кто по праву занял верхние строчки в рейтингах. А. Пьянов в пародии на Л. Васильеву писал:

Однако мы держимся стойко,
и верим – настанет черёд:
народ нас увидит, как только
на Пушкина мода пройдёт.

Были и более конкретные обиды. И. Нелин о претензиях Т. Глушковой:

Её бесит, что так почитаема
Не Глушкова, а некто... Цветаева!

Наряду с интересом к классике вошла в моду театральная тенденция переделки известных сочинений в угоду «продвинутым» современным режиссёрам. «Новое прочтение» порой полностью меняет смысл пьес, поведение героев, временные рамки... В последнее время это происходит чересчур дерзко и без должной критической оценки. А подобное «соавторство» с классиками известно давно. Популярных писателей нередко приглашали для адаптации классических произведений для театральных постановок. Ныне полузабытый поэт В. Луговской пользовался в 30-е годы немалой славой. А. Архангельский писал о нём:

Его талант в расцвете сил,
Он трижды храбр – к чему лукавить?
Его Таиров пригласил,
Чтоб слог у Пушкина подправить.

Луговской тогда принимал участие в создании композиции для спектакля «Египетские ночи» в Камерном театре.

В качестве переработчика выступал и М. Булгаков: он переводил на сценический язык «Мёртвые души» Гоголя. На его работу откликнулся Аргу:

Друзей имею массу –
 Ну просто спасу нет!
 Со мной всегда Некрасов
 И Афанасий Фет.

К ним свободно обращаются на «ты» с беспардонными предложениями. А. Иванов на Е. Евтушенко:

Есенин, дай на счастье руку мне.
 Пожми мою. С тобой дружить желаю.
 Давай с тобой полаем при луне.
 Ты помолчи. Я за двоих полаю.

Доходит до того, что классиков начинают называть просто по имени, как дворовых приятелей, (как это делает В. Долина, сожалеющая о нынешней нехватке гениев, в пародии А. Иванова):

Всё фигуры из картона,
 Всё банальные слова...
 Нет Ивана, нет Антона,
 Нету Феде, нету Льва.

От запростецкого отношения к великим один шаг до ощущения их нынешнего пребывания в нашей суетной повседневности. Присутствие их обыгрывается двояко: от почти-тального соучастия до беглого и порой пренебрежительного контакта. Чаще всего взаимодействие с классиками у современных поэтов происходило в результате личных встреч. По большей части встречи случались во время прогулок.

М. Сточик на Б. Окуджаву:

Как мне повезло! Выхожу я однажды на улицу
 купить папирос и смотрю: у Никитских ворот
 в крылатке своей Александр Сергеич прогуливается...
 Узнает меня? Подойдёт или не подойдёт?

А. Иванов на М. Борису:

У моего подъезда
 Остановились как-то «Жигули».

Суров как мечь,
 неотвратим как бездна,
 Выходит Пушкин вместе с Натали...

А. Иванов на О. Дмитриева:

Я иду, поэт Олег Михалыч,
 Весь в наградах, важен, знаменит.
 А навстречу Гавриил Романыч
 По дороге мелко семенит.

А за ним – Крылов Иван Андреич
 Вышел и почтительно глядит.
 Тут, конечно, Александр Сергеич –
 «Не побрезгуй нами», – говорит.

Бывают домашние встречи, встречи гостевые. А. Архангельский на М. Светлова:

Вдруг дверь отворилась
 И Гейне вошёл.
 Талантливый малый,
 Немецкий поэт,
 Вошёл и сказал он:
 – Светлову привет!

А. Иванов на В. Туркина:

Город спит и во сне улыбается,
 В небе звёзды мерцают, маня.
 Александр Сергеевич мается –
 В изголовье сидит у меня.

Л. Лазарев, С. Рассадин, Б. Сарнов на К. Чуковского:

Я не смею утверждать, что был близок с Александром Сергеевичем. У нас было всего несколько мимолётных встреч.

Даже когда он был молод и малоизвестен, меня поражала его независимость, его всегдашнее стремление показать, что оно не нуждается в моём покровительстве. Может быть, именно поэтому в моей «Чукоккале» нет ни одной записи, сделанной его рукой.

Отдельный случай – неоднократные контакты с классиками В. Катаева. Во-первых, они не были единичными и, во-вторых, всегда отличались дружелюбием и взаимопониманием. Л. Лазарев, С. Рассадин, Б. Сарнов об одесской встрече с Пушкиным:

«Впервые господь судил мне, – сказал Пушкин, – встретить такого талантливого человека, как вы, Валя. Дарю вам свой любимый сюжет».

О других встречах Катаева с не менее экзотическими персонажами – в пародии В. Владина:

Валентин Петрович показывает мне альбом с фотографиями. Вот он стоит рядом с каким-то незнакомым бородатым, босым стариком в толстовке, вот он сидит рядом с автором «Илиады», который, близоруко щурясь, читает ему отрывки из «Одиссеи»...

Иногда поэты, не дожидаясь прихода классиков, сами стремятся увидеться с ними. М. Владимов на Л. Ошанина:

Где путь в бессмертье? Как найти?
Что делать?
 Кого спросить? Нет гениев. Почти.
 Приходится то к Лермонтову сбегать,
 То к Пушкину визитик нанести...

Вспоминая о приезде И. Пущина к опальному Пушкину, Л. Тёмин в пародии А. Иванова задаётся актуальным вопросом:

Не то мы возим к Пушкину, поэты!
 Венки, букеты – право ни к чему.
 Доклады, оды, хилые сонеты...
 Да с тем ли надо
приезжать
к Нему?

Каждый может предложить свой ответ на вопрос, провозирующий современную догадку.

Впрочем, в гости можно приходить не только к реально существовавшим литераторам, но и к их памятникам. Л. Лазарев, С. Рассадин, Б. Сарнов описали подобный случай с А. Вознесенским:

Спасибо вам, памятник Владимиру Маяковскому! Вчера ночью я подарил вам стихи. Но утром они исчезли. Я знаю, зачем вы положили их в карман ваших чугунных штанов.

Предполагается иногда, что не только мы изучаем творчество Пушкина, но и он сам вроде как в курсе дел современной поэзии. В пушкинские дни 1937 года в «Вечерней Москве» был опубликован цикл М. Пустынина с высказываниями памятника Пушкину о популярных в то время поэтах.

Пушкин об И. Уткине:

Я удаляюсь в века,
 Взгляд утешительный бросив:
 Буду я славен, пока
 Жив будет Уткин Иосиф.

Памятник о А. Жарове:

На пьедестале не желаю
 Стоять и летом и зимой.
 Тебе я место уступаю
 Ты, Жаров, за меня постой!

Внимание к творчеству классиков рано или поздно приводит писателей к попыткам осмысления их жизни, к интересу к этапам развития личности. Для создания убедительных жизнеописаний им приходится надолго погружаться в детали их жизненных и творческих перипетий. И тут возникает множество вариантов: кто-то в своих произведениях делает упор на воспроизведении общей обстановки, окружающей гения (эпоха, страна, события), кто-то прочерчивает подробную схему биографии, кто-то пытается увязать личную жизнь с нюансами творчества. Разнообразие подходов, стремление к индивидуальному взгляду на дела минувшие иногда приводят к чересчур своеобразным трактовкам жизни

по перу. О восхищённых отзывах уже упоминалось, но существует ещё целый пласт субъективно высказанных впечатлений, в которых авторитеты частично теряют «хрестоматийный глянец». Не в пользу современных (или не столь отдалённых по времени) авторов сравнение ихopus с достижениями современников.

Ю. Тынянов на В. Маяковского:

Оставил Пушкин оду «Вольность»,
А Гоголь натянул нам «Нос»,
Тургенев написал «Довольно»,
А Маяковский «Хорошо-с».

Арго на Ф. Гладкова:

Я обвиняю Фёдора Гладкова
За то, что обронил он где-то слово –
Мол, Пушкин не дал ничего ему.
Ах, этот факт заметен по всему!

Е. Полонская на А. Толстого:

Наследства получил он два,
Небесполезных, молвим к слову:
Известность от Толстого Льва,
Развязность от Козьмы Прутков.

Трудно при хорошем знании литературы в подходящие моменты избежать цитирования летучих фраз из творений гениев. Любой за свою жизнь уж точно заучил хотя бы пару-тройку стихотворений, которые по удобному случаю могут прийти на ум. У поэтов память на стихи обострена: они помнят как свои собственные, так, разумеется, и классические. Цитаты в кавычках (и без) сопровождают их по жизни и даже входят составной частью в произведения, более того – случается и мешанина собственных строк с уже известными. Пародисты сразу ощущают словесную крошку и мгновенно реагируют на неё. Иногда это происходит остроумно и находчиво, как в пародии В. Теплякова на Г. Касмынина:

Только вёрсты полосаты
Вдоль дороги столбовой...
Помню тётку, глушь, Саратов,
Образ нежный и простой...

...Ты жива, моя старушка!
Жди меня и я вернусь.
Выпей с горя (где же кружка?)
Не тая на сердце грусть...

Подобная мешанина случается и в пародиях прозаических, как у А. Иванова на М. Анчарова:

Мой дядя, самых честных правил, когда не в шутку занемог животом, позвонил и попросил непременно зайти. Я пошёл. Вот парадный подъезд, в котором не только по торжественным дням, а всегда пахнет водкой, кошками и ещё чем-то... (и так далее на полстраницы. – Э. К.).

Знание классического наследия помогает иногда оригинально характеризовать текущие явления жизни и литературы. В 20–30-е годы прошлого века был популярен приём создания эпиграмм из классических цитат. Отличался в этом некто И. Удушьев, воссоздавший образы популярных писателей с помощью цитат из произведений И. Крылова, А. Грибоедова, Н. Гоголя.

Из «Горя от ума» на С. Кирсанова:

А этот, как его...
Тот черномазенький на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут
Куда ни сунься: тут как тут...

Из басен И. Крылова на И. Уткина:

А жаль, что не знаком
Ты с нашим петухом:
Ещё б ты больше навострился,
Когда бы у него немного поучился.

Из «Записок сумасшедшего» на Б. Пильняка:

Чрезвычайно неровный слог! Тотчас видно, что не человек писал. Начнёт как след, а кончит собачиною...

Впрочем, для некоторых склонность к цитированию может превратиться в болезнь. Когда своих мыслей маловато, приходится занимать их у людей талантливых. С. Васильев:

С виду рукопись богата,
а копнёшь её до дна –
тут цитата,
там цитата
и ещё вон там одна.

И бредут рядком, скучая,
от тире до запятой
Чернышевский, Докучаев,
В. Ключевский
плюс Толстой.

Склонность к болезненному цитированию отмечалась у весьма известных авторов. М. Пустынин обвинил в этом М. Шагинян:

В вас тьма учёных благ.
Да, вы дошли до точки:
Без Гёте ни на шаг,
Без Гегеля – ни строчки.

Память на классика коварна: она предполагает явное или неявное подражание тому, что когда-то понравилось и запало в душу. А. Пьянов:

«Ах, как не просто муз служенье» –
Вам скажет каждый, кто творил...
«Бывают странные сближенья» –
Когда-то Пушкин говорил...

Об этих «странных сближениях» сатирики пишут поразному: и тонкими намёками, и откровенными насмеш-

ками. Кто-то кивает на совпадающие интонации, как Б. Кежун на В. Цыбина:

Чтоб пороша – так пороша!
Чтобы дым – так дым густой!
Чтоб писать – как граф Алёша
Константинович Толстой!

Кто-то намекает на явные перепевы давно знакомого, как Э. Кроткий на В. Казина:

Работа, право же, тонка,
Изыскан стиль – не надо лучшего.
Поэт, возможно, от станка.
Но, говорят, станок от Тютчева!

Существует распространённое мнение, что заимствование и подражание – всего лишь один из обычных литературных приёмов. Как писал в 1925 году Арго в книге «Политическая пародия»: «Для нас Пушкин это – река, из которой любой напьётся, а реки не убудет». Отсюда и выводы: можно при желании писать под кого угодно. В. Волин в пародии на В. Сидорова:

Даю официально справку:
Пусть пишут, коль имеют дар,
Под Сарояна, Пруста, Кафку
И под Симону Бовуар.

В руке перо держать умея,
Пусть пишут с ночи до зари
Под Бёлля, под Хемингуэя,
И Сент – как бишь? – Экзюпери.

Это допущение оправдывает склонность не только к явному подражанию, но и к прямому заимствованию у предшественников. В. Баткин на И. Волгина:

О классики!
Язык как чешется!
Мои набег так легки!

– А я и сейчас могу запеть, – ответила Оля и уже было открыла рот, чтобы исполнить свою любимую песню. Вот вредина! Я заткнул уши и забубнил себе под нос.

– Исаак Ньютон родился в деревне Вул... Вул... да что ж ты будешь делать, кто такие названия только придумывает... Вулсторп в Англии. Так, понятно, в Англии... Несмотря на слабое здоровье, учёный прожил 84 года.

– Сколько-сколько? – переспросила Оля. – 184?

Меня начало немного потряхивать.

– Однажды осенью Ньютон гулял по яблоневому саду и увидел, как падает яблоко. И тут его осенило!

Оля хмыкнула: «Подумаешь, яблок, что ли, раньше не видел! Вот если бы он увидел, как с яблони упал арбуз, тогда было бы чему удивляться. А тут яблоко какое-то! Раз он так удивился, то никакое это было не яблоко, а самый настоящий а р б у з!»

Пришлось выгнать сестру из комнаты. Правда, в конце статьи я прочитал, что Ньютону повезло ещё меньше: у его родителей было восемь детей, а Исаак – единственный мальчик.

Наконец я вернулся к Пушкину. Но солнце русской поэзии оказался чересчур обидчивым. Вальс-то я прервал на самом интересном месте. Поэт долго переминался с ноги на ногу. Да и дама уже начала зевать. Пушкин хотел вызвать меня на дуэль. И даже бросил перчатку, но промазал. Лучше бы бросил в меня готовым докладом по физике.

– Да ну тебя, Костя Семечкин, – махнул рукой поэт. – Пойду лучше к Ивановой Наташе в сочинение. Я у неё тоже светский лев.

И ушёл.

Пришлось вырывать листок и писать заново. Мама сказала, что у Пушкина было четверо детей. И он был отличным отцом. Думаю, русичке Алле Николаевне такое сочинение понравится. У неё тоже четверо детей. Пусть не думает, что только ей так повезло.

За окном уже стемнело. А у меня ни сочинения, ни доклада. Так-так... Начнём с чистого листа. Однажды Александр Сергеевич играл со своими детьми в... Не в лего же! И не в машинки! Интересно, а лото в то время было? В общем, просто играл. В прятки! Залез он в большой сундук с

платьями своей жены Натальи Николаевны. И сидит ни жив ни мёртв. Думает, как бы не чихнуть, пока дети его ищут.

И нашли бы, если бы не снова моя вредная сестра Оля. То её покормить надо, то поиграть с ней. Родителям не до нас. Папа готовится к завтрашней лекции. Он, между прочим, преподаёт в литературном институте. Учит молодые дарования раскрывать в себе поэтов и писателей. Глядишь, и нового Пушкина откроет. А мама у меня (только не смейтесь) – тренер по боксу. У неё домашняя тренировка сейчас. Мне иногда кажется, что, если бы барышни позапрошлого века знали пару приёмов, дуэлей было бы гораздо меньше.

Так вот, пока я с Олей занимался, поэт сидел-сидел в сундуке да и расчихался. Тем и выдал себя. А проигрывать он не любил. Даже своим детям.

– Знаешь, Костя Семечкин, – сказал он мне. – Пойду-ка я в сочинение Любы Петровой. Я у неё тоже отец семейства. Только она не заставляет меня в сундуки прятаться и нафталином дышать.

И ушёл.

Тогда я решил, что напишу про Пушкина в Болдине. Лишь бы Оля не мешала. В прошлом году мы были там всей семьёй. Осенью. Золотисто-огненные клёны отражались в воде круглого озера. Горбатый мостик, как будто небрежно перекинутый с одного берега на другой, создавал неповторимый романтический образ этого места... Маленький, уютный домик так и просился на открытку.

– Стоп, Костя Семечкин, – приказал Александр Сергеевич. – Разве так описывают Болдино? Ведь поехал я туда вовсе не в творческий отпуск, а по хозяйственным делам. Открывай-ка ты не Википедию, брат Костя, а что-то посерьёзнее.

И снова ушёл.

В моё окно светит круглая луна, за окном хлопьями валит снег, того гляди засыплет к утру весь город. А я вновь сижу перед чистым листом бумаги и не знаю, кто такой Александр Сергеевич Пушкин. Уж слишком большая фигура – солнце русской поэзии, чтобы вот так, описать великого поэта в школьном сочинении!

ВОПРЕКИ СУЕВЕРИЯМ

Глава 1

Сегодня я решил, что больше никогда не влюблюсь.

– Она мне ничего не ответила. Понимаешь, ни-че-го! Первый раз за четырнадцать лет жизни признался девушке в любви, а она вернула записку пустой, – говорил я с нажимом и изо всей силы пинал смёрзшиеся комья снега.

– Угу, – сказал Санёк, заталкивая в рот пирожок с капустой.

– Да перестань ты жевать, – я разозлился не на шутку. – Уже, наверное, вся школа ржёт надо мной, а ты пирог ешь.

Санины голубые глаза пронзили меня насквозь.

– А что с ним ещё делать? Выкинуть? Мой любимый с картошкой! Между прочим, последние тридцать рублей потратил.

Пирожок уменьшился вдвое.

Мне стало смешно. И мы оба расхохотались.

Снег обнаглел окончательно. Шёл всё утро, пока мы грызли гранит науки. И сейчас не церемонится. Идёт прямо по нам. Солнце скрылось за пеленой растерзанного небесного паруса.

А мы шагали в сторону дома. Я и Саня. Мой лучший друг. Живём в одном подъезде. Я на третьем, а он на девятом этаже.

Свернули от школы в проулок. Здесь от тротуара осталась только узкая тропинка. Пришлось идти друг за другом. Гуськом, как говорит моя бабушка. И походка у нас гусиная. Переваливаемся с боку на бок. Я достал из кармана куртки телефон, чтобы заснять Санину походку. Обернулся, и тут на меня налетела какая-то пигалица.

– Ой, извини, – услышал я, наклоняясь за упавшим телефоном. А девчонка уже неслась дальше, ловко маневри-

руя на узкой тропинке. Белый большой помпон на её вязаной голубой шапке качался из стороны в сторону. В такт кожаному рюкзаку на спине.

– Эй, голубая шапка...

Куда там! Ускакала!

Видео снять не удалось, телефон завис. Выключил-включил. Реанимация не помогла. Разноцветный экран поморгал на прощание и погас.

– И что теперь делать? – спросил я, одновременно обращаясь к другу и ко всей Вселенной.

– Снег попал. В ремонт надо, – быстрым взглядом опытного юзера оценил Саня.

Он кивнул головой вправо.

– Рядом с библиотекой есть хорошая мастерская. Я телефон летом в фонтане утопил. Спасли.

Решили идти туда. Пять минут гусиной походкой. Саня подёргал ручку на белой пластиковой двери, потом протёр перчаткой запорошенную табличку у входа.

– Перерыв с 14 до 15. Ещё полчаса. Мы тут в снеговиков превратимся за это время, – сказал я, отряхивая с капюшона сырой снег.

– А может, погреемся пока?

Саня кивнул на соседнюю дверь.

– Котокафе «Усатые-полосатые», – прочитал я вывеску. – Не, только не туда. Я, знаешь ли, не любитель котов.

– Ты просто ни разу там не был, – Саня потянул меня за рукав куртки.

Прямо с порога в нос ударил аромат кофе. Вроде приличное место. Сели за ближайший свободный столик.

– Здесь платить нужно за время. А чай или кофе с печеньем входит в стоимость, – с видом знатока втолковывал мне друг.

Я смирился. Надо же было куда-то деть эти полчаса.

Следующие минут десять я слушал про то, как коты помогают лечить людей.

– Ты мне напоминаешь мою бабушку, – прыснул я. – Она тоже своего Ваську то на голову себе кладёт, то на живот. Кототерапия называется.

Саня мог бы и обидеться. Но вместо этого посоветовал погладить котика, чтобы забыть неразделённую любовь.

– Забудешь тут, если лучший друг напоминает, – огрызнулся я.

Но коты, как назло, видимо, были из рода лекарей, так и липли ко мне. Гладь, мол, нас, лечись. А я сумасшедший, что ли?! Потихоньку отодвигал их ногой от стола. И тут Саня показал пальцем на тумбочку в дальнем углу рядом с большим фикусом. На тумбочке свернулся клубочком большой чёрный кот.

– Вот кто нам нужен! – потирая руки, сказал он.

– Ещё чего не хватало, – я покрутил пальцем у виска. – Чёрный кот?

Саня усмехнулся:

– Интересно, что скажет Веселова, когда узнает, что ты в суеверия веришь?

– А что она скажет, когда узнает, что я лечусь от неё с помощью чёрного кота?

Но Саня меня уже не слушал. Он стащил с тумбочки котяру и положил мне на колени.

Кот жалобно мяукнул.

– Вот и я говорю, что Саня дурак, – втолковывал я коту, как маленькому. Я попытался поднять его, но он вцепился мне в брюки и ни в какую не хотел уходить. И тут я посмотрел коту в глаза и увидел... себя! Я оказался внутри кота! Ладно, чёрный, сиди сколько хочешь. Почесать тебя за ухом? А это что такое?

Нашупал руками кожаный ремешок с защёлкой на шее кота. Щелчок! И на пол из ремня выпала бумажка. Поднял, развернул. Чернила от ручки расплылись. Ничего не понятно.

Саня заглянул через плечо.

– Может, здесь адрес был написан на случай, если кот потеряется? В кафе же только брошенные да потеряшки живут.

– Может... – задумчиво протянул я.

Неожиданно мне в голову пришла интересная мысль. Я достал из рюкзака тетрадь по алгебре, вырвал из неё листок, сложил вчетверо, потом разорвал по сгибам. И написал на четвертушке: «Привет. Я Костя. А тебя как зовут?»

Саня усмехнулся:

– Ты думаешь, кто-то найдёт эту записку?

Я пожал плечами.

– Просто весёлая игра. Вдруг ответят.

Замок на ремешке защёлкнулся, спрятав мою записку. Пятнадцать ноль-ноль. Пора в мастерскую. Вспомнил Голубую Шапку, как я её назвал про себя. Одни неприятности от этих девчонок.

В мастерской не обрадовали: забрали телефон в ремонт на два дня. Катастрофа!

Глава 2

Вторую неделю я учусь в новой школе и понемногу начинаю привыкать. К этому легче привыкнуть, чем к разводу родителей. Мама не могла найти в себе силы, чтобы остаться с папой в одном городе. И вот теперь я и мама живём с бабушкой в другом.

Жизнь с чистого листа так похожа на землю под первым снегом. Пиши что хочешь и как хочешь. Чтобы отвлечься от надоедливых мыслей-тараканов, я записалась волонтером в котокафе и ветеринарку. Нашего Персика пришлось оставить папе. У бабушки аллергия на котов.

После уроков открыла ежедневник. Сегодня надо успеть забежать в котокафе, а завтра по плану ветеринарная клиника.

Я выскочила пулей из класса. Раз-два, прыгаю через ступеньку. Эхом крик дежурных в спину. В раздевалке не с первого раза попала в рукава пуховика. Шапка – на голову. Я готова. Выскакиваю зайцем на улицу.

– Да, мама, слушаю, – отвечаю на ходу на телефонный звонок. – Что? Не слышу.

Старенький, дребезжащий по заледеневшим рельсам трамвай перекрывает мамин голос.

– Поняла, зайду.

На улице снова снег. Ну и пусть. Заметает всю прежнюю жизнь, со всей силы врзается мне в лицо. Сотни мини-аварий ежеминутно.

По просьбе мамы лечу за младшей сестрой в детский сад. Мама снова на дежурстве в больнице допоздна. Вообще не положено отпускать ребёнка с другим практически ребёнком из детсада. Но все знают, что мы без папы. А бабушка часто болеет.

Узкая тропинка не даёт возможности маневрировать. Обгоняю одного парня по сугробу, возвращаюсь на тропинку и с разбегу врезаюсь в другого. Вечно мальчишки тормозят! Противный снег залепил глаза. Бросаю на ходу «извини».

Слышу вдогонку что-то про голубую шапку. Шапка как шапка, ничего особенного, бабушка связала на день рождения. Останавливаться некогда.

Вдалеке уже виднеется ярко-зелёное здание детского сада. Катя ждёт меня в раздевалке.

Как два полярника, мы идёт сквозь снег и прокладываем тропинку по нечищеному тротуару. Заходим в магазин, покупаем корм для котов. Пообещала вчера сестре, что свожу её в котокафе. Она скучает по Персику.

Снова бредём сквозь пелену снега. Я ловлю руками снежинки и Катю на скользком перекрёстке. Смотрю на сестру. Губы сжала, взгляд решительный. Как будто не в котокафе идёт, а Эверест покоряет.

Дошли. Рядом со входом окно. На подоконнике рыжий комок свернулся клубочком. Тут же пристроился серый кот невероятных размеров из-за густой и длинной шерсти. Катя разжала губы и улыбнулась. Кототерапия в действии.

Мои подопечные как будто ждали меня. Только мы вошли в кафе, подоконник опустел. Оба кота подлетели и стали тереться об ноги. Пакет с кормом я отдала хозяйке.

Среди всех усатых выделялся чёрный, державшийся особняком. В кафе он поселился недавно, подобрали рядом с уличной мусоркой. Хозяев пока найти не удалось. Кот смотрел на всех снисходительно, чуть сощутив глаза. Как будто знал больше об этом мире, чем все остальные. Вроде что взять с вас, простых котов. То ли дело я, учёный, выдавший виды кот. Такая философия казалась мне забавной, но и злила одновременно. Почему все коты как коты, а этот царь, царевич, король, королевич? Нет, так дело не пойдёт.

– Куда ты его тащишь? – спросила Катя, когда увидела меня с чёрным котом.

– Хочу его немного спустить на землю, котолизировать.

– Что сделать?

– Научить общаться с другими котами.

Катя пожала плечами. Вроде как мне заняться нечем. Вон сколько милых котиков, которые и гладить себя дают, и сами приходят.

Чёрный кот растекался маслом по моим коленям. Неожиданно на шее под густой шерстью я нащупала ремешок. Что-то щёлкнуло и из ремешка выпала бумажка.

«Привет. Я Костя. А тебя как зовут?» – прочитала я на листке в клетку и почувствовала, что краснею. Только этого мне хватало!

– Что там написано? – Катя заглянула ко мне через плечо. Но читать она умеет только печатные буквы. Размашистый почерк ей пока не под силу. Может, и к лучшему.

Я махнула рукой.

– Так, ерунда.

Пока Катя ходила в туалет, я достала записку и приписала: «А меня – Яна. Мне 13 лет, а тебе?»

Спрятала записку обратно, защёлкнула замок и отпустила кота. Чёрный пушистик помахал на прощание хвостом и вернулся на тумбочку. Что я наделала!

Глава 3

Следующий день растекался киселём. Каждая минута капала и зависала, капала и зависала. Быстрее бы завтрашний день, когда можно забрать телефон.

Наконец уроки закончились. Шагаю по лестнице через ступеньку. Раз-два-три, раз-два-три, площадка. Раз-два-три, раз-два-три, площадка. Поворот. Раздевалка. Дальше как в кино: захожу медленно, иду вдоль рядов курток, запинаясь о сапоги, брошенные в проходе, смотрю на себя как бы со стороны. И вижу её. Голубую шапку! Ту самую, с большим белым помпоном! Она лежит на лавочке рядом с табличкой «7 Б». Голова соображает туго. Так... Значит, её хозяйка учится в нашей школе. Хотел бы я посмотреть этой пигалице в лицо.

– Ты чего тут зависи? – спросил подошедший Саня.

Я молча кивнул на шапку.

– А... – не сразу дошло до друга. – Так, может, это не она?

– Она, – заявил я. – Я другой такой не видел. Наверное, сама вязала.

Мы оделись и вышли в коридор. Взгляд упал на доску с расписанием. Отлично! У Голубой Шапки сегодня столько же уроков, сколько у нас.

Но на мою просьбу подождать на улице хозяйку головного убора Саня откликнулся неохотно.

– Мне бы в ветеринарку надо успеть. Мама попросила кошку отнести. Второй день не ест ничего, только лежит.

Последнее время представители кошачьих просто преследуют меня. Я пообещал другу, что схожу с ним, если он поможет мне выследить ту девчонку. Я и сам толком не знал, зачем хочу её встретить.

Мы вышли на улицу и встали на крыльце. Я втянул носом морозный воздух. Последний месяц года подекабрил деревья рядом со школой серебром. Красиво! Дверь выплёвывала учеников то кучками, то по одному. Прошло минут пятнадцать. Голубой Шапки среди них не было. Я вернулся в раздевалку. Лавочка опустела. Ни шапки, ни её хозяйки. Вот чёрт! Упустили! Ладно, зима долгая, рано или поздно встретимся.

Тротуары почистили после вчерашнего снегопада, а дороги посыпали солью и песком. Каждую зиму снег и песок ведут настоящую войну. Я люблю зиму, поэтому болею за снег.

После неудачи с шапкой захотелось попытаться удачу с запиской в котокафе. Саня вздохнул, но согласился зайти ненадолго. По дороге я считал фонарные столбы. Если их окажется чётное количество, значит, на мою записку ответили. Если нет, значит, и ответа не будет. Двадцать семь. Сегодня явно не мой день!

Чёрный котяра лежал на том же месте, что и вчера. Сердце стучало в висках. Тук-тук-тук. Руки дрожали. Неужели мне так важно, чтобы на записку ответили? Это всего лишь игра. Так я говорил вчера.

Пока никто не видит, я отстегнул ремешок на шее кота. Моя записка на месте.

«Привет. Я Костя. А тебя как зовут?»

«А меня – Яна. Мне 13 лет, а тебе?»

Я сложил бумажку, но Саня успел прочитать. Хихикнул и толкнул меня локтем.

– Любовь-морковь!

– Отстань!

Я уже сто раз пожалел, что затеял эту игру с записками. А вдруг это никакая не Яна?

Ладно, в конце концов, это только записка. Достал из рюкзака ручку и написал:

«А мне 14. Если хочешь пообщаться, жду тебя завтра за столиком у окна в 16 часов».

Теперь можно и в ветеринарку. Зашли к Сане домой, закутали кошку в плед и пошли в клинику.

Какая-то девчонка играла с котёнком в коридоре ветеринарки. Наивный пушистый комок бегал за красной точкой от лазерной указки. Мы с Саней замерли у входа.

Краем глаза зацепил своё отражение в зеркале в овальной раме на стене. Улыбаюсь как ненормальный. Всё-таки коты имеют власть над людьми.

Вдруг котёнок присел. Лужа! Вот так разбойник!

Девчонка щёлкнула слегка котёнка по носу и достала из кармана штанов пачку салфеток. Хорошо, что мне не нужно ни за кем лужи вытирать.

Зашли в кабинет. Толстая женщина-врач в шапочке с рисунками кошачьих лап и мордочек долго осматривала больную.

– Скорее всего, съела что-нибудь не то. Живот вон как раздулся. Оставьте до завтра, понаблюдаем, – вынесла она наконец свой вердикт.

Теперь можно и домой. Скорее бы в душ, пропах лекарствами с ног до головы.

Глава 4

На следующий день уроки пролетели незаметно. Иду аккуратно по лестнице, думаю о папе. Вдруг вспомнила, что забыла взять тему для реферата по биологии, возвращаюсь в класс.

Наконец спускаюсь в раздевалку. Почти все разошлись. Куда же подевалась моя шапка? Утром я положила её

на лавочку рядом с вешалками нашего класса. Растворила, как кусок сахара в стакане с горячим чаем. Неужели Козлов опять спрятал? Завтра получит! Ладно, есть капюшон. До ветеринарки добегу.

И вот я уже там. А это что за рыжее солнышко? Какой милый котёнок! А какой смешной! Красная точка от лазерной указки похожа на божью коровку.

Неожиданно дверь распахнулась, впуская декабрьский холод и двоих парней.

Я опустила голову и отвернулась, чтобы не встречаться с ними глазами. Но спиной почувствовала, как меня сканируют.

Рыжее счастье обрадовало лужей прямо посреди коридора. Ничего, будет ещё и у его лотка праздник.

Парни протопали в кабинет. Дверь не прикрыли. Слышно каждое слово.

А у меня в голове только одна мысль: зачем я ответила на ту записку? Может, это никакой не Костя? А маньяк? Дура, вот дура! Ругала себя, и в то же время жгучее желание продолжать переписку не давало мне покоя.

«Ладно, – решила я. – Посмотрю на записку. А там видно будет». От ветеринарки до котокафе два квартала. Загадала: если мне по пути встретится чётное количество людей, значит, на записку ответили. Если нет, то и ответа не жди. Как назло, людей было мало. А точнее – девять.

Кого я обманываю. Трясущимися руками взяла кота, который уже второй день работает почтальоном. Щелчок! Больше не буду верить своим прогнозам.

«А мне 14. Если хочешь пообщаться, жду тебя завтра за столиком у окна в 16 часов».

Точно маньяк!

Тараканы в моей голове вчера аплодировали стоя, когда я ответила на записку. А сегодня – притихли.

Глава 5

Сегодня я забрал телефон из ремонта. А Саня – свою кошку из клиники. До часа X – встречи в котокафе – тридцать минут. Пойду один. Всё-таки на свидание с другом

не ходят. Если это, конечно, свидание, а не шутка или обман.

Решил пока немного прогуляться. Облака пара изо рта похожи на сладкую вату. Мысли роятся в голове словно пчёлы. Я бреду куда глаза глядят. Так, стоп! Уже слишком далеко от кафе. Пешком обратно никак. Круглоглазый троллейбус бодро подкатывал к остановке. Если напрячься, то успею. Раз-два, раз-два.

– Ой, извини, – слышу я знакомый голос. И Голубая Шапка, обгоняя меня, впрыгивает в заднюю дверь. Я не успел. Чтоб тебя вместе с шапкой! Откуда она здесь взялась? Ждать другой троллейбус бессмысленно. Они здесь такие же редкие гости, как снег в Африке. А другого транспорта в этой части города просто нет. Без вариантов: пешком.

Опоздал. Столик у окна пустовал. Так же, как и место, где обычно лежал чёрный кот. Видимо, мой растерянный взгляд привлёк внимание хозяйки кафе.

– Ты кого-то потерял?

– Да... кота чёрного.

– Ты уже не первый спрашиваешь про него.

Внутри всё сжалось. Голос предательски дрогнул.

– А кто ещё?

– Яна. Помощница наша. Кот сегодня утром выскочил за дверь и дал такого дёру, что мы не успели его поймать. Что на него нашло, не знаю. Яна пошла его искать.

Яна?!

– Я тогда тоже пойду. Поищу. А как выглядит Яна?

– Ты её сразу узнаешь. У неё очень приметная шапка. Голубая. Вязаная с большим помпоном.

Вот это поворот! Яна – это Голубая Шапка?! Я вышел из кафе и пошёл куда глаза глядят. Натыкался на прохожих, поминутно извинялся. Со стороны, наверное, казался неадекватным. Сколько шёл, не знаю. Долго.

На улице совсем стемнело. И только огоньки гирлянд поминутно перемигивались на первых этажах домов.

На перекрёстке я остановился. Куда дальше? Может, вернуться в кафе и подождать Яну? А если она не придёт? Тогда завтра в школе её найду. А кот? Ночью, передали,

похолодание. Удивился сам себе: давно ли меня интересуют коты?

Снова пошёл снег. Сначала робко, как будто извинялся за вчерашний снегопад. А потом перестал стесняться. Овсяные хлопья крупного помола накрывали город. Я спрятался под крышу остановки, облепленной разноцветными объявлениями.

«Чиню ноутбуки», «Сантехник. Электрик» и совсем неожиданное для зимы «Помогаю копать грядки». Или вот другое, написанное детской рукой: «Желаю всем хорошего дня». И рядом: «Пропал чёрный кот. Зовут Космос. На шее кожаный ремешок». На фото – тот самый, кафешный почтальон.

Я вздрогнул от громкого мяуканья и обернулся. Мимо шла Голубая Шапка! А на руках – Космос! Ущипните меня. Почувствовал, как краска залила моё лицо. Язык примёрз к горлу. Другого шанса может не быть.

– Яна!

Глава 6

После тихого часа нужно забрать Катю и отвести к маме на работу. Сегодня там новогодний праздник для детей сотрудников. Мы бежим со всех ног. В кафе обратно пешком не успеваю. Рогатый подкатил как раз вовремя. В котокафе я завалилась ровно в 16 часов. Столик у окна пустовал. Решила занять наблюдательную позицию за другим столом. Но прошло пять, десять, пятнадцать минут. А маньяк не появлялся. Струсил? Догадался? Изменились планы? А где же чёрный кот?

Бегу в подсобку. Как пропал? А записка? Не надо прогонять гонца с плохими вестями. От этого они не станут лучше.

Я пулей вылетела на улицу и бросилась искать кота. Прохожие спешили по своим делам. Я шла по тротуару, заглядывала под стоящие машины. Мысленно призывала котяру найтись. Один квартал сменял другой.

Снова снегопад. Как будто с небесной кастрюли отодвинули крышку. И вот через борта побежали свежесваренные снежинки.

Я подняла голову. Снежинки изо всех сил спешили на встречу ко мне. Садились на нос, щекотали щёки и стекали ручейками на шею. И тут я услышала жалобное мяуканье.

Недалеко от остановки на нижней ветке невысокой рябины, казалось, из последних сил держался чёрный кот. Слава небесам, нашёлся! Я подошла ближе. Как раз вовремя. Поймала! Что, король, королевич? Теперь не сбежишь.

Кот продолжал громко ругаться. То ли на погоду, то ли на свои кошачьи неприятности. На остановке меня кто-то окликнул. Поворачиваю голову, шурюсь сквозь снег. Где-то я видела этого парня. Так это тот, длинный, из клиники.

– Я Костя. Ну, тот... из записки... Ты же Яна? Голубая Шапка...

Застыла, как статуя. Щёки мгновенно вспыхнули. Ущипните меня.

А он продолжает говорить, как будто сто лет знакомы. Протягивает листок бумаги:

– Как хорошо, что ты нашла его. Вот объявление с номером телефона его хозяйки. Звоним?

Город растворяется в предновогодней суете. Кажется, это будет мой лучший Новый год.

Марина СОЛОВЬЕВА

ЧЕМПИОН

Я шла по центральной пешеходной улице города и наслаждалась великолепной погодой. Было самое начало сентября, когда жара уже отступила, а солнце, как будто по привычке, все еще продолжало пускать свои яркие, но уже не обжигающие лучи на землю. Деревья осторожно желтели, но зеленые краски все ещё присутствовали на их слегка лысеющих кронах. Такое приятное сочетание зелено-жёлтых оттенков и яркого солнца, пробивающегося сквозь листву и поднимающего настроение. Начало учебного года, как всегда, принесло массу неотложных дел, и я намеревалась сделать их все сразу, не откладывая в долгий ящик, но хорошая погода откровенно расслабляла и притормаживала бегущее с бешеной скоростью время. Хотелось ненадолго остановиться, чтобы просто полюбоваться тем, что творится вокруг, запомнить, зафиксировать, сфотографировать в памяти и забрать с собой в холодную зиму с ее вечной меланхолией, колючим отрезвляющим воздухом, вечными руками в карманах и немного исправляющим ситуацию глинтвейном.

Я остановилась на секунду, запрокинула голову вверх, подставив лицо деликатному сентябрьскому солнцу, как вдруг совсем рядом раздался звонкий собачий тявк, который и лаем-то назвать было сложно, именно тоненький, но уверенно заявляющий о себе тявк. На тротуаре стояла женщина средних лет в смешной цветастой панамке и держала на руках маленькое нереальное существо с чуть приплюснутой мордочкой, показавшееся мне космиче-

ским пришельцем. Я никогда в жизни не видела таких собак, понятия не имела, что это за порода, не планировала заводить животных в ближайшее, да и не в ближайшее время тоже, но идти дальше уже не могла. Что-то в этой морде меня крепко зацепило и не хотело отпускать. Круглые, чуть выпуклые глазки, мягкая светло-серая шерстка, переходящая в белоснежные пятна, бантик на макушке, удерживающий маленький смешной пучок, и гуляющий из стороны в сторону приветствующий хвостик.

– Привет, собакен! Что это за зверь такой? – единственное, что смогла я вымолвить.

– Это щенок породы ши-тцу. Большая редкость в нашем городе. По легенде – это огромный лев, заключенный в теле маленькой собачки. Это собака-компаньон, собака-хризантема, видите, как интересно распадается шерстка на лобике? Она считается символом императорской власти Китая, – женщина заметно оживилась и начала показывать мне родословные родителей собакена, сунула свою визитку.

– Вы можете приехать к нам в любое время. У нас еще остались щенки, есть хороший выбор. Берите своих домочадцев и приезжайте – не пожалеете!

Время поджимало, дела торопили, а я, как загипнотизированная, всё смотрела на необычное существо с бантиком на голове и никак не могла вернуться к осуществлению своих планов.

Ближе к вечеру, когда большая часть дел была раскидана и ужин приготовлен, уютно погрузившись в своё любимое, обволакивающее и убаюкивающее кресло-убежище, я отчетливо поняла, что утренняя весёлая морда постоянно появляется перед глазами, заставляя невольно улыбаться.

Сыну тринадцать, и он поглощён своей очень важной жизнью семиклассника, непрерывно информируя меня, что я ничего не знаю и не понимаю, что главная моя задача на сегодняшний день – это просто постараться ему не мешать. Я стараюсь. Муж в одной упряжке со мной, и он тоже старается. Почему мои мысли то и дело возвращаются к этому собакену? Хочется ещё о ком-то заботиться? Мне мало моего беспокойного семейства? Хочется новой

ответственности или приключений? Не реализованное до конца материнство или что-то другое? А может быть, просто мордашка, непредвиденно встретившаяся на моём пути и сразившая мгновенно и наповал?

За ужином я поведала своему семейству о неожиданном знакомстве с очаровательным зверем, запавшим мне в душу.

– Нет, только не это, пожалуйста, прислушайся к разуму! – сразу отрицательно замотал головой муж.

– О, собака! Круто! Я всегда за! – выпалил сын, засунул в рот большой кусок макового рулета и исчез в своей комнате, не оставляя ни малейшего сомнения в том, что вряд ли можно серьёзно рассчитывать на его помощь.

– Ну зачем нам эти лишние хлопоты, собачьи волосы на полу и диванах, заморочки с кормлением и ограничение в отдыхе? Кому ты оставишь пса? Большинство собак плохо переносят езду на автомобиле, я уж не говорю о самолетах. С ним надо будет ещё и гулять в шесть утра, а может, и раньше! – буквально запричитал мой муж.

– Это не пёс, а гормон радости! На него смотришь, и сердце танцует. И на душе сразу легко и спокойно! Давай не будем покупать, просто посмотрим. Не понравится – сразу уедем!

Через пару дней мы отправились смотреть щенков... Хозяйка чудо-собачки открыла нам дверь и пригласила войти в квартиру. В центре небольшой комнатки на просторной подстилке копошились пять щенков, а чуть поодаль возлежала слегка напряжённая мать с розовым бантиком на хорошо посаженной породистой голове. Женщина, не закрывая рта, рассказывала про достоинства этой замечательной породы, про самые лояльные цены за щенков, про её профессиональную помощь во всех собачьих вопросах.

– Весь выводок назван на букву Г, и имена уже у всех в родословных проставлены, но вы сможете называть питомца как вам захочется, – хозяйка плавно перешла к особенностям и конкурентным преимуществам породы, а я переклочилась на щенков.

Мохнатые симпампоны играли друг с другом, не обращая на нас никакого внимания, а я с умилением разгля-

дывала их необычные мордочки. Муж заметно оживился: поочередно брал малышей на руки и с видом знатока осматривал их со всех сторон. Неожиданно для меня, да и для самого себя, он начал воодушевленно задавать конкретные вопросы по уходу за породой ши-тцу.

От щенячьей стаи отделился один упитанный мохнатый комок, буквально шариком подкатился ко мне и встал на задние лапки, заглядывая в лицо и явно просясь на руки.

– Этого я вам брать не советую, – резко прервала свою журчащую речь хозяйка. – Он первый родился, едва откачали. У него есть определённые проблемы, возможно, с сердцем.

– Это он был с вами тогда на улице? – я подняла активно двигающийся шерстяной клубок. – Привет, собакен!

Женщина кивнула в ответ и тут же продолжила свой рассказ о тонкостях ухода за породой собак-хризантем. Пёс смотрел на меня своими глазами-бусинками почти не мигая, доводя до мурашек, словно проникая внутрь, и только хвост ходил из стороны в сторону, посылая мне дружелюбное приветствие, а может, пытаюсь сообщить, что вот он я, здесь рядом.

– Мы забираем этого! – сказала я уверенным тоном, не допуская никаких возможных возражений.

– Это Гридон! – так он в родословной значится, назван в честь горы в Альпах где-то между Италией и Швейцарией.

Счастливые, мы сели в машину, ещё не осознавая до конца всей серьёзности совершенного поступка. Такие приобретения обычно называют импульсивными, но дело было сделано, эмоции переполняли, и мы взахлёб обсуждали, что название огромной альпийской горы мало подходит этой пузатой мелочи, доверчиво спавшей у меня на руках.

– Какой он Гридон? – муж бросил на песика быстрый оценивающий взгляд, – Гришка он, а ещё проще – Грин, Гриндерс, Гриняша... Гриня. – На том и порешили.

Всю дорогу муж со знанием дела и только что услышанных сведений об уходе за животными читал мне лекцию о воспитании собаки, о том, что нам готовит предстоящая первая ночь щенка на новом месте и что она обязательно

будет самой тяжелой, но мы должны это выдержать, а пёс с первых дней должен знать своё место на коврик в коридоре.

– Ничего страшного, пусть плачет, воеет, протестует, главное в воспитании – это твердость.

Я же гладила мягкую нежнейшую щенячью шерстку и думала, что она, наверное, специально создана волшебниками для снятия стресса и любого негатива. Муж о чём-то активно вещал, не отпуская тему собачьего воспитания. Я слушала вполуха, потому что мне было абсолютно всё равно, я была согласна на любые условия, только бы иметь возможность гладить лёгкую пушистую шерстку, словно созданную на своём субатомном уровне специально для этого. «Уступай в малом, побеждай в глобальном!» – сказала я себе и осторожно провела пальцем по сопящему кожаному носику.

Ночь, к моему удивлению, прошла очень тихо. Я открыла глаза, потянулась и вынырнула из-под одеяла. Мужа в комнате не было. Выйдя из спальни, я обнаружила его в коридоре на полу, рядом с собачьей подстилкой. Он тихонько похрапывал, свернувшись калачиком рядом с щенком. Гриня, увидев меня, незамедлительно вскочил и бросился радостно приветствовать. Муж открыл глаза, приподнялся на локте, почесал затылок и, будто оправдываясь, произнёс.

– Ну он же ещё совсем маленький, ему страшно и по маме скушает.

Гриня сразу определил меня в вожак нашей стаи. Стоило мне двинуться с места, как он тут же вскакивал на ноги и сопровождал меня по квартире, за что получил смешное прозвище эскортника. За первую неделю собачен пар раз потерялся, доведя всю семью до нервного апокалипсиса. Мы обследовали сначала квартиру, потом подъезд, с обзванием всех соседей, потом двор. А пёс всё это время мирно спал где-то в квартире и появлялся из ниоткуда, когда наши силы уже заканчивались. Потом он странным образом оказался закрытым на балконе, проскользнув туда в совершенно непонятный для нас момент. Один раз я чуть не запустила стиральную машину вместе

с ним, но буквально в последний миг обнаружила хитрую морду, дремлющую среди грязного белья.

Гриня быстро и с удовольствием выучил все команды, демонстрируя высокий интеллект. По команде «прыжок» пёс, вкладывая всю силу в задние лапы, прыгал ко мне на руки и очень шустро залезал на левое плечо, удобно располагаясь так, что передние лапы свешивались с задней стороны, а задние болтались спереди. Эта его езда на моём плече выглядела экзотически, но приносила нам обоим массу положительных эмоций.

Первое время муж переживал по поводу плохого аппетита нового члена семьи, созванивался с заводчицей и часто повторял, что мы должны кормить его либо сухим кормом, либо влажным. И только так. Но малыш бастовал. Тогда я в сердцах, вопреки законам ветеринарии, перемешала всё в миске и сунула Гриньке. И он с огромным удовольствием съел. Проблема с питанием была решена. Собакен и ел, и чувствовал себя превосходно. Гринька быстро вошёл в семью, и уже через месяц мы не представляли, что когда-то жили без него. Пёс прекрасно знал, что его место на подстилке в коридоре, и с удовольствием там спал, когда нас не было дома. Но ночью он пробирался к нам в кровать, залезал под одеяло и тихонько вытягивался вдоль моей ноги, превращаясь в тёплую грелку. Через неделю мы перестали сопротивляться, а Гриня отвоевал своё место под солнцем. Через пару недель я уже не представляла свой сон без моей любимой мягкой живой грелки. Вопреки нашим ожиданиям и предостережениям опытных друзей-собаководов, Гринька спал ровно столько, сколько спали мы, и ни минутой меньше. Он не просился гулять и не тревожил нашего сна ни под каким предлогом. И поездки на автомобиле он переносил отлично, предпочитая расстилаться у меня в ногах бархатистым приятным ковриком.

Грине было 7-8 месяцев, когда позвонила заводчица с просьбой появиться на выставке, где она должна была продемонстрировать весь свой щенячий выводок. Мы не очень были настроены на участие в собачьих показах, но поддались на уговоры, следуя принципу: если человеку

это необходимо, значит, следует помочь. В большом спортивном зале собралось огромное количество щенков разных пород, стоял мерный тьявкаящий гул, суета, беготня, прохаживались важные профессионалы-кинологи, что-то с серьёзным видом обсуждали судьи-эксперты. Всё было для нас непривычно, даже в диковинку, и хотя всплески восторга смягчали нарастающее напряжение, мы чувствовали себя новичками и полными профанами, случайно попавшими на чужой, хорошо организованный праздник, с налётом торжественности и даже какой-то церемонности. Механизм проведения выставки был отлажен до мелочей и вызывал восхищение, работа кипела, а у нас, скромно стоящих в ожидании своего выхода, постепенно возникало чувство гордости от причастности к такому важному и интересному процессу.

Наступила наша очередь, весь выводок выстроили и отправили ходить по кругу. Решением семейного совета в ринг с Гриней была отправлена я как наиболее устойчивая эмоционально и спящая с собакой под одним одеялом. Щенки неистово тянули поводки в разные стороны, кто-то не хотел идти и явно капризничал, кто-то прыгал на хозяина, просясь на руки, в надежде, что его унесут из этого собачьего безумия, кто-то лаял, а один даже напрудил большую лужу. И только Гринька шёл легко и свободно какой-то невероятной царской походкой, не оглядываясь по сторонам, только четко вперёд, абсолютно безразличный ко всему происходящему, красиво подняв голову и уверенно неся своё мускулистое крепкое тело. Я ожидала от него на этом «смотре строя и песни» чего угодно, только не такого поворота, и пребывала в большом удивлении. В какой-то момент я уловила, что уже давно не веду собаку по кругу, а собака ведёт меня. Главный судья без сомнений и промедлений объявил нашего Гришку лучшим в помёте и велел остаться на «Бест» – это когда между собой уже соревнуются лучшие представители всех представленных пород.

Я не знаю, сколько собак выстроилось в ряд, когда начался этот парад самых-самых. Мы затерялись в этих бесконечных собаках разного размера и окраски, голова

пошла кругом, захотелось убежать быстрее домой и спрятаться от этого бесконечного мелькания, лаянья и умных реплик профессионалов, знатоков и просто любителей в своём мягком кресле-спасателе, прижав к себе Гриньку, и накрыться теплым пледом, желательно с головой.

Я не знаю, какими принципами и критериями руководствуются судьи, когда выбирают лучшую собаку из представителей разных пород. Кого тут только не было! Я приходила в неописуемый восторг от гладкой велюровой спинки китайской хохлатой цвета размытых чернил; от больших складок симпатичной мордахи маленького шарпея. Невозможно было не умилиться улыбчивому и доброжелательному маленькому рыжему боксерчику с высунутым языком, всеми силами стремящемуся завладеть нашим вниманием, а скромняга пуделёк в мелких кудряшках цвета спелого абрикоса чувствовал себя чужим на празднике жизни и активно просился на выход. Маленькая черноголовая овчарка постоянно жалобно покусывала, косясь на хозяина; русская борзая, потрясающая своей исключительностью и нереальной стройностью, пыталась наладить отношения с маленькой симпатичной болонкой-блондинкой.

Как среди этого великолепия щенков можно выбрать самого лучшего, я искренне не понимала, отдавая себе отчёт, что в этой ярмарке тщеславия, где все между собой знакомы, у нас мало шансов. Но Гринька этого не знал и продолжал гарцевать своей элегантной космической походкой, демонстрируя гордую поступь и идеальную осанку. А как он держал голову и свысока смотрел вокруг! Откуда только взялось это неожиданное умение подать себя? Гринька в тот день выглядел настоящим Гридоном, нет, Гридонищем, глыбой, большой настоящей горой с большой буквы. От четвероногой толпы оставили сначала десять, потом пять собак. Мы снова и снова ходили по кругу, полностью включившись в эту игру, поймав кураж, сбрасывая адреналин и радуясь, что мы всё еще в ринге. А потом Гриньку объявили победителем. Мы выиграли щенячий «Бест»! Среди всех этих прекрасных собачьих детей, представленных здесь, наш Гриня – которого

не рекомендовали покупать, считая бракованным, которого, не особо жалея, ежедневно таскали на центральную улицу под жаркое солнце с целью привлечения покупателей, – стал самым лучшим. Я оглянулась на мужа, а он плакал и не стеснялся этого. Яркие и необыкновенные эмоции от понимания, что твой «ребёнок» взял первый приз, захлестывали его.

Наша заводчица в растерянности только разводила руками. На ее лице шла отражалось смятение чувств, терзающих и разрывающих её на мелкие кусочки. С одной стороны, это была гордость за свой помёт, представитель которого своей решительной победой сразу поднял ее в глазах окружающих на новый, почти недостижимый уровень, заставив всех разом заговорить о её питомцах. С другой стороны, она промахнулась, не разглядев эту маленькую жемчужинку, новую звездочку собачьей элиты, и явно продешевила.

Всё это время меня как будто накрывали громадные морские волны, болтали и швыряли между камней, не обращая внимания на отчаянное сопротивление. А теперь, вдоволь наигравшись, они выбросили меня на берег, живую, счастливую, но абсолютно лишённую сил. Я пребывала в непривычных растрепанных чувствах, не понимая, как такое могло произойти. Мне все говорили, что собачья мафия существует и пришлых со стороны не принимает. Я совершенно не была готова к такому итогу соревнований. Непонимание смешивалось с опустошением, эмоциональная нагрузка отступила, и усталость обрушилась на меня сразу, одним махом и без предупреждения, словно придавливая тяжеловесной плитой, лишая желания и возможности что-то ещё делать, с кем-то разговаривать, что-то обсуждать. Нас поздравляли, фотографировали, вручали медали и подарки.

Единственный, кто воспринял эту победу как само собой разумеющееся, был Гриня. Он как раз всё понимал, видно, что был доволен, крутил хвостом, заглядывал в глаза в ожидании похвалы, в одно мгновение сбросив важность и неприступность. Соревнования закончились, и Гринька снова превратился в нашего веселого домашне-

го пёсика, привычно забравшись на моё левое плечо. Мы смотрели на него и недоумевали, что же это за незнакомец водил меня всего несколько минут назад по рингу. Заводчица долго разговаривала с главным экспертом, а потом подошла к нам и доложила, что у нашей собаки есть все шансы стать чемпионом России и победителем международных выставок. От звёздной заявки забракованного ею экземпляра она выглядела ещё более обескураженной.

– Чтобы стать чемпионом России, нужно одержать победу в шести выставках кинологической федерации нашей страны, – начала она своё объяснение. – Для этого нужно объезжать разные города и собирать победы. Мне со своей собакой пришлось побывать на 12 выставках, чтобы собрать 6 побед. Кому-то везёт меньше, кому-то больше, но суть такова.

Мы посоветовались и решили, что Гринька должен иметь шанс попробовать сделать свою собачью карьеру, да и наши эмоции от пережитого, честно говоря, зашкаливали. Мы приобрели выставочный столик, сшили роскошную подстилку из моего старого бархатного платья; я научилась уходу за шерстью, поняла, как расчесывать, заплетать на голове косички и привязывать модные бантики, которыми меня снабдила наша заводчица. Поездок состоялось всего шесть, и побед случилось ровно столько же. Шесть из шести, и наш Гринька получил титул чемпиона России, а вместе с этим быстро выстроившуюся очередь молодых леди породы ши-тцу с их хозяевами, желающими обзавестись качественным потомством. Российские выставки сменились интернациональными, карьера Гриньки шла полным ходом. Мы стали больше понимать родителей маленьких хоккеистов, фигуристов, гимнастов, сопровождающих своих детей на всех соревнованиях.

Следующим этапом карьеры нашего любимца стала большая международная выставка в Москве. Преодолев многочасовую пробку, мы въехали в столицу поздно вечером. Заводчица, ставшая в последнее время нашей постоянной выставочной компаньонкой, заранее предупредила, что договорилась о профессиональном груминге, чтобы пёс выглядел на уровне. До нужного адреса мы добрались

поздно ночью и поднялись в маленькую неухоженную квартирку, плотно заполненную собаками породы ши-тцу.

– Быстро, быстро, разговаривать мне с вами некогда! У меня еще пять неготовых собак, не считая ваших! – скомандовала плотная женщина в растянутых трениках, стирая капельки пота со лба и убирая в сторону пряди сальных волос. – Собаку оставляйте. Завтра в шесть утра можете забрать.

– Как же мы можем его оставить? Он же сочтёт нас предателями! – пробормотал муж.

– Тогда сами и причёсывайте! – её ответ не подразумевал никаких компромиссов.

Мы что-то пошептали Гриньке на ухо, почесали мягкий затылок, чмокнули в черный прохладный нос и отправились ночевать в ближайший отель, оставив в этом притоне и собаку и нашу заводчицу.

Ночь была нервной, мы ворочались с боку на бок, не могли уснуть и вскочили с кровати, как только начало светать. К назначенному времени мы пришли за Гринькой. Картина была всё та же, что и вчера: ничего не успевающая, еще более потная и грязная тётка-грумер всё в тех же драных штанах с вытянутыми коленками и очередная собака, зафиксированная на столе, которую они чесали уже в четыре руки вместе с нашей заводчицей. Мы огляделись, но Гриньки нигде не было. На небольшом кухонном диванчике сидел шикарный пёс с невероятной серо-белой шерстью, причём белые пятна были настолько белыми, как будто их высветлили чем-то специальным до цвета свежего, только что выпавшего снега, который бывает только в сильный мороз и хрустит под ногами. Шерсть его напоминала шёлк, она была такая лёгкая, почти невесомая, волосик к волосику, и лежала вокруг собаки роскошной длинной юбкой. На голове была сплетена не то коса, не то каким-то непонятным способом был скручен длинный хвост, напоминающий китайскую причёску, закреплённый пластиковым бантом, способным вызвать зависть у всей женской половины человечества. Я только подумала, что с такими собаками невозможно конкурировать, как вдруг этот фантастический пёс, не удивлюсь, если прилетевший

из соседней Галактики, вдруг приподнялся и завилял нам хвостом, будто старым знакомым.

– Кто это? Мы его знаем? – удивлённо спросил муж.

– Не может быть! Собакен! – прошептала я. – Этого просто не может быть!

Гриня во всё своём великолепии счастливо приветствовал нас и просился ко мне на плечо, всем своим видом показывая, что это, конечно же, он – наш любимый и такой красивый пес.

Удивительным во всей этой выставочной истории было то, что как только Гринька менялся внешне, он преображался и внутренне, полностью соответствуя новому образу и высокому чемпионскому титулу. Он гордо восседал на своей красной бархатной подстилке в ожидании выхода в ринг, всегда очень спокойный, даже холодный и абсолютно безразличный ко всему, что происходило вокруг, не делая никаких лишних движений. От его отстранённости сквозило высокомерием и даже надменностью. Гришка как будто был вне земного измерения и пребывал над схваткой: настоящий собачий царь, и только полный отказ в это время от еды и воды выдавал волнение, которое он подавлял полной концентрацией перед стартом. А мы привычно купались в лучах этой собачьей славы, получая от всего этого выставочного процесса массу новых эмоций, и пребывали от этих чудесных ощущений в состоянии полного и абсолютного счастья. Сын, глядя на нашу беготню вокруг этих собачьих соревнований, даже начал обижаться на нас, ехидно называя Гриньку центром вселенной и пупом Земли.

Тогда, после возвращения домой из столицы с очередной победой, я не стала, как обычно, мыть Гриньку, чтобы освободить его от лака, гелей и всего того, чем его там мазали, уж больно он был хорош. Через пару-тройку дней я заметила, что пёс начал чесаться. Мытьё облегчения не принесло, расчёсы становились всё сильнее. Шерсть начала выпадать клоками. Через неделю от былой красоты мало что осталось. На коже появились толстые корки, пёс их постоянно чесал и сдирал в кровь.

Начались бесконечные походы по ветеринарам. На явную связь появления симптомов болезни со столичной

выставкой, о чем я постоянно говорила, почему-то никто не обращал внимания. Разнообразие диагнозов от авитаминоза до панкреатита сводило с ума, в каждой клинике выкатывались круглые суммы с планами лечения по абсолютно непонятным патологиям. Муж был в полной уверенности, что собаку заразили специально, чтобы устранить сильного конкурента. Я ругала себя за то, что повелась на все эти выставки, которые как будто придуманы исключительно для удовлетворения амбиций хозяев, ведь мы не планировали заниматься разведением собак, просто разнообразили нашу жизнь, наслаждаясь победами нашего мохнатого ребенка.

Моя подруга-дерматолог предложила сделать у них в клинике посев на грибы и отправила к своему проверенному ветеринару. К этому времени мне пришлось постричь Гриньку наголо. Картина была более чем печальной. Маленькая плотная лысая собака с удлинённым телом на коротких лапах в жутких коростах и болячках. Ветеринар впервые заговорил о заражении грибами. Через неделю позвонила подруга и диагноз подтвердила, сообщив, что появился рост колоний, напоминающих грибковую инфекцию человека. Гриньке начали колоть специальную вакцину, а мне велели обрабатывать собаку антисептиком. Мы скупили назначенный раствор, проехав по всем аптекам города. Я постоянно его лечила, полоскала в лекарстве, мазала, не выпуская из поля зрения ни на минуту. Эта кропотливая работа продолжалась больше двух месяцев. Пёс терпел и медленно шёл на поправку. В итоге мы победили, но твёрдо решили с выставками покончить.

Мы ждали второго ребёнка и последние два месяца перед родами жили на даче. В это время появились слухи о стае диких собак, терроризирующей всю округу. Они проникали на территорию участков и загрызали домашних животных, включая собак-охранников, сидящих на цепи в своих будках. Проблема эта волновала и напрягала всех местных жителей. Стая обитала в лесу, периодически совершая ночные набеги на деревню. Мы не выходили за забор своего участка вообще, чтобы минимизировать риски, особенно когда оставались на даче с Гриней вдвоём.

В тот вечер мне позвонила одинокая пожилая соседка, пожаловалась на гипертонический криз и попросила принести таблетки. Она жила всего в двух домах от нас, и мы с собакой, не задумываясь, отправились на помощь.

Стая возникла из ниоткуда. Это была разнопородная свора, среди которой выделялись несколько крупных псов, напоминающих волков или овчарок. Они молча, без лишнего шума вышли на дорогу и сели перед нами. Тишина давила на уши. Мне показалось, что даже кузнечики перестали стрекотать, а птицы летать. Пауза затягивалась. Свора собак начала потихоньку рассредотачиваться и приближаться к нам, обступая по краям. Гриня присел у ноги, и я почувствовала, что его колотит крупная дрожь. Я понимала, что, если мы побежим назад, нас настигнут в два прыжка, да и смогу ли я далеко убежать на седьмом месяце беременности. Я медленно наклонилась, изображая, что подняла камень с дороги, как когда-то учил меня отец. Стая на мгновение замерла, словно оценивая силы. Гриня глубоко вздохнул, оглянулся на меня, посмотрел долгим взглядом своих темных глаз-бусинок и бросился стремглав прямо в центр стаи, отвлекая диких собак и давая мне возможность спастись. В одно мгновение он исчез среди серо-коричневой массы, а я заорала так, что заложило уши, перестав слышать собственный голос. Раздалось два глухих выстрела. Псы кинулись в сторону леса, оставив лежать на земле маленькое хрупкое окровавленное тельце. Я бросилась к нему, упала на колени, взяла голову с бантиком на макушке в руки. Глазки были замутнёнными, Гринька хрипел, из рваных ран сочилась кровь, лапка болталась практически на коже. Мои слёзы текли ручьями по щекам, голоса не было совсем. Я подняла глаза на стоящего рядом соседа с ружьём, не в силах что-то сказать.

– Повезло тебе. Вовремя я появился. Давно за ними охочусь, – он повесил двустволку на плечо. – Поехали. Пёс живой ещё. Авань, успеем! Есть у меня тут одно проверенное местечко.

Слёзы не останавливались ни на секунду. Такое море слёз, которые замечаешь только потому, что губы щиплет

от соли. Мы положили моего маленького отважного защитника на какую-то дощечку, сели в машину и добрались до врачей. Не помню, сколько времени заняла дорога, я обращалась ко всем святым, без устали повторяя слова единственной известной мне молитвы. Дальше были рентген, операция, как предупредили, без особых шансов на успех, показавшаяся мне бесконечной, ушивание ран, гипс и спицы в кость. Мне что-то объясняли, рассказывали, какие лекарства нужно колоть и как ухаживать за ранами. Я думала только о том, что людям надо учиться преданности и безусловной любви у собак, а перед глазами стоял последний Гринькин рывок в бесконечность и исчезновение в темно-серой воронке голодных безумных собак-людоедов.

Пёс не умер. Восстановление шло непросто и достаточно долго. Мы по часам выполняли всё, что было назначено, ездили на бесконечное количество перевязок и контрольных снимков. К моей выписке из роддома у Гриньки вытащили спицы и сняли гипс. Он немного прихрамывал, но чувствовал себя вполне сносно.

Мой приезд с новым маленьким комочком, замотанным в одеяльце, вызвал у Гриньки бурю эмоций. Я никогда не видела его в таком непонимании и волнении, он бегал кругами, пытался залезть в кроватку к новорожденному сынишке, везде совал свою мордочку и даже подвывал. Муж без промедления выставил его за дверь детской комнаты. Гриня начал с утроенной энергией её царапать, рискуя снова повредить себе лапу и испортить новую дверь. Ребёнок плакал, мы метались между памперсами, бутылочками, стерилизатором и молокоотсосом. Гриня неистовствовал. Муж закрыл его в туалете, пытаясь сначала решить вопросы с ребёнком и только потом с собакой.

– Может, Гриню на время отдадим маме? Ну совсем сейчас не до него, – муж вопросительно посмотрел на меня, пытаясь укачать ребёнка.

– Это не по-людски. Нужно ему всё показать и дать понюхать, привыкнет, – расстаться с собакой я не могла, хоть абсолютно точно осознавала, что мне теперь будет совсем не до него.

Гриня привыкал к сынишке пару недель, потом смирился, поняв, что это надолго. Маленький ребёнок в доме меняет жизнь на 180 градусов. Я больше не принадлежала себе и всё время что-то делала: то кормила, то гуляла, то стирала. А в промежутках спала. Уход за собакой ограничивался быстрыми выходами по необходимости во двор минут на пять-десять исключительно на поводке. О долгих прогулках по лесу, как в былые времена, или поездках в парк мы даже не вспоминали.

Как-то, собравшись на выходные всем семейством на дачу, мы решили заехать в магазин, чтобы выбрать летнюю коляску для малыша. Долго смотрели, выбирали, пробовали, стояли в очереди в кассу, потом ещё чего-то покупали, понимали, что потеряли уже приличное количество времени, и от этого торопились ещё больше. Гринька ходил с нами по магазину и принимал активное участие в процессе, то залезая в коляску, то выпрыгивая из нее. На улице, уже почти перед отъездом, муж отстегнул поводок с собаки, но неожиданно встретил своего давнего приятеля, с которым завис, обмениваясь последними новостями и номерами телефонов. Гринька все время крутился рядом, пока мы грузили коляску и устраивали в машине ребёнка, который в самый неподходящий момент начал капризничать, заявляя громким рёвом на всю округу о своём желании есть и спать. Мы торопились и нервничали, пытаясь справиться с ситуацией. Уже на выезде из города мы обнаружили, что собаки в машине нет. Земля вмиг ушла из-под ног. Муж развернул машину и позвонил приятелю, которого только что встретил у магазина. На наше счастье, он был еще там.

– Лохматый с бантиком ваш? Сидит у входа в магазин, – пришёл незамедлительный ответ. – Не волнуйтесь, я рядом.

Надо же, за всей этой суетой никто из нас не вспомнил про Гриньку. Как так могло получиться, что мы его забыли и уехали. Мы мчались назад к детскому магазину, ругаясь и обвиняя друг друга. Наш пёс сидел около входа, немигающим взглядом всматриваясь в лицо каждого выходящего. Рядом на корточках сидел товарищ мужа,

но Гриняшка не обращал на него абсолютно никакого внимания. Он был такой напряженный, что напоминал натянутую струну, готовую в любой момент порваться. Он то немного приподнимался, заметив отдалённо похожего на кого-то из нас человека, то снова садился, понимая, что опять не то, не оставляя готовности броситься навстречу в любой момент. Вид у него был несчастный, от боевого выставочного величия не осталось и следа, бантик съехал набок и болтался, смешно подчёркивая нелепость всего происходящего. У меня сжалось и сильно заколотилось сердце. Я с чувством вины обняла собаку и посадила ее в машину.

– Похоже, у нашего чемпиона начался новый этап в жизни? – с заметной долей ехидства заметил старший сын. – Он же был центром вашей вселенной, а теперь вам совсем не до собаки. Новый ребенок – новая любовь? Что, настал период равнодушия и нарастающего раздражения, что нужно продолжать ухаживать ещё и за ним? Не понимаю, как можно забыть «центр вселенной» на улице?

– А ты подключись и помоги нам! А то умный какой нашёлся! Видишь, мы разрываемся? Сам-то куда смотрел? – я набросилась на сына, понимая, что доля правды в его словах определённо есть, да и собака всегда была нашей зоной ответственности. Гриня сидел в машине непривычно тихий и одинокий. Я подумала, что уже не помню, когда носила его на левом плече. И в кровать мы его пускать совсем перестали, теперь там в основном обитал наш маленький сын.

Как-то, покупая в магазине продукты и какие-то необходимые мелочи, я зашла в детский отдел за новой погремушкой и, уже пробираясь к кассам, проходя отдел товаров для животных, на секунду притормозила и кинула в корзину мягкую резиновую игрушку для собаки в виде большой косточки, издающую смешные звуки при нажатии. Муж открыл дверь, держа ребенка на руках, Гринька, как всегда, болтался под ногами, приветствуя меня виляющим хвостом, из комнаты вышел старший сын и тут же начал шарить по пакетам, интересуясь, что вкусенького я принесла.

– Это тебе, дорогой! – я достала коробочку с пирожными, зная его пристрастия. – Это тебе! – я продолжила раздачу подарков и протянула мужу набор его любимых швейцарских сыров. – Это пупсику! – я достала погремушку, потом покопалась в сумке, вытащила игрушку-косточку, пару раз на нее нажала для пушшего эффекта и кинула Гриньке. – А это моему любимому собакену!

И в этот момент я поняла, как мало нужно для собачьего счастья. Он крутился волчком, прыгал, рискуя сломать себе покалеченную лапку, пытался влезть ко мне на руки, а когда у него это получилось, вылизал и исцеловал мне лицо, зависнув на какое-то время на левом плече.

– Я горжусь тобой, мама! Ты, возможно, в полной мере не понимаешь, насколько правильно сейчас поступила! – сын обнял собаку и чмокнул в мокрый нос.

К зиме я заметила, что Гринька начал покашливать. Ему исполнилось семь лет, и до собачьей старости было еще далеко. Гринька развлекал младшего сынишку, устраивая с ним периодические забеги по квартире с тех пор, как тот начал более-менее уверенно ходить. Он, как обычно, весело бегал от него, но иногда на какое-то время останавливался, чтобы отдышаться. Через неделю это состояние усугубилось, и я потащила собаку к ветеринару, но записаться не смогла и влезла между пациентами буквально на пять минут. Врач прописал антибиотики от бронхита и отправил нас восвояси. Ещё через неделю я поняла, что лекарство не помогает, но показать собаку ветеринару не получилось: сначала мама слегла с невралгией, потом нужно было срочно собирать в поездку старшего сына, потом засопливился младший.

– Что-то он мне не нравится! – обратилась я к мужу, глядя в очередной раз на собаку.

– Да ладно, наш Гриня в танке горел, а тут, подумаешь, его светлость покашлять изволили! – улыбнулся муж в ответ и как-то сразу снял возникшее напряжение. Через пару дней я записала собаку на прием к ветеринару, но ближайшее свободное время было только на следующий день. Вечером пёс совсем сник, тяжело дышал и отказался идти на улицу.

– Подожди до завтра, пожалуйста! – погладила я его по шерстке, которая показалась мне жёсткой и свалынной.

– Он так громко дышит, что невозможно уснуть. Прикрой дверь, пожалуйста, всё равно он весь день лежит у балкона, там ему прохладнее, – попросил муж, унося сынишку в спальню.

Я хотела закрыть дверь, но буквально споткнулась о долгий немигающий взгляд собаки. Он смотрел на меня, как тогда, перед последним прыжком в пропасть собачьего ада. Во мне что-то щёлкнуло и зашевелилось неприятное чувство тревоги. Я одёрнула руку от двери и оставила её открытой.

Я проснулась с первыми лучами солнца от тишины. Муж не храпел, сопливый ребёнок не сопел, собака не издавала звуков. Вроде всё хорошо, но немного странно и что-то давит. Такая непривычная тяжелая тишина. Я села на край кровати и увидела Гриньку, спящего рядом, на моём коврикe. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце, даже не кольнуло, а въехало туда большим железным остриём и начало крутиться то в одну, то в другую сторону, усиливая боль. Я осторожно встала, присела рядом и дотронулась до собаки. Он был такой твёрдый, как будто превратился в детскую игрушку, и не дышал. Совсем не дышал.

Мы похоронили Гриньку на даче. А весной на его могилке я посадила большой куст белой сирени, под который старший сын положил ту самую, его любимую, игрушкुकосточку, издающую смешные звуки.

Муж, пытаясь меня хоть как-то успокоить, предлагал завести собаку такой же породы. Но я понимала, что никогда и ни за что не сделаю этого, потому что всегда буду сравнивать ее с моим чемпионом, потому что любая другая собака будет стирать память о моём Гриньке. Она, возможно, будет хорошая, добрая и милая, но другая, и никогда не сможет дать нам того, чего мы будем от неё ждать. Муж говорил что-то о переселении душ, что жить с верой о вечности души гораздо легче. Но я не слушала и кричала, что не хочу больше никаких животных, что таким людям, как мы, их заводить противопоказано.

Пустота жила в сердце очень долго, а огромное чувство вины, что отмахнулись, смалодушничили, недооценили проблему, осталось со мной навсегда. Я долгое время вела сама с собой бесконечные немые разговоры, пытаюсь понять, почему меня подвела чуйка, которая у меня была, – мой компас сердца, внутренний орган без имени, который всегда работал безупречно и спасал. Какое-то ужасное стечение обстоятельств. Все эти мысли больше мучили, чем приносили облегчение, и я постоянно вспоминала тот последний собачий взгляд, полный понимания своего ухода, который прожигал меня потом ещё долгие годы.

После полученного урока я изменила отношение к своим близким и стала кидаться на помощь сразу же, при малейшем намёке на проблемы, не дожидаясь, когда станет поздно, боясь пропустить важное за мелочами. И это стало моим мерилom нравственности, результатом полученного опыта, за который платить приходится так дорого. И всякий раз память снова отбрасывала меня в прошлое, возвращая к маленькой собачке-хризантеме с сердцем льва, готовой по первому зову отдать жизнь за свою хозяйку.

Когда младшему сыну исполнилось тринадцать и он с важным видом заявил, что мы ничего не понимаем в жизни и наша главная задача на сегодняшний день – это постараться ему не мешать, муж неожиданно вернулся к теме собаки. А я, неожиданно для себя, предложила завести кота. Мы перерыли интернет в поисках породы кота с собачьим характером – и нашли.

Уже через неделю я везла домой на коленях маленького симпатягу-бурму. Он сразу выбрал меня вожаком нашей стаи и сопровождал по квартире, куда бы я ни пошла. За первую неделю кот потерялся в квартире и довёл семью почти до нервного срыва, оказавшись каким-то неведомым образом закрытым в мороз на балконе, потом чуть не свёл меня с ума, незаметно проскользнув в посудомоечную машину, которую я вскоре, конечно, включила. Случайный телефонный звонок задержал меня на кухне, я обратила внимание на непонятное звонкое движение тарелок и вытащила усатого хулигана буквально за несколько секунд до подачи горячей воды. Ночью кот пробирался ко мне

под одеяло, вытягивался вдоль моей ноги, превращаясь в теплую грелку, и спал ровно столько, сколько спали мы. Этот красивый породистый кот с безупречной шерстью цвета горького шоколада, напоминающей норку, и янтарно-желтыми глазами, в меру вальяжный, в меру высокомерный, не позволял себе распахивать душу первому встречному, наблюдая за всем происходящим как будто со стороны.

Сын сообщил, что провел первые занятия по дрессировке и питомец показывает хороший интеллект. Муж переживал, что кот неважно ест, но четко соблюдал инструкции заводчицы, давая либо сухой, либо влажный корм и никак иначе. Мы никак не могли придумать ему достойное имя, хоть хозяйка сообщила, что всё потомство уже названо на букву Г. Как-то вечером сын притащил кота, чтобы продемонстрировать его первые успехи. Когда дошли до команды «прыжок», неожиданно для всех кот грациозно взмыл вверх и очень ловко оказался у меня на левом плече, свесив задние лапы с передней стороны, а передние – вытянув у меня сзади, и громко замурлыкал. Возникла немая пауза.

– Иди, принеси его родословную, – сухими губами прошептала я сыну, сняла кота с плеча и внимательно посмотрела в желтые немигающие глаза, ответившие мне долгим внимательным взглядом.

– Его зовут Гвидон! Как в сказке, представляете, царь Гвидон! Почти как наш Гридон, всего в одной букве разница!

– Господи, Гриня, ты вернулся! – прошептала я, едва сдерживая слезы и целуя влажный кожаный нос. – Я знала, что обязательно узнаю тебя! Я так долго тебя ждала! Спасибо, родной, что простил и снова выбрал нас! – я крепко прижала к себе Гвидона и быстро смешала свободной рукой сухой и влажный корм в миске, ни на секунду не сомневаясь, что именно так ему понравится, а также что в будущем он отлично перенесет все поездки в машине...

Александр АНГЕЛ

Новосибирск

МИНИАТЮРЫ

Каштановая голова

Все его так и звали – Каштановая Голова. Его имя все знали, но никто не использовал его в общении, даже родители и лучшие друзья. Но в этом не было ничего оскорбительного, Каштановую Голову все любили и уважали.

Когда он выходил во двор, становилось прохладнее, его курчавые волосы-ветви создавали тень. Все весело играли с ним, приглашали во все свои приключения, зная, что он смелый и умный.

В волосах его сидели птицы, некоторые устраивались там не только чтобы попеть, но и пытались свить там свои гнезда. После каждой прогулки мама Каштановой Головы вычесывала все эти прутики. Некоторых, особо наглых птиц приходилось даже выуживать и прогонять из густой копны.

Дожди омывали каштановую голову, в которой после такой процедуры появлялись зеленоватые оттенки. Ветер очень смешно шевелили эти размягченные ветви, что пушились и не слушались расчески, не поддавались ей.

Весной он становился немного непослушным, у Каштановой Головы в это время было веселое и даже немного шаловливое настроение. У его каштановых волос-ветвей раскрывались нежные, зеленые листья. Всю весну и лето он будет ходить на прогулки до самого позднего вечера.

Осенью станет немного грустным, но вместе с желтым цветом приобретет особую красоту. С его головы полетят листья, и все в округе будут с хрустом бродить по ним. Затем, с приходом зимы, станет холодно и неуютно.

Зима посеребрит округу морозом и укроет Каштановую Голову снежной шапкой, а родители, как и все, кто его знает, будут стараться развеселить его. Маленькие белочки будут скакать с ветки на ветку, сбивая немного снега каждый раз. Это будет его веселить.

Весной все вернется в норму. Каштановая Голова снова станет тем веселым и игривым ребенком, что и всегда.

Брелок

Мелочь, завалившаяся в кармане, брошена на тумбочку. Вместе с ней с гремящим звуком туда отправляется целая связка ключей.

Чтобы ключи не терялись, к ним за кольцо прикреплен синий брелок. Шарик, синяя поверхность которого сразу же привлекает взгляд человека.

Владелец его уже давно привык к тому, что небесно-голубой шарик временами может меняться.

Впервые это свойство брелка он заметил, когда обжегся об него, вытаскивая ключи из кармана. Шарик стал неопределенного цвета, на его поверхности появились бугорки, от которых шли оранжевые полосы. Присмотревшись внимательнее, он понял, что это похоже на небольшую модель планеты.

Такие перемены временами происходят на его поверхности; например, когда погода меняется, то на шарике можно обнаружить бело-серые вихри миниатюрных циклонов. Линии молний могут кольнуть разрядом, если держать его в руках.

Интереснее всего смотреть на шарик, когда на его поверхности появляется цветная неоднородная палитра, в которой преобладают оттенки синего, зеленого и желтого.

Все цвета и оттенки на брелке перемещаются, вытесняя друг друга в какой-то борьбе. Время от времени дымка серого и белого цвета покрывает всю поверхность шарика.

Это хрупкое равновесие недолговечно, волнение и бурные изменения чередуются с более спокойными фазами.

Сейчас этот шарик лежит на тумбочке, и идеальное сочетание молочно-голубого цвета привлекает внимание и действует успокаивающе.

Но нынешний владелец давно привык к этим метаморфозам, и потому для него это не волшебный мир, к которому стоит присматриваться и внимательно изучать, а всего лишь брелок, который не стоит всего этого. А между тем этот маленький перламутровый шарик хранит в себе столько секретов, которые еще будут раскрыты и оценены по достоинству.

Пропажа

До закрытия магазина остается несколько часов.

Покупателей нет, единственный служащий уже начинает наводить порядок и раскладывать товары по своим местам. Обычно в восемь двери закрываются, проводится небольшая уборка, и работник уходит домой.

Но в этот день все было иначе. Завершив свои дела, он пошел проверить склад, где хранились товары, которые не выставлялись в зале.

Запасной выход был надежно заперт, склад и служебное помещение тоже, и работник направился домой. Закрывая главный вход, работник обратил внимание, что дверь плохо идет, будто в нее что-то попало.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что дверь прищемили тень.

Она пыталась вырваться и безостановочно шевелилась. Осмотрев ее, работник понял, что это человеческая тень. Возможно, кто-то в спешке потерял ее и даже не заметил. Бросать ее на улице не хотелось. Пришлось ему открыть небольшую кладовку в магазине, чтобы тень находилась там. Ее владелец наверняка завтра будет ее искать и обратиться в магазин.

Тень проследовала за человеком в кладовку и осталась там на ночь.

«Утром, когда вернусь на работу, обязательно напишу объявление о своей находке и повешу его на двери. Так наверняка найдется владелец. Как вообще можно жить

без тени?» – такие мысли крутились в голове, пока работник шел домой.

Следующим днем, только открыв магазин, он поспешил в подсобку, чтобы проверить, как там тень. С ней все было в порядке, и она, выскочив в зал, стала передвигаться между стеллажей. Убедившись, что она не может нанести никакого ущерба или разбить чего-нибудь, работник решил вернуться к своим делам: подготовить магазин к открытию и написать объявление, о котором он вчера думал.

Приклеив за минуту до открытия лист бумаги с объявлением на дверь, он вернулся за стойку...

Ровное гудение ламп убаюкивало его. Он почти задремал на рабочем месте, когда что-то яркое зашло в магазин.

Приоткрыв глаза, служащий увидел, что это был силуэт человека, но только с тем отличием, что от него исходил такой сильный свет, что пришлось отвести взгляд.

Этот яркий господин прошел мимо, не проронив ни слова, и направился к стеллажам. Там его уже ждала тень, готовая вернуться к нему.

Работник магазина не имел возможности даже слова сказать, настолько непривычное и странное зрелище он увидел. Яркая вспышка и тень объединились и исчезли. Никаких следов не осталось.

Работник внимательно осмотрел это место, убрал с двери объявление и вернулся к своей работе.

В этот день он был дружелюбнее, чем обычно, и радость от общения с обычными людьми наполняла его.

Гигант

Посреди долины, окруженной со всех сторон горами, есть небольшое возвышение, которое со стороны может показаться холмом, покрытым лесом. Но это гигант, приютившийся на отдых.

Он спит, и его сон длится уже не одну сотню лет. В нем он видит, как шел по земле, разрушая все на своем пути. Присев на скалу, он застыл в позе раздумий, да так и уснул. Не заметив этого, он продолжил свое существование во сне. Его глаза, громадные зеленые глаза, закрылись.

Но, в отличие от него, мир вокруг и не думал засыпать, постепенно гиганта занесло песком и землей, превратив его в огромный холм, и после нескольких лет дождей эта земля стала достаточно плодородной, чтобы на гиганте выросли деревья, лес, под покровом которого он до сих пор спит.

Однако сон не может длиться вечно, даже для гиганта, который запросто может проспять несколько столетий. Для него это мгновение, небольшая передышка, перед следующим этапом его путешествия. Сам он уже не помнит, куда идет и зачем, только смутно сознаваемое чувство необходимости идти вперед движет им. Он не помнит, есть ли другие гиганты кроме него.

Ему пора вставать.

Глаза с трудом раскрываются, засыпанные землей, покрытой травой. Несколько мелких зверьков, что устроились на ней, испуганно убежали прочь.

Зеленые глаза внимательно всматриваются в реальный мир. Сладкое чувство после пробуждения все еще наполняло тело гиганта, которому было тепло и уютно под покрывалом леса. Вставать не хотелось, и даже немного шевельнуться. Несколько десятков лет великан пребывал в таком состоянии, то закрывая, то открывая глаза, но затем решил встать.

Он медленно поднял руку, высвободив ее из толщи холма, поднес ее к голове. Там рос древний, могучий лес, непроходимый и густой.

Рука приблизилась к этим деревьям и провела по ним, как это делают люди, проводя по своим волосам. И уже не несколько зверьков, а тысячи птиц сорвались со своих мест, потревоженные таким прикосновением.

Гигант смотрел, как птицы улетали вдаль. Ему стало очень грустно, и ему показалось, что эти деревья есть часть его, словно его собственные волосы.

Здесь, на этом месте, ему стало так хорошо. Такие прекрасные сны снились ему, в которых он был не одинок. Может, это и есть цель его путешествия, конечная точка маршрута.

Великан вернулся в прежнее положение и стал ждать.

Птицы вернулись к насиженным местам. Встать и уйти из этого места будет означать разрушить его, вновь совершить акт уничтожения.

Нет, гигант принял решение остаться. Прежде чем он снова закрыл глаза, пошел дождь, сделав мир этих лесов и долин, размытым, но от того не менее прекрасным.

Гигант чувствовал умиротворение и спокойствие.

Катапульта

Маленький капитан был на своем посту. Он находился в полукруглой нише, скорлупке своего корабля.

Эта скорлупка стояла на земле, присоединенная к изогнутому стволу дерева. Дерево, тонкое и гибкое, представляло собой дугу, к верхушке которого и был присоединен корабль.

Капитан знал, что если потянуть за один из рычагов на его корабле, то можно освободить это дерево от всего того, что сковывало его, и отправить суденышко в полет. Но он еще не делал этого и ждал, сам не зная чего. Зимой его корабль засыпало снегом, и он прятался в одной из кают. Когда наступила весна, корабль, привязанный невидимой нитью к вершине дерева, плавал в потоках тающего снега. Время для полета еще не пришло.

Капитан любил этот лес, на который каждый день смотрел с палубы своего кораблика, и с ужасом думал о том, что когда-нибудь ему придется запустить механизм дерева-катапульты. В это жаркое лето такой момент пришел.

Едкая дымка наполнила лес, да так, что дальше ближайших деревьев ничего не было видно. А затем и оранжевые всполохи огня показались за этой серой завесой. Жар, что шел от них, напугал капитана, который заспешил к рычагу. Ему было больно покидать этот милый лес, и то ли от едкого дыма, то ли от печали его глаза заслезились.

Языки пламени уже подобрались к дереву-катапульте, когда рычаг был повернут. В тот момент дерево освободило всю свою мощь, выгнулось в мгновение ока и запустило скорлупку ввысь.

Она взлетела над всеми деревьями леса и, не останавливаясь, полетела за облака, туда, откуда эта скорлупка и прибыла на землю. Вынырнув на обратную сторону облаков, она поплыла по воздушному океану. Свист ветра утих, наступила тишина.

Капитан вернулся домой, в высь, которую уже успел порядком забыть. Он взял курс в бескрайнем пространстве облаков, но сам думал о том, что уже скучает по лесу, по его зеленому цвету, по сменам времен года и тем живым существам, что наполняют его движением.

Ему не хотелось надолго оставаться здесь, в вышине, а потому он вел свой кораблик-скорлупку в те места, где облачный океан бурлил и пенился, в надежде, что сможет обнаружить путь обратно, вниз. Но ждать этого ему пришлось очень долго.

Дни сменялись ночами, а скорлупка с единственным членом экипажа, что гордо носил выданное им же самому себе звание капитана, дрейфовала по рыхлой поверхности облаков.

Но что-то изменилось, облака стали темнеть, и у капитана появилась надежда, что скоро он вернется на землю. Это было начало ливня, и на поверхности облаков образовались просветы, в один из которых попало суденышко.

Оно несло к земле, забрызгиваемое каплями дождя.

Посреди ночи корабль приземлился на землю. В темноте ничего не было видно, и капитан всю ночь ходил по палубе, слушая, как капли стучали по ней.

Утром, когда рассвело, капитан увидел, что приземлился на том месте, где раньше рос его любимый зеленый лес. Но теперь это была выжженная земля, темное пространство, покрытое пеплом.

Капитан расстроился, спустился с корабля и сел на пепелище.

От гигантов, что росли здесь, остались только головешки. Но тут его внимание привлекло кое-что.

Отряхнув пепел с ближайшего бугорка на земле, он увидел, что зеленый росток пробился наружу. Значит, лес обязательно восстановится, обрадовался капитан.

Вернувшись на свой корабль, он стал оглядывать окрестности, ожидая, что скоро эти места будут снова полны цветов, деревьев и создаваемых ими красок.

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск тридцать шестой (№ 1, 2024)

Главный редактор *О. А. Рябов*
Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Шеф-редактор *Андрей Иудин*
Макет *Арсения Костромина*
Дизайн обложки *Геннадия Щеглова*
Корректор *Лев Зелексон*

В оформлении обложки использована работа
Леонида Колосова «Это моя деревня»

Подписано к печати 05.06.2024. Выпущено в свет 27.06.2024.

Бумага 60x84¹⁷₁₆.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 1000 экз.

Свободная цена.

16+

Учредитель и издатель ООО «Книги»

Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2,

ООО «Книги»

Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,

428019, Чувашская Республика,

г. Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13